

ФАНТАСТИКА 86

ФАНТАСТИКА

86

ФАНТАСТИКА

86

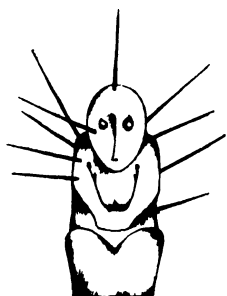
*Сборник
научно-
фантастических
повестей,
рассказов, очерков*

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1986

ББК 84(0)6
Ф 22

Составитель
ИВАН ЧЕРНЫХ

Художник
РОБЕРТ АВОТИН

Ф 4702000000—246 — 143—86
078(02)—86

.С) Издательство «Молодая гвардия», 1986 г.

ПОВЕСТИ
И РАССКАЗЫ

ЗАВТРАШНЯЯ ПОГОДА

*Светлой памяти академика
Михаила Александровича Лаврентьева
посвящается*

* * *

Человечество идет вперед, совершенствуя свои силы. Все это недостижимое для него теперь когда-нибудь станет близким, понятным, только вот надо работать, помогать всеми силами тем, кто ищет истину.

А. Чехов

Голубоватая от багульника тайга подступала к кварталам академгородка; на дальних просеках многолетний дерновник покрывал землю между прямыми, как карандаши, соснами, поблескивающими золотистой чешуей; осенним утром дерновник искрился от росы. Просеки-улицы с домами и скверами напоминали своей ухоженностью лесной курорт, и потому странно было видеть не прогуливающихся, а озабоченно спешащих людей, большей частью молодых.

Профессор Владимирцев шагал широко, размашисто, и шаг его был радостно-пружинящим. Алексей Александрович, окрыленный неожиданной удачей, еле сдерживал мечтательную улыбку. Сегодня утром на лист бумаги легло несколько торопливых строк. Это были формулы, цифры...

...Как обычно, выбегая утром на зарядку в дальние аллеи, Владимирцев положил в нагрудный карман куртки-штормовки миниатюрный радиоприемник. Утром радио заменяло ему просмотр газет и не мешало заниматься зарядкой, которую Владимирцев и любил, и считал незаменимой при его образе жизни. В это утро среди различных сообщений в обзоре событий минувшего дня одно сразу привлекло внимание Владимирцева: во время пронесшегося над Бангладеш тайфуна погибло двадцать пять тысяч человек!..

Журналист в заключение философски заметил, что и в век научно-технической революции человечество не властно над силами природы и, похоже, не в силах их одолеть, лишь фиксирует ее печальные победы... Владимирцев вспомнил алтайского астронома и метеоролога Андрея Васильевича Дьяконова, который удивлял своими почти безошибочными прогнозами. Вот если бы ему дали возможность оповещать о погоде! Он по крайней мере хотя бы предупреждал об опасности. Что дало бы его предупреждение? От стихии, конечно, не уберечь поля, дороги, города, но все-таки к неожиданностям ее можно подготовиться...

И тут Владимирцев будто споткнулся, его остановила неожиданно возникшая мысль. А если попробовать лазером резать око тайфуна?... Множество лазерных установок несут на кончиках своих лучей-шпаг пылинки вещества...

Домой Владимирцев уже бежал как одержимый — кажется, он нашел еще одно и, быть может, самое необычное применение лазерам. Дома записи обрастали неожиданными схемами, расчетами, подробностями, которые даже при яростной взыскательности Алексея Александровича показались ему интересными. И фантастическими одновременно.

Поспешая в свою лабораторию, Алексей Александрович продолжал продумывать варианты решения новой идеи (Владимирцев не любил слова «гипотеза» — уж очень академично, безапелляционно). Алексей Александрович несколько раз останавливался и делал в блокноте записи, он не столько опасался, что выкладки как пришли, так могут и уйти, забыть, сколько хотел, чтобы фантастическая идея обрела реальные черты. И быть может, воплотилась в жизнь. Он старался сдержать свое воображение, чтобы не заглядывать слишком далеко, но мысль не поддавалась управлению, она влекла его в будущее...

Привычно взглянув на часы у перекрестка, Владимирцев самобичующе отметил — он опоздал на работу на два часа. Это было невероятно, он всегда и во всем был пунктуален и того же требовал от других. Обгоняя прохожих, мысленно чертил схемы, перебирал в уме формулы и испытывал чувство радости, что нашел еще один путь — спаренную работу лазера и магнита. Конечно, потребуется это испытать, но... кажется, на бумаге все верно... вроде бы верно... Это был новый поворот той же мысли.

В вестибюле физико-технического института с ним поздоровался коллега, но Владимирцев ответил не сразу: «Простите, Павел Николаевич, здравствуйте...» — и они разошлись.

Легко шагая через ступеньки, Владимирцев наконец оказался у дверей лаборатории.

За полтора десятка лет работы в физико-техническом он прошел путь от аспиранта до профессора, доктора наук, заведующего одной из основных лабораторий инфизтеха — так сокращенно называли между собой физико-технический институт молодые ученые академгородка. К этому поколению воспитанников сибирской академии принадлежал и Владимирцев.

— Привет! — Владимирцев перешагнул порог своих владений и устремился к стенду, на котором лаборанты собирали новую лазерную установку. Сотрудники чуть ли не хором сообщили, что несколько раз звонила секретарша директора института и просила Алексея Александровича зайти к шефу.

— Что стряслось? — поинтересовался Владимирцев.

— Не знаю... — Рената Михайловна вглядывалась в возбужденного Владимирцева, пытаясь догадаться о том, что же его так взволновало.

Расспрашивать его сейчас было бесполезно. Позже он сам расскажет, что случилось. У них друг от друга тайн не было.

— Ну ладно, пойду на ковер...— произнес Владимирцев, но еще задержался и спросил: — У нас никаких происшествий?

— Все как всегда...— ответила Георгиевская.

II

Когда Алеша Владимирцев после окончания университета появился в физико-техническом институте, на него обратила внимание Рената Георгиевская. Не мог ей не понравиться «светящийся юноша», как о нем сказал профессор Димов, который стал научным руководителем Владимирцева. Савелий Власьевич Димов представил юношу на заседании сектора и сказал, что Владимирцев, воспитанник физико-математической школы-интерната при Новосибирском университете, ныне с отличием окончил физфак, проявил интерес к квантовой электронике и в лаборатории Сергея Сергеевича Алисова, кандидата наук, будет заниматься лазерами. Тогда это было темой номер один.

Заведующий лабораторией Алисов был в отпуске, и Димов поручил «коллеге Георгиевской» ввести Алексея Александровича в курс дела. Почтенный профессор Димов, ему тогда было уже около восьмидесяти, сохранил манеры старой русской профессуры: до переезда в Новосибирск он жил в Ленинграде, его считали представителем второго поколения школы ленинградских физиков; теперь Савелий Власьевич помогал в создании школы физиков в Новосибирске. Рената Георгиевская после окончания университета в Ленинграде, где прежде вел курс профессор Димов, отправилась вслед за своим учителем. Ко времени появления Владимирцева в физико-техническом институте Георгиевская уже готовилась к защите диссертации.

После заседания сектора Рената привела Владимирцева в лабораторию № 6 — полуподвальное помещение, разделенное на отсеки, и, смущаясь, спросила: «Хотите кофе?» — «Знаете, давайте посмотрим...— неожиданно предложил Владимирцев,— а потом за кофе поговорим... Не возражаете?» Рената кивнула. «Простите, ваше имя, отчество?» — спросил Владимирцев. «Рената Михайловна... Можно и без отчества... Это Савелий Власьевич нас стал величать с отчеством...»

Она указала на дверь: «Здесь первая установка, но Алисов Сергей Сергеевич просил без него не запускать... И еще могу показать две, которые мастерят наши механики...» Рената подумала: «Наверное, считает меня старухой! Года на три я его старше. Еще эта моя дурацкая прическа и нескладный костюм!...»

Владимирцев расспрашивал, как действуют новые установки; Рената не могла исчерпывающе ответить на его бесчисленные вопросы. Владимирцев поинтересовался: может ли он ознакомиться

с материалами разработок? Рената объяснила, что чертежи в механической мастерской.

Георгиевская понимала нетерпение нового сотрудника, его желание поскорее вникнуть в суть того, чем занимаются в лаборатории. Рената мимоходом разглядывала Алексея. Ей было обидно, что на нее он внимания не обращает, поглощен лазерной установкой. Владимирцев склонился над лазером: высокий, худой, с копной русских волос.

На Владимирцеве была скромная темно-синяя куртка, свитер и потертые, но отглаженные брюки, начищенные черные туфли, видимо, в связи с торжественным вступлением под своды инфизтеха, о котором, похоже, он мечтал, как и многие молодые физики. Рената не могла себе представить, что так увлеченно можно изучать установку: лазерную головку, оптическую систему, управление, систему охлаждения.

Обернувшись к Ренате, сказал: «Так это для сверления отверстий в алмазах...» — «Да-да... разве я вам не сказала?» — «Подобную установку я видел, когда был на практике. А теперь, если можно, угостите меня кофе...» Владимирцев присел у стола, где обычно лаборанты вели записи.

Время было уже позднее, и лаборатория опустела.

Владимирцев все оглядывался, потом спросил: «Вам помочь?» — «Нет-нет...» — Она, присев у тумбочки, перебирала банки и огорченно сообщила: — А кофе-то у нас кончился...» — «Не беда... Можно зайти в кафе «Интеграл». Вы, кстати, где живете?» — спросил Владимирцев. «Мне дали комнату в нашем институтском доме», — ответила она. «А мне предстоит переезд из университетского общежития тоже в институтский дом... тот, что на Хвойной...» — «О-о-о! И я там живу! Будем соседями».

Рената часто вспоминала первую прогулку с Алешей Владимирцевым по вечерним улицам академгородка, когда они вышли из института и долго бродили темной летней ночью.

...Алексей Владимирцев легко вписался в коллектив инфизтеха, людям импонировала его искренность, необыкновенная работоспособность, он не только вел испытания, разработки под непосредственным руководством Сергея Сергеевича Алисова, заведующего лабораторией, но и охотно помогал институтским механикам, а то, случалось, и убирал в лаборатории. Научные сотрудники оценили во Владимирцеве страсть к поиску, в который он включал всех, не боясь, что авторство открытия придется делить с другими. И уже никого не удивляла биография Алеши: в шесть лет пошел в школу, проявил незаурядные способности. Мудрые школьные учителя и рекомендовали Владимирцева в физматшколу-интернат при Новосибирском университете, который стал органической частью научного центра Сибирского отделения Академии наук СССР. Все это, как и многое другое об Алешиной жизни, в инфизтехе узнали от его товарищей, которые выделяли Владимирцева и в школе-интернате, и в университете.

Ренате Георгиевской он рассказал о прочитанном. Много из названного им Рената не успела прочесть. «Надо,— сказал Владимирцев, услышав ее признание,— надо знать о времени, в которое мы живем... Можно успеть, только иметь пожестче расписание, ну и, конечно, выполнять его». Рената, вздохнув, сказала: «Но у меня нет такой... собранности, как у вас... Мне, конечно, тоже хочется все успеть. Ведь молодость проходит... Знаете, наш завлаб Алисов говорит, что умные живут, а дураки только собираются...»

Когда они проходили мимо огромных витринных стекол кафе — от тротуара до карниза крыши, Рената заметила в этом «зеркале» себя, идущую рядом с «милым, стройным», так мысленно она уже стала характеризовать Владимирцева, и подумала о том, что Алеша, который много лет прожил в этом районе, будучи студентом, прогуливается с нею не оглядываясь... Значит, у него нет девчонки? У входа в молодежное кафе Владимирцев встретил знакомых по университету ребят, они с любопытством посмотрели на Алешину спутницу; Владимирцев представил ее своим знакомым: «Моя начальница... сотрудник сектора».

Устроились за двумя соседними столиками. Из разговоров Рената поняла, что к Алеше относятся серьезно.

Владимирцев быстро освоился в лаборатории. Вернувшийся из отпуска заведующий лабораторией Алисов обстоятельно беседовал с Владимирцевым, и поначалу это походило на вступительный экзамен.

Обнаружив в новеньком недюжинные знания, собственное разумение проблем и жесткий характер, Сергей Сергеевич Алисов по достоинству оценил Владимирцева, но подумал, что с ним будет нелегко. «Неуправляем... станет яростно спорить...» Алисов предложил: «Для начала освоитесь, помогайте Георгиевской. У нее интересная и, я бы сказал, оригинальная работа. Новое направление...»

Недели через три после этого разговора Алисов положил на стол Владимирцеву папку с разработкой твердотельных лазеров, как импульсных, так и непрерывных: «Помогите, Алексей... Может быть, вам удастся найти какое-то решение». Владимирцев полистал папку, углубился в чтение, но ничего не сказал. А через несколько дней пришел к Алисову:

— Спасибо, Сергей Сергеевич. Это интересно... хотя еще не знаю, по моим ли зубам.

— А когда же пробовать зубы, как не в молодости. Это очень нелегкая проблема.— Алисов указал на папку.— Есть сторонники жидкостных лазеров, и они по-своему правы.

— Простите, Сергей Сергеевич, вы даете мне материал только для знакомства... чтобы высказать... если что-то найду? Или я смогу над этим работать?..

— Будет видно... Над этим бьются в разных краях, и даже сантиметровой шаг означает успех.

Но здесь Владимирцева успех не ждал. Освоившись с материа-

лом, изучив отчеты других ищущих в этом направлении ученых, он пытался вырваться за круг их безуспешных поисков, найти свежий подход, но не видел его и, несмотря на, казалось бы, тренированное упорство, приуныл. Он был убежден, что новый путь есть, но его надо было найти.

— Даже если вы отвергнете то или иное найденное решение, это также успех. Значит, другие не будут тратить силы, чтобы топтаться на ложном пути, — сказал как-то Алисов.

— Это слабое утешение, Сергей Сергеевич, — ответил Владимирцев. — Я еще попробую. Во всяком случае на бумаге... просчитаю. Ведь пока ни одного опыта, испытания не проводил, все прикидки по чужим данным.

— Вскоре освободится установка Павла Николаевича, и я договорюсь с Савелием Власьевичем, чтобы вам дать материалы и лаборантов. А вы еще подумайте и подготовьте на всякий случай план своей работы. Конечно, скромный, без гигантомании. — Алисов оглянулся, услышав голос Рогатина, окликнул его: — Павел Николаевич, пожалуйста к нам!

Невысокий крепыш с квадратными плечами штангиста, Павел Николаевич Рогатин, недавний аспирант, как и Георгиевская, был уже самостоятельным научным сотрудником лаборатории.

— Павел Николаевич, вот теперь эта злополучная папка досталась Алексею Александровичу...

— Пробный камень! — хмыкнул Рогатин.

— А вы, Павел Николаевич, тоже сидели над этим?... Владимирцев поднял папку.

— Все над этим сидят. У Сергея Сергеевича это как дополнительный билет... на засыпку, мол, если хочешь получить пятерку с плюсом.

— Мы надеемся на свежесть мысли, — как бы оправдываясь, заметил Алисов. — Может быть, новый исследователь, еще не отягощенный привычными мерками, по-иному взглянет на вещи... А вы, Павел Николаевич, зло шутите. Я думаю, что Алексей Александрович справится...

— Шарада, — усмехнулся Владимирцев.

— Полезная, Алексей, — добавил Рогатин. — По касательной эта шарада может вывести в интересную сторону.

— Вас она вывела? — жестко спросил Владимирцев.

— Во всяком случае, на кое-что натолкнула, — ответил Рогатин. — Вот, идемте покажу, — предложил он Владимирцеву. — Мы и сами погуларим, Сергей Сергеевич, — предложил тяжеловес и указал Владимирцеву на свой отсек. Владимирцев уже отметил, что Рогатин рядится под простачка и манерой держаться и говорить, но за короткое время Алексей уже успел стать свидетелем того, как мало это отражает его внутреннее «я».

В отсеке Рогатин негромко по-дружески сказал Владимирцеву:

— Вы не думайте, что это алисовская ловушка... Это по делу. Он сразу бросает вас на стремнину. Но утонуть не даст.

— Я не увидел иного пути, кроме тех, которыми шли другие,— в растерянности признался Владимирцев.

— Кое-какие мыслишки у меня появились. Могу высказать. Вот через часок доведу дело до конца и сядем. А?

— Спасибо, Павел Николаевич.

— Слушай, брось ты меня величать по отчеству. Нам на поклоны и на распетюкивания нет резона времени терять. Давай мы с тобой будем попроще.

— Хорошо,— улыбнулся Владимирцев.— Попробую.

— Ну и добро, значит, через часок,— Рогатин направился к своей установке.

III

Владимирцев получил комнату в коммунальной трехкомнатной квартире в доме, который находился рядом с домом Ренаты Георгиевской. Она взяла шефство на устройством жилища Владимирцева: у завхоза института выкланчила старые списанные стол и стулья, тумбочку; купила кастрюльку, кофейник и сковородку. Рената сказала, что следует устроить новоселье. Владимирцев не сопротивлялся, и в ближайшую пятницу прямо с работы к нему отправились коллеги по сектору, предводительствуемые профессором Димовым. Рената так увлеклась заботой о Владимирцеве, что вела себя уже как хозяйка, и это не осталось незамеченным, даже Димов заметил это и порадовался, что «у ребят все славно складывается». По-соседски Рената стала частенько заходить к Владимирцеву: «Вот картофельных оладьев напекла и дай, думаю, осчастливию отшельника...» Алеша благодарил, отказывался от забот и был сдержан. Какое-то время Рената решила не обременять его своим вниманием, но и это осталось им незамеченным — он был вежлив, добр, однако никаких попыток изменить отношения с Ренатой не предпринимал.

Проходила неделя за неделей. Владимирцев вновь и вновь углублялся в варианты разработки твердотелых лазеров, даже сделал таблицу — свод получения и применения уже известных, импульсных и непрерывных, но свежего оригинального решения не находил. Много времени поглощали чужие опыты, в проведении которых он помогал, одновременно надеясь: может быть, во время этих работ что-то «по касательной» натолкнет его на свежую мысль.

Забрезжила идея, весьма призрачная, когда Георгиевская добилась как-то генерации при накачке солнечным светом. У нее не получался непрерывный режим, и Владимирцева это заинтересовало. «Какая-то химеричность — накачка солнечным светом... Это ближе к фантастике, чем к реальности... Хотя Солнце, именно оно привело Дьяконова к истинным открытиям...» И Владимирцев снова и снова вспоминал алтайского ученого, который сделал удивительные открытия, несмотря на то, что не имел для этого подхо-

дящих условий. Его точнейшие прогнозы запрашивают из многих краев страны, из-за рубежа... «А я беспомощен». Владимирцев невольно принялся оценивать работы других научных сотрудников, аспирантов, чтобы понять, на что он сам способен; сомнения в себе его не покидали.

Беседы с Павлом Рогатиным были очень интересными, но «по делу» не привели к желаемым результатам. В Рогатине Владимирцев ощущал недюжинную силу, мысленно назвал его «думающим крепышом», а себя «хлипким сомневающимся».

За несколько месяцев работы в лаборатории Владимирцев вник в ведущие здесь исследования, изучил экспресс-информацию, профилирующие журналы, и у него стало складываться впечатление, что «во многом это вчерашний день». Похоже, в других институтах поиски идут на более высоком витке. Он не знал, как сказать об этом Сергею Сергеевичу Алисову или профессору Димову, который каждый раз, как встречал Владимирцева, спрашивал: «Ну, что интересного poznали?» Алексей подготовил обзор работ, ведущихся в аналогичных лабораториях других исследовательских центров. Получилась краткая статья-перечень. Алексей решил показать ее Ренате.

Она прочла и ахнула:

— Такой «конduit» — может быть воспринят как бунт молодых.

— Ну и что? — засмеялся Алексей. — А то будут идти годы, и мы будем топтаться на месте...

— Поговорите с Сергеем Сергеевичем; в конце концов он должен все понять. Только помягче, он самолюбив... Вы как бы спрашиваете его совета, над какой из этих тем вы бы могли работать. Попросите его стать вашим научным поводырем...

— Я понимаю так, — заметил Владимирцев, — мне указали направление, в котором я бессилен найти новое. Наверно, я бестолочь!.. Просить о вольном поиске, мне кажется, я не имею права. Знаете, Рената, я просто запутался. Сергей Сергеевич надеялся, что я свежим взглядом что-то увижу, а я ничего не вижу и лишь навожу ревизию на чужие работы...

Ренате было жаль парня, она участливо спросила:

— А раньше у вас были какие-то свои идеи, задумки? Над чем бы вы хотели работать?

Владимирцев долго молчал, наконец ответил:

— Сейчас, вникнув в десятки чужих работ, кажется, я потерял даже то, что слабо-слабо брезжило.

— Может быть, расскажете мне об этом? Не потому, что я смогу помочь, а просто — легче выговориться и, таким образом, воскресить прежнюю свою идею?

Владимирцев тепло посмотрел на Ренату:

— Что же я вам буду морочить голову? У вас своих забот хватает...

Но остаток дня они провели в Ренатиной загородке. Владимир-

цев рассказывал, что его интересуют возможности лазерного луча — его длина, его «колея»...

— Мне всегда хочется делать что-то конкретно применимое, а не вообще. В институте должны стремиться не только к фундаментальным исследованиям, но и к гипотезам, поискам, ведущим к реальным делам. Я ценю фундаментальные работы... Но... — горько усмехнулся Владимирцев.

Рената не утешала, она считала: прекрасно, что Владимирцев стремится к исследованиям, дающим практический результат, и ему следует работать прежде всего над теми гипотезами, какие он сам «родил». Посоветовала поговорить с Сергеем Сергеевичем.

IV

Такой разговор состоялся.

Выговорившись перед Ренатой, Владимирцев излагал Алисову ситуацию не столь удрученно, как раньше, но искренне признался, что чувствует себя беспомощным. Передавая Сергею Сергеевичу свои сравнительные записи, анализирующие направленность исследований, ведущихся в лаборатории Алисова, и то, что делают в исследовательских центрах других городов, Алексей заключил, что работы эти вторичны.

Алисов прочел странички, захмыкал и похвалил:

— Прекрасный обзор! Вы, Алексей, молодец... Вот только не учли работы уральцев... Ну что же, — Алисов потер нос, — полезный сравнительный анализ. Так над чем бы вы хотели работать?

— Мне интересно ваше мнение, — сказал Владимирцев. — Я, Сергей Сергеевич, недостаточно глубоко знаю предмет, — он указал на записи, — чтобы выбирать.

— Хотите, Алексей, мы вас пошлем в командировку? В Москву, Ленинград, Свердловск, Харьков. Посмотрите, что делают коллеги, приедете, расскажете нам. А здесь, как я понял, для вас ничего интересного нет. Во всяком случае, пока.

Несколько месяцев Владимирцев провел в командировках. Вернулся с почти готовым отчетом, но главное, с наметками предложений, чем бы следовало заняться лаборатории, используя уже сделанные другими открытия. Алисов предложил профессору Димову послушать отчет Владимирцева на секторе. Три дня шло обсуждение сообщения Алексея.

«Это было пиршество идей и гипотез», — скажет потом восторженный профессор Димов.

После дискуссии Рената предостерегла Владимирцева: «Смотрите, Алеша, как бы вы не превратились в лазерного ревизора и информатора. Нужно все же высмотреть свое дело... Мне по-прежнему кажется, что вы способны изобрести собственный порох».

Владимирцев чувствовал, что Рената Георгиевская стала его судьей, более важным, проницательным, чем остальные, поэтому он ей рассказал, что «папка» все же сыграла свою решающую роль.

Уже в командировке. Он, кажется, нашел свое дело, хотя и не мог объяснить, как это произошло. «Осенило — это не то... просто без всякой связи с тем, чем занимался в харьковских лабораториях, однажды, уже чуть ли не во сне, ясно увидел и понял световое давление лазерного луча... Почувствовал — вот оно... кажется, понял, что и как искать и чего можно ждать от поисков».

И Владимирцев занялся исследованиями светового давления. Предстояло проверить предположение. В начале он вел работы на установках импульсных лазерных лучей на углекислом газе, затем на другой установке — на неодимовых лазерах, излучение которых имеет меньшую длину волны. Владимирцев хорошо знал опыты со световым давлением, но как его практически увидеть, ощутить? И с детской непосредственностью он решил установить на пути луча хотя бы малый груз. Попросил лаборантку Зину Крашенкову, помогавшую ему, сходить в механическую мастерскую института и поискать там «какие-либо обрезки жести, тонкого металла... от штамповки... как маленькие копеечки...».

Когда лаборантка принесла «копеечки» из жести, Владимирцев выбрал самый крошечный кусочек, сумел устроить его на пути луча; включил установку, переместил «копеечку» на луч. И Зина даже завизжала: «Как здорово!» На ее восторженный клич поспешили в загородку Владимирцева другие сотрудники, заинтересовались, что произошло. Владимирцев молчал, он не спускал глаз с пошевеливающегося на кончике луча кусочка металла. Зина Крашенкова объясняла.

Реакция коллег была однозначной: «Не может быть!» Но у них на глазах Владимирцев сменил несколько «копеечек», и то, что «не может быть», вновь и вновь повторялось. И сразу стали эти эксперименты сенсационными — на луче лазера, направленном вверх, как на палочке фокусника, удавалось удерживать частицы металла весом в несколько миллиграммов. Их, как на подставке, удерживала сила светового давления, мощная сфокусированность луча. Нельзя сказать, чтобы подобный эксперимент был запланирован, — он родился экспромтом.

Много дней кряду Владимирцев и лаборантка Зина Крашенкова повторяли опыты, вели тщательные записи каждого из «сеансов». Владимирцев все еще не мог поверить, что случайно возникшее предположение об еще одном свойстве лазерного пучка так сразу и легко проявилось, даже когда он воспользовался металлическим кружком больших размеров, в две копейки. Наконец Владимирцев позвал Ренату Георгиевскую и Павла Рогатина и показал им «фокус». Рената, увидев, воскликнула: «Не может быть!» Рогатин качал головой: «Этот цирк обещает многое...» И Рогатин и Георгиевская стали смотреть на показатели приборов и просчитывать варианты светового импульса и электромагнитного поля в резонаторе.

Потом за опытами были приглашены наблюдать Сергей Сергеевич Алисов и Савелий Власьевич Димов. Владимирцев просил:

«Пока не нужно это... аттестовать. Нужно еще поработать. Я про-сил бы и товарищей подключиться. Вот если не возражает Рената Михайловна... Может быть, мы вместе и сделаем что-то путное». Сергей Сергеевич сказал, что Владимирцев в подпорках не нуж-дается, а если нужна помощь, то в лаборатории помогут.

Вечером в тот же день Рената зашла к Владимирцеву домой, по-соседски; Алексей восторженно принял одну ее идею и напо-ристо заговорил: «Если вы каждый день будете работать на уста-новке, появятся и другие мысли! А если будете в стороне... — он махнул рукой. — Это не принесет пользы!»

На следующий день Георгиевская участвовала в работе с рас-фокусированным лазерным лучом. Они направляли его наклонным в сосуд с водой, где удавалось удерживать пластину уже размером с пятикопеечную монету. Используя неодимовые лазеры, увеличили нагрузку и смогли удерживать все более и более тяжелые метал-лические пластины. Однажды, резко увеличив силу луча, послали пластину с такой силой вверх, что она рассклала металлический кронштейн светильника на потолке. Владимирцев и Георгиевская переглянулись и радостно рассмеялись.

Кажется, удастся нащупать неведомую возможность передви-жения тел в пространстве. В последующие дни Георгиевской при-шлось вернуться к своим назавершенным делам, и Владимирцев работал лишь с лаборанткой, все увеличивая вес пластинок и силу лазерного луча.

V

Нашей первой, главной задачей является развитие перспективной науки. Наша вторая главная задача заключается в том, чтобы видеть, что дает наука практике для жизни, и предлагать рекомендации о практическом применении научных достижений.

М. Келдыш

Однажды в лаборатории появился директор института Стани-слав Викторович Кутешов в сопровождении Алисова и Димова. Они наблюдали за опытами, а затем попросили Владимирцева: «Алексей Александрович, расскажите нам, каковы ваши предпо-ложения, что вы намерены еще искать?»

Алексей рассказал о предполагаемых направлениях поиска, главный из которых лазерная левитация; это может быть и транс-портная проблема, связь, измерительная техника и еще неизвест-но что могут дать последующие опыты. Станислав Викторович, поглаживая стриженные под бобрик, ежом торчащие волосы, во-лдился с мундштуком, заправлял все новые сигареты, но взгляда от Владимирцева не отрывал, кивал, соглашаясь с размышления-ми юности. Член-корреспондент Кутешов все новыми вопросами поощрял его рассуждения. Затем весомо сказал: «Вы нащупали неожиданно новую страницу в лазерной истории. Нужно попро-

бовать поискать все возможное. Мне кажется, что это будет и новой страницей нашего института. Не скупитесь на гипотезы и идеи».

Сергей Сергеевич высказал соображение о том, что «видимо, экспериментатору следует попробовать работать в разных средах... Возможно, в водном слое».

Владимирцев не сдержался и выпалил: «Замечательно! Не зря же я вас, Сергей Сергеевич, просил подумать...»

Ренате интонация Владимирцева показалась нескромной, во всяком случае, он терял дистанцию. «Это на него не похоже», — подумала она. Возбужденное состояние, похвала директора выбили Алексея из колен. Рената считала, что ни шумный успех, ни первое признание не дают право терять самообладание. А директор меж тем объявил: «Давайте сделаем так — сегодня же официально зафиксируем... не знаю, как и назвать... к примеру — тема Владимирцева. Это его работа и приоритет... Если Алексей Александрович не возражает, пусть подключается и товарищ Георгиевская. Простите, запамätтовал ваше имя-отчество?»

Конечно, лестно о себе было услышать подобное, но все же Владимирцев не чувствовал себя готовым сесть за диссертацию. Все, что было сделано в последние месяцы, он рассматривал как стартовый шаг. Нужно было не только понять, что может дать эффект, но и исследовать возможность работы полупроводниковых лазеров на коротких и сверхкоротких импульсах — «нужно было попробовать все буквы алфавита, не только «а» и «б».

Димов согласился с доводами Владимирцева и сказал: «Зная вашу скромность, не побоюсь сказать — мы считаем нужным выделить новую лабораторию, а для этого нужны и формальности и... приставка к имени, прилагательные. — Савелий Власьевич дотронулся до локтя Владимирцева: — Так что, дорогой, поторапливайтесь».

Вслед за этим начались формальности, связанные с патентованием «эффекта Владимирцева», согласно решению ученого совета института. Небольшая публикация об этом вызвала интерес среди физиков, и в институт зачастили коллеги из других городов. Владимирцев попросил Георгиевскую выступить перед ними от его имени, но она отказалась.

Рената Георгиевская защитила диссертацию весьма успешно, но продолжала разрабатывать свою тему. Особенностью научной школы Димова — Алисова считалось углубление научных разработок, поиски на сопредельных участках в смежных науках.

Окрыленный успешными опытами, Владимирцев довольно легко и быстро писал диссертацию, отдавая отдельные главы на просмотр Алисову и Димову; знакомилась с ними и Георгиевская. Покоряла четкость изложения и краткость формулировок, выводов, похожих на хрестоматийные определения. Даже то, что Владимирцев высказал обоснованные предположения об использова-

нии эффекта в различных сферах, не вызвало осуждения, хотя некоторые из гипотез Владимирцева выглядели уж слишком смело.

Присутствовавшие на защите диссертации ученые выдвинули предложение рассматривать работу Алексея не как кандидатскую, а как докторскую диссертацию. Соискатель даже испугался, но профессор Димов успокоил Владимирцева, шепнув: «Об этом говорили уже в президиуме Сибирского отделения...» Тем не менее вопросы Владимирцеву задавали много, и поначалу, еще не совладав с волнением, он отвечал вяло, но, освоившись, стал даже излишне фантазировать, чем чуть не погубил всю затею, особенно когда заспорил с оппонентами, маститыми учеными.

И все же ученый совет института единогласно проголосовал за присуждение Алексею Александровичу Владимирцеву степени доктора физико-математических наук. Не у всех это вызвало восторг, ибо «без году неделя» аспирант становился и формально ровнен с теми, кто отдал науке многие годы, прежде чем удостоился этой высокой степени. Чувствовалось, что даже доброжелательный Сергей Сергеевич Алисов, заведующий лабораторией, уже многие годы тому назад «остепенившийся», все же болезненно воспринял ошеломляющий успех своего ученика. Странно, радостно и огорчительно, но ведь все происходило «на глазах» Алисова, да и при его деятельном участии.

Рената Георгиевская радовалась больше других, но стала сдержаннее в своем внимании к Алексею, она не хотела, чтобы ее заподозрили: мол, тянется к «жениху». Шустрые лаборантки Владимирцева также старались оказывать ему внимание, но все тщетно — Алексей отшучивался и был сдержан, никого не выделяя, кроме Зины Крашенковой, безотказного помощника.

Высшая аттестационная комиссия долго не сообщала об утверждении решения ученого совета, и это беспокоило Владимирцева. Еще недавно он, не помышлявший о подобном взлете судьбы, да и не веривший в везение, приготовившийся «просто работать, искать», ощутил чувство, за которое сам же себя и корил. «Забудь обо всей этой суете,— велел он себе,— и работай!» Но работа, столь четко намеченная и так горячо поддержанная, вдруг разладилась, уровень в целом оставался высоким, но результатов не было.

Он решил испробовать левитацию на лазерных установках, предназначенных для зондирования, изучения турбулентности в высоких слоях атмосферы, и это поглотило мысли и чувства, пришлось засесть за изучение материалов нового раздела физики.

Может быть, в ином случае головокружительный успех Владимирцева и вызвал бы завистливые кривотолки, особенно среди его ровесников, но одержимость Владимирцева, его самоотрешенность в жизни и отзывчивый характер оберегали Алексея от подобных реакций, за него радовались. Владимирцев ни в чем не изменил-

ся — ни внешне, ни в манерах, ни в одежде, — он оставался аспирантом.

Работы Владимирцева привлекли внимание руководства Академии наук, и дирекции физико-технического института было рекомендовано создать новую лабораторию под руководством Владимирцева, где предстояло разрабатывать методы усиления и генерации электромагнитных колебаний; лазеры этой лаборатории обещали большой практический эффект, так как в отличие от других источников света позволяли получать световые волны с очень высокой направленностью и столь же высокой монохроматичностью...

Создание лаборатории Владимирцева оказалось каверзным делом: прежде всего Сергей Сергеевич не разрешал оголять свою лабораторию, но Алексей заверил Сергея Сергеевича, что он возьмет только тех, кого сам Алисов отпустит. Алисов оценил деликатность новоявленного коллеги и стал делить все по-родственному, отдавая тех, кто мог быть потенциальным разработчиком намеченных для лаборатории задач. Так в лаборатории Владимирцева оказались Георгиевская и Рогатин, оба близкие ему по характеру поисков научные сотрудники вместе со своими младшими научными коллегами, лаборантами и причисленными к лаборатории стажерами, аспирантами. Владимирцев стремился с первых дней завести такие порядки, когда каждый мог высказывать свои предположения, даже самые невероятные, но и каждый помогал коллегам по первому зову; здесь все работы должны были стать «нашими», здесь все думали, заботились о судьбе каждого сотрудника лаборатории. Это было и преемственностью традиций лаборатории Алисова.

Когда пришло сообщение ВАКа о присвоении А. А. Владимирцеву ученой степени доктора физико-математических наук, он сообщил об этом родителям, и они приехали в Новосибирск, чтобы вместе с сыном отпраздновать радостное событие. Отец познакомился с содержанием диссертации Алексея и изумился ее оригинальности, мать с гордостью занималась обстановкой скромного жилища и приемом гостей, его институтских и университетских товарищей. Родителям очень понравилась Рената, но обсуждать с сыном вопрос его женитьбы они не стали. В семействе Владимирцевых, людей сдержанных в проявлении своих чувств, убежденных в порядочности своего сына, его нравственности, вопрос личной жизни никогда не обсуждался, в этой семье было не принято вторгаться с советами в святая святых. Недолго погостив, родители вернулись в свой Новокузнецк.

В научных кругах быстро стало известно о молодом сибирском ученом, которому присудили сразу степень доктора физматнаук, — им заинтересовались журналисты. И первым, кто написал о Владимирцеве, был писатель Дмитрий Аничков. С тех пор Аничков постоянно поддерживал отношения с молодым ученым, собирался писать о нем сценарий фильма...

Во вновь созданной лаборатории Владимирцев продолжал изучать работы, ведущиеся в других институтах и исследовательских центрах на лазерных установках, но особенно те, что так или иначе могли «сосуществовать» с «темой левитации».

Рената Михайловна, как и прежде, была добрым советчиком и другом. В дни формирования Владимирцевым состава лаборатории она была в смятении и не могла ответить самой себе: хочет ли работать рядом с ним, вместе с ним или ей будет легче не видеть Алексея весь долгий день, не слышать его голос. И тут же себе возразила: было бы обидно, если бы Алексей не пригласил ее работать вместе: «а так есть еще надежда: уgomонится со своей левитацией. А может быть, просто привыкнет ко мне?»

Неужели он просто бесстрастный сухарь?.. Его такт и предупредительность раздражают».

Однажды Рената Михайловна привела к Владимирцеву сотрудника лаборатории механики, аспиранта Григория Шанежкина, который в первой же беседе с Владимирцевым раскрыл короб, полный идей, гипотез; их у него было так много, что он, как и недавно Владимирцев, не мог отдать предпочтение ни одной, хотя формально за ним числилась тема, которая и должна была стать кандидатской диссертацией. О приглашении Владимирцева перейти в его лабораторию Шанежкин обещал подумать. Но что больше всего удивило Владимирцева, так это «нечаянная» беседа Алисова, который без обиняков заявил: «Хотя вы и сбежали из нашей лаборатории, отпочковались, но, признаться хорошенько, меня заразили левитацией. Я о ней не перестаю думать. Отдельно этим заниматься, как конкурент, не хочу, но если не возражаете, я к вам прикну».

И вскоре оформилось содружество — Владимирцев, Алисов, Георгиевская. А Шанежкин, поразмыслив, решил не заниматься левитацией, его «посетила» другая идея, и ею он был захвачен.

Похоже, этот вдохновенный мечтатель был готов сорить научными идеями, но увлеченность терял довольно быстро.

Сергей Сергеевич Алисов, любитель каламбуров, «веселого оформления гипотез», вскоре положил перед Владимирцевым и Георгиевской странное на первый взгляд сочинение: «Программа ВАГ». Первая страничка была в мифистифельских рожицах, как в орнаменте, и это подчеркивало неофициальный характер написанного. Но дальше на шестнадцати страницах четко излагались направления изучения левитации и ее практического применения. Владимирцев с нарастающим возбуждением читал страницы и, еще не добравшись до конца, достал из стола толстую клеенчатую тетрадь, передал ее Сергею Сергеевичу со словами: «Это удиви-

тельно, до чего же близко мы с вами движемся». Алисов, хмыкая, просматривал записи Владимирцева, каждой «задумке» было отведено по несколько страниц, начинавшихся вклейкой. Сидевшая рядом Георгиевская, также просматривавшая «Программу ВАГ», присоединилась затем к Сергею Сергеевичу и стала просматривать владимирцевские записи.

«Думаю, одну букву нужно вычеркнуть, — смущенно сказала Рената. — ВАГ не получается... только ВА...» Алисов весело воскликнул, подлаживаясь под грузинский акцент: «ВА! Зачем так говоришь... ВА! Звучит как восклицание в лезгинке, а ВАГ — значительно!» Потом Сергей Сергеевич на правах старшего серьезно сказал: «Мы еще ничего толком не сделали. Но я просил бы раз и навсегда отбросить взвешивание на весах вклада каждого. Мы достаточно понимаем друг друга, знаем нравственную... нормальную температуру наших отношений. Повышенная щепетильность будет мешать делу. Даже если кто-то из нас станет злым оппонентом, это огромная помощь. Душ освежает... В нашем случае оберегает от ошибок. А теперь по делу. Эти мои странички — почва для дискуссии».

Результатом их общего согласия явилась нешуточная уже программа — план работ над тремя лазерными установками с системой левитации. Одна установка для обширного зондирования атмосферы планеты — «Погода», другая для решения транспортирования материалов — «Тележка», и третья установка для добычи и транспортирования ископаемых — «Бур-транспортёр».

Посторонний человек, непосвященный в тонкости дела, сказал бы, что один проект фантастичнее другого, но авторы проектов ВАГов смотрели на свои планы с надеждой.

Прошло более трех лет с того момента, как сложился коллектив ВАГа, и на традиционный вопрос: «Как успехи?» — все трое сдержанно отвечали: «Работаем, корпим, пробуем». Примерно так и обстояли дела.

За эти три года ваговцы сумели создать систему установок и приборов, с помощью которых они пробовали проводить опыты, не имевшие аналогов. На острие одних лучей ВАГ- I поднимались на заранее заданные высоты частицы различных реагентов, которые, словно лакусовые бумажки, определяли состояние верхних слоев атмосферы. И рядом идущие другие лучи снимали анализ с индикаторов, химических частиц.

Набор реагентов выбирали с химиками и метеорологами, которые проявили значительный интерес к работам ваговцев. Метеорологи сказали, что не очень верят в создание универсального аппарата, но готовы помочь: «Даже если вы сумеете вычленишь и определить хотя бы две-три позиции, мы скажем спасибо...» Ваговцы скрывали, что данный этап работы они рассматривают как промежуточный; им представлялось, что эффект левитации позволяет решить и более значительные задачи, но об этом они говорили только в своем узком кругу.

Первой задачей создатели ВАГ-1 считали проверку четкости его работы; опираясь на известные данные о роли и строении атмосферы, нужно было сопоставить данные, полученные с помощью своего прибора и с помощью другой аппаратуры — в тропосфере, стратосфере, мезосфере, термосфере и экзосфере. Толщу до двух тысяч километров ВАГ анализировал, как оказалось, неровно.

Владимирцев был убежден, что приборы лазерной левитации, в зависимости от выполняемых работ, могут быть не только стационарными, но и передвижными и даже портативными, подобно дорожному чемодану. Самостоятельно такую задачу ваговцы решить не могли и объединили поиски с сотрудниками механической лаборатории. Дело продвигалось неспоро, и сотрудники владимирцевской лаборатории едва не увязли в многотрудных поисках механиков, чаще всего методом «проб и ошибок».

Наконец, «пробная» система установок и приборов была подготовлена к полевым испытаниям. Директор института Кутешов собрал ученый совет, и вновь к ваговцам был проявлен интерес, хотя нашлось немало скептиков: неужели есть надежда осуществить так скоро фантастический план?..

Эти сомнения были и у самого директора института. Институтские работы не носили «оглушающего эффекта», не поражали воображение так, как работы, которыми занимался Владимирцев. Директор института напомнил Владимирцеву, что ассигнования, выделенные на первый этап работ лаборатории, почти съедены и нужны будут обоснования для новых ассигнований.

— Но вы обратите внимание на то, как разумно и экономно расходует лаборатория деньги и материалы, — отпарировал Владимирцев.

Кутешов, склонившись над столом, прочел: «Для того чтобы один человек открыл плодотворную истину, надо, чтобы сто человек испепелили свою жизнь в неудачных поисках и печальных ошибках». Вот так сказал наш славный соотечественник Писарев. Уж пожалуйста, не испепеляйте себя...» — пошутил на прощание директор института, ставя свою резолюцию — добро на полевые испытания системы аппаратов ВАГ-1.

VII

Ученый совет института разрешил полевые испытания, но получить «открытый лист» на их проведение оказалось делом хлопотным; прежде всего требовалось согласие ряда организаций: и ведомства по охране окружающей среды — Гидрометцентра СССР, и Министерства сельского хозяйства, и многих других. Только после дотошного знакомства с методами и масштабами испытаний, оговорив специально присутствие своих представителей на этих испытаниях, Гидрометцентр дал свое разрешение.

Владимирцев обстоятельно готовил отряд-экспедицию в Эвенкию, где на ограниченной территории предстояло проводить испы-

тания ВАГ-1. Опыт работы в экспедициях у Владимирцева был, еще студентом университета он каждое лето нанимался рабочим или лаборантом в экспедиции, снаряжаемые сибирскими научными институтами; это была не только основательная жизненная закалка, но и научная школа. Познания приобретались на практике у опытных, ищущих ученых, экспериментаторов. В одной из таких экспедиций, руководимой профессором Димовым, и решилась судьба Владимирцева; его полюбили в коллективе как безотказного помощника и надежного товарища.

Вертолетчики доставили отряд к нужной точке. И прежде чем приступить к устройству рабочих площадок и размещению ВАГов, Владимирцев организовал жилой городок. Несколько дней ушло на расчистку площадок, подведение к ним кабелей от передвижной электростанции. Сергей Сергеевич вместе с метеорологами наладил радиосвязь со службой погоды. Рената Михайловна занималась проверкой каждого из шести ВАГ-1, установленных веером на вершине лесистого холма.

И наконец наступил день испытаний. Ориентированием лучей ВАГ-1 занимался сам Владимирцев. Ровно в двенадцать часов дня по местному времени включили все шесть установок и стали следить за показаниями приборов, которые фиксировались самописцами. Высота лазерного луча была задана на десять километров, и посланные на острие лучей реагенты и параллельные лучи стали фиксировать атмосферное давление, температуру, влажность, но особенно четко направление воздушных масс.

Чтобы унять волнение, Владимирцев сжимал кулаки, он все еще не мог поверить, что установки ВАГ-1 сработали. Похоже, не все одинаково четко, но сработали. И Владимирцев нетерпеливо рванулся к установкам, проверяя показания приборов. Сергей Сергеевич, улыбаясь, стоял у одного из ВАГов. Когда Владимирцев из-за его спины взглянул на показатели, Сергей Сергеевич шепнул: «Не суетись, Алексей Александрович, все идет нормально... Хотя до триумфа еще далеко... Посмотри лучше на метеорологов». У соседнего ВАГ-1 дежурила Рената Михайловна. Рядом с нею стояли два метеоролога — почтенный ученый муж Иван Иванович Антипин и его молодой коллега Вадим Павлович Барышев. Оба лихорадочно записывали в блокнотах и переспрашивали Георгиевскую, верно ли они отмечают состав реагентов и показания приборов; было видно, что они изумлены происходящим.

Георгиевская вела наблюдения за действием приставки непрерывного напыления реагентов в зону лазерных лучей; их мелкие частицы превращались в нескончаемую оболочку, в которой двигался луч, увлекая вместе с собою в вышину все новые части самой оболочки. Над созданием этой приставки, казалось, несложного распылителя, похожего на пульверизатор, потрудились институтские механики, добываясь поступления в струю по всей окружности луча равномерного количества реагентов. Рената Михайловна,

наметившая принцип распылителя, теперь вновь и вновь испытывала его надежность.

Установки ВАГ-1 работали десять минут, затем их отключили, и лаборанты стали снимать ленты с самописцев. Всеми овладело нетерпение. Наконец на походном столе были развернуты шесть лент диаграммной бумаги, и Владимирцев вместе с коллегами и метеорологами принялись их изучать. Ленточные носители записей разными цветами отмечали показатели, которые даже опытные исследователи «на глазок» могли определить весьма приблизительно, точные данные можно было получить на дешифрующем аппарате с системой ЭВМ. Обсуждение результатов превратилось в вопли радости. Но Владимирцев старался погасить восторги — первые сеансы еще ничего не значат.

Об эффективности и надежности ВАГ-1 можно будет судить лишь после десятков сеансов, сравнения данных, полученных с помощью ВАГ-1, с данными обычных метеорологических средств соседних метеостанций... До обеда все шесть ВАГ-1 были подготовлены к работе, и было решено провести очередной сеанс в четырнадцать часов; режим работы установок через каждые два часа был намечен заранее. Обедали весело, Владимирцев был сдержан; новички — молодые сотрудники лаборатории, решили про себя, что их молодой шеф важничает. Рената Михайловна, сидевшая за обеденным столом напротив Владимирцева, как бы между прочим заметила: «Не могут без точной регулировки все шесть установок работать строго в одном режиме... И не зря говорят — переменчива как погода...» Владимирцев молча кивал, он был благодарен Ренате за то, как она это говорила — рассудительно, успокаивающе.

К сеансу включения установок все участники экспедиции были на своих местах и ждали команды. Занятые контрольной регулировкой установок, они не обратили внимания, что с севера, гонимые ветром, быстро приближались облака. И когда последовала команда Владимирцева, наблюдавшего за стрелкой секундомера, облака подошли к квадрату испытаний, повеяло полярным холодком, и вдруг ударил дождь.

Алисов крикнул: «Выключайте ВАГи!.. Зачехляйте аппаратуру!» Но это-то и не было предусмотрено, чехлы вместе с ящиками, упаковкой находились на основной жилой площадке. Владимирцев смотрел на небо, словно пытаясь понять, что же произойдет при встрече массы дождя с лазерными лучами, несущими реагенты. Взглянув на самописцы, он увидел, что вычерчиваемые ими линии заплясали в мелких зигзагах. Он скомандовал: «Не выключайте!.. — И уже спокойнее сказал: — Вы только посмотрите, что творится с самописцами».

Барышев вскинул руку к небу: «Взгляните на облака!.. В них словно бы вырезали куски. И полосы дождя будто обрезали...» Еще при первых его словах все перестали наблюдать за приборами и смотрели на облака. На небосводе происходило неожиданное:

точно над линией устремленных ввысь лучей дождь обрывался, и черточки-капли падали к земле лишь по бокам. Лучи, как волшебный меч, отсекали струи дождя. Впечатление было ошеломляющим. Метеорологи, удивленные больше других, знали, что подобный эффект достигается с помощью самолетов, разбрасывающих гранулы двуокиси углерода, которые и заставляют тучи пролиться дождем лишь там, где надо; метеорологи знали, как зенитные орудия противоградовых отрядов встают на пути стихийного бедствия, предотвращая градобой. Но то, что сейчас произошло...

Владимирцев вскинул руки и чуть не пустился в пляс:

— Здорово! Ребята, здорово!

Алисов, стоящий рядом, смеялся.

— Простите, Сергей Сергеевич!

— Нет, почему же, — ответил Алисов, — я тоже... еще не очень стар... Действительно, эффект непредсказуемый и пока необъяснимый. В этом действительно что-то есть. Выключайте! — скомандовал Алисов. — Как бы не испортить установки, ведь у нас многое не зачехлено.

— Выключайте! — повторил и Владимирцев.

— Давайте разбираться. Что произошло?.. Какая помеха... или «ошибочный», так сказать, элемент мог придать ВАГам новые свойства? — сказал Алисов, увидев, что Владимирцев возбужден настолько, что трезво взвесить случившееся не сможет.

И начался анализ — все о лазерах и мазерах, о световом давлении. Метеорологи недоумевали больше Владимирцева. Антипин и Барышев живописали, какие перспективы открывает «случившееся», — так называли работу ВАГов во время дождя.

В тот день новые сеансы отменили и осмотрели аппаратуру, не повредил ли ее неожиданно обрушившийся дождь. Случай вносил существенную поправку в намеченные испытания.

Метеорологи старались помочь в объяснении происшедшего. Владимирцев считал, что нужно вести сеансы включения ВАГов именно при прохождении облаков и проверить, перепроверить, что же может дать левитация в подобных случаях. Диаграммные бумаги «Дождя» (так теперь между собой называли эти записи) разглядывали и так и эдак, но без машинной дешифровки было не понять, как сработали реагенты, несомые на кончиках лазерных лучей, и причастны ли к случившемуся сами лучи лазеров.

Создатели ВАГ-1 обсуждали возможные варианты переориентации части приборов на работу с облаками.

В течение трех недель велись эксперименты. В любую минуту сотрудники экспедиции были готовы встретить облачный фронт.

И вот метеорологи, связавшись с коллегами на ближних метеостанциях, сообщили о непогоде; Алисов, Владимирцев и Георгиевская поспешили на пригорок, всматривались в далекий небосвод, ожидая приближения туч. Метеорологи во время сеансов включения ВАГов вели свои наблюдения.

Дважды удалось вызвать дождь из облаков, которые дождя не предвещали.

Исписали немало страниц, составляя свою часть отчета об испытаниях ВАГ-1. Договорились: до возвращения в Новосибирск, обработки материалов на дешифрующих машинах, а также совместного обобщения всего, что дала экспедиция, никаких заявлений не делать.

Обстоятельный отчет участников экспедиции был обсужден на ученом совете Сибирского физико-технологического института, а затем в Институте экспериментальной метеорологии. «Светлые головы» этого почтенного института многое подвергли сомнениям, но вскоре стали проявлять настойчивость, чтобы дальнейшие работы по совершенствованию ВАГов проводились под их эгидой. Патриотизм создателей ВАГ-1 по отношению к родному инфизтеху был столь пылким, что и более высокие научные инстанции пошли им навстречу, и было решено создать совместный, двух институтов, проект «Погода».

VIII

В науке должно нескать идеи. Нет идеи, нет науки. Знание фактов только потому и драгоценно, что в фактах скрываются идеи: факты без идей — сор для головы и памяти.

В. Белинский

Никто из ваговцев не стремился к рекламе своих работ, но слава о них распространилась быстро. О Владимирцеве и его коллегах Алисове и Георгиевской заговорили, как о людях, которые могут вызвать дождь и оградить от него. Подобное чудодейство привлекло к ним интерес и заставило Владимирцева основательно заняться небосводом, им начинала овладевать идея использования лазерной левитации в борьбе со стихией. Владимирцев смущался употреблять слово «гипотеза», уж очень величественно оно звучит. «Мы лучше останемся с идеями, — говорил он, — а если уж идея станет гипотезой, пусть другие об этом скажут».

Так вот эта идея вела к неперемennomу углублению в физику атмосферы и метеорологию.

Новый период научных исканий со временем Владимирцев, склонный к самоанализу и нередко к самобичеванию, объяснит себе сам: «Все, что делает бог погоды Дьяконов, во мне до поры до времени дремало. Я не собираюсь быть ни метеорологом, ни астрономом, но что-то языческое меня влечет в физику атмосферы. Не зря же над нами, русскими, бывающие в стране иностранцы острят, что мы любим слушать сводки погоды, словно каждый собирается сеять хлеб или совершить полет. Погода остается непредсказуемой и, к сожалению, совершенно неуправляемой. Какой бы была жизнь, если бы мы научились управлять погодой. Смешно! Рассуждаю, как ребенок и пустой мечтатель. А впрочем... Где-то прочел, что

первая сводка погоды появилась относительно недавно, менее ста лет назад, и составил ее в Магдебурге врач. Он создал метеорологическую станцию. Ее прогнозы печатала местная газета, которая первой в стране завела на своих страницах раздел метеосводок. Врач... и метеосводка. Вот так! Чего же я смущаюсь? Смогу ли я так отдать душу метеорологии, как Андрей Васильевич Дьяконов? Возможно ли соединение лазерной физики с метеорологией?»

В Москве регулярные метеорологические наблюдения ведутся уже более ста лет в обсерватории Сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева.

Сохранились записи о погоде, сделанные еще за 3000 лет до нашей эры. Первую в мире книгу о погоде написал знаменитый греческий философ Аристотель, она называлась «Метеорологика». В русских летописях первые свидетельства о погоде появляются в описании событий, относящихся ко второй половине IX века: «Были сильные и страшные грозы, ветры с вихрем, и много вреда от них было людям, животным и зверям лесным и полевым». Так сказано в Никоновской летописи, относящейся к 979 году. Регулярные метеорологические наблюдения в России начались во времена Петра I в Петербурге. Сохранившиеся записи о погоде берегутся в главной геофизической обсерватории имени А. И. Воейкова в Ленинграде.

Однажды Владимирцев прочел в журнале статью о проблемах создания физических основ для численного моделирования различных атмосферных процессов, и его «зацепило что-то о зарождении тайфунов». Импульса было достаточно, чтобы мысли об этой стихии — моментах их возникновения и развития — все более и более занимали Владимирцева. Со временем мысль превратилась в навязчивую идею, тем более что Алексей Александрович стал обзаводиться различными материалами, которые захватили его, даже в ущерб лаборатории. Владимирцев увлекся физикой атмосферы.

В фундаментальной библиотеке Сибирской академии Владимирцев вооружился книгами, журналами и узнал, что еще в двадцатые годы советские ученые вели работы в области теоретической турбулентности и вихреобразования в атмосфере; позже они применяли уравнения гидродинамики и термодинамики к анализу крупномасштабных атмосферных процессов, а затем и общей циркуляции атмосферы. В пятидесятые годы ЭВМ позволила применить численные методы прогнозов погоды, и тогда же началось лазерное зондирование, открывшее новые возможности изучения атмосферы, в том числе и облакообразования. Именно это занимало Владимирцева.

Еще больший интерес Алексея Александровича привлекли исследования по микрофизике облаков и успехи в практическом воздействии на облака и туманы, которые удавалось осаживать, — туман рассевали, облака, грозящие градом, проливались дождем.

В периодических изданиях Владимирцев надеялся почерпнуть сведения о ведущихся где-либо работах с применением лазеров, но ничего не нашел. «Неужели никто этим не занимается?.. Слишком важная проблема, чтобы она не интересовала других ученых». Найденные позже отчеты по Программе исследований глобальных атмосферных процессов, первой стадией которых был Международный атлантический тропический эксперимент в 1974 году и Муссонный эксперимент в Индийском океане в 1977 году, Владимирцев читал как захватывающий детектив: «Они искали, что и почему происходит. Стоит поискать, как этими процессами управлять... Неужели это невозможно?! Даже если удастся сделать самый малый шаг, это побудит искать и других... Почему я раньше не подумал о лазерных установках зондирования турбулентности в высоких слоях атмосферы, струйных течениях? Как близко иногда находится связь одного с другим и как редко мы ее обнаруживаем. Ведь соединение их... и эффекта поднятия на острие луча в атмосферу... частиц... может дать результаты».

Здесь Владимирцев обрывал себя, боясь даже мысленно произнести фразы о необычной своей «задумке».

В Сибирской академии своих воспитанников, ученых, подобно Владимирцеву, было уже несколько, и они стали примером для других молодых ученых, их знали, ими гордились; поэтому, когда Владимирцев отважился прийти на кафедру метеорологии университета, даже не знакомые ему сотрудники встретили Алексея Александровича приветливо. Он объяснил цель своего визита коротко: «Интересуюсь работой магнитно-ионосферной лаборатории».

Контакты смежных наук вошли в жизнь, но тем не менее самолюбивый Владимирцев боялся выглядеть дилетантом и при первых встречах на кафедре шутил, мол, физика атмосферы его... хобби.

Как-то на кафедре за чаем сотрудники разоткровенничались и рассказали, что их шеф, еще недавно научный сотрудник геофизической обсерватории имени Воейкова, весьма сожалеет, что согласился переехать из Ленинграда в Новосибирск; его жена отказалась за ним последовать. «Интимная тема оказалась сильнее научных перспектив», — не то с иронией, не то с горечью сказал доцент Шинкарев, почтенный человек, в прошлом сотрудник многих метеостанций на побережье Ледовитого океана.

Владимирцев сказал, что считает неэтичным обсуждать чужую жизнь, поступки. На что Шинкарев ему заметил: «Если бы я не знал вас еще в студенческие ваши годы, разве бы заговорил». Позже в университетской лаборатории магнитно-ионосферных исследований заведующая лабораторией Ильина без всякой связи с тем, что рассказывала о новых приборах и установках, вдруг сказала: «А вообще-то мы без хозяина... Наш новоявленный сибиряк, наш шеф, даже чемоданы не распаковал...»

Этот разговор оказался неслучайным. Вскоре Владимирцеву

предложили заведовать кафедрой. Алексей Александрович колебался недолго.

Университетская кафедра и лаборатории при ней под руководством Владимирцева наметили обширную программу изучения физических закономерностей процессов и явлений, происходящих в атмосфере, определяющих ее строение, свойства газов, составляющих атмосферу, излучение ее и радиацию, распределение температур и давления, но особенно интересы сотрудников университетской кафедры Владимирцева были привлечены к конденсации водяных паров, образованию облаков и осадков. Решающее влияние на эти научные устремления оказали недавние полевые испытания ВАГ-1 и тот шум, который наделали их результаты, опубликованные московскими метеорологами Антипиным и Барышевым; они предвещали «новую эру в работе метеорологов, их решающее влияние на формирование погоды». Со временем Владимирцев пригласил Антипина «оставить столичную суету и переехать в молодую научную столицу, где и жить и работать не менее интересно».

Не сразу, но Иван Иванович Антипин принял предложение Владимирцева и стал сотрудником кафедры.

В инфизтехе по-разному встретили известие о работе Владимирцева на университетской кафедре: одни понимали, что новое направление работы ВАГов требует и глубокого проникновения в смежную науку, метеорологию, другие при этом саркастически замечали: «Но зачем же становиться во главе кафедры?»

Георгиевская все более уходила в поиски применения лазерной левитации, она считала, что новое поколение лазеров, значительно более мощных, чем нынешние, поможет создать транспорт на... свето-паровой подушке. Владимирцев одобрительно относился к поискам Ренаты Михайловны, но порою, когда некоторые ее успехи с одобрением встречали на заседаниях сектора, а затем и на ученом совете института, понимал, что вскоре Георгиевская может «отпочковаться» со своими работами в отдельную лабораторию и он лишится надежного, мудрого коллеги.

Словно почувствовав эти опасения, Рената Михайловна сказала Алексею Александровичу, что ВАГи она никогда не оставит: «Просто я думаю и о другой нашей совместной ветви в лазерной левитации». Владимирцев рассердился и стал ей выговаривать: он менее всего претендует на «дележку»; «это ваш участок; если у меня появятся какие-то идеи, я их всегда отдам вам»...

Нелегко было Владимирцеву делить себя между двумя направлениями работ в физике — лазерной левитацией и физикой атмосферы. Лишь благодаря тому, что он неустойчиво помогал своим сотрудникам и на кафедре, и в лаборатории отыскивать «свою ниву» или приобщаться к чужой, вместе с сотрудниками старался доискаться направления, перспективы разработок, ему удавалось объединять коллег в работе. Они знали, что все поймет, поддержит Алексей Александрович, но только не преждевременные реля-

ции об успехах. Владимирцев спорил с нетерпеливыми администраторами от науки, когда они торопились отчитываться в свершениях, далеких от завершения... Эту его черту некоторые объясняли как боязнь «спугнуть удачу», но большинство понимали, что Владимирцев не хотел победной суеты, которая отвлекает от работы, от опытов, многократно повторяющихся, пока не удастся добиться точно выверенных результатов.

IX

Как знамение удачи воспринял Владимирцев появление очерка одного писателя об Андрее Васильевиче Дьяконове; название, правда, было удручающим — «Одинокый борец с земным притяжением», невольно наводило на мысль, что подобная участь может ждать и его, Владимирцева, вместе с ВАГами и невероятной системой управления погодой. Но как было не обратиться к опыту ученого, чьи предсказания погоды сбываются на девяносто процентов. К Дьяконову обращаются за прогнозами не только соотечественники, работа которых так или иначе связана с погодой-непогодой, но и многие астрономы и метеорологи, моряки зарубежных стран.

Давно состоялась первая встреча Владимирцева с Андреем Васильевичем, когда Алеша вместе со своим отцом путешествовал по Горной Шории и специально сделал «крюк», чтобы познакомиться с Дьяконовым.

Дьяконов помог и речникам Лены, предсказав ранний ледостав в низовьях реки, помогает и сейчас хлеборобам Полтавской и Свердловской, Московской и Волынской, десяткам областей и республик... Возвращаясь из экспедиции, Владимирцев решил побывать у Дьяконова.

Студент Владимирцев, добравшись до Темиртау, поселка в Алтайском крае, который давно называют за красоту «Русской Швейцарией», без труда разыскал «вещего человека», «бога погоды» Андрея Васильевича Дьяконова. Увидев его, Владимирцев растерялся — неподалеку от загородки, где стояла корова, вилами метал в кормушку сено невысокого роста человек, одетый совсем неподходяще для такого занятия — в белую сорочку с галстуком-бабочкой; он был в берете, из-под которого торчали густые волосы. Старик без удивления вопросительно посмотрел на незнакомого юношу и приветственно кивнул, продолжая метать сено в кормушку.

«Вы ко мне?»

«К вам. Вы... Андрей Васильевич?»

Паломники часто бывали у «бога погоды». Редко кто любопытства ради, но все больше тех, кто хотел понять, как работает астроном и метеоролог Дьяконов. То, что представляло их взору, удивляло: небольшая круглая башенка, сложенная из кирпича, небольшие раздвижные полушария и телескоп; рядом пристройка —

бревенчатый дом и неподалеку стога сена и загородка для скотины. Все это Владимирцев видел и тогда, когда побывал здесь с отцом, но теперь как-то острее поразило: «деревенская» жизнь Дьяконова и жизнь в молодом городе сибирской науки были разительным контрастом.

Три дня прожил Владимирцев у Дьяконовых, познакомился с его женой и одним из сыновей, старался быть не нахлебником, помогал по хозяйству, но главное — поднимался с Дьяконовым в башенку, смотрел на Солнце в старенький телескоп и слушал пояснения Андрея Васильевича об активности Солнца, рассказы о трудах классиков-метеорологов /оказалось, что он читает их в подлинниках, владея в совершенстве многими языками/. Особенно Дьяконов ценит труды ленинградки, ныне покойной, Элеоноры Лир... Андрей Васильевич объяснил Владимирцеву: на атмосферу Земли влияет неравномерное солнечное излучение, солнечные возмущения создают в атмосфере Земли возможность сблизиться холодным и теплым течениям воздуха и порождают аномалии в атмосфере.

Вспоминал Владимирцев об этих беседах не раз, но теперь, в связи с работой над проектом «Погода», особенно часто задумывался.

Х

Размышления ученого о проблемах двух направлений физики привели однажды к неожиданному открытию: использовать лазерную левитацию в борьбе со стихиями для управления погодой!.. Идея была столь неординарна, что он не рискнул поделиться ею, как обычно, она требовала продумывания, расчетов и серии опытов, но для последних было необходимо создать приборы, установки. Идея эта вполне реально опиралась, с одной стороны, на весомые, проверенные, отработанные принципы лазерной левитации, которой занималась лаборатория в физико-техническом институте, и с другой — работы университетской кафедры, где были созданы физические основы для численного моделирования различных атмосферных процессов. Теперь они определялись и квалифицировались с помощью ЭВМ. Широко использовались данные, получаемые с метеорологических искусственных спутников Земли с круговой орбитой высотой 500—600, 1200—1500 километров, с полосой обзора планеты в две-три тысячи километров. Теперь Владимирцева особенно интересовали данные, полученные с таких ИСЗ, как «Молния», ведущих глобальные метеорологические наблюдения с высоты сорока тысяч километров и дающих общую, цельную картину метеопроцессов в масштабе обширных регионов полушария.

Поглощенный новой и, как понимал Владимирцев, вселенской идеей, при удаче, конечно,— он напряженно ее прорабатывал, вел расчеты, составлял схемы, пока не пришел к выводу, что наста-

ло время и «затек» можно вынести на суд своих сотрудников и лаборатории и кафедры. В случае их одобрения просить желающих присоединиться и совместно проводить расчеты, опыты — «на равных проделать путь от идеи к свершению». Владимирцев ставил только одно условие: «Пожалуйста, поменьше восклицаний и побольше сомнений».

В один из дней Владимирцев собрал всех сотрудников кафедры и лаборатории. Улыбаясь, он сказал, что речь пойдет о «реальной фантастике или фантастической реальности».

На огромной доске были развешаны начерченные Владимирцевым схемы, карты: они были сделаны цветными фломастерами и походили на наброски в записной книжке инженера.

— Лазерная техника должна помочь делать погоду: локализовать зарождение тайфунов, регулировать выпадение количества осадков, предотвращать бури... Но следует помнить, что регулировать погоду в пределах страны, даже такой огромной, как наша,— невозможно, нужны большие масштабы.

Владимирцев глянул на лица своих сотрудников и, не заметив ироничности, подошел к огромному рисунку.

— Это принципиальная схема функционирования искусственных спутников Земли... Они озирают определенные участки земли, фиксируют состояние погоды. Нас интересуют нарождающиеся циклоны, тайфуны...— Владимирцев перешел к другой небрежно нарисованной схеме и продолжал:— Полученную информацию со спутников и тысячи метеостанций аккумулируют в центре управления. Их может быть несколько, в основном для тех регионов планеты, которые по уже имеющимся наблюдениям, как говорится, делают погоду. Это Атлантика, особенно северная ее часть, влияющая на погоду Европы, Африки, Северной Америки. Другой регион — экваториальная часть Тихого океана... Все это общезвестно...

Снова оглядев свою аудиторию, Владимирцев перешел к третьей схеме.

— Это наши ВАГи,— он указал на лазерные приборы,— одни из них установлены на искусственных спутниках Земли, другие — на поверхности земли, в основном на путях следования тайфунов, но особенно в известных местах зарождения непогоды. Мы с вами научились поднимать на острие луча лазера немалый груз. Так вот, лучи лазеров — их может быть сотня, тысяча, здесь еще требуется изучение и расчеты. Значит, лучи направляются в око зарождающегося тайфуна, лучи несут мизерные частицы двуокиси углерода. Об этих реагентах еще следует хорошенько подумать. Лазеры как ножи разрезают око тайфуна. Включается количество лазеров в зависимости от размеров зарождающейся массы тайфуна. Двуокись углерода или другой реагент заставляет нарождающиеся тучи пролиться дождем почти на месте рождения тайфуна, дождь как бы погасит температурные перепады, возможно остановит стремительное атмосферное давление... Но это действие первой

зоны лазеров, назовем ее: первая гребенка...— Владимирцев перестал указкой водить по схеме, он смотрел на своих сотрудников, ждал их энтузиазма или иронических взглядов, но большинство сидели в раздумье.— Еще более фантастическим может представить-ся вам действие второй зоны.

Владимирцев прошелся у схематично набросанной карты двух регионов, поднял указку и, водя ею, продолжал:

— И все же в первой зоне не удастся полностью расправиться с зарождающейся облачной массой, но главное — мы ослабили ее страшную стремительность. Вторая зона будет иметь иную задачу. И здесь возможны различные варианты. Если в первой гребенке мы пошлем вместе с двуокисью углерода небольшую массу пыле-образного металла, уходящие по обычным маршрутам облака понесут ее с собою.

Вторая гребенка лазеров и магнитных полей будет работать, как заслон на пути облаков. Их скопления магнитные установки направят в те районы, которые в тот момент больше всего будут нуждаться в дождях.

На следующей схеме Владимирцев пояснил, как магнитные установки будут переводить тучи из одного района в другой.

— Посланные с помощью ВАГов мельчайшие металлические частицы вместе с двуокисью углерода, отягощенные влагой, станут подвластны и мощному магниту. Магнитная волна приведет тучи в то место, где они прольются дождем. Магнит сможет удерживать тучи над нужной местностью сколько угодно, не давая облакам уходить в сторону. Мельчайшие частицы металла не окажут вредного влияния на биосферу, так как их общая масса в десятки раз меньше массы выбросов в атмосферу промышленностью, транспортом и другой деятельностью человека. Кстати, со стороны магнитобиологии не должно быть возражений, ведь мы не переступим через элементарные нормы.

Владимирцев, прислонясь спиной к кафедре, рассказывал:

— Когда я учился в физматшколе, помните, у нас бывали вечера невероятных теорий, идей, проектов... Давайте вспомним молодость, вернее юность, детство и пофантазируем. Только учтите, что сегодня эта фантазия уже опирается на многое свершенное: ну, во-первых, искусственные спутники и их возможности. Во-вторых, лазеры, с помощью которых мы можем и измерять расстояние до планет и поднять на луче лазера многие килограммы. В-третьих, все новые открытия в области магнитомеханических явлений. Вот такая задумка, друзья.

Первый раз Владимирцев видел своих сотрудников и коллег в столь затруднительном положении, он не понимал их сдержанности, особенно остряков, которые обычно и серьезные обсуждения, споры сопровождали шуткой. Владимирцев поощрительно улыбался молчаливым коллегам, ждал, потом спросил:

— Вы это не воспринимаете серьезно?

— Идея столь глобальна,— начал Алисов, сидевший в первом ряду,— что с ходу говорить затруднительно.

— Но смешным я не выгляжу? — спросил Владимирцев.

— Не то говорите, Алексей Александрович,— вскочил импульсивный Шанежкин.— Какие-либо расчеты вы делали?

— Пробовал...— Владимирцев хитро прищурился.

— Разрешите мне,— продолжал Шанежкин.— Конечно, по первому впечатлению проект сногшибательный, но не такой уж и невероятный. О работе спутников погоды не говорю. Это уже реально. Так же реально разбрасывание гранул двуокиси углерода, которые заставляют облака пролиться дождем в том месте, где нам нужно. Пример недавний — в день открытия XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов создали погоду по заказу, рассеяли тучи. Даже когда тучи прорывались в сторону Москвы, их догоняли самолеты и рассеивали. Это было сделано уже не раз. В некоторых странах также научились вызывать осадки. Мы знаем комплексы радары — ракеты, предназначенные для расстрела градоопасных туч. Как видим, к проблеме влияния на погоду подбираются, хотя и медленно, но все же... Но главное, Алексей Александрович смело взглянул на ВАГи. Мы ходили вокруг шажками, а здесь нужен смелый рывок. По-моему, это плодотворный путь. Нужно бы попробовать в двух регионах страны, подверженных нашествию стихий. Прежде всего на Дальнем Востоке, хотя понимаю, что набравший силу тайфун труднее погасить, чем зарождающийся. Второй регион — район Новороссийска и Туапсе, где свирепствует бора. Кстати, бора бывает и на Байкале, где ее называют сармой... И еще один аспект проблемы, признаюсь, он у меня появился, когда слушал сообщение Алексея Александровича, а сейчас... Нужно сочетание наземных установок и других, базирующихся на спутниках Земли, специально выведенных на орбиту. Это прекрасный наш ответ на затею со «звездными войнами»; возможно, мы предложим человечеству плодотворный путь мирного использования космоса.

Алисов вскинул руку в сторону Владимирцева и, не глядя на собравшихся, заговорил:

— Ну что же,— Алисов тер лоб,— как сказал бы Георг Лихтенберг, немецкий писатель, «общепризнанные мнения и то, что каждый считает давно решенным, чаще всего заслуживают исследования»... Мне это представляется очень... неординарным и несомненно смелым предположением.— Алисов почесал свой огромный с горбинкой нос, поднял палец: — Прекрасный энтузиазм! Но как довести наши ВАГи до той степени мощности... и совершенства, чтобы они были в силах выполнять задуманное? Мне симпатична серьезная реакция собравшихся.

Алисов долго стоял молча, потом обратился к Шанежкину:

— Коллега Шанежкин говорил мудро... И не каламбурил. Серьезное дело вызывает и серьезную реакцию. Знаете, я пол-

ностью поддерживаю высказывания Шанежкина и хотел бы дополнить примером доброго сотрудничества, я имею в виду программу КОСПАС — САРСАТ. В нашей стране поиск аварийных судов и самолетов. В США, при участии Франции и Канады, — аналогичная система САРСАТ. Обе системы могут работать независимо друг от друга и совместно. Мне кажется, подобно этим системам можно создать и международную систему обнаружения зародышей разрушительных стихий и совместного предотвращения стихийных бедствий, от которых страдают и США, и СССР, и страны Карибского бассейна и Индокитай.

Затем выступила Рената Михайловна:

— Кажется, Жюль Ренар сказал, что проект — это черновик будущего, хотя иной раз будущее требует сотни черновиков. Попробуем... Дело мне представляется перспективным. Здесь же нужно наметить пути решения многих вопросов международного сотрудничества, возможно, и зарубежные коллеги пожелают участвовать в этом проекте, в совершенствовании нашего ВАГа.

XI

Через несколько дней в газете появилась статья, в ней рассказывалось о состоявшейся встрече ученых института и университета. Статья начиналась цитатой, которую автор позаимствовал: «Научные открытия не являются во всеоружии в готовом виде, — анонимный автор цитировал академика В. И. Вернадского. — Процесс научного творчества, озаренный сознанием отдельных великих человеческих личностей, есть вместе с тем медленный и вековой процесс общечеловеческого развития... Научная гипотеза всегда выходит за пределы фактов, послуживших основой для ее построения...»

Велик был гнев директора института Кутешова! Почему Владимирцев заблаговременно не информировал его о совместном заседании, на котором обнародовал грандиозный проект?!

— Я что-то нарушил?.. — спросил Владимирцев.

— Странный вопрос! — сердито продолжал Станислав Викторович, потрясая газетой. — Мне звонят коллеги, спрашивают... да и руководство нашего отделения уже заинтересовалось, а я... Нехорошо, Алексей Александрович!

Заканчивалась статья неожиданной цитатой: «Журналист не должен торопиться порицать гипотезы. Оные единственный путь, которым величайшие люди умели открыть истины самые важные». Оказывается, это написал еще М. В. Ломоносов, оказывается, и в его время журналисты донимали... А тут журналист сам подчеркивал, что все написанное — предположение.

Кутешов вслух произнес последний абзац.

— Мне очень неприятно, — морщась, будто от боли, сказал Владимирцев, — что автор развешивает гирлянды превосходных эпитетов, особенно: «величайшие люди умели открыть истины са-

мые важные». Я попрошу опубликовать и наш ответ. Нельзя так девальвировать слово...

Станислав Викторович понимал, насколько реально и одновременно неосуществима задача: объединение усилий индустриально развитых стран, их помощь в решении этой проблемы развивающимся странам, которые, кстати, больше других страдают от непогоды... Шла речь и о том, что, по-видимому, должна быть создана международная организация, направляющая всю деятельность, согласовывая, координируя интересы государств всех континентов в погоде, сообразуясь с ресурсами Мирового океана.

То, на что бы не отважился скромный молодой ученый Владимирцев, мог позволить себе директор физико-технического института академик Кутешов /недавно избранный действительным членом Академии наук/, — он проинформировал высокие инстанции о работах, которые представляют не только государственный, но и международный интерес. И сразу же к идее Владимирцева было проявлено внимание — это поощряло оба коллектива: лаборатории и кафедры, которые работали с максимальной напряженностью, нередко без передышки, без отпусков.

В состав сотрудников проекта «Погода» вскоре после того, как он был включен в план инфизтеха, вошел также и Григорий Иванович Шанежкин, который, несмотря на обилие постоянно рождаемых собственных научных идей, так и не остановился ни на одной и охотно принял предложение Сергея Сергеевича Алисова.

Владимирцев никогда не был хлопотун, умеющим выбивать для себя жизненные блага. И когда ему в дирекции инфизтеха предложили переехать из коммуналки в отдельную квартиру, он огорчился — нескстати, придется терять время на переезд, обследование вещей, на устройство на новом месте. Конечно, в его небольшой комнатке-пенале уже не было места для книг, которыми он загромодил скромные книжные полки, углы, но переезд мешал сейчас работе.

Владимирцев рассказал Ренате Михайловне о своей заботе, и она обрадовалась за него и потащила Алексея Александровича смотреть квартиру в новом доме, в трех кварталах от прежнего места жительства. Ренате Михайловне понравилась двухкомнатная с огромным холлом, балконом-лоджией квартира, и Рената похозяйски стала объяснять, как следует обставить квартиру. Владимирцев опешил: до него вдруг дошел совсем иной смысл ее слов. Квартира... Семья... Эта мысль прожгла его. Владимирцев смутился, покраснел и готов был бежать из этой квартиры под любым предлогом.

Рената, словно почувствовав, что с Алексеем творится, деликатно покинула кухню.

«Но ведь дело не столько в этом! — переживал Владимирцев, чувствуя, что сейчас должно произойти их решительное объяснение. — Мы же никогда не говорили о любви... были просто товарищами... Не хитри! — тут же одернул себя Алексей Александрович. —

Или ты бестактный? Разве можно не замечать ее отношение? Но я же не давал повода,— новый виток самооправдания.— Что я могу сказать? Боже мой? Ведь начнется такое! Когда же заниматься? А как живут все люди, ведь норма жизни — он и она... и пеленки... А я не готов?»

— Рената! Рената Михайловна,— позвал Владимирцев, поднимаясь с корточек у плиты. Рената не откликнулась. Он обошел квартиру. Ренаты нигде не было. Он прислонился к косяку. «Представляю, иду по коридору с цветами, все спрашивают, в честь чего цветы, а я говорю: «Иду жениться!» Ничего себе, подходящее место и время... Значит, ты все-таки что-то решил?.. Нет-нет-нет!»

Владимирцев со злостью стукнулся лбом о косяк двери.

Он так и не решился прийти с цветами. Вернувшись в инфизтех, избегал встречи с Ренатой Михайловной, засел в своей загородке за работу. Потом пришла лаборантка от Алисова и позвала посмотреть очередной опыт. Возле установки стояли Алисов и Георгиевская. Владимирцев не заметил никаких перемен в ее поведении, словно и ничего не было, никуда они вместе не ходили...

XII

Именно в области научной мысли мы не должны бояться дерзать; мы только должны всегда помнить, что это дерзание, и не принимать его за реальность и за факт.

А. Ферсман

Неприятной неожиданностью для Владимирцева явилось письмо истинного «бога погоды» Дьяконова, который просил о возможности подробнее ознакомиться «с невероятными результатами вашего сражения с погодой». Тон письма, хотя и любезный, подвергал сомнению саму возможность решающего влияния на погоду «в нужных для деятельности людей масштабах. Вряд ли реально достичь положения, когда с помощью ваших механизмов осадки серьезно окропят землю, хотя бы район, там, где в этом есть нужда, и еще более невероятно, чтобы механизмы могли отвернуть беду непогоды, затяжные дожди в каком-то регионе»... Тот, кто все эти годы был для Владимирцева вдохновляющим примером жизни в науке, подвергал сомнению возможность воздействия ВАГов на облака да и всю работу ваговцев. Это обескуражило Алексея Александровича, но спорить с человеком которого он так высоко почитал, было как-то неловко...

Теперь Владимирцев, один из создателей ВАГов, замахнувшийся на управление погодой, вспомнив давнее объяснение Дьяконова, вдруг и сам усомнился: можно ли на Земле, вернее, в ее атмосфере перебороть то, что делает порой аномальная гигантская сила Солнца? Достанет ли силы ВАГов?.. Не произойдет ли каких-либо непредвиденных процессов в атмосфере во время направленного борения ВАГов с могущественными силами Солнца? Кого об этом

спросить, с кем посоветоваться? И мелькали успокоительные мысли: «Но не атомную же бомбу мы создаем!.. Мы ищем, как управлять стихией! И уже были результаты, были! И ничего не произошло, когда дождевые полчища облаков не пустили на поля, и облака опорожнили свои губительные дожди на тайгу. Почему же Андрей Васильевич в таком гневе? Ведь он не может быть не прав, он прежде не ошибался».

Владимирцев злился на себя, почему он в суете раньше не обратился к Дьяконову и не посоветовался с ним, ведь собирался даже пригласить его работать на кафедре? Хотел, но потом увяз в проекте. Это самонадеянность!

И Владимирцев решил побывать у Андрея Васильевича с материалами разработок ВАГов и отчетами об их испытаниях с участием метеорологов. Еще более постаревший Дьяконов встретил Владимирцева сдержанно. Беседа превратилась в экзамен.

— Как вы учитываете влияние солнечных возмущений? — спрашивал Андрей Васильевич. — Но самый трудный вопрос: куда будет деваться энергия, образуемая в результате ваших экспериментов, энергия, посылаемая на Землю солнечными возмущениями, энергия, обычно сближающая холодные и теплые течения воздуха, и, наконец, энергия зародившихся вихрей, бурь, тайфунов?.. Ведь их не упрячешь ни в какую кладовку. Их адскую силу, фантастическую, разрушить невозможно... У вас получится тришкин кафтан.

Андрей Васильевич, выговорившись, успокоился и, глядя на приунывшего визитера, напомнил:

— Этот незадачливый Тришка для починки продранных локтей кафтана обрезал рукава, а для того, чтобы надставить рукава, обрезал полы. Вы понимаете, даже если удастся прогнать плохую погоду, простите за ненаучность термина, — прогнать в одном месте, то она переместится в другое!

Владимирцев, удрученный столь бурной атакой Дьяконова, вдруг оживился, ухватившись за последние слова незлобивого оппонента:

— А мы пошлем дожди туда, где в них есть нужда, или туда, где они не причинят вреда... Прольем их в пустыне или в океан!

Дьяконов покачал головой:

— Не учитываете, что охлаждение вашими дождями жаркой пустыни вызовет новое сильное перемещение воздушных масс... как в пустыне, так и в океане.

— Значит, нет выхода? Значит, мы только можем предсказывать и безропотно принимать беды, связанные с погодой, и никак не можем на нее влиять?

— Я только хочу предостеречь от вторжения в глобальные процессы жизни атмосферы, — ответил старый ученый.

— О глобальных процессах не идет речь. В том-то и дело, что мы намерены влиять на локальные участки.

— Это понятие растяжимое — район в области или регион на

континенте, в акватории океана,— уточнил Андрей Васильевич,— также могут называться локальными. Единственно, к чему я вас призываю,— постоянно соизмерять влияние на атмосферу ваших... ВАГов.— Андрей Васильевич в полемическом задоре встал и, подойдя вплотную к Владимирцеву, продолжал:— Вы знаете, сколько в сутки посылает Солнце энергии на Землю?.. Не трудитесь вспоминать. Подсчитано, что излучение это равняется семнадцати триллионам киловатт. Как погасить хотя бы десятую долю этой невероятной энергии, прогревающей Землю и воды и вызывающей возмущение воздушных масс и так далее — цепочка уже известна?..

— Но мы не собираемся гасить солнечную энергию,— напомнил Владимирцев.

— Куда же будет деваться эта тепловая энергия, если не дать ей двигаться в избранном направлении?

— В этом весь смысл задуманной работы,— объяснил Владимирцев,— мы хотим воздушные потоки, несущие облака или стремящиеся к образованию бурь и тайфунов, разрезать, разряжать, а затем уже направлять по человеческому разумению...

— Это я понял,— горячился Андрей Васильевич,— но я также понял и то, что, по-моему, вами упущено... Вы нацелили свои аппараты на тропический пояс планеты. Выбор мест зарождения непогоды верный, но именно на тропический пояс как раз и приходится максимум солнечной энергии, и вам придется сесть и подсчитать объем энергии... И, если ваша затея начнет осуществляться, придется считать в каждом конкретном месте, всякий раз исходя из данных метеобстановки именно в этот момент. Ныне при наличии прекрасной вычислительной техники это, конечно, нетрудно сделать быстро и безошибочно. Но делать это должны непременно. Придется соотносить, образно говоря, количество своих войск и силы противника, придется решать, не будет ли безумием или, на худой конец, бессельной тратой ресурсов ваших аппаратов и реагентов на очередное сражение.

Андрей Васильевич видел, что Владимирцев сник, затем, взяв ручку, стал быстро записывать, подсчитывать, потом, словно очнувшись, извинился.

— Спасибо, Андрей Васильевич. Это было важно услышать именно от вас... Мы, конечно, располагаем данными, о которых вы говорили, но остроты в наших ощущениях... было маловато,— признался Владимирцев.— Мы ведь не собираемся... кромсать всю массу. Подсчеты, которые мы вели и ведем, показывают, что локальное вторжение может быть эффективным и безвредным и для атмосферы и для Земли.

— Я не хотел остудить ваш пыл,— по-доброму сказал Андрей Васильевич,— а только предостеречь от ошибок.

Позже, за чайным столом, они вновь беседовали, и Владимирцев пригласил Андрея Васильевича принять участие в разработке проекта «Погода».

— Для этого я уже стар,— ответил Андрей Васильевич.— Вот ведь какой парадокс — отдал столько десятилетий жизни, чтобы научиться предугадывать погоду, собрал все то, что было сделано в науке, но мимо чего прошли торопливые или просто ленивые коллеги... Теперь, когда можно было бы соединить точное предвидение с принятием эффективных мер, конечно, в разумных пределах, я уже не в силах в этом участвовать... Не могу я бросить хотя бы на день свою скромную обсерваторию, нельзя прерывать наблюдения.

Владимирцев все же получил согласие Андрея Васильевича на участие в проекте «Погода» — «бог погоды» будет систематически снабжать данными о предстоящей погоде в различных регионах, и по его данным будут ориентировать свою работу ваговцы. Неопределенным был разговор об участии Дьяконова в одном из ближайших полевых испытаниях ВАГов.

ХІІІ

Менее чем через год по проекту «Погода» начались широкомасштабные испытания. В них были задействованы и службы гидрометеорологии, контроля природной среды, сельскохозяйственные научные учреждения и служба искусственных спутников Земли.

Иван Иванович Антипин подготовил программу для проверки возможностей ВАГов в ослаблении ураганов бора в районе Новороссийска, на который поздней осенью обрушиваются ветры с дождями, пургой. Результат действия ВАГов под Новороссийском оказался ниже расчетных, но все же «некоторый эффект» отметили даже скептики. Владимирцевский коллектив считал, что скромность результатов объясняется и малым количеством ВАГов, и их недостаточной мощностью. Расчеты Владимирцева, Алисова и Георгиевской предполагали использование 50—70 установок, а их ко времени отправки в экспедицию было готово лишь тридцать. В тот период находились в производстве и более мощные ВАГи с усиленным лучом.

Зимой экспедиция Владимирцева перебазировалась на озеро Байкал; к этому времени удалось наладить производство ВАГов в «полупромышленном» масштабе, и уже могли действовать две батареи установок по тридцать ВАГов, причем одна из них формировалась из ВАГ-III; это новая система с лазерными лучами средней мощности. Экспедиция должна была испытать силу ВАГов в борьбе с баргузином, восточным ветром, льющим в средней части озера Байкал. По оценкам большой группы местных метеорологов и сотрудников института экспериментальной метеорологии, эффект был значительным.

Весной и летом следующего года, когда руководители проекта «Погода» располагали уже пятью батареями ВАГов: три с лучами средней мощности и две с лучами большой мощности /ВАГ-V/,—

была организована комплексная экспедиция на Дальний Восток.

В работу по подготовке экспедиции все же включился и Андрей Васильевич Дьяконов. Он тщательно отработал прогнозы не только для мест испытания Приморья, но и предсказал с большой точностью зарождение тайфунов и почти безошибочный путь их прохождения. На рассмотрение этих материалов Дьяконов был приглашен ректором университета и Сибирской академией.

Разработкой плана испытаний занималась специальная группа, неоднократно выезжавшая в зоны предстоящих сражений с непогодой, она и определила места базирования экспедиции и размещения ВАГов. К экспериментам в Приморском и Хабаровском краях, на земли которых нередко обрушиваются дожди — отголоски зародившихся в южных морях тайфунов, готовились основательно.

Результаты проведенных здесь экспериментов, по оценкам научных наблюдателей, оказались обнадеживающими, хотя и не на всех «сеансах» сопутствовал успех. Удача ВАГов в этой экспедиции должна была решить судьбу выведения на орбиту искусственного спутника Земли, оснащенного специально сконструированной системой ВАГ-VI-ИСЗ. Каждому испытанию предшествовали хлопоты с получением разрешений Государственной комиссии, включавшей представителей многих ведомств, но прежде всего Госкомгидромета и охраны окружающей среды.

Эти хлопоты взял на себя Григорий Иванович Шанежкин, который стал секретарем проекта «Погода».

Порой Шанежкин злился, что в инстанциях не хотели или не могли по достоинству оценить «то, что произошло», особенно когда удалось у берегов Приморского края рассеять, ослабить удары одного из свирепейших тайфунов, «Китси», который успел натворить бед в странах Юго-Восточной Азии, на Филиппинах, в Японии, да и при подходе к советским берегам мало потерял силы, но здесь «споткнулся» и его бешеные ливни не затопили, как в прежние годы, обширные края, а пролились в Охотское море, лишь краем зацепив Сахалин. Гидрометеослужба, оповестившая о надвигающейся беде, когда она не грянула, растерялась; «тихие чиновники погоды» не могли поверить, что какие-то установки могут что-то серьезное сделать, и давали свои заключения с множеством оговорок.

Владимирцев, читая их «бумаги», злился и требовал проведения сравнительного анализа: данных метеослужб накануне подхода тайфуна «Китси» и таких же данных в связи с приближением его предшественника, тайфуна «Радий», затем должно было последовать сличение подробностей последствий после прохождения обоих тайфунов. Владимирцева поддержали руководители Дальневосточного и Сибирского отделений Академии наук и создали авторитетную комиссию, помогли собрать обширный материал.

Нет фантазии, которую воля и разум людей не могли бы превратить в действительность.

М. Горький

Газеты, радио, телевидение восторженно, с множеством подробностей рассказывали о необыкновенных открытиях «группы ученых под руководством профессора Владимирцева». Алексей Александрович вместе с коллегами был приглашен на совместное заседание президиума Академии наук и Гидрометеоцентра. Обсудив результаты экспериментов, а также обращения научных кругов многих государств, одни из которых подвергались опустошающим нашествиям тайфунов, другие засухам, президиум и руководство Гидрометеоцентра сочли возможным выступить на конгрессе Всемирной климатической программы ЮНЕП /Программа Организации Объединенных Наций по окружающей среде / с предложением рассмотреть проект «Погода» как основу Единой программы управления климатом планеты. Было предложено сотрудникам проекта «Погода» перебазироваться из Новосибирска в Москву. Против этого активно восстал Владимирцев, считая, что связь позволяет поддерживать нужные контакты с руководящими инстанциями, а пересадка из одной почвы в другую приведет и к потере времени, да и родная почва надежнее питает уже сложившийся коллектив.

Отныне к проекту «Погода» подключались академические институты — Институт экспериментальной метеорологии, Институт радиофизики и электроники, Институт физики Земли, кафедра метеорологии и климатологии Московского университета, а также Академия сельскохозяйственных наук. Функции участников были разграничены, но разработки требовали контактов, попутных экспериментов, и дело двигалось медленно.

Материал оказался огромным. Владимирцев связал его с деятельностью Дьяконова в проекте «Погода», ибо Алексея Александровича прежде всего интересовали конкретные координаты зарождения непогоды и пути ее дальнейшого продвижения.

Зарубежные коллеги высоко оценили успехи советских ученых и увидели возможность благодаря оперативной космической информации решать насущные задачи. Для японских ученых открылась возможность, в частности, наблюдать изменения в Тихом океане и быть готовыми противостоять цунами. Канадские, шведские, норвежские ученые с помощью оперативной космической информации намеревались создать условия для судоходства по северным морским трассам.

Владимирцев осунулся и вроде бы постарел — усталость брала свое, он уже несколько лет жил в круговороте работы, которую сам же торопил; даже его молодой тренированный организм не выдержал подобной перегрузки, и Алексей Александрович слег.

И так получилось, что именно Рената Михайловна приняла на себя все заботы о нем и стала связующим звеном между «шефом», как теперь нередко называли его сотрудники, и громоздким коллективом проекта «Погода».

xv

Еще задолго до созыва конгресса материалы проекта «Погода» секретариатом ЮНЕП были распространены в качестве официального документа; страны — участницы конгресса получили объемистый том с подробным изложением проблемы и путей ее решения: системой установок и аппаратов, результатами их испытаний и экспериментальных работ в трех регионах СССР; к материалам прилагался и кассетный видеофильм о проекте «Погода».

На конгресс, проходивший в Париже, прибыла представительная советская делегация, в состав которой входили ведущие сотрудники проекта «Погода» во главе с профессором Владимирцевым.

После торжественной речи директора ЮНЕСКО слово было предоставлено профессору Владимирцеву. Выступая, он ориентировался в основном на написанный текст, помня совет работника посольства о том, что вести речь следует неторопливо, делая паузы для переводчиков на четыре рабочих языка, для чего Владимирцев сделал пометки в тексте. Его вступительная часть доклада была короткой, и смысл был прост: наука в силах помочь человечеству создать подходящие погодные условия для сельского хозяйства и другой деятельности человека; советские ученые разработали проект, создали установки, которые доказали возможность управления погодой в отдельных регионах...

Фильм в зале ЮНЕСКО смотрели с напряженным интересом, эпизоды, где были показаны процессы воздействия ВАГов на облака, встречали аплодисментами.

За время, прошедшее с момента рассылки материалов проекта «Погода», был рассмотрен еще один вариант управления облаками, предложенный советскими учеными, — «Ультрамагнитная подвижка и концентрация облаков». Суть предложения в том, чтобы с помощью мощных ультрамагнитоустановок перемещать облака из одного региона в другой, то есть мощными лучами, как гигантскими сетями, улавливать и вести скопления облаков в нужном направлении на десятки километров. Затем у них принимают эстафету такие же ультрамагнитные установки уже на другом участке смежной территории. Так предоставляется возможность вести скопления облаков до необходимых координат. В процессе перемещения облаков, как по заказу, может происходить концентрация или рассредоточение плотности облаков и искусственно вызван дождь.

Вечером советская делегация устроила пресс-конференцию, длившуюся около трех часов. Интерес к предложению советских

ученых был необыкновенным и прежде всего у представителей стран Африки, Южной и Центральной Азии, Карибского бассейна, Латинской Америки. Радио- и телекомпании об открытии конгресса и этой пресс-конференции передавали экстренные выпуски и демонстрировали фрагменты фильма «Проект «Погода». На первых страницах газет под броскими заголовками — «Русские делают погоду», «Погода на завтра», «Вместо вечной зимы... русские предлагают весну» эта статья была иллюстрирована фотографиями-кинокадрами из фантастического фильма-предупреждения «На следующий день»... — после атомной войны на всей планете наступила вечная суровая зима... В большинстве газет интересно излагался доклад профессора Владимирцева, публиковался текст предложения Советского правительства о совместных работах всех заинтересованных государств по воплощению в жизнь проекта «Погода».

На утреннем заседании конгресса представитель Эфиопии подробно рассказал о трагедии огромного региона в Африке, в так называемой Сахельской зоне, включающей в себя Мавританию, Верхнюю Вольту, Мали, Нигер, Чад, Сенегал, Гамбию, Острова Зеленого Мыса. Эти страны с 1968 по 1973 годы подвергались жесточайшей засухе; здесь выпадало всего лишь 19 процентов осадков от годовой нормы. Погибли сотни тысяч жителей, а в отдельных областях Верхней Вольты потеряны 80 процентов жителей. В последние годы жестокие засухи отразились на жизни Эфиопии, Судана и ряда соседних государств.

Следующий выступающий, представитель дирекции ЮНЕП — Программы Организации Объединенных Наций по окружающей среде — привел еще более удручающие факты: «За последние полвека стала бесплодной или малопригодной для земледелия территория, равная по площади Южной Америке. Пустыня наступает. Следует также учитывать и то, что к концу столетия резко возрастет численность населения планеты, минимум на полтора миллиарда человек, а к концу двадцать первого века население земли удвоится. И поэтому мы не можем уже сегодня не предпринимать решительных действий в обеспечении благоприятного развития сельского хозяйства и климата во всех регионах».

Взволнованная речь представителя ЮНЕП находила отклик в многонациональной аудитории; в заключение он сказал: «Стихийные бедствия последних лет — ужасающие засухи в одних регионах и разрушительные тайфуны в других. В 1979 году тайфун «Фредерик» нанес жителям Мексиканского залива урон, определенный в два миллиарда долларов. Перечень бед велик! Стихийные бедствия даже в относительно благополучной Европе — я имею в виду снег и град летом 1985 года в Австрии, — повторяю: стихийные бедствия последних лет подсказывают нам, что государства должны объединиться, тем более что для этого есть прекрасная платформа — проект «Погода».

Я был среди тех более чем двухсот зарубежных ученых, кото-

рые присутствовали на испытаниях приборов и установок в Советском Союзе. У нас единодушное мнение: это выдающееся изобретение человеческого гения, может быть, одно из важнейших в мировой истории... И я снова говорю --- мы должны поставить вопрос категорически: те, кто собирается мешать международному сотрудничеству, должны быть исключены из нашего сообщества... Вы можете спросить: как быть, к примеру, с Карибским бассейном и бедствиями, которые испытывает нередко территория небезызвестной страны, представитель которой с первых же шагов конгресса стремится посеять рознь. ведет дело к срыву нашего единения?.. Отвечу — группа ученых обстоятельно изучала проект «Погода», он дает возможность пользоваться нам всем благами великого изобретения, не прибегая к участию стран, которые своими действиями ставят себя в положение изоляции».

Наиболее сложной оказалась на конгрессе работа комиссии экспертов. Некоторые оппоненты визгливо заявляли, что проект «Погода» не более чем пропагандистский шаг русских... Но мировая общественность уже привыкла к подобным заявлениям и игнорировала их.

Проект «Погода» стал основой Программы Организации Объединенных Наций по окружающей среде. В первых строках программы подчеркивается, что все страны без географических, социальных или региональных различий, объединенные общим стремлением к разумному управлению климатом и погодой на планете, отныне объединяют свои усилия для скорейшего достижения этих желанных целей всего человечества... Высокоразвитые страны: Советский Союз и страны социалистического сотрудничества, США, Франция, Великобритания, ФРГ, Италия, Швеция и другие принимают на себя обязательства оказывать помощь развивающимся странам в осуществлении программы «Погода».

Однажды вечером, когда Алисов, Ильина, Шанежкин и Шинкарев отправились в оперный театр, Владимирцев пригласил Ренату Михайловну побродить по вечернему Парижу, и они оказались на набережной Сены у Александровского моста. С любопытством наблюдали сценки парижской жизни. У моста причалил корабль с остекленной крышей, с мигающими огнями; на верхней палубе за столиками, освещенными свечами, сидели парочки, зазывно журчала музыка. Владимирцев, увидев, почувствовав уют этих столиков, схватил Ренату за руку: «Пошли быстрее!» И вскоре оба оказались у трапа. Стюард любезно предложил даме руку, а затем указал Владимирцеву на табличку со стоимостью прогулки, которая оказалась нешуточной.

Владимирцев не раздумывая достал деньги и с типично русской широтой показал, что сдачи не нужно. Стюард проводил их на палубу со столиками и передал на попечение метрдотеля, который указал на один из свободных столиков. Рената выбрала другой столик, соседний, у стеклянной стены. Метрдотель согласно кивнул и, подав меню, стал принимать заказ.

Когда метрдотель удалился, Владимирцев положил свою руку поверх ладони Ренаты, он мысленно шептал, не решаясь произнести вслух: «Прости меня... Пусть это будет нашим свадебным путешествием по Парижу... Я понимаю, что это... с большим опозданием. Я хочу, чтобы ты знала, ты самый близкий человек. Я, конечно, несносный... и другим, сколько ни стараюсь, не могу стать. Прости меня, Рена». Она кивала так, будто слышала эти слова или отмечала ритм своих мыслей — сразу обо всем пережитом и в эти дни, и в эти годы — смотрела на Алексея, у которого уже проступала на висках седина, но глаза были, как прежде, ясными, добрыми, и, кажется, он еще оставался юным, таким же, каким она увидела Алексея, аспиранта, в день его первого прихода в инфизтех.

— Интересно, какая же завтра будет погода? — вздохнув, сказала Рената.

— Кажется, хорошая! — улыбнулся Алексей.

СЕРГЕЙ КРИВОРОТОВ

ДЕВОЧКА И СТРЕКОЗА

У калитки на асфальтированном пятачке, разрисованном разноцветными мелками, прыгала маленькая загорелая девочка. Августовское солнце, заставлявшее деревья и столбы бросать длинные тени, сонная сельская улица с выглядывающей из-за оград зеленью, ни одной души, кроме нее. Временами далеко за селом в клубах поднятой пыли погромыхивали проходившие грузовики да доносилось едва слышное тарыхтенье трактора, и снова наступала тишина. Безлюдье только подчеркивало, что девочка здесь полная хозяйка, единственное живое существо на двух ногах с пестрыми бантиками в коротких косичках. Две смуглых ноги в белых гольфах выписывали на асфальте вензеля, понятные только их владелице. Девочка как девочка, обыкновенная августовская девочка, малышня на школьных каникулах. И настроение у нее было обычное — летнее, детское. Правда, немного хотелось есть, но она знала: папа скоро приедет на обед, поставит свой молоковоз перед домом, и они вместе с мамой сядут за стол на увитой виноградом веранде.

Кто-то позвал ее, пронзительно позвал, и она вздрогнула, остановилась, прислушалась. Ее давно звали. Большая серебристая стрекоза с радужными крыльями застыла прямо перед ней в воздухе.

Девочка, едва заметила ее, сразу поняла, что стрекоза необыкновенная, такой она никогда еще не видела, и она застыла там, где прыгала, среди расчерченных классов, с восхищением разглядывая кусочек чуда.

Стрекоза была и похожа и не похожа на живое существо. Она

летала совсем не так, как другие, виденные девочкой. Сейчас она неподвижно зависла в одной точке, только полупрозрачные крылья бешено вращались, не издавая звука. Все цвета радуги переливались в них, и огненные искры вспыхивали, перебегая с края на край, образуя таинственные узоры, неведомые письмена.

— Девочка! Девочка! Это я тебя зову! — услышала маленькая прыгунья тонкий голосок и поняла, что именно чудесная стрекоза зовет ее, кто же еще?!

Стрекоза свободно уместилась бы на девочкиной ладони, протяни та руку. Но девочка внезапно оробела и не знала, что сказать.

— Отзовись, девочка, ты же слышишь меня! — верещала стрекоза, но ее писк не был назойлив, и девочка осмелела:

— Да, я слышу тебя.

Казалось, крылья стрекозы завертелись еще быстрее, а радуга на них засияла ярче прежнего, солнечные блики вспыхнули в больших выпуклых глазах.

— Здравствуй. Скажи, ты здесь живешь?

Девочка сосредоточенно помолчала и даже сунула палец в рот. Наконец ее губы разжались:

— Да, я здесь живу.

Стрекоза радостно взмыла вверх и тут же вернулась на прежнее место.

— Послушай, девочка, помоги мне. Я должен обеспечить посадку нашего корабля. Я всего лишь разведчик. Ведь это именно то место, где положено садиться? Подтверди, что я правильно понял ваши знаки, — девочка замерла, непроизвольно открыв рот, а вокруг нее точно в середине квадратов упали маленькие разноцветные шарики. Где была написана двойка, упало два красных, где старательно выведенная детской рукой белела пятерка — упало пять зеленых. И снова, и снова, желтые, синие, розовые, сколько написано, столько и упало. Падали, становились прозрачными и вскоре исчезали, будто таяли, не оставляя следов.

— Да, да! — закричала в восторге девочка. — Правильно! — И ее короткие косички с пестрыми бантами согласно взметнулись вверх.

— Тогда жди, скоро наш корабль опустится здесь, я вернусь вместе с ним! — Огненные искры забежали быстрее по радужным крыльям, слились в сверкающие дуги, и стрекоза ринулась прочь, теряясь в полуденной синеве.

Девочка запрокинула голову, но даже удалявшейся точки не различила в небе. Так она стояла и смотрела вверх, играть в классики больше не хотелось. Стрекоза не возвращалась, только в конце пыльной улицы заурчал мотор, и вот уже папин молоковоз въехал на асфальт у калитки. Девочка огорченно отступила, большой папа вылезал из голубой кабины, позади на большой желтой цистерне синели огромные буквы: «Молоко». Он вытер ветошью ладони, захлопнул дверцу и шагнул к дочери.

— Нет, нет! — замахала руками девочка. — Сюда нельзя, убери скорее машину. Сейчас сюда прилетят гости с неба.

— Что это ты сегодня придумала, чудачка? — засмеялся отец, подхватывая на руки брыкающуюся дочь.

Девочка пыталась что-то объяснить, рассказать, большие банты отчаянно мотались над ее головкой, все ближе к калитке, уже за ней, возле крыльца. Вот и мама вышла навстречу. Улыбаясь, встала на цыпочки, поцеловала отца и немного обеспокоенно попросила:

— Отпусти ее, отпусти же!

Девочка, едва коснувшись ногами земли, хотела бежать назад, но ее рука оказалась зажата в огромной шершавой ладони отца. Вот они уже на веранде, и мама разливает дымящийся борщ по тарелкам.

Шшшш... бум! Шшшш... — незнакомый тревожный звук донесся с улицы от молоковоза.

— Я же говорила! — закричала девочка и заплакала, выбегая из-за стола.

Одна, две, пять ступенек, она бежит по дорожке, калитка, улица. Огромный неуклюжий молоковоз стоял как стоял, передними колесами наехав на разрисованные классики, а по желтой цистерне плясало радужное пламя. Цвета менялись в нем с головокружительной быстротой: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый. Непонятные звуки больше не повторялись, язычки небывалого огня в полной тишине отчаянно цеплялись за крашеное железо.

— Что это? — вскрикнул выбежавший вслед за девочкой отец, не переставая жевать на ходу.

Он бросился к машине, ожидая бьющего в лицо жара, но коснулся рукой не больше обычного нагретого солнцем металла. Язычки пламени прощально вспыхнули и погасли без следа. Девочка подбежала ближе и успела заметить, как налетевший ветерок подхватил и унес вдоль улицы щепотку серебристой пылицы или пепла.

— Чудеса! — ошеломленно развел руками отец.

— Я же говорила, я говорила тебе, — подавляя рыдания, с упреком вымолвила девочка, но отец опять не понял, даже не послушал.

— Пойдем, — сказал он, пропуская мимо ушей слова дочери. — Будешь учить физику, все узнаешь. В природе черт-те что бывает. Пойдем-ка пообедаем.

И он увлек не сопротивлявшуюся на этот раз девочку домой.

Потом он уехал, снова стало возможно играть в «классики» на освободившемся пятачке, но девочке расхотелось. Она долго смотрела ввышину, ожидая увидеть нечто необыкновенное, но видела только белое облачко, которое при всем желании нельзя было принять за стрекозу. Она ждала весь следующий день и еще два дня, сама не зная толком чего. На четвертый ее смуглые ноги в бе-

лых гольфах снова запрыгали по расчерченным квадратам. Но нет-нет она останавливалась и подолгу смотрела в бездонную синеву, не вернется ли оттуда серебристая стрекоза с радужными крыльями?

Кончилось лето, девочка пошла в школу, а начавшиеся дожди смыли все, что начертили на асфальте разноцветные мелки.

СЕРГЕЙ СУХИНОВ

ДВОРНИК

Резкий звон будильника вызвал его из небытия, темного, болезненного, насыщенного призрачными, набегающими друг на друга словно волны кошмарами. Он захлопал, не открывая глаз, ладонью по столу, стоящему рядом с диваном, но будильник был далеко, на серванте, и, чтобы его придушить, нужно было подняться и пройти несколько шагов по холодному полу. Одна мысль об этом привела его в ужас, и он с головой закрылся толстым ватным одеялом, свернувшись в клубок, — так в детстве он спасался от многих неприятностей. Еще минутку, сказал он сам себе, пряча голову под подушку, еще хотя бы минутку...

Но будильник продолжал надсадно звонить, противно дребезжа разболтанным молоточком, — словно в жестяной банке жужжали сотни мух. Он попытался плотно закрыть глаза и ровно дышать, словно этот звон не имел к нему никакого отношения, но он уже не спал. И тогда он понял, что надо вставать, хотя еще никак не мог вспомнить — зачем.

Яркий сноп света настольной лампы вырезал в темноте узкий кусок комнаты — стол, заваленный окурками, недопитую бутылку, желтую полосу паласа, еще дальше — секретер, на котором лежала какая-то огромная книга, и чуть правее — часть стены с матовым четырехугольником фотографии. Но сейчас его заинтересовала только бутылка лимонада — откашлявшись, он приложился к скользкому горлышку и одним глотком допил жидкость. «Надо было закрыть вечером пробкой, — озабоченно подумал он, натягивая носки, — где вчера была моя голова?»

Все еще сокрушаясь, он, пошатываясь, побрел в сторону ванной, натыкаясь на острые углы стульев и тихонько чертыхаясь про себя. Открывая дверь, он невольно обернулся и скользнул безразличным взглядом по смутно видимому секретеру и толстеному тому, но ничто внутри его не дрогнуло, только на лице промелькнула идиотская ухмылка: «Это надо же!»

Больше о книге он не вспоминал.

За завтраком, проглатывая небрежно сделанный бутерброд с холодной колбасой, которую ему лень было подогреть, он вдруг вспомнил, зачем встал — нужно было идти подметать улицу ря-

дом с домом. За неплотно сдвинутыми занавесками синела чернильная темнота, чуть позвякивали по стеклу редкие капли осеннего дождя, но на соседней улице мерно шуршала чья-то метла. «Тетя Настя уже встала, — озабоченно подумал он, обжигаясь горячим чаем, — почему я всегда просыпаю?» Зябкое октябрьское утро не пугало его, он наконец окончательно проснулся и все вспомнил — и то, что в последние дни начался проклятый листопад, дождавшись периода холодных дождей, и то, что его фотография висит вторую неделю на Доске почета в ЖКО. Не тети Насти, а его, Андрея Чернова, который в дворниках ходит всего второй год, а уже у начальства на хорошем счету. «Опять проспал, — горестно подумал он, натягивая влажную телогрейку, — теперь попробуй нагони! Э-эх, дела...»

Через несколько минут он уже стоял, поеживаясь, на невысоком крыльце дома и мрачно осматривал поле битвы, которое окутывал сумрачный туман. В его участок входили пять асфальтовых отрезков дороги между серыми пятиэтажками, большой газон со скамейками, детской площадкой и жалкой клумбой и, конечно, подъезды — с каменными лестницами, насчитывающими от четырех до двенадцати ступенек. Каждую из этих ступенек Андрей знал наизусть со всеми особенностями ее норова — одни, с острыми отколотыми краями, любили собирать тяжелые ошметья грязи, другие, с широкими выбоинами, были обычно набиты сплюснутыми окурками и фантиками от конфет, которые выгрести было совсем нелегко, особенно после дождя. Но сейчас, поздней осенью, ступеньки были для него лишь легкой разминкой, настоящие хлопоты ему приносила мостовая.

Куда ни глянь, вся она была забрызгана пестрыми лоскутами кленовых листьев, — видимо, ночью был сильный ветер. Прибитые к асфальту дождем, они представляли серьезную угрозу, но худшее было под ними — вдоль бетонного парапета, в выбоинах старого асфальта, гнездились узкие мелкие листья придорожных кустарников, которые Андрей ненавидел от души, но никак не мог собраться вывести. Эти листочки держались за асфальт намертво, и взять их можно было только самой жесткой, старой метлой с короткими, истерыми до белизны березовыми прутьями. Андрей добирался до асфальтовых выбоин обычно к тому времени, когда по улицам потоком начинали двигаться на работу жители поселка. Ему казалось, каждый из них с насмешкой наблюдал за его мучениями, удивляясь, как это еще довольно молодой, здоровый на вид мужчина может заниматься такой чепуховой непрестижной работой вместо того, чтобы пойти, например, работать на завод токарем. И самое мучительное было то, что он и сам по утрам плохо помнил, что же его удерживало от такого шага.

От всех этих невеселых мыслей было одно верное лекарство — натянуть поглубже холщовые рукавицы, жесткие и пересохшие за ночь от тепла батареи, взять в руки любимую пышную метлу с серым, отполированным руками — его руками! — древком и прой-

тись в хорошем темпе по подъездам, сгоняя в широкое русло улицы всю осевшую за вчерашний день мусорную муть. Это не занимало много времени, зато создавало приятное ощущение, что дело движется и до конца остается не так много. Потом себя, как правило, не приходилось подгонять — он без колебаний брался за вторую, средней жесткости метлу, и вгрызался, как ледоход, в серое марево листьев, расшвыривая их по сторонам и с радостью чувствуя, как все быстрее начинает струиться кровь в его мускулистых руках. Раз, еще раз, поцалу-у-уй, раскраса-а-авица...

Через какой-то час все было кончено — листья покорными кучками сиротливо жались к бетонному парапету, черный асфальт маслянисто блестел под первыми лучами чуть поднявшегося над горизонтом солнца, и Андрей, раскрасневшийся, довольный собой, весело поглядывал на торопливо шагающих мимо прохожих, не скрывая своей гордости.

Оставалось немного — собрать мусор в ведра и отнести на соседний участок, где между двух могучих тополей (ох и достанется от тети Насти на орехи!) громоздилась могучая куча листьев. А потом можно будет всласть покемарить... Конечно, днем еще дернут, и не раз, из кровати — то придет машина и надо будет грузить вилами рассыпающееся месиво в кузов, то назойливый начальник ЖКО погонит на какие-нибудь общественные работы, скажем, приводить в порядок территорию возле бани или агитплощадку... Но до этого еще далеко. И потом сегодня вполне можно сказать больным — ничего, обойдется и без него, он в дворничьем бабьем взводе один мужик — ефрейтор, его беречь надо...

Но тут где-то рядом в серых лоскутах нехотя расплывающегося тумана раздался знакомый мелкий кашель и звон совка. Андрей невольно поежился. Своего бригадира тетю Настю он немного побаивался, а порой и терпеть не мог за ее удивительную способность выискивать работу на ровном месте. Конечно, если ты сорок лет машешь метлой да мучают тебя старческая бессонница и тридцать три болезни, а дома в полуподвальной служебной квартирке тебя не ждет никто, кроме толстого дымчатого кота Васьки...

Неожиданно его обожгла острая мысль — чего это он, ведь его, Андрея, не ждет дома вообще никто! Он постоял несколько секунд, глотая воздух пересохшими губами и пытаясь изо всех сил ухватиться за краешек только что показавшейся мысли, но тут рядом кто-то сказал:

— Здравствуй, Андрюша... Как дела-то? Ого, сколько у тебя листьев-то слетело! Считай, повезло, завтра, бают, настоящие дожди начнутся...

Андрей буркнул что-то неприветливое в ответ и с ожесточением стал вытряхивать из ведра остатки мусора. Сбила, старая! О чем это он только что подумал? Попробуй теперь вспомни, а ведь о чем-то очень важном подумал. И ведь про дожди не зря говорит, ох, не зря...

Тетя Настя постояла рядом, ласково поглядывая на громадно-

го Андрея снизу вверх, и, перевязывая серый шерстяной платок, мигом вывалила все вчерашние поселковые новости: у Ширяевых померла бабка, хорошая, веселая, в церковь очень любила ходить, а все равно померла без отпущения грехов, а у Плешаковых из восьмого дома двойня родилась, а Галя Степашкина заболела, температурит, и придется кому-то сегодня ее участок убирать.

Андрей, слушая вполслуха бригадиршу и думая только о теплой постели, встрепенулся.

— Это как? — сказал он, недобро блестя глазами и смиривая взглядом маленькую старушку. — Это что, я опять ее участок гре-сти должен? Вчера греб, позавчера греб и сегодня гребь? Что я, один у тебя в бригаде, тетя Настя? Ты вот что, ты лучше Соловьи-ху сегодня позови, у нее участок самый маленький, а баба она здоро-вая, таких, как я, двоих за пояс заткнет!

Но скоро он сдался и покорно пошел за бригадиршей, бурча под нос неотразимые доводы, по которым сегодня не он, а кто-ни-будь другой должен подменять заболевшую дворничиху.

Освободился он только к девяти, когда зябкое красное солнце уже поднялось над далеким лесом. Спать уже не очень хотелось, а можно было, скажем, сходить за опятами. Нынче опята пошли поздно, и почему-то особенно много их было в орешниках, где они росли прямо в жухлой траве. А что, почему бы не пойти? Грибы он любит, а не ел почему-то давно. «Странно, почему же я не ходил этой осенью за грибами? — подумал Андрей, тяжело подымаясь по лестнице. — Может, болел? Нет, вроде не болел... значит, чем-то был занят. Интересно, чем это я могу быть днем занят?»

Теперь ему никто не помешал, и он крепко ухватился за краешек мысли и не без труда вытащил ее на свет божий, морщась от глухой головной боли.

Он вспомнил, что ему предстоит сделать сегодня днем. Во-пер-вых, надо внести квартплату — ему уже делала на днях замечание Валентина из сберкассы, и он обещал заплатить, но, как всегда, забыл, надо будет не забыть сегодня. Во-вторых, неплохо бы к обе-ду сходить в дачный поселок и, как обычно, постучать с мужиками в домино — его приглашали. И еще что-то надо было сделать, но голова уже раскалывалась от напряжения, и он решил дать ей отдохнуть. Ничего, успеется, день длинный, дай бог, и за опятами выберемся...

Полчаса он провел на кухне, наслаждаясь горячим грузинским чаем, который он ценил больше всего из-за того, что он всегда бы-вает в продаже. Постепенно головная боль улеглась, и он поне-многу стал загружать ее кое-какими мыслишками — надо бы по-чинить стулья, совсем расшатались, сидеть стало невозможно, а еще надо сходить к бывшей графской конюшне, где начались ре-ставрационные работы, и посмотреть что к чему, а может, и заши-бить трояк — дел там неспор, а мужиков раз, два и обчелся. И еще нужно сходить на кладбище — поправить покосившуюся калитку у могил жены с сыном, и вообще посидеть...

Было около половины десятого, когда он, зевая, собрался было улечься в смятую постель, но тут его внимание вновь привлекла книга, лежащая на откидном столе секретера. Она была настолько толстой, что вызвала у него раздражение — читать он не любил, от чтения у него голова болела, и зачем он держит в доме такую толстую книгу, наверняка скучную и заумную?

Над книгой он увидел большую табличку, на которой красными крупными буквами было написано: «Андрей! Открой книгу!! От этого зависит твоя судьба!!!»

«Ну как же, бегу и падаю», — усмехнулся он, смерив книгу недобрый взглядом и прикидывая, куда ее лучше сбagrить, но тут у двери раздался протяжный звонок.

— Привет, Андрюха! — прямо с порога заорал Вася Никитин, затянутый в синий спортивный костюм, раскрасневшийся и как всегда самодовольно улыбающийся. — Никак днем спать собрался, старик?

Андрей посмотрел на себя — босоногого, со свисающим животом, и грустно пошевелил волосатыми пальцами ног.

— Да уж, — сказал он неопределенно, — работа у меня такая.

Никитин захохотал и втолкнул его в комнату, пряча левую руку за спиной.

— Ох и бедлам же у тебя, — покачал он головой, разглядывая диван, кресло, стулья — все заваленное беспорядочно разбросанной одеждой. — Везет тебе! Мне моя Татьяна последние волосы за такое бы повыдергала... — Почувствовав, что сказал глупость, Никитин тут же перешел на другую тему и эффектным жестом поставил на стол две бутылки портвейна. — Вот, получай.

— Это за что же? — спросил Андрей неровным голосом, жадно разглядывая этикетки. — Ого, кавказский!

— Я не мелочусь, — гордо сказал Никитин, располагаясь бесцеремонно на кресле, скинув с него предварительно на пол мятые брюки. — Пить так пить, чего травить себя бормотухой... Ну что, договорились?

— О чем? — спросил Андрей, срезая дрожащими руками пластмассовую пробку. — О чем, благодетель?

— Как с чем? — удивился Никитин. — Ты что, забыл, что вчера утром раскололся и согласился отдать мне за два куса собрание Майн Рида?

Андрей поморщился. Что-то такое действительно было...

— Почему же за два? — глухо спросил он, разливая портвейн по стаканам. — Ты только посмотри, какие тома толстые! Может, если их в город свезти, за них в магазине всю тридцадку дадут. Это дело обдумать надо.

— Ты уже две недели думаешь, — обиженно сказал Никитин, брезгливо отхлебывая терпкую красную жидкость. — Лучше посмотри, сколько эти книги на старые деньги стоили. Гроши! А я тебе даю живые два червонца. Что тебе, два червонца не нужны?

— Почему не нужны... Нужны, — вздохнул Андрей, снимая с

подвесной полки увесистые тома.— Я к тому, что, может, за них больше в городе дадут...

— Э-эх!..— застонал Никитин, закатывая глаза к потолку.— Мучитель ты мой! Да как ты до города-то доедешь — вот что мне скажи. Либо в вытрезвитель попадешь, либо все перезабудешь, заплутаешься в метро, так что придется тебя из милиции либо еще откуда вырывать. Помнишь, как в том году я тебя еле из психбольницы вытащил? Этого ты хочешь?

Андрей загрустил. Что верно, то верно, до города с его головой добраться нелегко, а если и доберешься, то будет одно мучение — народу тыща, все куда-то бегут, толкаются, на него скалятся, а он, потный, раскрасневшийся, стоит в телогрейке посреди улицы Горького и жалко улыбается, все со страху перезабыв. Нет уж... Пропавши пропадом лишний червонец, чтобы за него такое терпеть. А книги ему не жалко, толстые они, ему все равно такие теперь не осилить, а Никитину хоть бы что, он человек ученый, кандидат наук, даже книжки с формулами читает, а у него, у Андрея, от одного вида этих формул голова сразу же начинает раскалываться...

Поколебавшись немного и безуспешно попытавшись выжать из Никитина хотя бы еще пятерик, Андрей сдался и сам сложил книги в нейлоновую сумку.

— Ну, мне пора,— сразу же заторопился гость, бросая жадный взгляд на полку, где еще осталось несколько интересных книг.— Надо статью написать сегодня в один реферативный журнал, в гараж наведаться — так что дел непроворот. Как-нибудь забегу на следующей неделе. Пока!

Андрей, возбужденный спором и дурманящим вином, вновь остался в комнате один. Спать ему совсем расхотелось, он достал с полки наугад том Конан Дойла и завалился на диван, пытаясь прочитать хоть один рассказ до конца. Но это ему, как всегда, не удавалось, в конце первой же страницы буквы стали расплываться у него перед глазами, он стал забывать, с чего все началось. После нескольких безуспешных попыток уловить смысл рассказа Андрей отбросил книгу в сторону.

«Ерунда,— подумал он равнодушно,— и как я раньше мог такое читать? Все одни выдумки, ничего реального... Надо будет в следующий раз предложить этому жмоту всю подписку, но цену назначить свою — рублей тридцать или тридцать пять. Выпивка на неделю будет обеспечена! Так, на сколько бутылок там еще осталось?..»

Он вскочил с дивана и внимательно изучил полку. Книг стояло совсем немного, штук десять, а ведь когда-то у него их было много, солидных, в красивых переплетах, за них можно было бы взять сейчас хорошую цену...

И тут он вспомнил про книгу, лежащую на секретере.

Она была какой-то странной, непохожей на маленькие тома подписок — неимоверно толстой, с тяжелым кожаным переплетом и завлекательной полуобнаженной девушкой на обложке.

Она ловко скидывала с себя белье, стоило только повернуть голову чуть в сторону, но так же быстро и одевалась, дразня бесстыжими глазами.

Андрей глухо заворчал и подвинул к себе стул.

Когда он открыл книгу, за спиной гулко стали бить часы, так что Андрей невольно обернулся. Было ровно десять часов утра.

Первые страницы книги были продолжением темы, красовавшейся на обложке, и по-настоящему увлекли его. Он уже не вспоминал про постель и назойливую головную боль, а, устроившись поудобнее, стал не спеша перелистывать глянцевые красочные фотографии. Потом к ним присоединился текст — отрывки из «Анжелики» и «Убийственного лета», обширные вырезки из «Иностранной литературы», смакующие одно и то же. Картинок, правда, становилось все меньше, а текста все больше, но он не заметил этого и не без удовольствия проглатывал страницу за страницей, жуя ириски, разбросанные на столе. На некоторое время он забыл о своих недугах, и это было приятно. Постепенно у него разыгралось воображение, и сочные описания быта американских солдат или французских буржуа обрели в его сознании вполне красочные формы. Страница, еще одна...

«Стой! — прочитал он с удивлением, перелистнув довольно вялое описание любовной сцены из какого-то романа Жорж Санд. — Хватит заниматься этой чушью! Я хочу предложить тебе нечто значительно более интересное, прелесть чего ты поймешь через каких-то полчаса. Но сначала посмотри на часы».

Андрей невольно обернулся и увидел, что часы показывают десять часов двадцать одну минуту. Все еще плохо понимая, что происходит, он перечитал фразу с самого начала. «Но сначала посмотри на часы. Сколько сейчас времени — можешь вспомнить?»

«А как же, — усмехнулся Андрей, — десять часов двадцать одна минута, в чем вопрос...»

Он хотел было продолжать чтение дальше, как вдруг его поразила мысль: «Я помню время! Я почти минуту назад смотрел на часы, и ничего не забыл. Не забыл!..»

Эта мысль ошеломила его, он отодвинулся от секретера и растерянно огляделся вокруг. За окном трепетали под порывами ветра багровые клены, редкие прохожие сновали по дороге, торопясь в магазин с бидонами, а на кухне тихо позвякивала о немытую посуду струйка воды из-под крана. «Я помню!» — повторил он про себя и с силой провел ладонями по небритому лицу.

Что-то переменялось вокруг, и что-то изменилось в нем самом. Он прислушался к своим ощущениям и почувствовал, как отяжелела его голова и на место бесконечной тупой головной боли пришло пульсирующее тепло. Раздумья больше не приносили ему мучений, и он без труда вспомнил до мельчайших деталей все события сегодняшнего утра, но это еще больше запутало его. И тогда он снова обратился к книге, но уже не стал перечитывать страницу сначала, потому что знал ее почти наизусть.

«Если сейчас больше одиннадцати, перелистни несколько десятков страниц и обратись к листу сто пятьдесят три. Там ты найдешь ускоренный курс восстановления твоего интеллекта, который тебе поможет быстро войти в форму. Иначе — читай не спеша все подряд и пройди весь курс полностью.

А теперь начнем. Прежде всего достань из нижнего ящика секретера магнитофон. Конечно, ты забыл, как им пользоваться,— посмотри на схему, помещенную на следующей странице».

Открыв ящик, Андрей с удивлением обнаружил небольшой изящный магнитофон с какими-то иностранными буквами на передней панели. Ему стало любопытно, как же включать эту штуку, и он, внутренне съезжившись, рискнул попытаться разобраться в схеме. Она казалась очень простой, на ней не было непонятных символов и формул, которых он боялся пуще огня, но и она требовала некоторого напряжения мысли. «Способен ли я на это? — трусливо подумал он, косясь на смятую постель.— Может, бросить это дело, пока не поздно?..»

Но в нем уже начал просыпаться неутолимый демон любопытства, и он потратил десять минут, водя пальцем по толстым стрелкам схемы и щелкая клавишами. Как оказалось, управлять магнитофоном было ненамного сложнее, чем привычным телевизором, и это подбодрило Андрея. Затем он включил магнитофон и был разочарован — вместо объяснений из него полилась мелодичная музыка.

Обиженный, он снова обратился к книге, а та, не давая ему передышки, заставила его извлечь из другого ящика какие-то баночки с мазью и натереть тыльную сторону шеи, виски, позвоночник и часть поясницы. Мазь пахла резко и неприятно, но он уже попал под несгибаемую власть книги и не мог освободиться. Книга и мягкий женский голос в магнитофоне дружно заставили его провести двадцать минут в физических упражнениях, принимать на паласе странные и забавные позы, но все ему давалось, к его изумлению, весьма легко. Сделав напоследок несколько энергичных вздохов и стерев с лица испарину, Андрей вновь уселся за стол, с удовольствием перелистнув очередную страницу, прислушался к себе и неожиданно замер. Что-то произошло в нем — кровь, движение которой он ранее не ощущал, горячими потоками заструилась по его телу, поясницу стало приятно покалывать, и скоро он с волнением почувствовал, как по позвоночнику пошел какой-то внутренний ток, подымаясь все выше и выше к голове. Еще через несколько минут стало покалывать в затылке, и тогда он сделал несколько энергичных нажатий пальцами на биологически активные точки около шеи, которые ему порекомендовала книга, и по ее же совету некоторое время посидел расслабившись и закрыв глаза.

И тогда он стал ощущать свой мозг, до сих пор бывший лишь безжизненным куском ткани, вялым, утомляющимся от малейшего напряжения мысли. Сейчас же он чувствовал, как мозг стали омы-

вать струи крови, и невольно быстро задышал, насыщая кровь кислородом. Как ни странно, вечно забитый от хронического насморка нос тут же превратился в мощный насос, засасывающий потоки воздуха.

Ему хотелось немедленно опробовать свой «новый» мозг, но Книга (теперь он не мог обращаться к ней иначе как с большой буквы) заставила его еще некоторое время вживаться в свое новое состояние. Теперь мозг он воспринимал как могучую мышцу, способную по его команде совершать колоссальные усилия и разгрызать самые сложные интеллектуальные задачи, а не безвольно пасовать перед ними, как это было ранее.

Но до начала работы было еще далеко.

«Я знаю, что ты не ощущаешь себя больше несчастным слабым, лишенным памяти и воли, как это бывает с тобой по утрам, — продолжала беседовать с ним Книга. — Однако прежде чем перейти к реконструкции себя как личности, ты должен как следует потренировать свой мозг и свою память. Лучшие всего для твоего склада ума годятся философские произведения. Перелистни страницу и внимательно прочитай отрывки из философских трактатов — от Платона и Гельвеция до Гегеля и Канта. Старайся понять каждую фразу и не переходи к следующей, пока не исчерпаешь предыдущую».

Не без опасения он перелистнул страницу и пробежал глазами первую строчку (страх еще гнезвился где-то в глубине его сознания), но тут произошло чудо — он воспринял фразу не как набор слов с ускользающим смыслом, а как глубокую мысль. В течение нескольких минут с огромным напряжением он обдумывал ее, добавляя, развивая и уточняя, и тогда он почувствовал нечто вроде чувства интеллектуального наслаждения от работы своего мозга — он и не знал, что такое возможно! Вчитываясь в страницы философских трактатов, ощущал мягкое покалывание где-то в глубине мозга при каждой особенно удачной своей мысли. Все остальное перестало существовать для него, и когда тексты неожиданно кончились, он ощутил глубокое огорчение. Между тем Книга немедленно поставила перед ним новую задачу.

«Уверена, что прочитанные страницы доставили тебе огромное удовольствие. Но попробуй теперь вспомнить все то, о чем ты прочитал, и записать свою интерпретацию мыслей знаменитых философов. Положи перед собой наручные часы. Даю тебе три минуты».

Андрей, усмехнувшись, полузакрыв глаза и напряг свой мозг, уверенный в успехе. Увы! Мысли, только что занимавшие его, немедленно стали расплываться перед его внутренним экраном, сбиваясь в хаотичный клубок. Он попытался распутать его и поставить прочитанные фразы в строгой последовательности, но это только ухудшило положение — фразы тотчас же под нажимом порвались и превратились в бессвязные обрывки, в которых уже невозможно было найти и тени смысла. Андрей почувствовал

ужас, его спина покрылась испариной. Не может быть, этого просто не может быть!

«Не пугайся,— тотчас же успокоила его Книга.— Твой «новый» мозг не виноват, просто твоя память сейчас находится на крайне низком уровне. Без ее тренировки невозможно дальнейшее движение вперед. На следующих страницах ты найдешь краткий курс по тренировке памяти, разработанный с учетом твоих индивидуальных возможностей. Пройдя его, ты наконец станешь хозяином самого себя и вновь обретишь себя как личность. Но прежде всего посмотри на часы. Сейчас должно быть около одиннадцати, не так ли?»

Было без пяти одиннадцать, но Андрей уже ничему не удивлялся. Он перелистнул страницу и погрузился в методы тренировки памяти, в приемы запоминания цифр, текста, деталей рисунков... Все давалось ему удивительно легко, как будто он шел по наезженной колее.

К двенадцати часам он чувствовал себя уже почти сверхчеловеком — казалось, его мозг разрастается с каждой минутой, занимает почти все его тело. Возможности его выросли настолько, что он уже мог прочесть за минуту несколько страниц текста, безошибочно запомнив их. Книга научила пользоваться и зрительной памятью — перед его «внутренним экраном» возникал любой виденный когда-либо образ, словно в нем включился какой-то кинопроектор. Потренировавшись немного еще и почувствовав, что все прочитанное глубоко впечатывается в него, он с нетерпением стал читать дальше.

«А теперь пора немного рассказать о тебе самом,— доверительно сказала ему Книга.— Ты уже, наверное, догадался, что отнюдь не являешься слабоумным — твои способности намного превышают возможности большинства людей. Вряд ли кто-нибудь еще способен в течение нескольких десятков минут так круто развить свою память практически от нуля... В этом нет никакого чуда, более того — для тебя это обыденное явление, ты только приходишь в свою обычную форму. Но так же ежедневно ты и теряешь все — у тебя есть враг, страшный и беспощадный: сон. Сон!!!

Когда-то, лет пять назад, ты считался одним из самых многообещающих молодых ученых-математиков. Блестяще защитив в тридцать лет докторскую диссертацию, ты стал начальником лаборатории, уверенно шел дальше к профессорскому званию, но вдруг попал в автомобильную катастрофу. И твой мозг, получив серьезную травму, не выдержав нервных перегрузок из-за гибели жены и сына, отказал... Каждую ночь он, погружаясь в небытие сна, теряет почти всю «интеллектуальную надстройку», спускаясь на крайне низкий уровень функционирования...

В течение долгого времени ты находился на излечении, врачи надеялись найти пути борьбы с твоим необычным недугом, но все оказалось бесполезно. В процессе сна в нейронах твоего мозга, перегруженных сложной информацией, которая не является жиз-

ненно важной для организма, происходят необратимые биохимические реакции... И каждое утро ты начинаешь как будто с нуля.

Ты очень просил, и со временем тебя оставили в покое. Друзья устроили тебя на сравнительно легкую работу рядом с домом, требующую только физических усилий, и ты стал дворником. Врачи считали, что это — лучший выход из положения, что твоя память никогда не придет в норму. И они оказались правы.

Ты мог бы успокоиться и жить не так уж плохо, поскольку самостоятельно давно уже не в состоянии вспомнить, кого ты потерял и чего ты лишился. Друзья постепенно оставили тебя в покое, для них ты уже не тот Андрей Чернов, которого они знали и любили, а всего лишь больной человек, которому внимание и назойливое сочувствие доставляют только новые мучения.

Тех, кто не хотел примириться с этим, ты сумел оттолкнуть.

И тогда ты остался одинок.

И ты начал все снова.

Три года ты писал эту книгу, подымаясь самостоятельно шаг за шагом по лестнице своего интеллекта вверх, и когда ночью ты неизбежно скатывался с нее, у тебя оставался верный помощник и советчик, предлагающий тебе проверенный путь — как вновь подняться до вчерашнего уровня. И главное, благодаря книге и своим недюжинным способностям в течение дня ты, как правило, успевал немного продвинуться дальше в развитии своего интеллекта и занести все новое на очередные страницы. И так, постепенно, ты овладел методом, который тебе не смогли предложить лучшие врачи, — ты САМ научился безошибочно проходить свой эволюционный путь — от дворника до талантливого ученого — в течение одного дня. КАЖДОГО дня.

Пока хватит о прошлом. Теперь я открою тебе одну тайну, которая во многом объясняет твои выдающиеся достижения в той, прошлой жизни. Ты никогда не рассказывал никому об этом, боялся насмешек и непонимания... а два года назад, блуждая в дебрях своего разума, случайно вновь наткнулся на это. Я говорю о твоей способности растягивать внутреннее биологическое время. Ты можешь за час прожить «внутри себя» целые месяцы, убыстрив в сотни раз скорость своего мышления. Именно поэтому ты в состоянии за три-четыре «внешних» часа с помощью книги восстанавливать ежедневно свой интеллектуальный потенциал.

А сейчас отодвинь занавеску в углу комнаты за платяным шкафом».

Заинтригованный, Андрей подошел к шкафу и отодвинул занавеску. Он почти не удивился, обнаружив за ней еще одну дверь. «Ну конечно, там же вторая комната, — лихорадочно подумал он, — ведь не зря я плачу пятнадцать рублей в месяц. И как я утром мог забыть о такой простой вещи!..»

Он открыл дверь и замер, потрясенный.

В начале первого он вышел на улицу, давая немного передохнуть уставшему мозгу (так научила его Книга). День был солнечный, золотистые клены плавно раскачивались в такт порывам холодного ветра, изредка роняя на землю листья, но это совсем не раздражало его. Он не спеша прошелся по своему участку, разбрасывая ногами сухую листву и улыбаясь своим затаенным мыслям. Как много произошло за эти несколько часов! И что его ждет впереди?

У магазина он встретил соседок, живо обсуждающих последние новости, и вежливо раскланялся с ними, внутренне волнуясь, как они его примут такого — подтянутого, чисто выбритого, в новом джинсовом костюме. Но они, казалось, совсем не удивились, а только, проводив его сочувственными взглядами, зашептались еще горячее, поглядывая ему вслед.

Впрочем, они, паверное, и не знали его другим, утренним, размышлял Андрей, сворачивая на узкую асфальтовую дорожку лесопарка, ведущую в соседний дачный поселок. Судя по тому, что ему рассказала Книга, каждый день он проходит мучительную операцию реконструкции самого себя, подымаясь от тупого, полуживотного уровня до нормального человеческого состояния, овладевая снова и снова своим мозгом. Быть может, об этом его каждодневном перерождении никто и не знает? Быть может, тетя Настя всегда его воспринимает только как небритого, косноязычного человека с меглой в руках? Интересно, как она отнеслась бы к вот такому, заново рожденному Андрею?..

Проходя около двухэтажного массивного коттеджа, утопленного в желто-буром мареве сада, он остановился, смущенный какой-то неясной мыслью, и тут же услышал приветственный крик:

— Пришел! Андрей Сергеевич, что же ты, мужики заждались!

Он увидел в глубине двора под густой липой группу мужчин, уютно расположившихся около большого стола. Они радостно замахали ему руками, и тогда он вспомнил — да это же его приятели, с которыми он днем часто проводит время обеденного перерыва. Он открыл калитку и несмело вошел во двор, не зная, как себя вести.

Лица сидящих за столом показались ему очень знакомыми, но он с большим трудом вспомнил лишь имя хозяина, расположившегося на солнышке в теплом мохеровом свитере, время от времени гостеприимно разливая по стаканам пиво из глиняного кувшина.

— Припоздал ты сегодня что-то, Андрей,— укоризненно сказал Петр Михайлович, размешивая черные костяшки на отполированной руками игроков до блеска крышке стола.— Совсем «Спартак» нас сегодня задавил, мы с Леней едва-едва пару «рыб» сделали...

— Ничего, сейчас дело пойдет,— сказал Леня — высокий

худой парень в спешке, энергично выуживая костяшки из кучи и пряча их в раскрытую ладонь.— Мы еще покажем, на что годится ЦСКА! Давай, Федорович, заходи!

Сидящий напротив Андрея старик в промасленном комбинезоне крикнул и, почесав затылок, аккуратно положил на стол «наполеона». Хозяин тут же щелкнул костяшкой, выпустив на конец «двойку», которых у Андрея было навалом. Он блаженно улыбнулся и подмигнул партнерам. Игра началась...

Постепенно, минут через десять, Андрей стал ориентироваться в происходящем. Оказывается, на даче Петра Михайловича, бывшего директора овощной базы, ныне пенсионера, вот уже второй год собирается один и тот же состав любителей «забить «козла» — сам хозяин, четверо рабочих со стройки жилого многоэтажного дома, который за это время вырос едва до половины, и Андрей. Играли только в обеденный перерыв строителей — с двенадцати до часа, как раз в то время, когда Андрей по совету Книги выходил прогуляться. Эти игры в домино стали ежедневным ритуалом для всех шестерых, здесь же, за столом, наскоро обедали и обсуждали последние новости. Андрея все знали хорошо и, судя по всему, уважали — за рассудительность, живое остроумие и редкостное умение играть в домино.

— А куда же это ты вчера, Андрюха, ездил? — неожиданно спросил Леонид, прокатывая Федоровича под одобрителный смех его партнеров — двух молодых рабочих лет двадцати.

Андрей едва не выронил костяшки домино из рук.

— Путаешь ты что-то, Лень, — ответил он укоризненно. — Ты что на меня уставился? Ты лучше за Федоровичем смотри, что-то он нам готовит, какую-то ловушку, чует мое сердце...

— Верно, ездил, — подтвердил Федорович. — Меня вчера старуха в прачечную в Никишкино вечером послала. Влезаю, значит, в автобус с полной сумкой барахла — вижу: Андрюха наш при полном параде сидит у окна, портфель, значит, на коленках, и какие-то листки с формулами перелистывает. На меня, значит, старика, ноль внимания. Народу — тыща! Ногу поставить некуда, сумку хоть на голову соседу ставь — а он листки читает. Я уж тебе, Андрюха, кричал, кричал — пока до Никишкина не доехал...

— Да вы что, мужики, — хладнокровно делая «рыбу», сказал Андрей. — Я уж года два как в городе не был, да и костюма никакого шикарного у меня нет. На мои семьдесят рубликов в месяц такого и не купишь!

«А впрочем... — с сомнением тут же подумал он, вспомнив свою вторую комнату, заполненную стеллажами с научными книгами. — Был там, кажется, и гардероб... Жаль я испугался и сразу же захлопнул дверь! Ничего, через полчаса вернусь и разберусь с этим делом окончательно».

— Нет, ты не темни, — сказал хозяин, сверля Андрея жестким взглядом. — Я уже к тебе давно приглядываюсь... да как-то случая не было заговорить об этом. На той неделе, скажем, я дважды хо-

дил в ваш поселок утром — прогуляться и встречал тебя с метлой: морда тупая, небритая, только на мостовую и смотришь. Я у тебя специально дважды прикурить просил (в его голосе зазвучало торжество), а ты меня не узнал даже. Меня — и не узнал! Это как понимать?

— Очень просто это понимать, — неожиданно поддержал растерявшегося Андрея один из молодых строителей. — Я раньше тоже зашибал — поверите, иногда по утрам жену признать не мог!

— Положим, так, — недовольно прервал его Петр Михайлович. — Хотя у меня имеются сведения, что наш дорогой Андрей Сергеевич ничего крепче лимонада и в рот не берет. За редким исключением, естественно...

— Это еще откуда известно? — прервал хозяина Леонид. — Михалыч, ты что, ему в окна заглядываешь, что ли?

Мужики зашумели, угрожающе поглядывая на хозяина. Тот понял, что несколько перегнул палку, и вынужден был защититься.

— Ну почему же в окно... Да и как к нему в окно заглянешь, ежели он на третьем этаже живет, а окна день и ночь зашторены? А узнал я про пивные бутылки у Олега Захарьина — ну того шофера, который к нам по воскресеньям приезжает на халтурку под видом сборщика стеклотары. Этот Олег третий год ездит, всех в поселке в лицо знает. Говорит — ты подыми меня ночью и скажи — что пьет, скажем, Дмитрий Сергеевич из тринадцатого дома? А пьет он боржоми да грузинские сухие вина по большим праздникам. И так далее — полное досье на всех наших окрестных мужиков. Так что сведения, Леня, насчет лимонада самые верные, можешь не сомневаться.

Мужики зашумели.

— Считай, Андрюша, доказано, что ты не пьешь, — мягко продолжил он. — Ну и хорошо, и правильно. Только тогда как объяснить то, что по утрам ты машешь метлой и своих друзей не узнаешь, а по вечерам в город ездишь, носа в автобусе из всяких научных формул не вытаскиваешь и опять же своих не узнаешь? (Голос Петра Михайловича восторженно зазвенел.) Как все это объяснить, а? Кому ты голову морочишь — ЖКО, нам или кому-то там, в городе?

«Вот, значит, как, — растерянно подумал Андрей, перебирая дрожащими пальцами костяшки домино. — А я-то думал, что после того случая, когда Вася Никитин меня, можно сказать, из смиренной рубашки в психбольнице вынул, я в городе и не бывал. Оказывается — бывал, и не раз... И эти листки с формулами... Неужели я езжу туда... как ученый?..»

Эта странная мысль оглушающе подействовала на него. Впервые за этот день Книга не успела подготовить его к очередному повороту в своем знании о себе — и он почувствовал страх.

Он машинально посмотрел на часы — было без пятнадцати

час. А он должен уходить не позже чем в час — так его наставляла Книга.

Андрей встал, пошатываясь от невесты откуда взявшейся головной боли, и, приволакивая ноги, пошел к калитке.

Вернувшись домой, он не смог сесть сразу за Книгу — странная апатия овладела им. Он лежал на диване и смотрел, как утекают минуты на настенных часах: тик-так, тик-так, тик-так... Делать не хотелось ничего, и думать не хотелось ни о чем. Еще многое не ясно было в его судьбе, Книга лежала раскрытой меньше чем на треть — но стоило ли идти дальше? Похоже, чего бы он ни достиг сегодня к вечеру после невероятных усилий, ночью неумолимый враг — сон вновь все сотрет мокрой тряпкой с доски его памяти, и он все забудет — и завтра утром опять будет бездумно махать метлой под дождем, мечтая о походе в лес за опятами. А потом? Наверное, перед тем, как улечься в постель, он захочет взглянуть на красивую девушку на обложке Книги... и все завертится снова. Только разве что к Петру Михайловичу завтра идти уже не придется... Как бы не забыть об этом... Ах да, Книга ему напомнит... Ведь перед сном он должен занести на очередные страницы все накопленное за день...

Часы пробили половину второго, но Андрей никак не мог заснуть — его неотрывно тянула к себе Книга, лежащая на столе. «Пойду закрою ее да и уберу куда подальше,— вяло подумал он, сев на диван и елозя ступнями по полу в поисках тапочек.— Ну ради чего я потратил полдня на эту дурацкую Книгу? Что, она сделала меня счастливей оттого, что моя голова стала лучше соображать? Да, читать я теперь могу, и не без удовольствия — это хорошо. В домино могу прилично сыграть, с мужиками побалакать «за жизнь», не чувствуя на себе снисходительных взглядов,— и это неплохо. На что мне еще свой поумневший мозг использовать? Куда себя деть? Сходить в лес за грибами, а вечер провести у телевизора — это я мог сделать и раньше. Нет, не нужен для моего заурядного образа жизни «новый мозг», способный за минуту запомнить страницу самого сложного текста, решить быстро и безошибочно любую задачу в пределах школьной программы, вести непринужденную беседу на английском языке о погоде и моей квартире... Не ну-ужен. Зачем же тогда вновь засовывать бедную голову в ярмо? Чтобы через час-другой могучих усилий уметь сделать то же самое, но уже в пределах университетского курса? Ну и что?..»

И тут ему вспомнилась обнаженная девушка на обложке, и неожиданная мысль мягко толкнула его в мозг. Стой, да как же он мог забыть! Ведь два часа назад он не просто проглатывал со скоростью экспресса программу средней школы, нет, он еще и получал *НАСЛАЖДЕНИЕ!* Наслаждение от интеллектуальной работы! И куда большее, чем от скабрёзных описаний в начале Книги. Тогда нужно ли продолжать лежать в постели, не испытывая и тени удовольствия — одну только тупую тяжесть в искусственно

заторможенном мозгу и отказывать себе в наслаждении мыслью?

Через минуту он уже сидел за секретером и с жадностью перелистнул очередную страницу. Что ждет его впереди?

Книга предложила ему небольшую интеллектуальную разминку — с десятков разнообразных тестов, которые он решил, не без труда преодолевая ленивую инерцию мозга. Но вскоре он опять почувствовал теплые потоки, поднимающиеся вверх по позвоночнику, приятные уколы в затылке, и мозг вновь приобрел власть над ним.

Приведя Андрея в форму, Книга неожиданно отослала его к небольшой книжечке, лежащей на полке секретера. Андрей с недоумением перелистал плотные страницы еженедельника, испещренного чьим-то бисерным почерком (похоже, это был его «новый» почерк!), нашел последнюю заполненную страницу и озадаченно прочел:

«15 октября, вторник. В 18.00 выступление на семинаре по прикладным вопросам диф. игр. В 20.00 приглашен, будут Родичев, Минелли и м. б. Алла. Вых. дом. не позднее 22.00!»

Последняя фраза была жирно подчеркнута красным карандашом, но не она поначалу привлекла внимание Андрея. Он был ошеломлен и несколько раз перечитал короткие отрывистые записи. Неужто через какие-то четыре часа он должен выступать на научном семинаре по диф. игр. (кстати, что это такое?!). И кто они, эти Родичев, Минелли и Алла?

Книга тут же прояснила ситуацию, отослав его к солидному блокноту, лежавшему в секретере рядом с еженедельником. Это оказался некий «Индекс имен», составленный его собственной рукой.

Родичеву было отведено в «Индексе» две с половиной страницы, написанных, очевидно, в разное время — даже чернила встречались разные. Андрей узнал, что Родичев — это начальник лаборатории специальных проблем прикладной математики одного из крупнейших академических институтов, доктор физико-математических наук, лауреат и прочее, прочее... Некогда они учились вместе в университете, вместе начинали работать, негласно соревнуясь друг с другом, но Андрей всегда опережал товарища на полшага — и по защитам, и по премиям, и даже по любовным успехам. После того как Андрей заболел и ушел из НИИ, лаборатория осталась Родичеву, и он уже без препятствий пошел к следующему, профессорскому званию... Ладно, ладно...

Минелли. Гениальный математик из Генуэзского университета. Приехал в Москву на международный симпозиум. Намеревается встретиться с ним, Андреем, «чья ранние работы приводят меня в восторг» (цитата из газеты). На институтский семинар Родичевым заманен только при клятвенном обещании, что там будет выступать и «отошедший от науки по причине здоровья Андрей Чернов».

Алла. Его первая и единственная любовница. Училась в университете на курс младше, влюбилась в него на третьем курсе, ког-

да Андрей прослыл «новым Лобачевским». После того как Андрей женился на Надежде, дочери их декана, два года изводила его ревностью, а затем неожиданно вышла замуж за Родичева. Позднее они вновь стали встречаться (смотри тетрадь в синем переплете)...

Заинтригованный, Андрей было протянул руку к толстой синей тетради, но тут же вздрогнул от перезвона часов. Батюшки, уже два! Так, считаем — до города ехать тридцать минут на автобусе, потом еще десять минут (он взглянул в Книгу), нет двенадцать минут на метро. А он еще совсем ничего не знает о себе как *УЧЕНОМ*. Что же будет, как он успеет за оставшееся время взобраться на Монблан своей научной специальности?!

И тут он, уже без помощи Книги, вспомнил о своей удивительной способности растягивать время.

* * *

Андрей первым вошел в банкетный зал, нахально опередив сияющего Родичева, который вместе с заместителем директора института, седым одутловатым профессором Мухиным, нежно вел под руки слегка упиравшегося Минелли. Остальные гости — участники только что закончившегося семинара — шумной толпой шли, соблюдая определенную дистанцию, позади.

Пока распорядитель вместе с Родичевым приглашал всех за стол (на каждом стуле предусмотрительно были разложены картонные карточки с именами, написанными от руки изящным старобразным почерком с завитушками), Андрей уже усаживался на приглянувшемся ему месте — на самом конце стола — оторстка, уходящего от основного стола в уютную полутень. Место было как по заказу для настроения Андрея — даже не «балконом пятого яруса», а просто «неудобным», за колонной. Такие места на банкетах обычно предназначаются дальним родственникам из числа наезжающих в Москву (чтобы больше не наезжали), или горемыкам-аспирантам, сделавшим большую часть черновой работы за диссертанта — чтобы знали свое место и помалкивали.

Усевшись на мягком, чуть скрипучем стуле, он ради любопытства пробежал глазами по белому плотному квадрату и не удивился, увидев на нем свою фамилию. Что ж, усмехнулся он, по Сеньке и шапка. Могли и вообще не пригласить...

Воспользовавшись несколькими минутами замешательства в зале (каждый, как обычно, посчитал, что его посадили не там и не с тем), Андрей закрыл глаза и мысленно попытался восстановить весь ход дискуссии, возникшей на семинаре после его доклада. Вот он, раскрасневшийся от духоты, подчеркивает на доске огрызком мела последнюю формулу гамильтониана, вытирает чуть дрожащие руки носовым платком и, стараясь не смотреть в зал, подходит к кафедре. На ней заманчиво блестит стакан с водой, но он сдерживается, хотя во рту пересохло, и вопросительно смотрит напра-

во, на председателя. Профессор Мухин вместе с секретарем семинара еще разглядывает его последние выкладки, на их лицах написано некоторое недоумение. Что ж, Андрей сам виноват — на семинарах такого уровня (да еще в присутствии таких корифеев, как Минелли) не принято лезть в густые математические дебри, а требуется по возможности просто и доступно изложить основные результаты работы, нажимая на их несомненную ценность для практики. А его почему-то повело...

Наконец морщины на лбу Мухина разглаживаются, он что-то со смехом бросает секретарю, сам обращается в зал, невольно смотря на Минелли, севшего по собственной инициативе чуть ли не на последний ряд.

— Ну что ж, любопытно, любопытно... Я полагаю, можно приступить к обсуждению. Кто из уважаемых участников семинара (он снова смотрит на Минелли) желает высказаться?

Андрей берет себя наконец в руки и всматривается в лица участников семинара. Со многими сидящими в зале он работал долгие годы, но Книга познакомила его только с теми, с кем он был сейчас непосредственно связан по своему «самодетельному творчеству». Родичев, сложив руки на полноватом животике, смотрит на него явно осуждающе и наверняка раскаивается в том, что взял риск на себя и выпустил Андрея после многолетнего перерыва на всеобщее обозрение. На его лице легко было прочесть нечто вроде: «Э-эх, промашка вышла... Все-таки человек немного не в себе после болезни, вот и сорвался. Надо было выпустить какого-нибудь молодого кандидата, тот бы отбарабанил результаты как «отче наш» и ушел целым и невредимым...» А что думают остальные? В зале наберется пять-шесть головастых мужиков, читающих любой математический экспромт с листа, и в зале есть Минелли. Сейчас начнут спрашивать, сейчас...»

— Андрей! — мягко произнес рядом чей-то женский голос. — Ты что, заснул?

Ему очень не хотелось открывать глаза, но Алла со смехом вернула его к действительности. Она сидела рядом, эффектно развернувшись к нему так, что он сразу же был «сражен» — и водопадом ее темно-медных волос, и очаровательным овалом лица...

— Сдаюсь, — рассмеялся Андрей после минутного замешательства (улыбка Аллы сразу же стала значительно теплее). — Выпускаю белый флаг и встаю на якорь, полагаясь на милость флибустьеров.

— Напрасно полагаешься, — рассмеялась Алла, вручая ему бокал и демонстративно не замечая томительной паузы, возникшей в зале перед первым официальным тостом. — Корабль будет разграблен до основания, все посторонние женщины выброшены за борт на радость акулам, а мужчины уведены в рабство! Хотя бы на сегодняшний вечер...

На них зашикали — Родичев уже поднимался там, в другом

конце зала, с фужером в руке и почему-то смотрел в их сторону. «Ну да,— вспомнил Андрей скучные данные «Индекса имен»,— Алла же его бывшая жена. И расстались они сразу же после того, как он, Андрей, попал в катастрофу... Жаль, он не успел, готовясь к докладу, пролистать толстую синюю тетрадь, посвященную их сложным взаимоотношениям. Столько и так пришлось изучить — вновь изучить! — за какие-то два с лишним часа. Сначала сокращенный университетский курс матанализа, потом ряд специальных курсов: теорию чисел, функциональный анализ, численные методы оптимизации и многое, многое другое... Хорошо, что ему сразу же удалось войти в «медленное время» — на все эти десятки толстых томов он потратил менее часа «обычного» времени... Ну а потом его собственная область — теория дифференциальных игр — оказалась почти необъятной, словно материк: со своими горными хребтами, ущельями, дремучими лесами и непроходимыми болотами. И лишь в двадцать минут пятого он выбрал на свой небольшой огород — оптимизацию смешанных стратегий в дифференциальных играх с неполной информацией. Доклад пришлось дочитывать уже в автобусе...

Родичев между тем, непривычно запинаясь, произнес стандартный тост: мол, семинар удался на славу, много интересных идей... налицо достижения института за последний год... корифей, как всегда, на высоте, молодежь, так же, как обычно, подает надежды, и так далее. Все это время Алла, не снижая голоса, подтрунивала над Андреем, вызвав некоторое замешательство в чинном зале — впрочем, Мухин и Минелли с другого конца стола смотрели на нее с явным одобрением. Андрей с угрызением совести заметил, что слева от Минелли стул пустовал, и нетрудно было догадаться, кому этот стул предназначался.

— Эх ты, флибустьерка,— вздохнул он, жадно вглядываясь в сияющее лицо Аллы и с нежностью замечая незаметные на первый взгляд отклонения от отпугивающей каждого мужчину идеальной красоты — и редкие веснушки, не скрытые тонким слоем пудры с блестками, и легкую горбинку на изящном носу, и чуть полноватые, неправильной формы губы... Милая, милая...

— Никуда ты не денешься от королевских фрегатов! Подвесит тебя завтра Родичев на рее в нашей лаборатории за явное пренебрежение к высоким особам, особенно иностранного происхождения. Думаешь, тебя там держат как талантливого кандидата наук? Ошибаешься, только в качестве букета, который можно поставить при случае рядом с самыми почетными гостями!

Алла рассмеялась.

— Я и так сижу с самым почетным гостем. Кто сегодня нарушил чинное течение семинара? Я сидела рядом с Минелли и боялась, что старик вот-вот заснет. Но ты его прямо-таки зажег!

— Да... зажег! Хорош был костер — весь доклад сгорел дотла! Мне с завтрашнего дня ничего и не остается, как посыпать голову пеплом. Надолго его хватит!..

Они помолчали, пристально глядясь, уже без улыбки, в глаза друг другу. Андрею показалось, что они с Аллой отгородились от всех какой-то невидимой стеной.

— Ну, как живешь, Андрюша? — наконец тихо спросила Алла, бесцельно вертя в руках пустой бокал. — Я не видела тебя почти две недели...

— Все хорошо, — поспешно прервал ее Андрей. — Работал над докладом, как проклятый... Времени у меня в обрез — ты же знаешь...

Да, Алла все знала. Все.

— Знаешь, ты похудел... По-прежнему питаешься бог знает чем? Ну конечно, когда тебе готовить, если и позвонить мне пяти минут не находишь... А уж что у тебя дома творится...

— Не надо об этом, — резко сказал Андрей. — Мы же договорились с тобой однажды — не надо об этом говорить никогда.

Алла, возбужденная, уже не пыталась сдерживать себя.

— О чем же мы будем еще разговаривать — может, о твоей теории? Нет, о ней ты со мной говорить не станешь — если уж сам Минелли запутался в твоих выкладках, что же ждать от рядового кандидата наук, да еще бабы. Да, бабы! И мысли у меня обычные, бабы, и жгут они меня с утра до вечера, а уж ночью... И думаю я вовсе не о том, как продвигается твоя замечательная теория, которой наша лаборатория последние два года прикрывается как железным щитом. Плевать я хочу на твою теорию! Мне важно другое — как ты живешь, о чем ты думаешь, вспоминаешь ли обо мне хоть иногда — сам, а не под диктовку Книги? Что ты ешь за завтраком, не простукаешься ли на работе, что ты чувствуешь, когда на тебя надвигается черная волна твоего дьявольского сна... Вот о чем я хочу с тобой говорить!

Андрей с жалостью смотрел на ее искаженное болью лицо, ставшее вдруг совсем некрасивым, с черными капельками слез, стекающими по щекам, смывая блески. Так хотелось сжать это лицо руками и целовать, целовать у всех на глазах... Но это безнадежно. Безнадежно!

С трудом он взял себя в руки и украдкой посмотрел на часы. Оставалось совсем немного времени...

— Ну что ты смотришь на часы, как Золушка! — вновь взорвалась Алла, придвигаясь к нему так, что их плечи соприкоснулись — по Андрею словно молния пробежала. — Я помню, что тебе пора, не беспокойся — я отвезу тебя на машине. Ты даже и не заметил, что вместо шампанского я пила лимонад... Знай — сегодня я еду с тобой!

— На нас смотрят, Алла! — напряженным голосом сказал Андрей.

— Плевать, пусть смотрят. И муженек мой бывший пусть смотрит, как я перед тобой стелюсь. И Минелли твой замечательный тоже пусть смотрит. Я на все пойду теперь, на любое унижение, только бы не оставить тебя одного.

— Нет, человек должен иметь право на одиночество. А вы все хотели тогда, после начала моей болезни, это право у меня отнять. И кому от этого стало лучше? Моим друзьям? Да по утрам мне с ними и поговорить не о чем было, у меня в это время от умных разговоров только голова болит. А вечером мне разговаривать с ними тоже несподручно — сама знаешь, на какую гору каждый день приходится карабкаться. Каждый день снова и снова. И все равно часам к пяти-шести вечера я успеваю восстановить лишь часть своей личности. Только часть! Сегодня, например, я почти ничего не знаю про наши с тобой отношения — некогда было читать записи, не относящиеся прямо к работе. Не-ког-да! Знаю, что ты стала моей любовницей давно, еще в институтские годы, потом я женился на Наде, а ты от обиды стала женой друга-соперника Родичева. И то, что мы позднее вновь стали встречаться, тоже знаю. Но это знание вычитано из Книги. Сердцем я ничего не помню — ни одной нашей встречи, ни одной ночи...

— Замолчи... — умоляюще прошептала Алла, закрыв лицо ладонями.

Андрей опомнился. Его била нервная дрожь, но он решил довести дело до конца. Так ему рекомендовала Книга. Сегодня — и до конца. Хватит мучить беспочвенными надеждами единственную женщину, которая еще любит его.

За столом было почти пусто — народ подался в соседний общий зал, где разухабисто гремела музыка. Только там, на дальнем конце стола, одиноко сидел Родичев и вяло ковырял ложкой кусок торта. На них он уже не смотрел.

— Мне надо идти, — как можно мягче сказал Андрей, глядя Аллу по плечам и чувствуя, как в нем все бурлит от жалости к ним обоим. — И мой тебе совет — возвращайся к Родичеву, ведь он любит тебя больше жизни. А со мной... поверь, это безнадежно. Сам я, конечно, этого не помню, но Книга рассказала, как ты однажды утром приехала ко мне домой и попыталась обосноваться, пока я... Ну, сама понимаешь. Сколько ты тогда выдержала — неделю?

— Почти две, — тихо сказала Алла.

— И как сбежала от меня, тоже помнишь?.. Нет, в чем-то я все же счастливей вас всех — я помню каждый день только то, что решил помнить накануне. Иначе, наверное, я не смог бы так хладнокровно сегодня всадить в тебя нож, как хирург, удаляющий лишний нарост... И вот еще что — не надо меня жалеть! Я живу полнокровной жизнью, я не калека и не инвалид — я просто *ДРУГОЙ*. Как, скажем, буддийский монах, проживший всю жизнь в горах Тибета. Я — другой, чем вы. Другой!..

Алла все еще не отнимала рук от лица, но уже не плакала — просто сидела, одинокая и заледеневшая. Сердце Андрея разрывалось от боли, но он ничего не позволил себе, только чуть прикоснулся к ее волосам сухими губами. Когда он проходил мимо Родичева, тот даже не повернул головы.

В автобусе Андрей впервые почувствовал признаки приближающегося сна. Он сидел на переднем сиденье в полупустом салоне, поглаживая «дипломат», чтобы хоть как-то занять дрожащие руки, и смотрел в окно. Ранняя октябрьская ночь уже спустилась на мелькающие мимо колхозные поля. Где-то далеко, над неровной полосой леса, в туманной дымке золотился узкий серп луны. Да, день подходил к концу. Еще один день...

Он невольно зевнул, и вдруг ощутил страх. Его коварный недруг сон, оказывается, уже на пороге. Но как же так, еще только половина одиннадцатого, детское время, надо так много обдумать и занести в Книгу все новое, что он сегодня узнал!

Но глаза его слипались под уютное убаюкивающее покачивание машины, так что ему пришлось достать из «дипломата» текст доклада и пробежаться по нему глазами, вспоминая остроумные замечания Минелли. Где же нашел ошибку знаменитый математик? Ага, вот здесь, после этого функционала...

Андрей увлекся и попробовал на обороте страниц развить идею Минелли. Черт побери, получается любопытно...

Очнулся он только тогда, когда автобус, взвизгнув тормозами, остановился как вкопанный. Конечная остановка, приехали. Э-эх, не успел, надо было «растянуть время», можно было довести выкладки до конца... Впрочем, можно ли «растягивать время» на людях? Нет, вроде бы Книга это не рекомендовала...

Шагая по темным, плохо освещенным улицам поселка, Андрей думал об Алле. Кажется, сегодня ему удалось наконец все разорвать. Так резко отхлестал ее словами... нет, этого ни одна женщина не выдержит. Да еще их разговор будут долго обсуждать у нее за спиной в институте — это ведь только казалось, что их никто не слушал. Слушали! А завтра постановят и осудят в тесной рабочей обстановке... Бедная, бедная Алла... Если бы она только знала, что он ей солгал... Ведь многое из их встреч он помнил и без Книги — и их безумные ночи, и ее глаза, полные счастья... Помнил — и проклинал эти воспоминания! Как бы они ни были ему приятны, они не заменят ему те, другие, начисто выпавшие из его памяти. Жена, сын... Надя, Олежка...

Он долго стоял, привалившись к косяку входной двери и задышавшись от невесть откуда хлынувших слез. Затем он быстро вошел в подъезд и долго поднимался вверх по лестнице, останавливаясь на каждом пролете. Силы, казалось, совсем оставили его, голова кружилась, тошнило...

Дома, выпив несколько чашек крепкого кофе, он немного успокоился и заставил себя, несмотря на легкое головокружение, сесть за стол. Нужно было на двух-трех листах изложить все накопленное за прошедший день — и обсуждение доклада, и новости, услышанные в кулуарах, и разговор с Аллой... Только бы успеть...

Он успел — даже не пришлось в очередной раз растягивать

время. Да и неизвестно, смог бы он это сделать сейчас, в половине двенадцатого, — голова с каждой минутой становилась все тяжелее и непослушнее, мысли начинали путаться. Последние фразы получились у него корявыми, безграмотными, но он успел. Успел!

Вклеив три плотно исписанные страницы в Книгу, Андрей оставил ее на столе секретера закрытой — с полуобнаженной женщиной-приманкой на обложке. Сейчас начнется, сейчас...

Но сон неожиданно отступил, и голова на минуту вновь стала легкой и ясной. Андрей увидел себя полураздетого, стоящего у распахнутого дивана с несвежим, давно не менявшимся бельем... Что-то он еще должен сделать, что-то очень важное...

Должен?..

Медленно ступая по холодному линолеуму босыми ногами, Андрей подошел к темному участку стены, туда, чуть правее секретера, и на ощупь нашел на ней тонкий провод с выключателем. Вспыхнул неяркий свет.

На большой черно-белой фотографии были все трое — Надя, счастливая, хохочущая, с Олежкой на руках, и он, Андрей, обнимавший сзади их обоих. Такая радостная семейная куча мала... Надя, Олежка... Надя, Олежка... Надя, Олж... Машина? Зачем на фотографии машина?!

Он закрыл глаза и тут же явственно услышал визг тормозов. Из-за поворота вынырнул грузовик, слепя его фарами. Куда ты прешь, дурак! Руль — вправо! Быстрее! Нет, не успеть! Не успеть!!

* * *

Резкий звон будильника вырвал его из небытия, темного, болезненного, насыщенного призрачными, набегающими друг на друга, словно волны, кошмарами. Он захлопал, не открывая глаз, ладонью по столу, стоящему рядом с диваном, но будильник был далеко, на серванте, и, чтобы придушить его, нужно было подняться и пройти несколько шагов по холодному полу. Одна эта мысль привела его в ужас, и он с головой закрылся толстым ватным одеялом, свернувшись в клубок, — так в детстве он спасался от многих неприятностей. Еще минутку, сказал он сам себе, пряча голову под подушку, еще хотя бы минутку...

Через двадцать минут он уже стоял, поеживаясь, на невысоком каменном крыльце и мрачно осматривал свой участок. За ночь почти все клены сбросили свою листву, и теперь толстым, чуть посеребренным первым инеем слоеном она застилала все улицы. К бурожелтому месиву кое-где примешивались и какие-то зеленые кучки... батюшки мои, да это старик тополь почти на треть опал! Ты что, родимый, очумел — всегда же до холодов терпел! И кусты придорожные дождь все оголил... Да что ж теперь-то переживать! Э-эх, раззудись, плечо, размахнись, рука!... И поспешать надо, а то тетка Настя еще какую работу ему найдет. До чего же вредная тетка, если подумать!

Андрей взял покрепче метлу в руки и спустился с крыльца. утонув сразу же в кленовых листьях по щиколотку.

День обещал быть трудным.

ДМИТРИЙ ЖУКОВ

СЛУЧАЙ НА ВУЛКАНЕ

Теперь-то я знаю, что такое извержение вулкана. Это канонада гигантских взрывов, свист раскаленных бомб, рев газовых струй, потоки огнедышащей лавы, столб измельченных веществ, уходящий на десятки километров вверх, черная ночь среди бела дня... И когда частицы вулканического пепла развеет ветер, все вокруг окажется усыпанным... вулканологами.

Но кажется, мне известна и тайна извержений, о которой я никогда не решусь поведать ни одному вулканологу. Надеюсь, не выдадите меня и вы... Итак, доверительно и по порядку.

Самолет летел на восток. В одиннадцать тысячах метров над землей быстро смеркалось. Махровым ковром стлалась далеко внизу изнанка туч. За бортом пятьдесят градусов мороза, а в салоне тепло и вонюче от тел, от ног распаренных московской жарой пассажиров, убежавшихся и скинувших обувь. Я огляделся. Все спали, и в неудобных позах людей, устроившихся кто как мог в креслах с откидными спинками, мне увиделась усталость, несокрушимая власть тяготения, которая и на огромной высоте давила каждую мышцу...

Знал бы я, что мелькнувшая и тут же забытая мыслишка о тяготенье через несколько десятков часов вдруг возрастет до волшебной яви, до гигантской мысли, до звездной мечты и потрясения известных устоев мироздания!

А пока, поглощая тоннами топливо, самолет несет себя сквозь очень короткую ночь, навстречу солнцу, которое представилось сначала розоватым озером с бегущими коричневато-лохматыми берегами. Потом где-то внизу показалось округлое малиновое пятнышко, несущееся с громадной скоростью под самолетом, пока не выплыло оно в открытое небо ослепительной, до рези в глазах, пылающей горой.

До Камчатки оставалось несколько часов лету.

...Из белой пустыни высунулся правильный конус Корякского вулкана. За ним виднелись смазанные вершины Авачинского, Козельского... Из взятых впопыхах в дорогу брошюр, написанных вулканологами, я в последние часы почерпнул ровно столько све-

дений, сколько надо было, чтобы не выглядеть полным невеждой в разговорах с ученым человеком, который старается потеснее познакомиться с богом огня и ведет свою родословную от Гераклита, Аристотеля, Страбона и Плиния Младшего, описавшего катастрофическое извержение Везувия и гибель Помпеи.

Несмотря на почтенный возраст науки, она не пошла дальше гипотез о подземном океане магмы, которая по трещинам в земной коре выбирается поближе к ее поверхности, «как бы вскипает» и под гигантским давлением газов и пара просачивается наружу, застывает, нагромождая на земле в весьма стройном географическом порядке крутобокие снежные пики, достигающие заоблачных высот.

Впрочем, совсем еще недавно, лет двести тому назад, немецкий ученый Вернер полагал, что извержения вулканов происходят от горения под землей пластов угля. Его друг, великий Гёте, сочинил эпиграмму, в которой были такие слова: «Бедные скалы базальта, вам надо огню подчиняться, хоть никто не видал, как породил вас огонь». Она метила в тех, кто отстаивал вулканическое происхождение базальта. И среди них был Эрих Распэ, сочинитель похождений барона Мюнхгаузена...

Вулканологи и поныне много спорят. А в последние годы именно на Камчатке возникла версия о том, что жизнь на земле зародилась во время вулканических извержений — сперва сложные органические соединения, потом эволюция их, и вот вам венец творения — человек! И вообще все, как они считают, в чем и на чем развивалась жизнь — атмосфера, гидросфера и сама земная кора, возникло в результате вулканизма.

В отличие от барона Мюнхгаузена, искренне и безоговорочно верившего в правдивость своих рассказов, вулканологи не стесняются слов «возможно», «как бы», но больше описывают извержения вулканов, нежели знают точно их причины. По красочности описаний они сродни нашему брату журналисту.

«Вершины, таинственно плавающие в тумане; голубыми глазами глядящие в высокое небо кратерные озера; белые дымы фумарол...»

Лирично воспринималось само деление вулканов на потухшие, уснувшие и действующие. Первые только угадываются. Извержения вторых никто никогда не видел, и проявляют они себя лишь содроганиями земли. Зато в третьи записаны все, что на памяти человеческого рода пускали в небо хотя бы дымок или струйку пара.

На Камчатке одних действующих вулканов около тридцати. И если существует специальный рай для верных своему делу вулканологов, то это — Камчатка.

В окно иллюминатора я приглядывался к Авачинскому вулкану. Он напоминал верхнюю часть безголового манекена, на который напялили шубу с воротником шалью. Вершина Корякского достигает трех с половиной тысяч метров. В незапамятные

времена Авачинская сопка была еще выше, но чудовищный взрыв поднял в поднебесье миллионы тонн породы, а из «кальдеры», образовавшейся в результате этого ямы диаметром в четыре километра, стал расти новый конус. Это была «шея» манекена, а край старого кратера, размытый лавой с одной из сторон, образовал «воротник». Каждые десять-двадцать лет новый конус сотрясали взрывы помельче, вздымались фонтаны жидкого камня, ходуном ходила земля, «шея» росла, пока в 1945 году Авачинский не успокоился совсем, и лишь появлявшийся над новым конусом белесый дымок предупреждал, что спокойствие это призрачно, что исплинские силы в недрах земли дремлют до поры до времени...

И кажется, это время пришло.

О чем меня и оповестил редактор нашего отдела предельно лапидарным вопросом:

— Хочешь слетать на Камчатку?

А почему бы и не слетать, если дни в Москве и ее окрестностях (по сравнению с Камчаткой) проносятся молниеносно, а на поверку оказывается, что жизнь твоя — одна суета и тоска по чему-то большому, приносящему удовлетворение и, может быть, славу. Для своих тридцати лет я еще честолюбив, хотя ничего не делаю для бессмертия, если не считать заметок о производственных успехах предприятий, на которые по неведомым мне причинам бросал благосклонный взгляд наш редактор. Он безжалостно вычеркивал из моих заметок то, что называл «красотами стиля», и ставил их в полосу. Газета выходила, но даже близкие мне люди не удосуживались прочесть до конца хотя бы одно из моих сочинений. Оставалось мечтать, как на лекциях в студенческие годы на факультете журналистики. Яркие события и свое геройство в них я мысленно отливал в чеканные строки, колонки, целые газетные полосы, скрывая буйную игру воображения непринужденностью поведения, которую некоторые принимали за развязность.

— Хочешь на Камчатку? — переспросил мой непосредственный начальник, видевший меня насквозь. Человек он был опытный, всегда точно определял ход и исход любой кампании и потому пересидел в газете полдюжины ее главных редакторов и ответственных секретарей.

— Ну! — ответил я сибирским междометием, означавшим у нас согласие. Летняя путина, подумалось, прогрессивная техника на службе истребления живности Мирового океана. Тысячи тонн добычи сверх плана на сэкономленном материале... Кроме шуток, это было уже интересно. Так далеко у нас посылали редко. Дорого, да и всегда можно взять материал у собкоров других средств информации. Но у редактора был нюх, он ничего не делал зря.

— Погляди телекс, — продолжал он. — Авачинский вулкан просыпается.

Сочту за честь... — пробормотал я, смутно припоминая ви-

денное на экране телевизора — сопки, вулканы, героически заглядывающие в бездну вулканологии...

— Не выступай,— перебил редактор.— Наведаешься в Институт вулканологии в Петропавловске. Три колонки. Репортаж с места событий. Оформляй командировку...

К тому времени, когда самолет завершал круг для захода на посадку в аэропорту у Елизова, одного из трех городов Камчатки, ветер разогнал тучи, и справа показались кварталы Петропавловска, а внизу зачернела вода Авачинской губы, способной укрыть от ярости вечно беспокойного Тихого океана флоты всего мира, если бы им вздумалось вдруг оказаться поблизости. Промелькнули устья рек Авачи и Паратунки, и самолет, угрожающе дрожа и потрескивая, покотился по бетонной полосе.

Когда я выбрался на поистине свежий, заставлявший поежиться, совершенно прозрачный, пронизанный солнцем воздух, картина передо мной предстала удивительная и до того непохожая на все, когда-либо виденное, что я невольно ахнул.

Вулканы, казалось, стояли тут вот, рядом, за самым краем летного поля, хотя я точно знал, что до них несколько десятков километров. Они занимали полнеба. Словно вычерченный чертежником, равнобедренный Корякский. Торчащий из «воротника» усеченный конус Авачинского. Подавленный величием соседей Козельский. Плотная зелень лесов у оснований и белые шапки, испещренные черными штрихами... Графика великого мастера — природы.

Я поймал себя на том, что, как многие в нашем веке, сравниваю не искусство с природой, а природу с искусством, и пригляделся к Авачинскому вулкану, заставившему меня одолеть тысячу десять километров и девять часовых поясов.

Сопка была безмятежна. Над вершиной ее уходило в небо вертикальное, почти прозрачное, безобидное облачко, на которое пассажиры из местных показывали пальцем удивленно, считая это зрелище, видимо, непривычным.

Безмятежность картины была, как потом оказалось, обманчивой.

Первое дело для командированного — определиться в гостиницу. Автобус довез меня до Елизова, до десятого километра Петропавловска-Камчатского. Такой уж это город: почти весь он — одна улица, петляющая меж сопки на берегу Авачинской губы. И остановки городского транспорта объявляются как километры — десятый, восьмой и так далее. Чем ближе к центру города, тем меньше этих километров.

И вот я уже в вестибюле гостиницы «Авача», где гордо висит диплом о присвоении ей второго разряда и остро пахнет хлорофосом. Я уже знал от самолетных попутчиков, что на полуострове

тьма крыс и тараканов, питающихся, кажется, ядохимикатами, и совсем нет ни лягушек, ни змей, ни действующих церквей, поскольку холонокровные и священники, видимо, не выносят трясений земли и запаха серы, извергаемой из недр вулканов.

Не успел я войти в номер и щелкнуть выключателем, как лампочка качнулась, и я почувствовал тяжесть в ногах. Потом они стали ватными. И снова тяжесть... К горлу подступил комок, как в падающем скоростном лифте. У меня уже был опыт подобных ощущений, и я не особенно испугался. Землетрясеньице... Из коридора донеслись встревоженные голоса. Я вышел из номера. Командированные и туристы толпились у столика дежурной по этажу, а она спокойно говорила им:

— Не пугайтесь, спите. Ничего страшного не будет, мы уже привыкли...

Узнав номера телефонов Института вулканологии, я стал набирать их. Институт не отвечал.

Я вылетел из Москвы в ночь. Теперь в столице уже был день, а на полуострове наступили новые сутки, новое число. Из-за этой путаницы во времени я провел камчатскую ночь в кошмарах и пробуждениях. Восстав ото сна, я с трудом дозвонился до Института вулканологии, назвался и попросил меня принять.

— Нам некогда. Авачинский просыпается. Половина института уже на станции. Вами некому будет заняться,— невежливо слышалось из трубки. Частые гудки подтвердили категоричность отказа.

Я включил радио и услышал конец объявления о предполагаемом извержении вулкана:

— ...деятельность. Возможно чередование сильных и слабых взрывов, излияние лав, а также концентрация вулканического пепла в атмосфере. Напоминаем, что города Петропавловск и Елизово находятся в тридцати пяти километрах от места извержения, и оснований для серьезных опасений не имеется. В случае подземных толчков и ухудшения видимости просим население сохранять спокойствие и порядок, а аварийным командам действовать согласно инструкции...

И словно бы в подтверждение пол подо мной задрожал, зазвенели оконные стекла, и донесся грохот далекого взрыва, переросший в непрерывный гул...

Надо было что-то предпринимать. Гостиница напоминала встревоженный улей. Одни из приезжих устремились вниз по лестнице, боясь, по-видимому, еще более сильных толчков и непрочности стен здания. Другие (из камчатских жителей, как я понял) сидели в креслах и стояли в холле и вроде бы спокойно обсуждали объявление.

— Всяко бывает,— говорил какой-то пожилой человек.— Помню, в пятьдесят шестом в Ключах, когда Безымянный работал, было темно, как у негра в желудке. Своей руки и то не видно...

— Страшно было? — спросили его.

— Да чего уж хорошего... Запаниковали некоторые, бежать бросились, руки-ноги переломали. Горячий песок сечет, огненная пурга. И вспышки, как в грозу. Это молнии были, потом сказали. Глаза у всех воспалились, на зубах скрипит — еще долго потом все с песком ели. Хорошо сейчас, вулканологи все заранее разъяснили — знаем, чего можно ждать. А все равно паника может быть. Приезжих много. Вон как они побежали...

— А лава?

— Чего лава? Лава далеко не течет. Ключи в сорока километрах от Безымянного, а здесь поменьше, но лава не достанет. А вот камешки могут долететь. Это уж как повезет. Лучше под крышей пересидеть...

Я подошел к ним и спросил, как мне найти Институт вулканологии.

— Как выйдете из гостиницы, переходите улицу. Напротив как раз первый автобус останавливается. Или двадцать шестой. Сойдете на восьмом километре, там спросите,— объяснили мне.

— Вулканолог? — спросил пожилой.

— Нет, корреспондент из Москвы.

— А,— сказал он равнодушно.

В вестибюле гостиницы толпились люди, не знавшие, то ли им выходить на улицу, то ли отсиживаться внутри здания.

— Граждане! — надрывалась женщина-администратор. — Не толпитесь, не пугайте себя и людей. А у кого нет дела сейчас в городе, возвращайтесь в свои номера, слушайте радио... Ничего опасного нет!

Я вышел на улицу, придавленную низким мрачным небом. Оно закрывало до половины сопки и лепившиеся на их склонах блочные пятиэтажки. Воздух был тяжелый, влажный, незнакомо пахнувший чем-то горьким.

Снаружи гудело громче. Гул то затихал, то усиливался через неравномерные интервалы. Ежась от холодной сырости, буднично торопились по своим делам люди. Ходили автобусы. К стоянке подкатывали такси.

— Кто до десятого километра? — спросил очередной таксист, следуя повсеместной привычке таксистов везти не туда, куда их просят, а туда, куда им хочется. Машина быстро заполнилась. Оставалось одно место.

— А до восьмого довезете? — спросил я.

— Садитесь,— сказал таксист.

Незнакомые друг с другом пассажиры угрюмо молчали.

— Мужчина, вам выходить,— сказал таксист, обращаясь, видимо, ко мне. Так до сих пор меня окликали только женщины. Расплачиваясь, я подивился еще раз оскудению современного русского языка.

— А институт где?

— Напротив.

Перейдя улицу, я очутился то ли в большом сквере, то ли на

маленьком бульваре, в глубине которого стояло поперек длинное трехэтажное здание. Это и был Институт вулканологии.

У подъезда его теснилось несколько крытых брезентом грузовиков. В кузов одного из них люди в желтых пластмассовых касках и зеленых рабочих костюмах грузили какие-то тюки, ящики и приборы в чехлах. Я остановился у машины, намереваясь спросить, куда мне обратиться.

Из черноты под брезентовым верхом высунулся человек с красным лицом и шишковатым носом.

— Чего стоишь! — грубо закричал он. — Подавай!

Моя зеленая выцветшая штормовка вполне могла сойти за прозодежду вулканолога. Сообразив это сразу, я не стал вручать верительных грамот, а бросился к груде вещей и ухватился за тюк побольше. Вместе с другими, быстро перекидав все в машину, я нырнул под спасительную сень брезента.

Грузовик рванулся в неизвестность...

Я сидел на скамье, водрузив ноги на тюки. Сильно болтало на поворотах и ухабах. То и дело я съезжал со скамьи, упирался в тюки руками, потом меня бросало обратно на скамью, больно припечатывая спиной к борту кузова. Все в машине были заняты такими же попытками хоть как-то усидеть на месте и потому молчали. Из-под брезента была видна только дорога, которая быстро убегала, исчезая в сером мареве.

Последний ухаб, и машина встала. Кто-то прыгнул и откинул задний борт. Соскочив, я увидел поблизости вертолет.

— Быстрей! — крикнул человек с шишковатым носом и выдвинул из глубины кузова в мою сторону окованный железом ящик. Схватив его, я пошел к вертолету. Обгоняя меня, туда же побежали с тюками и приборами мои спутники в желтых касках. Один из них уже стоял в дверном проеме вертолета и принимал вещи. Перегрузка завершилась в несколько минут, и едва мы уселись на вещи в грузовом отсеке, как раздалось завывание унформеров и кто-то захлопнул дверь. Тут, под рев двигателя, меня спросили:

— А вы кто такой?

— Корреспондент, — коротко ответил я.

— Немедленно вылезайте! — перекрикивал рев шишковатый нос.

Но было уже поздно. Машина дрогнула и поднялась в воздух.

— Когда прилетим, не смейте выходить! Полетите обратно. На вас нет каски.

— Ничего, у меня голова крепкая! — крикнул я в ответ, а шишковатый нос показал мне кулак.

Однако вскоре он смиростивился.

— Спрашивайте, — сказал он, когда уши привыкли к шуму. — А то поздно будет...

— Почему Авачинский так долго молчал? — спросил я, выказывая осведомленность. — В чем причина нарушения периодичности?

— Не знаю. Думали, в пятьдесят девятом активизируется. Породы в кратере нагрелись до восьмисот градусов.

— А как теперь угадали?

— У нас там станция на высоте километра. Сейсмоприборы на склоне, репера. Мы пробуждение Шивелуча за полгода угадали. Вот этот человек за три дня само извержение предсказал.— Шишковатый нос ткнул пальцем в одного из своих коллег.— Не поверили. Сказали, молод еще. Но он оказался прав. Будете писать, укажите, а то средств мало выделяют...

— Для города есть опасность?

— Нет. Далеко Авачинский... Разве что пепел нагонит ветром. Но паники не будет. Предупредили, говорю! — кричал он, надсаживаясь из-за гула и дребезга.

— А лава?

— Больше чем на десять километров не утечет. Технику подготовили, бульдозеры. В случае чего насыпят защитный вал. Напишите, что извержения воздействуют на изменения климата. На Шивелуче два с половиной кубических километра породы выбросило, подняло на десять километров...

— А сейчас сколько?

— Пока не знаем. Электрические разряды, молнии бьют в кратер. Есть предположение, что от этого жизнь зародилась на земле. Образуются аминокислоты. Все про это спрашивают. Сенсация!

Крик его звучал насмешливо.

Вертолет накренился, поворачивая, и я прильнул к иллюминатору. Теперь был виден малый «новый» конус Авачинского вулкана с гигантским столбом черного дыма над ним. Черноту пронизывали красные и желтые стрелы, с невероятной скоростью стремящиеся вверх. Где-то на громадной высоте они замедляли полет и рассыпались на мириады светящихся точек, которые, угасая, тоже прочерчивали черноту.

Краем уха слушал вулканологов, речь которых пестрила птичьими словами: «андезит», «дацит», «риолит», «пелейский», «катмайский», «страмболианский»...

— Как вас зовут? — спросил я человека с шишковатым носом, но он только махнул рукой. Вертолет пошел на посадку.

Вулканологи высыпали из машины. Шишковатый нос крикнул мне:

— Подавайте!

Я стал добросовестно подтаскивать к выходу груз и, передав из рук в руки последнюю вещь, собрался выскочить сам.

— Куда! — заорал шишковатый нос.— Вы без каски!

Но я уже был на земле, а вернее, на каких-то хрустящих под ногами комках, и бежал прочь от вертолета. Рядом со мной что-то ухнуло на землю, обдав теплым ветром. В воздухе стоял дикий рев, вой, грохот, и я уже не слышал, что мне кричат, стараясь увеличить расстояние между собой и сердитыми вулканологами.

Вдруг ноги мои оказались в пустоте, а «третья точка» коснулась

почвы и, увлекая за собой множество мелких камешков, я скользнул на спине вниз по склону...

Теперь уже кричал я, но никто не откликнулся. Да и мудрено было меня услышать, если с неба наваливался одуряющий гул, а земля шипела как сто тысяч раздраженных змей.

Я выкатился на обширную и довольно большую площадку и встал на ноги лицом к вулкану, для чего-то отряхиваясь. Локти мои были сплошной ссадиной. Справа вздымалась почти отвесная круча, с которой я сыпался. Вскрабкаться на нее не было никакой возможности.

Я пошел влево, но на этот раз осторожно, и шагов через триста оказался на краю новой осыпи, откуда открывался вид на большой, заросший каменными березами и кедровым стлаником распадок. Он резко шел под уклон, и по нему с грохотом неслись вниз каменные глыбы, сокрушая скрюченные стволы деревьев. Выше по распадку уже разгорался лесной пожар, а еще выше, где распадок теснили фиолетовые бугры и скалы, виднелся какой-то непонятный вал. Он был довольно далеко, но мне показалось, что он шевелится и даже сползает по склону. Над ним багрово светился плотный дымный воздух...

Как я очутился в той пещере, сам не знаю. Я уже примирился с неизбежностью гибели и снова приобрел способность соображать. Как потом я выяснил, по научным прописям, такой пещеры здесь быть не могло. Но она была. Стены и низкие белые своды ее (я едва не доставал их головой) показались мне будто отполированными. Я не знаток минералогии, но это был явно не известняк, белый, но пористый, как помнилось. Даже в слабом свете, пробивавшемся снаружи сквозь дым и пыль, белизна была поразительная...

И поэтому резко выделялся на ней черный шарик, величиной с пинг-понговый, прилипший, казалось, к своду пещеры в самом высоком ее месте. Как это ни странно, в пещере легче дышалось, и у меня достало еще сил и любопытства поднять руку к невысокому своду и дотронуться до шарика.

Мне показалось вдруг, что я могу его взять, ухватиться за него, выдернуть... И я это сделал.

Он был совершенно круглый. Изо всех сил я тянул его вниз, а он, чуть отделившись от свода, тут же выскользнул из пальцев и неуловимо взметнулся вверх.

Это было немыслимо. То ли гора над сводом — сплошной магнит, а шарик железный, то ли... Даже в своем отчаянном положении я не мог устоять перед извечной тягой человека к эксперименту. Достав из кармана складной нож, я приложил его лезвием к своду, потом к черному шарiku. Нож не прилип, а когда я выпустил его из рук, упал, больно стукнув по ноге.

Но я не замечал боли. Таинственный черный шарик завладел всеми мыслями, всем моим существом...

Я вновь потянулся к нему, обхватил его покрепче пальцами, оторвал от свода и протиснул в образовавшийся просвет пальцы другой руки. Теперь шарик лежал, да, лежал на ладони, крепко прижимая кисть руки тыльной стороной вверх, к гладкой белой поверхности. Схватив себя за пальцы освободившейся рукой, я потянул упиравшийся в ладонь шарик вниз.

Это было все равно что поднимать тяжесть с полу вверх. Только такой плотный и «тяжелый» шарик вряд ли нашелся бы на всей земле. Я повис на шарике и даже ноги подогнул. Он довольно легко пошел вниз, и я оказался на коленях. Во мне килограммов восемьдесят. Я прикинул: будь во мне шестьдесят, я бы его не заставил опуститься. Значит, черный шарик «сбросил» с меня более трех четвертей веса. Но может быть, его стремление вверх все-таки обуславливается какой-нибудь загадочной силой в самой пещере?

Выгнув в кисти руку, опираясь на шарик, как на стол, я крепко сжал его пальцами, почти не ощущая тяжести тела, встал на ноги и пошел к выходу из пещеры. Никогда в жизни мне не было так легко идти. Казалось, подпрыгни — и полетишь...

Снаружи уже было менее дымно, но метрах в десяти от пещеры теперь обозначился ручей багровой лавы. Он прокладывал себе дорогу, сдвигая мелкие камни и обтекая крупные. Было очень жарко, лицо мое горело, но шарик по-прежнему упрямо давил мне в ладонь, стремясь вверх. Это подлежало осмыслению, и я, осторожно повернувшись, шагнул обратно в пещеру, показавшуюся мне теперь прохладной.

Опираясь на шарик, я думал о том, что всегда пренебрегал физикой и математикой, с младых ногтей мечтал писать. И писал... стихи, которые годились лишь для чтения в дружеско-снисходительном кругу, а когда этот запал кончился, меня стало хватать лишь на газетные очерки, ловко превращаемые редактором в скупые заметки. О рассказах и речи быть не могло, так как мне пока еще не хватало наглости настаивать на публикации того, что воспринималось бы не хуже большинства печатавшегося. Не хуже и... не лучше. Впрочем, журналистскую свою долю я не променял бы ни на какую другую...

Шарик помогал не чувствовать своего веса, а это навевало воспоминания о несбыточном.

Кто из нас не мечтал летать?

Не на самолете или ином техническом чуде, нет. А так вот, просто подняться в воздух и полететь. Или на диване, как на ковресамолете. Ощущение полета из мечты или сна никак не сравнимо с будничным перемещением в самолете. Нет упоения полетом, нет восторга, нет чувства собственной силы. А при опоре на шарик это чувство почему-то появилось. Как во сне или мечте. А

откуда являются нам эти сны и мечтания? Не бунтует ли наше подсознание против бремени тяготения?

Своих юношеских стихотворений я не помню, но одно из них, при всем его несовершенстве, прочно засело в голове.

Что стал внезапно невесом,
вчера я обнаружил.
Ликуя,
наплевав на стужу,
я выскочил наружу
и прокатился колесом.
Гляжу,
поверить не могу —
ни следа на снегу!
Тогда,
решив проверить дар,
ниспосланный мне свыше,
помчался,
будто на пожар,
вскарабкался на крышу.
На крыше пусто и темно,
за краем крыши —
пропасть...
Лететь-то можно,
но...
заговорила робость.
И расхотелось мне лететь —
подумал я в смятенье,
что не смогу преодолеть
земное тяготенье.

Я был однажды невесом,
мог прокатиться колесом,
воздушно легок на бегу,
не увязал в снегу...
Теперь
о тяжести своей
забыть я не могу.
Я не шагнул через карниз,
не сбросил страха его.
Я побоялся прыгнуть вниз,
а надо было прыгать!

Видимо, когда я писал это стихотворение, мне ни сном ни духом не мерещились физические законы, а уж о предчувствии случая на вулкане и говорить нечего. Была, верно, какая-то житейская неурядица, породившая аллегорию с претензией на философичность...

Однако надо было думать и вспоминать, что же я вычитал в статьях и книгах тех из моих собратьев по журналистике, которые писали на научные темы.

Итак, нарушен закон тяготения. Это же антигравитация какая-то. Мечта фантастов и физиков. Невозможная, недостижимая мечта. Этого не может быть, потому что не может быть никогда,

мелькнул чеховский вариант отрицания немыслимого. Рука на шарике занемела, ее покалывало и, подумав, что шарик никуда не ускользнет, я распрямил кисть руки. Шарик молниеносно устремился к своду, куда быстрее, чем падающий предмет. Брызнула белая крошка, и шарик, как бы подпрыгнув, утвердился на месте.

Стало легче, и, не спуская с шарика глаз, я начал лихорадочно прикидывать, какова его природа и происхождение.

Пришельцы! Невероятно развитые наука и технология... Прилетели в неведомые времена, зачем-то спрятали в пещере и отбыли. Но почему рядом с вулканом? Какой-то собачий фантастический бред. Начитался!

Вулкан... Вулкан... Есть немало объяснений, почему взрываются вулканы, почему на тысячи метров ввысь летят растопленные минералы. Потом, не преодолев земного тяготения, лава, камни обрушиваются на землю...

Все ли?

А может быть, часть этих камней так и не возвращается? А может быть, они имеют природу совсем другую, нежели известные нам камни?..

Я посмотрел на черный шарик и царапнул его ногтем. Шершавый... На этом мое исследование загадочного шарика и закончилось. Я вернулся к прерванной мысли.

А какие у нас есть сведения о том, что творится глубоко в недрах Земли, которую пробурили, кажется, на двенадцать километров? Известно, что и там уже весьма тепло. А сколько тысяч километров до центра Земли? Видимо, много. И много есть предположений, как устроена наша матушка-планета. Простукивают, прослушивают, но анатомировать ее не удастся никогда.

А может быть, где-то там, на страшной глубине, стиснутые гигантским давлением, зарождаются или просто существуют такие вот шарики, шары, шарищи, и время от времени, как пузырьки легкого газа в жидкости, они срываются с места и уносятся вверх, пробивая земную поверхность там, где это возможно, где тонко, в вулканической местности?

Я представил себе на секунду, как они где-то там, в глубине, дают со страшной силой на земную твердь, разогревая, плавя ее, вызывая порой судороги земной поверхности...

Но как же быть с тяготением? Как быть с открытиями Галилея и Ньютона? Вспомним-ка Байрона: «Так человека яблоко сгубило, но яблоко его же и спасло,— ведь Ньютона открытие разбило неведенья мучительное зло. Дорогу к новым звездам проложило и новый выход страждущим дало».

Я книгочей неразборчивый. Черт-те какие сведения застревают в мозгу. Не раз я ругал себя за нецелеустремленность в приобретении знаний. И вот, кажется, пригодилось... Лучше поздно, чем никогда.

Закон всемирного тяготения... Но ведь он недоказуем. Он основывается только на наблюдении. Он условен, как всякий постулат.

А из него родилась космология — наука о происхождении и строении Вселенной, небесная механика... чего только из него не родилось! По нему рассчитывают космические скорости. Говорят, он действует даже за пределами нашей Галактики, и приводят в пример шаровые скопления, где все небесные тела тянет друг к другу в плотный сгусток. И даже в спиральных галактиках поведение улетающих прочь звезд объясняется тяготением. Так ли это? Ведь никто не знает механизма тяготения. Сам Ньютон пытался хотя бы философски объяснить действие гравитации, да махнул рукой и сказал: «Гипотез я не измышляю...»

Зато потом гипотез, объясняющих механизм тяготения, появилось много. Говорили, что какие-то частицы давят с одной стороны сильнее, чем с другой. Придумали чудодейственный эфир — заполняет он все пустоты в космосе и тянет... Куда тянет? И еще предполагают действие каких-то гравитационных волн, которые никто и никогда не видел и не улавливал. Вспомнился мне один лощеный физик, забредший как-то к нам в редакцию после возвращения с зарубежного симпозиума, весь в фирменных шмотках. Он долго и непонятно рассказывал, как они там бьются, чтобы засечь эти волны. И тут же с места в карьер начал фантазировать, что они, физики, эти незасеченные волны экранируют, станут управлять гравитационным полем и полетят, полетят к звездам. Да только догонят ли?

По Ньютону, Вселенная бесконечна. По новейшим предположениям, она безгранична, но конечна. И криволинейна. Для доказательства этого берут узкую полоску бумаги, склеивают ее концами, по разными сторонами и водят по ней карандашом, и эта полоска, петля Мебиуса, действительно оказывается без конца без края.

И к тому же Вселенная еще расширяется. Бегут, бегут друг от дружки галактики. Да еще со всевозрастающей скоростью. Заснет, скажем, человек, проснется через десять в девятнадцатой степени лет, а он уже совсем темно — все звезды разбежались. Другие утверждают, что, разбежавшись, Вселенная начнет сжиматься, пока не станет меньше булавочной головки. И все тяготение. И тут тяготение, и там тяготение. А почему возникают сверхновые звезды, вещество которых разлетается? Или квазары, некие гигантские объекты, которые сторонятся галактик, летят от них прочь почти со скоростью света?

А может быть, они сродни моему черному шарiku? Стоит его выпустить на волю, как он наберет вторую космическую скорость, гиперболическую, выберется за пределы Солнечной системы и...

Положим, если существует тяготение, то почему не быть отталкиванию? Но ведь это же нарушение закона всемирного тяготения! Есть даже такое понятие — гравитационная постоянная, одинаковая для всей Вселенной. Вся физика на ней стоит. Условились и пляшут от этого постулата как от печки. Что такое постулат? Нечто принимаемое за истину, без всякого доказательства.

Любопытная вещь наука. Выстроено грандиозное здание на условном фундаменте. Эдакое сооружение, висящее между небом и землей. Ни опоры, ни крыши, а стоит. Наблюдений тьма, объяснений их еще больше. Обжили люди это здание, все надстраивают на благо себе и во вред. Выводят новые законы, которые действуют. Только начала начал нет. Перемени постулаты, найдут новые объяснения наблюдениям, новые теории, а здание устоит, только облик у него будет совершенно другой... Вот уже и Поль Дирак, англичанин, возглавляющий, кажется, ту же кафедру в Кембридже, что и Ньютон когда-то, высказал сомнение в постоянстве гравитации.

Прими наука такое предположение, и надо менять теорию строения Вселенной, не говоря уже о такой «мелочи», как эволюция Земли.

Одни говорят, что старушка Земля сжимается, ссыхается, оттого и выдавливаются складки-горы. По другой гипотезе, Землю распирает, континенты разъезжаются. Все мы не раз видели картинки пракоинтерконтинентов — Лавразии и Гондваны. Южная Америка на картинке настолько ловко вложена в Африку, что кажется, все так и было.

И может быть, этот самый черный шарик, стремящийся раздвинуть свод пещеры и улететь, поможет ответить на многие вопросы.

Об аномалиях, например. Почему над массивными горами сила тяжести меньше, чем над океанами? Почему уменьшается сила тяжести после извержений вулканов и землетрясений в Японии и Мексике?..

Впрочем, теперь над этим будут ломать головы те, для кого физика — дом родной. Если, разумеется, мне удастся выбраться отсюда, что маловероятно.

Но даже я могу представить себе, что дало бы человеку владение такими вот черными шариками. В Космос — пожалуйста! Засунул в корабль — и фьюиты!.. А куда прилетишь? Такой шар будет стремиться прочь от любой большой массы, планеты, звезды... Если только не встретит тело с такими же свойствами. Тогда мое собственное тело станет увлекать меня прочь...

Нет, с Космосом мне не разобраться, а вот на Земле такие шарики жизнь облегчили бы здорово. Экая тяжесть с плеч! Экономия мощностей. Облегчение машин...

Как просто, например, превратить мой старенький автомобиль в летающий... На глазах у изумленного гаишника я возношусь в небо и юркаю за ближайшую тучку. Бред какой-то!

А почему бред? Шарик-то можно растолочь как-нибудь, а порошок упрятать в жилет или пояс. И вот я надеваю такое устройство, овладеваю приемами и хватками прыгуна в высоту, являюсь на какие-нибудь некрупные легкоатлетические соревнования и беру для начала метр тридцать... Все изумлены. Мне находят честолюбивого тренера. Я бью рекорд страны. И вот на всемирных играх я добиваюсь феноменального результата — перелетаю планку, ус-

тановленную на высоте один метр сорок пять сантиметров. А потом раз в полгода прибавляю рекорд на два-три сантиметра. Журналистская братия гордится своим коллегой, называет «спортсменом века». Врачи удивляются, как при моем телосложении можно добиваться таких успехов. Я летаю с континента на континент, прыгаю и пишу заодно книги-репортажи, которые стремятся заполнить все издательства мира...

Фу! Какое жульничество пришло мне в голову!

Шарик-то вот он! И вверх стремится по-настоящему, тело мое облегчает. Для какого же полезного дела его приспособить?

Отделив шарик от свода и прижав руку крепче к бедру, я вышел из пещеры. Огненный ручей уже превратился в целую реку, отделявшую меня от кручи, с которой я слетел.

Натянув свою спортивную кепку свободной рукой поглубже на голову, я так и замер.

Жар стоял несусветный. С ушей, казалось, слезала кожа.

Надо бежать отсюда, прыгать через огненную реку, шевелящуюся, с треском ломающую корку, которая возникала кое-где на поверхности лавы.

Сколько же тут метров? Пять? Шесть? Семь?.. Пот заливал глаза. И вдруг меня охватило сомнение. Шарик. Какой, к черту, шарик! Уж не привиделся ли он мне? Багровая же полоса огня была реальностью.

Но шарик уже привычно давил мне в ладонь, и антитяжесть его заставляла напрягаться все мышцы опущенной руки.

Решение пришло мгновенно. Я осторожно, с усилием, придерживая стремившийся вверх шарик обеими, наложенными друг на дружку, руками, поднял их вверх. Теперь я висел как на канате.

Разбежавшись, я оттолкнулся и полетел прочь от огня. Полет в моем сознании был похож на замедленную съемку.

Огонь уже позади. Я пролетел еще несколько метров и стал карабкаться по крутому сыпучему откосу, которого никогда не одолел бы без черного шарика.

И вот уже край, уже голова моя над краем. И я вижу на плато палатку, какой-то треножник и моих дорогих, деловито-возбужденных вулканологов. Первым меня заметил тот, с шишковатым носом. Свирепо поводя им, он зарычал:

— Безобразие! Это опять вы. И без каски...

— Да стойте же, смотрите, что я нашел! — кричал я, чуть не плача от радости. Двойной кулак мой пошел вниз, словно я подтягивался на своем канате. «Все-таки шестьдесят килограммов», — машинально отметил я про себя и вывернул кисти, как бы собираясь преподнести на ладонях этим вулканологам свой драгоценный подарок.

Шарик легко разомкнул мои усталые пальцы и в то же мгновение исчез.

— Смотрите! — еще успел выкрикнуть я и тупо уставился на свои пустые, сложенные горстью ладони.

— Что там у вас? — спросил шишковатый нос.

— Ничего, — ответил я. И это была правда, только правда, ничего, кроме правды. Но кому нужна моя настоящая правда, не подтвержденная черным шариком, кому нужен мой рассказ?!

Я никому и не рассказывал о случае на вулкане, чтобы сохранить остатки своей репутации.

Через несколько дней я положил на стол редактору несколько страниц отчета Института вулканологии, местами старательно переведенного с научного языка на русский.

— Хорошо изваял, старик! Умелец! Сегодня же в номер, — одобрительно сказал редактор.

И он вычеркнул эпитет. Но, клянусь, это был не мой эпитет. Это был вулканологический эпитет.

НАТАЛЬЯ ДАРЬЯЛОВА

ВЕЛИКАЯ И ЗАГАДОЧНАЯ

Пустая маленькая аудитория с вытертой белесой доской.

На доске торопливой рукой было нацарапано:

$$\langle X^n + Y^n = Z^n, \rangle$$

где X, Y, Z — целые числа больше 0,

а n — целое число больше 2.

«Никогда, — объяснил он сам себе, — эти традиционные, школьно известные «неизвестные» — икс и игрек — в сумме — и зет, возведенные в энную степень, не сравниваются, если они больше нуля, а эн — больше двух».

И уже в самом низу доски было написано решительно словами и для пущей убедительности подчеркнуто жирной чертой, будто возвещано толстым, не терпящим возражений басом:

«Доказать нельзя!»

Неравенство было совсем простое, и ему показалось совсем глупым, что для элементарного школьного уравнения понадобилось такое громкое, категорическое утверждение-отрицание; может быть, одна надпись наслоиась на другую, просто первую стерли до этих серьезных слов «доказать нельзя» и сверху написали пустячное уравнение.

И он просто от нечего делать, без какой-то там сверхъестественной тяги, взял маленький, обтесанный до кубика, кусочек мела.

— Хм, черт возьми, — сказал он, — какой дурак написал, что это не доказывается? Наверняка такое простое уравнение или верно, или неверно.

При этом он размышлял еще как посторонний, как человек, который видит на заборе ругательство и возмущается, но еще не бежит за тряпкой, чтобы его смыть.

— Черт возьми! — повторил он снова это мужественное восклицание, потому что тогда оно ему очень нравилось. — Это ж в два счета можно проверить! — И в руке его оказался стертый брусок мела, он подбросил его в воздух, как подбрасывают кубик для игры в кости.

Так — белым кусочком мела на перепачканную чернилами ладонь пала ему его судьба.

Проверка и доказательство вдруг оказались очень длинными, но конечный ход явно лежал где-то на поверхности, только надо было до него добраться.

Ему не хватило всех белых листов, что нашлись в общежитии, не хватило дня, вечера, ночи.

Когда за окном развиднелось, он символически провел пятерней по волосам — причесался и пошел к двери. Потом, занеся одну ногу над порогом, попятился, подбежал к своему столику и сунул в портфель такую же всклокоченную, как он сам, кипу исписанных, вернее, исчерканных листов.

Невыспавшийся, но странно деловитый, взбудораженный и памятый, он направился к декану математического факультета просить, чтобы его приняли хотя бы на первый курс.

Если бы хоть на минуту — да и секунды хватило бы! — он задумался над тем, что делает, он бы, конечно, не пошел. Но как человек импульсивный, он принял решение и больше уже о нем не думал, оно стало объективным обстоятельством, отделилось от него и уже не зависело от его воли и желаний, как снег или дождь.

Появившись в приемной декана, он решительно прошел мимо секретарши, даже не заметив ее, и оказался в святая святых быстрее любого профессора.

Но там за столом сидел не декан, а Трижды Андреич, или Андрей Андреевич Андреев, или Три А, которого знал весь педвуз, простой преподаватель математики, известный ученый без единой научной степени. Он говорил: степени — зачем? Единица в степени — все одно единица, ноль в степени — все одно ноль, так зачем? Строжайший математический декан, его давний друг, разъезжая по командировкам, оставлял факультет только на него, несмотря на постоянный категорический отказ, письменно оформленный. Но декан просто уезжал, и все по всем вопросам начинали стекаться к Три А, пока он, скрипя и чертыхаясь, не перебирался в деканский кабинет.

— И когда же это ты решил стать математиком? — спросил Три А.

— Давно. — Ответил твердо, без тени сомнения, ибо в самом деле был уже непоколебимо уверен, что решение это жило в нем давно, что он всегда хотел только этого, просто чудным образом не подозревал о своем призвании до самого вчерашнего дня.

— А ты когда-нибудь всерьез занимался математикой?

— Да.— И он решительно вытащил из мятого портфеля кипу взъерошенных листов.

Математик сразу уткнулся длинным носом в листки, как собака, которая под снегом разыскивает себе на обед непонятно что.

— И давно ты записался в ферматисты?

— Какие ферматисты? — переспросил он, раздосадованный неожиданным отклонением разговора.

— Ну, теорему Ферма давно пытаешься доказать?

— Что за теорема?

— Теорема французского математика Ферма, ее уже триста лет люди доказывают. Эх ты... — и уставился в спутанные листки, перестав его замечать.

Какого еще Ферма? Это он спросил уже про себя, бесцветно, пусто, лениво и, наконец, сонно, потому что за одну секунду понял всю бесперспективность, нелепость, и глупость, и стыд своего теперешнего положения, будто проснулся только что, а не час назад в общежитии, вернее, не час, а сутки назад, очнулся наконец после своей математической горячки, псевдоматематического бреда, окунулся в ледяную воду этого насмешливого взгляда блеклых голубых глаз, незаметно закачался в такт движению длинного носа, который продолжал клевать его листочки, чтобы потом показательно выпороть.

И он уже почти попятился к двери, чтобы просто убежать и не видеть этого позора своих ночных математических откровений, но в это время Три А поднял голову, вернее, даже не голову, а просто свои выцветшие глаза, да так и пригвоздил его к месту взглядом.

— Эх ты, математик! Строчишь, строчишь, а даже не знаешь, что доказываешь Великую теорему Ферма.— И Три А усмехнулся в усы, хотя усов у него не было, но усмехнулся он так, как если бы усмехался в усы.

А он стоял, бессловно превращаясь в то самое мокрое место, которым обычно пугают, уже пережив и стыд, и унижение, и только мечтая переступить через все это.

Но Три А клюнул последний листок и сказал:

— Ладно, я тебя принимаю на факультет, авось из тебя что-нибудь выйдет. Путное...

Прозвенел звонок, Три А легко поднялся и вышел из кабинета.

А он стоял неподвижно, руки, как перебитые, безвольно висели вдоль тела. Вдруг дверь открылась, и Три А рысцой вбежал в кабинет, что-то бормоча себе под нос. Сгреб со стола кучу его неряшливых листков и сказал:

— Но с одним непременным условием: про теорему Ферма ты забудь, будто ее и не было, и Ферма даже не родился! — и усердно, в два раза порвал исчерканные листки, которые только что с таким вниманием изучал.

А он еще долго торчал в сгущающейся темноте пустого кабинета, потом присел на корточки, аккуратно собрал все исписанные

кочки, неторопливо сложил их в портфель и тихо вышел из кабинета.

Преодолев гулкие просторы этажей, он добрался до той самой маленькой уютной аудитории. Она опять пустовала, и в ней, видно, вчера даже не убирались: на вытертой доске кривлялись обрывки вчерашних формул, будто сегодняшний день еще не наступил, будто комната законсервировала время, сохранив и соединив формулу, выведенную триста лет назад, и его вчерашние старания. Он вымыл доску и старательно записал простейшее уравнение $X^2 + Y^2 = Z^2$. Сумма квадратов катетов равна квадрату гипотенузы. Это знает даже самый нерадивый школьник, который напоминает хотя бы, что пифагоровы штаны на все стороны равны. Как просто, как удивительно просто и очевидно. И потом то самое уравнение, которое оказалось теоремой Ферма, такое непритязательное и ясное, без всяких заумных степеней или квадратных корней, и было понятно, что доказательство лежит где-то на поверхности, надо только поискать...

Есть вещи гениально сложные, как, например, Джоконда: ею можно только восхищаться, ясно, что нарисовать так, да и разгадать ее вселенскую улыбку никто не сможет. А есть гениально простые, вот «Алиса в стране чудес», читаешь, восхищаешься, и кажется, ну это же до того, до удивления просто, и я так могу написать, и потому всякому это близко и доступно. А на самом деле никто этого повторить не может, и такая вещь или явление остаются единственными в своем роде.

Он отошел на несколько шагов и залюбовался простым стройным уравнением, которое таило некий секрет, счастливый от соприкосновения с этой тайной. Он смотрел на теорему, как нувориш смотрит на первое приобретенное произведение антиквариата: в этом олицетворение его победы над миром и в то же время добровольное — хотя, конечно, и тайное — признание собственного невежества и ничтожества перед творением гения.

Вдруг дверь скрипнула и показался нос, будто сам открывший эту дверь. За носом возник Три А. Взглянув на доску, он сокрушенно сказал:

— Ну так я и знал! Заразился, заболел!

Три А уселся на парту и глубоко вздохнул.

— В семнадцатом веке жил удивительный математик, Пьер Ферма. Он никогда не публиковал своих результатов, и мы о них знаем только из его писем к друзьям и из оставшихся после смерти бумаг. Доказательства этой теоремы найдено не было. Есть лишь том «Арифметики» Диофанта, на полях которого Ферма небрежно записал, что нашел поистине замечательное доказательство, но поля слишком малы, чтобы его уместить. Триста лет самые светлые умы математики пытаются вывести это доказательство, но безуспешно. Неизвестно, существует ли оно вообще.

В 1908 году один немец, большой любитель математики, Вольф-скель, завещал сто тысяч марок тому, кто докажет эту теорему.

Он стоял рядом, вертел в руке белый кубик мела и думал, что зря он утром так перетрухнул в кабинете декана, потому что все, что происходило и тогда и потом, все неважно, незначительно, второстепенно по сравнению с тем, что случилось вчера здесь, в этой аудитории, уютной и пустой, целиком заполненной величием и недоказанностью теоремы Ферма, вчера, когда он в задумчивости, не заметив даже этого, подкинул мел, как кубик для игры в кости, и решил свою судьбу.

— Ты представляешь, что тут началось,— Три А поерзал на парте,— сотни и тысячи людей отправляли целые вагоны посланий, якобы содержащих это несчастное доказательство. Некоторые так заботились о приоритете, что отбивали телеграммы и обещали подробности письмом!

Был поздний вечер, и институт затихал, только за дверью с яростью нагайки свистела мокрая тряпка уборщицы тети Дуси.

— Ну а после первой мировой, в инфляцию, премия Вольфскаля обесценилась, за три миллиона старых марок давали одну новую марку. Поток писем, конечно, обмелел, но не иссяк... Не только дилетанты и честолюбцы пытались одолеть теорему, серьезнейшие математики годами занимались ею.

Он быстро посмотрел на Три А, и тот отвел глаза, и он понял, что все это время старик изучал его лицо и знал, о чем он думает.

— Даже учебники решительно предостерегают начинающих от попытки искать это доказательство,— сказал Три А медленно, будто обкатывая во рту каждое слово.

— В средние века, наверное, учебники тоже предостерегали начинающих от попытки доказать гелиоцентрическую систему...— недоверчиво взглянул он на математика.

— Сравнил тоже! Это просто проявление гуманности. Сотни несчастных закончили свои дни в тоске и одиночестве, уведенные теоремой из мира людей.

— А что, если учебник убедит даже не начинать того, кто мог бы ее доказать?

Математик нерешительно повертел носом, как флюгером, и сказал:

— Не убедит. Если человека привлекла не видимость простой отгадки, а волшебная мелодия чисел, если есть в нем такая сила,— Три А воодушевился, и блеклые глаза вдруг засинели,— то эта сила встанет на дыбы и...— он осекся и виновато отвел глаза.

Тут дверь открылась бесцеремонно, и в узкий дверной проем втиснулась уборщица тетя Дуся, которая не боялась ни самого ректора, ни даже грозного математического декана, а, наоборот, сам ректор, и даже грозный математический декан боялись тети Дуси, знавшей точно, что она без их математики и прочей чепухи век проживет, а они без ее уборки — никуда.

Три А поспешно сполз с парты, а тетя Дуся, вооружившись шваброй с половой тряпкой, принялась стирать с доски и теорему Ферма, и простейшее квадратное уравнение.

Теперь он размышлял в сумерках электрической лампочки-приманки, и она размышляла вместе с ним, как всегда, мягко и нежно ступая след в след его мысли, и потом, уютно устроившись на старом, кое-где порванном, но уже хорошо знакомом и обжитом кожаном диване, они выпили праздничную бутылку шампанского, и так, интимно и торжественно, отметили очередную годовщину его обращения, его приобщения, его вознесения на сказочные, головокружительные и пьянящие высоты математики.

А потом уже было поздно, и надо было решать, уходить ей или не уходить, этот вопрос стоял всегда, уже много лет, и он никогда не принимал никакого участия в его решении, полностью перекаldывая все на нее, и она никогда не могла понять, от чего это: от полного равнодушия или какой-то внутренней тактичности, — она больше склонялась к тактичности, хотела склоняться, — или от полного неумения правильно разобраться в сложных земных делах, в то время как у него было столько нерешенных математических проблем, которые требовали полной отдачи, служения бескорыстного и непрерывного, как будто это была не наука, а дьявол, и он продал ему душу.

Иногда она оставалась надолго, даже на несколько дней, но потом всегда уходила, потому что боялась надоесть или просто помешать.

И возвращалась к родителям — это было мучительно-горько для нее и мучительно-сладко для них, особенно для отца, ведь когда она была дома, он, закрыв глаза или выключив память, мог представить, что она не просто снова здесь — что она снова его, снова маленькая и счастливая. Надо было вернуться и как-то смотреть им в глаза, и о чем-то с ними разговаривать, делая вид, что ничего, собственно, не произошло и не происходит, тогда как эта рана не заживала, и отец не мог ей простить того, что она несчастна. И что он, не по годам крепкий и здоровый, живет без внуков и без всякой надежды.

«На что жениться, коли рожь не годится», — грубо подзуживал он, пытаясь скрыть и от нее и от себя эту боль.

Но сама она не считала себя несчастной, совсем нет. Хотя ей было уже прилично за тридцать, она все еще радовалась тому дню, когда молоденькой учительницей географии, сразу после института, пришла работать в школу и встретила там его, учителя математики, высокого, рассеянного, с доброй, но ускользающей, как солнечный зайчик, улыбкой, и напряженным, словно несфокусированным взглядом настоящего ученого, великого человека, с которым просто быть рядом — и то удача. Она была счастлива, что может видеть его каждый день, иногда готовить и стирать ему, слушать его часами и служить ему так же, как он служил своей Великой Теореме. Не то чтобы она совсем растворилась в его жизни, потеряла себя, нет, она делала свое дело и жила по-своему, созна-

тельно выбрав такой путь и не тяготясь им. Она ухаживала за ним, помогала как и когда могла, хотя он не особенно в этой помощи нуждался, он ел и пил что придется, одевался как попало и, может быть, никогда не замечал себя в зеркале.

Она и не считала свои действия добрыми делами, это была ее жизнь, приспособленная к жизни другого человека. Их странный брак, — а она, не задумываясь, назвала бы их отношения браком — ее вполне устраивал. Она знала, что у нее нет иной соперницы, кроме теоремы Ферма, и даже не ревновала, как нельзя и даже глупо ревновать мужа, влюбленного в далекую звезду.

Она не считала, что такого великого человека можно отвлекать на всякие мелочи вроде оформления отношений и устройства совместного быта. Она тихо и, даже не отдавая себе в этом отчета, ждала своего часа.

А он был страшно, невыносимо занят. Время утекало от него, как кровь из раны; все за пределами теоремы и математики было несущественно до степени нереального. Правда, преподавал он с удовольствием, потому что это тоже была математика, пусть и примитивная. Он никогда не следил за классом, не отмечал отсутствующих, забывал ставить оценки. Он приходил, рассказывал и с удовольствием слушал хорошие ответы, почти не замечая при этом, кто именно отвечает. Ученики смеялись над его отрешенностью, но являлись на уроки исправно, чувствительные старшеклассницы влюблялись в него, он рассказывал о великих математиках, об их жизни, об истории их поисков и открытий, борьбе, мучительных метаниях — и выведенный закон или теорема вдруг представляли не пунктами учебной программы, утвержденной Минпросом, а счастливым концом интересной новеллы со множеством приключений. Большинство его выпускников отправлялось на штурм математических и физических факультетов.

О своей теореме — своей и Ферма — он никогда не рассказывал ученикам, сам не зная почему. То ли боялся заразить их своей одержимостью, то ли теорему оберегал, как любимую, от насмешек или равнодушия.

— Пифагор говорил: всё есть число...

Она, как всегда, сидела на диване, поджав под себя ноги. А может быть, она была где-то еще, в школе, например, а здесь была только ее тень, которая тоже слушала очень внимательно, и подбадривала этим своим безмолвным вниманием, и подпитывала, как аккумулятор, его вдохновение. И еще вероятнее, что говорил он все это не ей и не самому себе, а так, раздумывая, глядя на неизменную кипу листов, заполненных, будто он часами в одиночестве вышивал крестиком, бесконечными иксами, растрепанную, взъерошенную, полную незавершенности и вопросов.

— Для Пифагора математические знания были равнозначны приобщению к гармонии мира, он оперировал с числами, как с

«вещами, воплощающими бога...», — вспомнил он. — Да-да, только математика может дать высшее знание и высшее блаженство...

Он постиг высший математический язык, он с наслаждением взирал на сложнейшие формулы, и тайные знаки этих пляшущих человечков были ему близки и понятны. Математика поражала его своей необъятностью и совершенством, все эти годы он поднимался все выше и выше, и в разреженном воздухе математических высот вдыхал, как дурманивший запах эдельвейсов, головокружительную красоту и изящество строгих формул. И понимал, что она бесконечна, ей нет предела, что она только расширяется, как Вселенная.

Теорема Ферма была для него математической Джокондой, она смотрела свысока, таинственно и маняще, обещая бездну и в то же время не обещая ничего.

Он относился к ней терпеливо и любовно, как к живому существу, очаровательному и капризному, не познаваемому до конца, вроде дробы в периоде, с которой не может справиться даже самая совершенная машина, потому что она все дробится и дробится, словно изображение в зеркале, и сколько ни ставь зеркал, это никогда не кончится, не будет такого зеркала, которое вдруг окажется пустым!

Иногда он в безнадежности пинал ногой бумажную кучу, которая нарастала вокруг его стола, и с тоской говорил, что никому теорема не подвластна и он ее не одолеет.

— Не надо отчаиваться, — прилетал вдруг с дивана женский голос, — ты ведь помнишь, что Гаусс... — а она знала, что он помнит, он живет со всеми математиками в одном времени и пространстве, он беседует с ними, обедает, спорит и не представляет, что многие ушли в небытие не один век тому назад, — ...ты, конечно, помнишь, что Гаусс построил-таки циркулем и линейкой правильный семнадцатиугольник. А ведь задаче было две тысячи лет.

— Но для этого надо быть Гауссом!

Теорема все еще манила его своей простотой, хотя он уже знал, что простота эта обманчива. Что уравнение уже просчитано для всех показателей до ста тысяч и что в опровергающем примере надо иметь дело с числами, превосходящими десять в степени пятьсот тысяч. И все же он, когда сердился на нее, надеялся, что можно доказать хотя бы, что теорема неверна.

И снова и снова ему казалось, что доказательство лежит где-то на поверхности, что оно гениально просто, надо только его отыскать. И опять приходил азарт, несравнимый даже с азартом игрока за карточным столом или на ипподроме. Это не было минутной горячкой, когда человек вдруг выходит из берегов, и привычная система ценностей корежится, как горящая бумага, и остается только одно: возможность сыграть с судьбой. Не ждать долгие годы, по каждодневным происшествиям гадая, как она к тебе относится, не сводить с ней мелочные счета, а здесь, сейчас, немедленно

но, поставив на карту все, что есть и даже чего нет, сыграть по-крупному и в открытую в спринт с судьбой!

Ведь на самом-то деле партнеры за игрой в кости или за карточным столом играют вовсе не друг с другом — они лишь жалкие пленные, противопоставленные друг другу хитрой судьбой, противопоставленные вопреки разуму, воле, просто как яркие, глупые взбешенные боевые петухи.

«Почему,— думал он,— советник парламента в Тулузе Пьер Ферма, на досуге занимавшийся математикой, так интересовался природой азарта и властью случая, почему так упорно пытался взять его под уздцы?»

«Как справедливо разделить ставки в игре в кости между игроками в зависимости от числа выигранных ими партий, если игра не доведена до конца?» — спросил окунувшийся в светскую жизнь Блез Паскаль в письме к Пьеру Ферма. Задачу попроще, сколько раз надо кинуть две игральные кости, чтобы обязательно выпали две шестерки, Паскаль давно решил сам. И два светила семнадцатого века с огромными, как простыни, кружевными воротниками и манжетами, выдумывают теорию вероятностей, ради жалкой попытки проконтролировать случай, поймать судьбу за хвост.

Просто и безжалостно она смеется над Паскалем. Он вообразил себя великим? Он собрался закорючками формул и мистическими шестивершинниками отобразить мироздание? А как же чудо?

Чудо постичь нельзя.

Трудно ли переехать мост?

Слезливым ноябрьским утром 1654 года Паскаль переезжает мост — обыкновенный, ничем не примечательный мост. Неверный шаг — и передняя пара лошадей сорвалась, а коляска чудом удержалась у края пропасти!

С тех пор за столом Паскалю всегда необходима загородка из стульев, чтобы не видеть страшного земного провала на обрезе столешницы.

Казалось бы, до конца 54-го года совсем немного, но он еще таит роковые события. Чудом спасается от смерти любимая племянница Паскаля.

Больной и разбитый, пораженный чудом, как дряхлый волокита — улыбкой молодой кокетки, Паскаль сдается. Чудо правит миром. «Невозможно разумно рассуждать против чудес, чудо — это действие, которое превышает естественную силу способов, при нем употребляющихся...» Человек наказан за похоть ума. «Человек в бесконечности — что он значит?»

А Ферма?

Ферма уходит и, пряча улыбку в кружевах воротника, словно изящный насмешливый поклон, оставляет пытливым потомкам небрежно элегантную заметку на слишком узких полях книги — о том, что он располагает удивительным доказательством.

Или не располагает?

Ловите случай, дерзайте, получайте свои премии, закусывайте губы при чужом успехе, ну-ка, что там у вас слышно, какова вероятность доказательства моего изысканного уравнения, Великой Теоремы Ферма?!

Почему она названа Великой? Почему именно эта, а не другая? Быть может, потому, что ее никто так и не покорил, не взял, не доказал?!

Или не опроверг?

Кто он был, Пьер Ферма,— просто рассеянный гений, который записал на клочке бумаги свое доказательство, а бумажку, резвясь и играя, унес ветер?

Или злой насмешник, заразивший тысячи людей неизлечимой страстью к своей теореме, которую до сих пор никто не может доказать, и никто не в силах вывести, что она недоказуема? И убедиться, что она неверна, тоже никому не удастся!

Что это за случай, соединивший тот порыв ветра, который унес клочок бумажки в середине семнадцатого века, с его теперешней, нынешней, еще не завершенной судьбой?

И не зря ли он бьется: ведь некоторые другие утверждения Ферма оказались ошибочными?

И тут он понял, что прошло двадцать пять лет. Проплыло Время, задело его холодным телом, как рыба в ночном море, и умчалось навсегда.

У него были хорошие результаты. Даже прекрасные результаты.

После очередной годовщины встречи с теоремой он разыскал Три А и поразился, как это мог так долго его не видеть. Три А жил уединенно, на пенсии. Все такой же высокий жилистый старик с длинным носом, совсем не постаревший и не изменившийся.

Три А быстро потюкал клювом исчерканные страницы и сказал:

— У тебя очень веские, очень неожиданные исследования. Ты должен обязательно их опубликовать. Здесь материалу на две докторских.

Он пожал плечами.

— А ты не пренебрегай! Я, дурак, всю жизнь в вольнодумцах ходил, чистой наукой занимался, говорил, что для единицы степень — ерунда. А это только в математике ерунда, а в жизни...

Он увидел с жалостью, что Три А все-таки очень постарел.

Публиковаться, диссертацию оформлять не стал, времени не хватало. Ему нужно было только одно.

Только доказательство.

Двадцать пять лет прошло. Ему вдруг стало стыдно и страшно: неужели так и прожил жизнь зазря, детей не родил, теорему не доказал?

И почувствовал, что очень, смертельно устал.

— В какой-то миг, — сказал он тихо, — человек сходит с дорожки. Пусть другие бегут дальше...

И понял, что говорит вслух, потому что здесь, в двух шагах от него, на вульгарном кожаном диване сидит она и внимательно его слушает. Он не знал, когда она появилась и что делает, но что-то она делала, она всегда что-то делала, она была для него так же привычна и незаметна, как собственная рука. Потом она вдруг растроилась в тумане его горьких и усталых мыслей и ушла, или он попросту о ней позабыл, и она исчезла, хотя, может быть, все еще продолжала сидеть на этом диване, уже не прислушиваясь и ни во что не вникая, потому что за столько лет интерес и новизна все-таки притупились, но она все равно жила его переживаниями, будто он был пересаженным ей искусственным сердцем, без которого она не могла существовать.

Пытаясь вспомнить себя за эту промелькнувшую четверть века, он как бы удваивался и утраивался, его память была как бы системой все тех же зеркал, отражавших все его лики и возрасты.

Он самоотстранялся и выводил разных себя, как рысаков на оценку покупателя, но память была неточной и зыбкой, и он не был до конца уверен в справедливости оценки.

И уже под вечер, когда меркнущий день уступал место ночи, в это самое слепое время суток, сумерки, он наконец дошел до себя, совсем маленького, в коротких штанишках с заботливыми бретельками крест-накрест, он понял, что и тогда это был он, с его надеждами и страхами, и неуверенностью в себе, и робким желанием быть чем-то полезным и укрепляющим стремлением к чему-то абсолютному, вечному и непоколебимому. Даже тогда, когда он играл в песочнице, строил зыбкие крепости из песка и восхищенно следил за взрослыми, которые уже играют в казаки-разбойники и гоняют в футбол.

Тогда, маленьким, он стал задавать вопросы об устройстве мира, и это было признаком роста.

Потом он стал спрашивать себя, что должен сделать сам, и это было признаком зрелости.

И наконец он спросил себя, что же он все-таки сделал?

И это было признаком усталости.

И когда, в момент этой пудовой усталости, он вроде бы заснул, а потом вроде бы проснулся, а часы шли медленно, но упорно, как спешащий калека, и нервно подмигивала лампочка от постоянно меняющегося напряжения — ведь и в меняющемся может быть что-то постоянное, а в постоянном что-то меняющееся — в этой скучной тишине к нему пришло доказательство.

Он взял ручку, быстро записал его, вернее, даже, как школьник, списал с той картинки, которая была у него в уме, даже не прочитав, положил в конверт, надписал адрес и бросил конверт к двери, чтобы не забыть захватить с собой, выходя на улицу.

Стало легко и спокойно. Теорема ушла от него, как уходит слишком избалованная жена.

А может быть, он просто исторг ее из себя и успокоился, затих и онемел, как потухший вулкан.

— Потухший вулкан — это вулкан, который еще может вспыхнуть,— услышал он голос из глубины комнаты.

Через две недели, возвращаясь после работы домой, он увидел в своем почтовом ящике письмо.

Войдя в комнату, он положил конверт на стол, а сам сел пить чай. Сидел он, как всегда, очень неловко, на самом краешке табуретки.

«Может быть, мое стремление доказать теорему,— думал он,— было вызвано просто тщеславием? Лишить ее названия Необычайной — и овладеть неприступной красавицей вдовой, много лет хранящей верность умершему супругу,— а может быть, и девственность? — покорить ее — и вырваться благодаря этому из тенет обыкновенности? Нет. Нет, нет и нет!» — В этом он был уверен твердо. Или ему хотелось в это верить.

Он встал, походил по комнате и вспомнил, что на столе лежит письмо. Само по себе оно, конечно, ничего не решало, но так как-то выходило, что эта бумага есть краткая формула его жизни: да или нет.

Он спокойно разорвал конверт, бегло, словно незначительную записку, прочитал письмо и понял, что он и сам это знал, видел эту несообразность, нелепость в явившемся ему доказательстве, видел ее даже в тот момент, когда писал; но действовал, как обессиленный путешественник в пустыне, который увлечен зрелищем замечательного оазиса и все же каким-то краешком ума понимает, что это всего лишь мираж, и отмахивается от этого понимания, пока оно не исчезнет совсем.

Эта была несообразность, просто даже невнимательность, на которую ему осторожно указывали и вежливо просили больше не беспокоить.

Все удивительно просто. Ветер унес двадцать пять лет его жизни с такой же легкостью, как когда-то, триста лет назад, унес клочок бумаги с гениальным доказательством.

Но это еще не окончательный ответ. Предполагается какая-то реакция с его стороны: просто неудобно — перед кем?! — отнестись ко всему происшедшему спокойно. «Может, повеситься?» — вяло подумал он, ища глазами какой-нибудь крюк. Но потом решил, что это тоже будет крайне нелепо, и вспомнил любимый рассказ матери, тысячекратно слышанный, о том, как его отец, тогда еще не отец, а жених, отвергнутый матерью, повесился. А затем публично заявил, что будет вешаться до тех пор, пока она не выйдет за него замуж.

Он даже усмехнулся.

Теперь он думал спокойно, тихо и почти со стороны. Значит, получается, что двадцать пять лет его жизни, бесценных, невозполнимых, прошли зря, вроде как если бы он стоял и поливал водой пески пустыни Сахары, куда он так и не выбрался, хотя в детстве мечтал, и вряд ли уже когда-нибудь выберется.

Всю жизнь он провел в непрерывной лихорадке творчества, и это казалось сейчас просто насмешкой и издевательством, если учесть, что все было зря. Конечно, можно опубликовать свои путные результаты, которые Три А столь высоко оценил, и подумать о диссертации. Но ему совсем не хотелось в это ввязываться.

Ну, допустим, он будет стараться еще год и тогда найдет решение — тут что получится: предыдущие двадцать пять лет прошли зря или не зря?

И он понял, что эти годы были как один полный глоток жизни, неведальвирированного счастья.

Молодая трава прорывалась из земли навстречу солнцу, потому что опять шла весна. Но ему было не до этого.

Как-то в дверь постучали.

Вошла миниатюрная, очень легкая и изящная женщина средних лет в маленьких туфельках-лодочках, с чуть накрашенными губами. Она оглядела комнату и увидела, что грязный сугроб из исписанных листков как будто подтаял. Она насторожилась. Всю жизнь она неосознанно ждала перемен, надеялась и боялась их.

Он сидел за столом. Его взъерошенная голова покоилась на длинных согнутых руках, как фотоаппарат на штативе. В его глазах была радость. Сердце ее подскочило и сразу поникло. Он радовался не ей.

— Ты подумай, как интересно! — словно бы пригласил он ее к совместной радости. — И как я, балбес, раньше не догадался?!

На столе, будто разваленные кирпичи, лежали тома истории Франции.

— Он же был не только математиком, он был еще человеком! «В отличие от тебя», — подумала она.

— Мне надо с ним подружиться непременно. Когда люди общаются всю жизнь, им в конце концов надо подружиться, иначе они станут врагами. Я понял. Нам не хватало простой человеческой теплоты. Я приду к нему, приду не как засохший вопросительный знак, а как образованный светский человек...

«Давно бы так, — с осторожной радостью подумала она. — Вдруг оживешь?»

— И тут мы с ним потолкуем наконец о математике, и, даст бог, я его пойму!

Она поникла.

— Ты погляди, мы с ним, кажется, даже похожи! Вот, нос такой удлинённый и глаза темные. У меня, оказывается, глаза тем-

ные.— Он смотрел на портрет Ферма.— Как ты думаешь, я ему понравлюсь?

«Сумасшедший»,— думала она, глядя на него с любовью и восхищением.

— Знаешь, никому никогда не старался понравиться, а тут, думаю, надо, надо...

— И когда же вы встречаетесь? — поинтересовалась она. Он старательно причесывался.

— Сегодня, в двенадцать ночи,— ответил он наконец со смертельной серьезностью.— Я подумал, что на стыке суток мне будет удобнее к нему перейти. Так ведь и годы стыкуются, и века друг в друга перетекают. Я, знаешь, думаю,— он продолжал с нелепой тщательностью прихорашиваться,— время, история — это матрешки. Один век кончается и перемещается в другой, побольше, повзрослее, и тот, другой, живет своей новой жизнью, но с предыдущим веком внутри, его никуда не денешь, и это влияет.

Он надел свой лучший и единственный пиджак и принялся вытирать пыль с книг.

— Потом бьют часы, в шампанском крестят новый век, и старый — опять в него, и так далее.— Он смахивал пыль с полок и книг, и она благодарно оседала на его пиджаке.— Поэтому мы назначили встречу на двенадцать ночи. Плохо, конечно, что не новый век, но до этого долго ждать. Ферма не обидится. Настоящие ученые всегда были чужды духу формальности. Иначе бы они ничего нового не придумали.

— Ну а меня ты пригласишь на вашу встречу?

Он был озадачен.

— Конечно, мы... я всегда рад тебя видеть. Но... — он замаялся, подыскивая слово,— мне кажется, ты его... недолюбливаешь. И тогда ничего не выйдет.

Она тяжело глотнула воздух. Нет, не может быть, это неправда! Она вслед за ним влюблена в красоту этой теоремы, она мечтает о разгадке, она... она... она... Неужели он прав?

Она не могла признаться себе в его правоте.

Иначе, иначе, иначе просто не хватит сил. Не станет больше сил. Не будет больше сил...

Она бодро улыбнулась:

— Ой, я и позабыла совсем. У меня сегодня ночью тоже свидание. С Магелланом и Колумбом. Мы прошвырнемся по Эль Маре Пасифико, заглянем к милым двухметровым патагонцам и изжарим к праздничному ужину шашлык из Левиафана...

Он смотрел на нее светлыми невнимательными глазами, и она чувствовала, что он ее не видит.

...Ночь скрывала в себе разделенные прямым пробором волосы Пьера Ферма, и тяжелые складки одежды, и удлиненное лицо. Белел только большой воротник, и мягко смотрели темные задумчивые глаза.

Он перевел взгляд на слившийся с темнотой портрет. Мягкие глаза Ферма с участием смотрели на него.

— Гений, великий гений, я, коленопреклоненный потомок, вызываю к вам через века! Откликнитесь! Мне нужно ваше доказательство!

Темные большие глаза наполнились жизненной влагой, заблестели и улыбнулись.

— Какое там доказательство... Спина болит. Ноеет, ломит. В парламенте сидел — кой черт придумал эти высоченные потолки и толстые стены! Всю сырость, влагу собирают, точно в подzemелье. Камин целые стволы жрет, и все равно холодно. А еще говорят — юг, Тулуза... А потом садись в карету — гроб на колесах, ей-богу, и трясись из-за чьей-то глупости. Продует, прострелит спину как пить дать. И — снова здорово, в судейское кресло. Это же сиденье не для человека, а для прямоугольника! Поработать для души — времени нет.

Раньше спокойно было. Часы на башне редко бьют, лениво. Пока до следующего часа доживешь! А теперь умница Гюйгенс маятниковые часы изобрел, что стало! Маятник бегаёт, гонит время, точно масло сбивает, — туда-сюда, туда-сюда. Так и померешь — не заметишь... — Взгляд поежился и нахмурился.

— Какая непростительная лень души! — шепотом сказал он, занятый только теоремой, в испуге, что упустит этот взгляд. — Вы предлагали расписать, разъяснить друзьям свои доказательства, а они не захотели! Надо было бежать, просить, умолять — а они не откликнулись!

Темные глаза засветились лукавством.

— Это я вначале предлагал все объяснить, а потом решил — ни к чему.

— Ни к чему?!

— Знаете, в чем ошибся Прометей и за что его наказали?

— Он украл секрет небес и подарил огонь людям.

— Вот-вот. Медвежья услуга. Людям нужна сила трения, которая их останавливает, чтобы они хотели двигаться вперед, и сила тяжести, которая придавливает их к земле, чтобы они мечтали взлететь. И огонь должны были добыть сами.

— Но небеса часто наказывали именно за дерзость познания. Вспомните Паскаля.

Глаза подернулись печалью.

— Бедный мальчик! Кто мог подумать, что Блез уйдет так скоро и я его переживу!.. Нет, тут небеса ни при чем. Просто таланту нужно мужество. Открывать новое порой бывает очень страшно.

Думаете, почему работы Галилея и Коперника поместили в «Индекс запретов», а Галилея чуть не сожгли? Сильно они тут всех оскорбили. Люди думали о себе, что они — пуп, центр мироздания; такие надежды свойственны чуть не каждому человеку. А тут Коперник заявляет, что не Солнце вокруг Земли, а Земля у Солнца на побегушках. Как тут не обидеться...

— Но почему же не помочь человеку? Почему вы решили не объяснять свое доказательство?

— Человек не принимает помощи. Вот и от меня не приняли. Так суждено.

— Я бы принял. Я шел за вами. Я пытался понять ход вашей мысли.

— Это, наверное, и было ошибкой. Не нужно отгадывать траекторию поиска другого человека. Ученик, если не сбросит облачения ученика, не станет творцом. Каждый талант создает свою модель мира.

— А как же преемственность научной мысли?

— Она существует. У вас же есть мои результаты. И у Куммера были, и у Эйлера, у Лагранжа, Лежандра, Гаусса — у всех. Ведь если бы я дал свое доказательство, возможно, они не заинтересовались бы этой теоремой и не создали теорию алгебраических чисел. Математики бились над моей теоремой и делали свои, новые великие открытия. То, чего я не успел или не смог. Это ли не помощь?.. Дерзайте, творите, ибо нет пределов для человеческого гения...

Он медленно кивал. Он понял. Теорема была его музыкой, его искусством. Чем отличаются, думал он, чувствуя, как это новое понимание глубже проникает в него, произведение искусства от произведения науки? Высшее достижение науки можно объяснить сведущим людям, продемонстрировать его механизм, и тогда сведущие люди, словно купив патент, могут все повторить.

На произведение искусства патент не купишь. Атомных реакторов может быть много, Джоконда есть только одна.

Великая теорема принадлежала и науке и искусству. Было доказательство или нет — теперь уже неважно. Он должен сам создать свою Джоконду.

Сотворить, а не повторить. Вот был ключ.

Глаза медленно растворились в густой темноте, пропали в сердцевине ночи.

Наступил час прозрения.

Он понял. Задача Ферма была диковинным цветком, уходившим корнями в самую сердцевину Земли, где под толщей коры клочет, бушует и томится все порождающее и все уничтожающее пламя; благоуханием своим этот цветок вливался в мироздание и цветет вот уже двести лет — всего-то! — а на самом деле не двести лет, а всегда, подчиняясь великим законам сущего, и только двести лет назад открылся взору человека, силой ума причастного величию бытия и потому легкомысленного к своей человеческой кратковременности.

Теперь уже ему, он понял, надо облететь разом мироздание, набрать полные легкие космического прозрачного безвоздушья и с этим запасом нырнуть головой в кипящие лавы земного сердца и там, в средоточенье причин и следствий, отыскать свою нить, корень своего цветка, больно и терпеливо взобраться по нему из са-

мих глубин до земного шепота весенней молодой травы и тогда обрести право показать снова цветок людям и объяснить, почему он живет и дышит.

Наконец — узнать! Победить!

Но он не хотел беспощадной цепкой рукой сгрести сетку параллелей и меридианов, сгрести наподобие вожжей и погонять скачущую в пространстве Землю. Он хотел смиренно проникнуть, и понять, и ужиться, надеясь на всеобщее счастье, если такое возможно.

Голова его постепенно стала тяжелесть, перед глазами все поплыло — и внезапно мгновенной слепящей вспышкой мир раскололся, распался, раздробился, расплескался в его взоре на мириады частиц. Распалось время и пространство, разошлись с невероятным скрежетом, расщепились плоскости, и движение, обезумевшее и слепое, понеслось повсюду.

Теперь Вселенная искрилась, переливалась перед его взором звуками и неясными видениями, бурлила темными насыщенными жизненными соками, входила в его распахнутую душу.

«Так, наверное, праздновал и Галилей, — ощутил он, — когда взглянул на небо в первый, созданный только что телескоп. Даже не взглянул. Притянул небо к себе, поманил его пальцем, и оно, послушное могучему разуму, влилось в узкое отверстие трубки с линзами...»

Все слова давно уже поблекли и растворились в тесной и необъятной стихии образов, и образы, как облака, клубились, встраивались в причудливые системы, и неожиданно, слегка раздвигая их расплывчатые очертания, между ними встраивался каркас логической конструкции...

Светало. Все было так просто и так непостижимо. Вселенная улыбалась ему изогнутой многозначашей улыбкой.

И лишь на какой-то неуловимый миг опустила уголки губ и стала серьезной и понятной.

И сразу все исчезло. Но он успел.

Он проснулся молодым и сильным, щедро распахнул окно и взглянул на легкое весеннее небо, позолоченное куполами соборов и встающим солнцем, подсиненное глубоким колокольным звоном. Донесся восторженный крик младенца. Он озвучил прозрачный воздух, ветром ворвался в комнату, разметал все, и сугроб исписанных листов растаял. Листки разлетелись и, словно повернув время вспять, устлали пол, как облетевшие листья. Листья с древа познания.

Там, в глубине ночи, он расстался со своим ученичеством, соприкоснулся с тайной, нащупал пульс жизни. И теперь в звенящем радостью мире Великая Теорема вела его дальше и выше, туда, где еще никто не бывал.

Она, как всегда осторожно, открыла дверь и проскользнула в комнату. Маленькая сумочка сползла с руки.

И вдруг, глядя на убеленный бумагой пол, она поняла, что вся ее жизнь состоит из ненависти, из страстной ненависти к этой теореме и вообще к математике, и ей захотелось швырнуть зажженную спичку на листки с доказательством, чтобы пламя пожрало всю эту огромную кучу исписанных страниц.

И эту опостылевшую комнату с кожаным диваном, которую она за все годы из какой-то ненужной скромности и тактичности так и не решилась привести в нормальный жилой вид, отчего виденные ею на витринах милые безделушки, крючочки, вазочки, полотенчики и картиночки, которые вместе и составляют атмосферу дома, так и остались стоять на витринах, обласканные ее грустным взглядом.

И его самого, такого странного, обескровленного многолетним стремлением протиснуться сквозь заросли цифр и формул, такого беззащитного и в то же время такого недоступного, которого она так любила и так ждала и, кажется, уже устала ждать.

И она подумала, что вся эта история с теоремой Ферма была просто изощренным издевательством над ее жизнью. А они оба добровольно возложили свою молодость, и силу, и желание, и право любить и желать на алтарь чего-то несуществующего, абстрактного, сотканного из энергии их же мыслей и нервов, того, что в конечном счете должно было служить им самим и помогать строить собственную, ни от кого не зависящую жизнь!

Ветер свободно гулял по комнате и бесцеремонно перебирал листки. Она опомнилась, спустилась с высот своей ненависти, уже остывшая, обмякшая и, как всегда, внимательная. И потому заметила, даже не заметила, а почувствовала удивительным женским чутьем что-то новое в его взгляде, новое, знакомое.

Что-то случилось. Она беспокоилась и боялась за него. Боялась, как за ребенка, как за мечту. Она любила его.

Подняла глаза и увидела. Он стоял к ней вполоборота. Золотистое небо нежилось в его взгляде. Солнце плескалось в небе и угодливо вкатывалось в его открытую ладонь. Он был выше неба и выше солнца, он был счастлив и недостижим.

И она поняла, что соперница победила. И что ей совсем нет места в его жизни.

Она тихо подняла с пола сумочку, повернулась, открыла дверь и ушла навсегда.

ИГОРЬ ЯКОВЛЕВ

ВЕЛАНСКАЯ ИСТОРИЯ

1

Он никогда не думал, что это может его смутить. Обитатель Веланы был похож на земного человека. Только вместо костюма на нем был натянута прозрачный мешок, плотно облегающий тело.

Веланин протянул руку Юрию. Протянутая рука оказалась обычной, мужской, нарочито сильной при пожатии.

— Здравствуйте и не удивляйтесь. Мы братья,— сказал веланин.

Его костюм доходил до шеи. Голова была открыта. Юрию показалось, что интонации незнакомца и его произношение русских слов безукоризненно верны.

— Вы прилетели раньше? — спросил Юрий.

— Я житель Веланы, но мы знаем Землю. А наше сходство объяснимо.

Юрий оставил для робота все дела по уборке и уходу за оборудованием и теперь уже спокойно сел в кресло рядом с веланином. Спаренное сиденье понесло их в направлении к огромной горе, на которую ориентировался Юрий при посадке.

— Мы все живем в этой горе,— пояснил веланин.— А вот мой друг. Она оказалась нетерпеливой, как вы, земляне.

Перед Юрием предстала женщина в таком же, как и веланин, облачении. Правда, ее костюм отличался едва уловимым зеленоватым оттенком.

— Зовите меня Эдда,— повелительно, но мягко произнесла женщина, когда ее кресло приросло к носящему устройству веланина.

— Давайте немного пройдем пешком,— попросил Юрий.

До подножия горы они шли. Под ногами была земля, но без травы. Эдда один только раз пристально посмотрела на Юрия. И он нечаянно перехватил этот взгляд.

— Мы вам все покажем и дадим, что попросите,— веланин говорил размеренно, не торопясь, как гид, который предупрежден, что нужно быть внимательным и не тараторить.

— Почему вы не прилетали к нам?

— Мы были на Земле,— отпарировала Эдда.

— Не торопись, милая,— мягко вмешался веланин,— наш новый друг должен все постичь постепенно.

— Мы были на Земле,— повторила Эдда более доброжелательно,— но мы входили в контакт с людьми так, что они не знали про это. Мы не хотели тревожить землян.

— И тем более влиять на вашу историю,— добавил веланин,— все планеты должны развиваться самостоятельно. Ничто в мире так не загадочно, как развитие. Даже самая развитая галактика, перемещающая звезды и имеющая конструктивные контакты с неживой материей, не рискнет вмешиваться в эволюцию. Мы всегда ждем. Наблюдаем и ждем. На самом простом пути вдруг возникают такие плоды...

Юрий ясно осознавал в себе два течения. Одно радостно несло навстречу событиям, радовалось каждому слову незнакомцев. Это было настроение первооткрывателя, сознающего, что ему есть с чем возвращаться. Другое течение, подобно подземному потоку, глухо несло под первым, навстречу ему. Это было настрое-

ние тревоги. Все вызывало сомнения. Все было неправдоподобно удачным. И его мягкое причаливание к Велане, и соответствующие земные условия обитания. И этот все разъясняющий и не оставляющий никаких вопросов веланин, и эта его неотразимо прекрасная подруга... Впрочем, подумал Юрий, может, мне действительно везет и все это и не имеет второго значения, с отрицательным знаком? Почему во всем нужно видеть зло?! Неужели нет планет открытых? Добрых и гениальных? Возможно, эта такая планета...

Но два течения по-прежнему летели навстречу друг другу, и синтезирующее «я» Юрия было в водовороте.

— Нам легко представить ваши сомнения, — словно читая его мысли, говорил веланин. — Но нам от вас ничего не нужно. Вы можете быть спокойны. В огромной части Вселенной разумные существа и разум в других формах заняты более серьезными проблемами, чем те, которые такими важными кажутся вам на Земле.

— У вас есть дети? — неожиданно спросил Юрий, словно в напоминании об этом основополагающем начале жизни была защита от всего, что неясным туманом окутывало его мозг.

Веланин, только что шагавший рядом с Юрием, исчез.

— Что вы наделали! — вскрикнула Эдда. Но в ее длинных глазах не было ужаса. Они были полны тоски и любопытства.

— Что случилось с ним? — спросил Юрий, почувствовав себя уверенно.

— Вы уничтожили его.

— У ваших несостоятельных мужчин так развито самолюбие?

— Вы варвар. Это самый щекотливый вопрос нашей планеты.

— Но почему не исчезли вы?

— Я не знаю, — в ласкающем слух голосе Эдды прозвучала нота недоумения.

— Значит, у вас могут быть дети?

— У нас еще ни у кого не было детей, — печально ответила Эдда.

— А от кого же вы произошли?

— Вы варвар, — покраснев, с нежностью проговорила веланка.

— Я сын своих родителей. И если я попадаю на другую планету, у меня не остается времени на этикет...

— Я вас умоляю!

— Но это чисто научный вопрос. Почему он принял это как оскорбление?

— Я не знала, как он устроен. Но большинство наших мужчин погибают при мысли, что они бесплодны. У них так развит мозг, что мысль об этом мгновенно уничтожает их.

Эдда села в кресло, которое парило сзади.

— Мы беззащитны перед вами. Мы искусственные. Функция продления потомства у нас не налаживается вот уже тысячелетия.

— А с чего вы начались?

— Этого мы не знаем.

Прежде чем встретиться с другими обитателями Веланы, Юрий решил основательно все разузнать от Эдды.

Эдда стала описывать ему гору. Это балкон их планеты. Внутри планета полая. Весь шар занят всем, что необходимо здешней цивилизации. Оказывается, и планета имеет искусственное происхождение. Так рассказывала Эдда.

— А как вы управляетесь?

— Мы синхронно справедливы. Высшая координация происходит у нас сама собой, как отделение лучей от звезды или притяжение.

— И у вас нет никакого аппарата, или центра, или совета?

— Для нас это бессмысленно.

— И не бывает никаких катастроф, конфликтов, ссор?

— Мы созданы так, что для нас это противоестественно. У нас другой круг мира.

— Но мы все века боремся и хотим равновесия и гармонии всех, учета всех интересов, мы стремимся к организованному высшему обществу.

— А у нас это все происходит само собой. Мы стремимся...

— Ну вот вы к чему стремитесь?

Эдда покраснела. Ее длинное тело съежилось.

— Вы варвар,— потупила она глаза.

— Это высшая ваша цель? — Юрий был изумлен.

— Да. Но у нас есть миллионы других целей. И каждая из них была бы для вас равносильна открытию целой цивилизации, узнай вы наши цели.

— Но у вас же нет секретов.

— Но вы не способны всего понять. Мир бесконечен. И все в нем бесконечно. И непонимание тоже.

Гора уходила сплошным черным наклоном в небо. Она скрывала полнеба. Она была похожа на застывший след ракеты, соединивший звезды и Велану. Разрезанное небо разваливалось под ее напором, и не было границ у этой панорамы.

— Нас видят? — спросил Юрий.

— О нас знают все. Но за нами не следят.

— И знают, что погиб...

— Знают. У нас не бывает траура. Мы исследуем смерть также, как и пространство. Поэтому о Вукволле уже никто не думает. Он может и вернуться, но уже в ином состоянии. Я могу стать кометой, деревом, частью пространства, лучом. А несколько тысяч таких, как я, могут соединиться и стать звездой. Ну, вернее, ее сущностью. Вам это все трудно понять. В общем, мы исследуем все формы материи и для этого проникаем в них.

— И вы не можете иметь детей?

— Не можем. Ведь мы хотим иметь таких детей, как мы сами. Шифр наследственности для нас величайшая загадка. Нам не хватает одного искомого.

— То, что вы можете, у нас на Земле приписали бы богу.

— Вы — высшие существа... первого поколения.

— Вам скучно со мной? — Юрий нарочно позволил себе этот небрежный тон. Перед ним, может быть, было существо, которое никто из людей никогда не видел и вряд ли увидит.

— Нет, — проговорила она горячо, страстно. — Я вся с вами. Я сейчас для вас. Мы не распыляемся. И все, что происходит, впитываем до последней капельки.

Юрий вспомнил девушек, которых он любил на Земле. Только воображение, достигшее недостижимого, могло породить мысль о чувственной любви к одной из таких...

— И вы могли бы сделать меня звездой? Или лучом? — взглянул он на нее влюбленными шальными глазами.

— Нет. Мир необратим. Но вы могли бы...

— Да, да! Я люблю вас! — Юрий произнес эти слова: пусть будет так, ведь она достойна любви, она жаждет любви, и он дерзко объявляет о своей любви, разве он не вправе подарить звездному миру, Эдде импульс человечности, любви? Завершить тот путь, которые его предки за миллионы лет проделали от воды до крови, от костей до мыслей, от простейших чувств до великих невыразимых идеалов, записанных во Вселенной криптограммами галактик, тем мировым шифром, который вечно кодирует сам себя и посвящает свое бытие собственной расшифровке?

Из горы вышел веланин. Юрий замер.

— Это не он, — предупредила Эдда. — Мы все одинаковые.

2

Юрий стал жить среди них. На Землю он послал сообщение, что ведет исследование Веланы. Большого он сообщить не решил. Все требовало подтверждения и доказательств.

У Веланы не было своей родовой звезды. Она была вечной путешественницей. Свободное перемещение во Вселенной — необходимое условие работ, которые вели велане. Они меняли галактики, пристраивались к разным звездам, однажды Велана вплотную подошла к какой-то планете, исполнину космоса, и Юрию показалось, что все небо стало каменным, потом почти плоским, потом оно надвигалось, как поршень в цилиндре, грозя все смять. Юрий наблюдал это вместе с Эддой из внутренних покоев планеты.

Они были одни с Эддой. Юрий попросил как можно меньше показывать ему других велан. Достаточно, сказал он, того, что я буду общаться с тобой. И добавил: хорошо, что на нашей планете высшей координации ничего ни с кем не нужно согласовывать.

— Вот, — объясняла Эдда, — эта планета отдает нам сейчас все, что нам нужно.

— Вы испытываете ее на контактность?

— Не только. Я сказала о самом простом. Мы подозреваем, что в этой планете идет процесс прямого перехода неживой материи в

мыслящую, и что этот процесс кем-то управляем. Все известные нам галактики и скопления разума не дали нам сведений об этой планете.

— Но ведь это опасный для Веланы шаг.

— А мы всегда можем исчезнуть. Это еще ни разу не останавливало нас. Ведь исчезновение — тоже величайшее явление, которое мы уже давно исследуем.

Юрий отвел взгляд от потолка-телескопа. Эдда никогда не меняла свой костюм. Сейчас она сидела, закинув ногу на ногу, упершись руками о кресло.

— Ведь ты — это не ты? — вдруг спросил Юрий. — Ты посол их сил. Тебя нет. Ты комплекс электромагнитных колебаний, возбужденных благодаря чужой воле.

— Грубое представление о природе. Все можно назвать как угодно. Но у всего, кроме тысяч правильных названий, есть единственное. Почти как имя. Сейчас и во время всех наших встреч я — только Эдда. Неужели ты не понимаешь, что эти мои координаты в материи столь же значимы и неповторимы, как и любые?!

— Я приучен сомневаться... иногда...

— Я не знаю, что такое неправда.

— Прости.

Иногда Юрию становилось не по себе. Он представлял, что где-то за стенами в других лабораториях и комнатах сидят точно такие же Эдды. Они столь же прекрасны, умны, нежны, более того, они тождественны внешне.

— Неужели вам трудно было сделать себя разными?

— Найдена совершенная форма. Может быть, во второй Вселенной, когда она придет, мы будем другими. А пока мы ваша копия, но на высшем уровне.

— А вы из первой?

— Вселенных было много. Как у вас на Земле эпох. Но это сложный вопрос. Мы ведем счет с нашей.

Появились еще три веланки. Юрий подумал, что ход его мыслей известен всем на этой планете. И значит, они уже знают о его сомнениях.

— Мы пришли, — начала первая, она была точно такая же, как Эдда, но Юрий уже понял, что все они в чем-то разные. — Мы пришли, чтобы вы знали, что мы разные, — договорила веланка.

— Я вижу это, — сказал Юрий. — Ведь у каждой из вас свой опыт.

— Опыт каждой сразу передается всем, — сказала Эдда. — Но мы действительно разные...

— Наверно, у каждой есть своя главная проблема, — неуверенно пошутил Юрий.

— Главная проблема у всех одна, — холодно сказала первая веланка. — Женщина хочет быть матерью.

— И каждая из нас будет матерью, — твердо сказала вторая.

— А наши мужчины будут отцами, — сказала третья.

Юрий видел, что знание об их самом слабом месте, оказывает-ся, вредит ему. Велане замыкаются и говорят мертво и торжественно, как дикторы.

— Уходите,— сказала Эдда своим соплеменницам, и те ушли.

— Ты знаешь все мои мысли? — тревожно спросил Юрий.

— Когда они рождаются, я их знаю раньше тебя. Так что ты можешь молчать, а только думай. Но что у тебя рождается, я предсказать не могу. И ты сам, наверное, не знаешь.

Юрий подумал. Эдда кивнула головой. Так начался их новый диалог. Юрий только думал, Эдда говорила. Ведь он не мог знать, о чем подумала она.

— А раньше ты ждала, когда я сформулирую свою мысль в слова, ждала только из-за приличия? — подумал Юрий.

— Да,— ответила Эдда.

«Я люблю тебя»,— наперекор своей воле подумал Юрий и вдруг заметил, что все мысли идут наперекор его желаниям, все они выдают его, и он предстает перед Эддой в очень странном, ему самому еще не понятном свете.

3

Он думал о себе. О Земле. О своем долге перед ней. О своих целях здесь. Об Эдде. О том, что ему с ней делать дальше. Или что им делать. Он не знал, как правильно подумать.

Эдда сказала:

— То, что мы сделаем, то и произойдет.

«Но ведь мы можем сделать разное»,— подумал Юрий.

— Да, но мы сделаем то, что сделаем,— сказала Эдда.

И он шагнул к ней.

Его руки натолкнулись на ее руки. И Юрий впервые подумал о том, что она одета, хоть и прозрачна. И еще он подумал бог знает о чем.

— Не надо, милый,— сказала Эдда совсем как земная женщина.

Юрий запрокинул голову. От неловкости. И увидел в потолке телескопа: из каменного неба (это была причаленная планета) росло белое дерево. Росло быстро, так вырастает пассажирский поезд, из дальних перепутий надвигаясь на платформу.

— Белое дерево,— сказал Юрий.

— Это тебе кажется,— сказала Эдда.

— Белое дерево,— снова сказал, а не подумал Юрий.

— Тебе кажется, милый.

— Я его вижу. Оно прекрасно. И растет.

— Ничего нет. Только каменное небо.

— Ты не видишь? — Только сейчас он удивился.

— Хорошо. Я закрою телескоп, чтобы ты не беспокоился,— сказала она.

— Я не беспокоюсь. Просто ничего красивее я не видел. По-

дожди закрывать. Вот еще дерево. И еще. Все небо растет. Это белый лес. Еще бы услышать, как он шумит.

Эдда выключила телескоп.

— Ты не веришь? Думаешь, мне грезится? — спросил Юрий. Он стал говорить. Как будто он не верил, что на этот раз Эдда может все понимать без слов.

Потом он забыл про лес. Эдда была рядом. Ее руки еще были в его руках. Ладони и пальцы, как и голова, без всего, открытые, живые, теплые и то влажные, то вздрагивающие, в зависимости от того, что он, Юрий, чувствовал в данный миг. И руки их были вместе. И глаза стали вместе. И потом губы. Она целовалась, как землянка. Сначала нехотя, потом с удивлением, потом все забыв, и, наконец, все помня, и жадно, и открыто, по-человечески, без прайла.

Когда он забыл про то, что она в этом самом прозрачном костюме с зеленоватым оттенком, она отошла от него. Но руками еще была с ним, и руки говорили, что она отошла просто так, что она с ним и нигде от него не отходит и не отойдет.

Юрий вдруг понял, что все это чертовски серьезно. Как на Земле. И может быть, точно так же, как на Земле. Потому что Земля везде, где целуются без правил.

4

И тут Юрию пришла примитивная мысль. Она расшибла его, как молния дерево. И теперь дерево уже навек соединилось с этой молнией. А Эдда вела себя так, как будто ничего не произошло. Кроме поцелуя. Она не хотела вслушиваться в мысль. Ей было все равно.

А Юрий давно знал, что он придумает такое, до чего здесь никому не додуматься. И теперь, когда это пришло, он только хотел, чтобы они и Эдда не придали этому значения. Просто он думал об этом и все.

С чего-то надо было начинать. И он пошел издалека:

— А ведь естественной, синхронной справедливости быть не может. Чтобы расти, дерево отнимает соки у ближнего дерева. Река пьет из ручьев и все ручьи берет в себя, делает собой и потом сама берется морем и теряет себя. И уже ничто для нее не имеет значения. Ее нет. И справедливость ей ни к чему. Раз реки нет. А у мыслящих существ и подавно. Самый высший их лозунг — борьба. И где уж тут быть естественной, само собой существующей справедливости. А если бы она была, не было бы борьбы. И смерти. И потом новое и старое. Это же развитие. Развитие уже несправедливость по отношению к тому, что не развивается. И наоборот. Не может быть справедливости для всех. Для всего.

Юрий отпустил руки Эдды. Он горячился, как всегда, увлекаясь доказательством и выключаясь из всего остального.

— У нас другой круг мира, — сказала Эдда. — Ну переложи по-

нятие справедливости для пространства. Ведь оно синхронно справедливо для всех галактик, их вмещающая и...

— Но пространство создает расстояния. А они разные. И это уже несправедливо. И оно разным массам даст разные места у себя.

— У нас другой круг мира. Мы судим не по этому. Справедливость — это движение. Движение планет, мыслей, веществ, законов, движение к новым состояниям, которых не было. Поэтому и Вселенная в целом движется и меняется не только в частях, но и как целое. И вселенных было много. Разных. И материй. Тоже разных.

— Это справедливость неживого. Потому живое и выделяется, что оно ищет свою справедливость. Более глубокую. И коренную. А камни были всегда.

— И живое было всегда. И даже соединялось с неживым. Не так, как у тебя: кости в скелете и мысль в голове. Это рядом, но отдельно. А органично. Ну как мыслящая магнитная туманность или планета, чувствующая, как твоё сердце...

— И как твоё?

Эдда тут же забыла о споре.

— Не знаю. Ведь мы себя плохо знаем. Наверное, нужно влюбиться. Ну чтобы все забыть и лететь только в одну сторону...

— Ты объясняешь мне...

— Я знаю, что это необъяснимо. У нас ставили опыты. Нас ввергали в состояние, которое испытывает ваша влюбленная женщина. Психическая копия. Было так сладко и жутко. И все нило. Когда я в давние времена в одном из опытов была корнями дерева, я также томилась по свету, и разламывала землю, и гнала по себе соки как помешанная.

«А сейчас...» — подумал про Эдду Юрий и спохватился.

Она бросилась к нему. Они обнялись. И она сказала:

— Я ведь ничего не знаю. Были только они, ты. А сейчас я чувствую, вижу перед собой, из-за того, что не знаю, любовь это или нет.

— Раз не знаешь, значит, ничего нет, — проворчал Юрий, совсем как старик на завалинке, там на Земле, где плыли облака и бревна по рекам, и кораблики по лужам, и висел воздух между синим небом и солнечным выпуклым пятном, и между городами, селами, дорогами, горами и водой, которая плескалась и отражала мир, и где влюблялись девчонки, и страдали мальчишки, и любой из физиков не мог бы вывести уравнение любви, и все было прекрасно и трагично, просто и до безумия сложно. А старик сидел, все это знал, чувствовал каждой морщинкой и ворчал.

— Ты не суди по-земному, — сказала Эдда и включила телескоп. Белые деревья упирались прямо в их потолок с той стороны. Планеты уже не было видно. Только белый лес.

— Теперь ты видишь?

— Это их анализаторы, — сказала Эдда, — они могли бы про-

шить и нашу планету и нас, чтобы все узнать. Но мы защитились. Я не хотела тебе говорить раньше времени, потому что если бы мы не защитились, деревья, как ты их назвал, проросли бы сквозь нас, и мы бы стали их почвой, из которой они высасывали бы информацию. Мы не ошиблись насчет этой планеты.

— Значит, это война?

— Но ведь жертв нет,— сказала она, стараясь как будто предохранить его от губительного воздействия таких терминов. Но он понял ее и сказал:

— Да я не то что боюсь войны. Я просто про справедливость. Где же она, если война?

— Справедливость не боится ничего,— только и успела сказать Эдда, потому что в следующий миг весь лес исчез и каменное небо стало медленно подниматься, как втягивается поршень.

— Они успели все-таки собрать всю информацию. А мы все узнали о них, что смогли понять и что еще поймем. И теперь мы навсегда разойдемся. Они совсем из другого круга мира. Но приняли эту форму, чтобы войти в нашу.

— Другая Вселенная? В другом пространстве?

— Может быть, и в нашем. Оно бесконечно вмещает несовместимое. Бесконечная взаимопроницаемость. Но я говорю о пространстве, как я его понимаю.

— Вы заправились?

— Знанием, которое мы можем усвоить. Через час я буду уже другая. Потому что это очень интересная планета.

5

«Ты будешь другая. А я буду тот же. Я должен защититься от этой новой Эдды»,— подумал Юрий. И вслух произвольно сказал:

— Ты алгебра. Я не люблю тебя.

Эдда исчезла. И сразу же дверь открылась и вошла похожая на нее как две капли воды женщина. Но это была не Эдда, это была просто веланка, которая пришла на смену Эдды. Потому что у них опыт продолжался.

«Я убил Эдду,— подумал Юрий,— значит, она любила меня,— подумал он еще.— И почему я решил, что если она будет другой, то будет совсем другой? Ведь я не мог заранее знать, какой она будет»,— думал он.

— Меня ты так не полюбишь,— сказала новая.

«Да»,— подумал он, отмечая, что эта так же прекрасна и что эта так же полна тоски по любви.

— Эдда ошиблась насчет часа. Мы уже все изменились. Из-за той планеты.

— Через час я узнаю, какой была бы Эдда,— сказал Юрий.

— Она ошиблась насчет часа,— сказала новая.

— Я посмотрю на вас через час и узнаю, какой была бы Эдда...

А ее нельзя вернуть? — вдруг выпалил Юрий. — Или вы еще не знаете, что вы сможете сделать через час?

Новая покраснела. Даже шея у нее покраснела до самой груди. И Юрий смотрел, как кожа снова становилась прежней.

— Да. Через час, — сказала новая, — я не хотела бы вас снова пугать.

— Новая. Но ведь теперь мне терять нечего, — сказал Юрий. — Не могу же я влюбиться в каждую из вас. Я человек.

Новая исчезла. Этот самый час Юрий был один и думал о той мысли, которая тогда, после поцелуя, расшибла его, как молния дерево.

Как будто прошло 1000 лет. Юрий думал то об Эдде, то о своем плане. Он раздваивался: Эдда, Эдда... И план.

Через час вошел веланин. Точно как Вуквол. Но другой. Это было сразу видно.

Юрий ничего не имел против него и потому не боялся, что подумает о детях и сметет веланина.

— Эдда с нами, — сказал веланин. — Но она стала другой. И не знает, как быть.

6

И тогда Юрий предложил им свой план. Он увезет на Землю всех женщин Веланы. И пусть они поживут там год. Никто не будет знать, кто они. Только им придется одеться. Через год они вернутся. Или раньше, если захотят.

Появилась Эдда. Веланин не уходил.

— Прощай, Юрий, — сказала Эдда, — ты хороший организатор. Но нам не нужно такой организации. Мы другие. Я не люблю тебя!

Юрий удивился не ее словам, а тому, что он вдруг все понял. Понял свою ошибку. Вернее, не ошибку. Разве природа может быть ошибкой?

Понял, что, несмотря на свое абсолютное здесь одиночество, он был частью человечества. Он всегда был с людьми: с ними и для них. И даже еще для тех, кого он хотел принимать за людей. А они все были сами по себе, несмотря на одинаковость, взаимопроницаемость и синхронную справедливость. Несмотря ни на что, они были абсолютно одиноки. Как пространство. И хорошо это или плохо, Юрий не знал.

«Может быть, потому, что у них нет детей», — подумал он и пожалел их.

— Я лягу спать, — сказал он. — Вы уж меня простите. — Он знал, что еще минута, и он не справится с отчаянием и умчится отсюда. У него было такое ощущение, будто он долго-долго принимал часть пространства за живое и общался с ним. И теперь вдруг увидел полную пустоту перед собой.

И он лег спать. Принял сновторное и уснул.

Эдда сидела рядом, пока он не проснулся. Эдда гладила его лицо. Юрий лежал бледный и ясный. Эдда заметила, что эта перемена происходила постепенно. Все тени сошли с лица. Перед ней не было больше влюбленного. И от смутения ничего не осталось. Это был вид равнины, отраженной в море другой планеты, если такое было бы возможно. Но сами по себе черты выражали еще что-то. Что бы могла выразить гора, если бы ее очертания подчинялись идее: гора — почка планеты, из почки должно что-то выйти, и отделиться, и куда-то расти, и оставить планету. Так размышляла Эдда, и ей было плохо.

Юрий никогда бы не подумал, что планета, которая ушла недавно, могла что-то дать и ему. Но он все время думал о том, что она могла дать веланам, и о том, что его сознание развивается тысячелетиями, и о том что это ужасно, и о том, что так люди будут всегда проигрывать во Вселенной. И от того, что он так напряженно об этом думал, что-то сдвинулось в нем. И поэтому, когда он проснулся, он заговорил, и, слушая себя, не переставал удивляться.

— Почему мы решили с тобой, что это любовь? Это война. Два разных круга мира столкнулись, и все наши действия — это действия противников. Ты борешься за свое. Я за свое. Поэтому к черту любовь. У нас деловые отношения. Скажи, что тебе надо от меня? Я это сменяю на то, что мне нужно от тебя. Вот и все. Я убе-
рись отсюда.

— А мне от тебя нужно только одно, чтобы ты жил и вел себя так, как считаешь нужным, только это и стоит изучать.

— Мне нужно, чтобы ты помогла мне взять с собой на Землю все, что могут понять люди. Сейчас и через тысячу лет, когда разовьются.

— Пойдем,— сказала Эдда,— это готово.

Они очутились в одном из секторов планеты. Юрий увидел груз.

— Тут есть объяснение. Вы все поймете,— говорила машинально Эдда,— как только ты решишь лететь, все это будет в твоей ракете. Это аккумулятор наших знаний, настроенный на вас.

— Значит, вы решили ускорить наше естественное развитие. Вы же были против...

— Пока ты был здесь, мы исследовали через тебя нынешний уровень вашей природы. И решили, что вы как раз на такой стадии, что дальнейшее развитие нуждается в новых сверхинформациях.

— А что должен я? Взамен? — Юрий спросил отрешенно. Он с мукой отдавал себе отчет в том, что Эдда стала для него необходимой.

— Ничего.

— Тогда прощай.

— Ты любишь меня и ты уходишь?

— Я уйду,— твердо произнес Юрий.

— А наши дети? — Эдда вдруг стала растерянной и жалкой. — Они могли бы стать другими. И все, о чем ты думал... Я ведь поня-

ла. Но это и есть наша трагедия. Мы лишены материнской любви ко всему, материнской связи со всем. Как же за это ты можешь осудить нас? Ты видел, как исчез Вуквол. Это обостренное чувство вместо остального.

— Ты принимаешь мой план?

— Давай улетим вдвоем. И не к вам. На Землю полетим потом, через тысячу лет, когда все узнаем, поймем...

— Люди живут мало. Лет сто. Не больше,— устало сказал Юрий. Для себя он уже был в ракете, и все происходящее было позади, как день посадки, когда он впервые увидел Эдду.

— Ты уже не со мной, милый,— сказала Эдда.

И Юрий вдруг увидел холодную Велану, летящую мимо галактик и цивилизаций в бледно-зеленом ореоле, и увидел Эдду, вглядывающуюся в глухие миры тоскливым и ждущим взглядом, и увидел тысячелетия, проносящиеся мимо Веланы, как холодные волны мимо корабля, и Юрий снова, как тогда, сказал Эдде: «Я люблю тебя», и как тогда обнял ее, и она ответила ему губами, и ничто не разделяло их отныне, и Юрий забыл, что он Юрий, а Эдда забыла, что она Эдда, и было только то новое, что должно было быть, и это новое все вытеснило, вытеснило Юрия из мира, потому что он отважился любить то, что было ярче звезды и сложнее пространства, оно вытеснило Эдду, потому что она отважилась познать земную любовь, и исчезли веланки от зависти, и исчезли велане от ревности, и исчезла планета, подчиняясь гибели своих хозяев, и только ракета шла к Земле, унося заготовленный Эддой груз и еще что-то, о чем не догадаться, что не смогли бы предусмотреть все прогнозирующие вечности искусственные интеллекты.

ИВАН ДОРБА

ДАР МЕДУЗЫ

*Посвящается светлой памяти
замечательной женщины
Нины Александровны Макаевой-Табидзе*

..Слово Грузин могуче. Если сердце в ком певуче.
Блеск родится в темной туче, в лете молний вырезных...

Шота Руставели

Солнце перевалило за полдень. Жарко. пляж на окраине Кобулетн почти безлюден. Остались загорать одиночки.

Под самодельным тентом, лениво перебрасываясь словами, лежат двое: грузный ихтиолог-аджарец Гогла Михайлович, человек лет пятидесяти, и недавно приехавший с женой в гости к Нине Александровне Табидзе московский литератор. Тут же, в песочке, строит домики пятилетняя девочка, маленькая Ниночка, внучка

Табидзе. Она недружелюбно поглядывает на «рыбника» (так она называет ихтиолога) и влюбленно на «принца», который выглядит еще спортивно, хотя ему уже под шестьдесят.

— Вы спрашиваете, уважаемый Ваню, почему медузы перед штормом подплывают к берегу? Смею вас уверить, ничего тут сверхъестественного нет! — Ихтиолог поворачивается на бок и смотрит в даль моря.

— Спору нет, сюда входит, как вы изволили заметить, инстинкт, верней, кажущееся его проявление, а именно — рефлекс-торный процесс, на манер «рефлекса бегства» или «рефлекса обороны», которые мы наблюдаем у раков и крабов. Но случается так называемый «ошибочный рефлекс», который зачастую приводит животное к гибели, как и у летящих на огонь мотыльков и других насекомых...

В этот момент к пляжникам медленно подошла седая женщина в трауре — вдова Тициана Табидзе. Туговатый на ухо ихтиолог даже не расслышал ее шагов, продолжал, жестикулируя:

— Медуза — класс кишечнополостных. Полный стебель — ее рот. Нервная система состоит обычно из шести или восьми узлов-центров, правильно расположенных по краям купола. От них тянутся к щупальцам нервы. Их органы чувств...

— Значит, медузы видят, слышат, чувствуют? Я так и думала! — тихо произнесла Нина Александровна и остановилась. Ихтиолог сел на песке, закивал přátельски:

— Конечно! Мы еще мало знаем о жизни медуз и тех рефлекс-ах, которые ими управляют. Это хищники, а такие, как, скажем, акалефы, питаются рыбами и крабами. Они обессиливают свою жертву стрекательными органами и постепенно ее переваривают. Поэтому, калбатону Нину, с ними надо быть поосторожней. Медуза — настоящий прибрежный волк!

— Волк? — удивилась Нина Александровна. — Ой, не пугайте...

— Дельфин тоже наносит большой вред нашему рыболовству на Черном море, — добавил ихтиолог. — Правда, это промысловое животное: кожа, жиры... Дельфин — морской волк!

Женщина с грустью посмотрела на ихтиолога и недоверчиво покачала головой. И, угадав несогласие бабушки со строгим бородатым дядей, девочка тоже бойко запротестовала:

— Дельфин добрый, его нельзя убивать! Принц рассказывал, что дельфин спас поэта, такого, как мой дедушка, когда разбойники бросили его в море. Посадил на спину и повез к царю.

Девочка, став на четвереньки, ползает по песку, изображая, как дельфин везет на спине человека.

— Это миф о певце-поэте из Мефины, который жил в шестисотых годах нашей эры. Надо же, запомнила! — Литератор, поднявшись, приглашает Нину Александровну войти под тент, спрятаться от палящего солнца; и та, расстелив полотенце, тяжело опускается на него, подзывая к себе внучку.

— И медуза хорошая? Правда, дидидеда? — спрашивает Ниночка.

Нина Александровна задумчиво рассказывает древнюю восточную легенду. Было это еще при Османах, когда турки владели Балканами, Малой Азией, Вавилоном, Сирией, Палестиной, Египтом, Аджарией... Великий визирь Румелии, трехбунчужный паша, состарившись, созвал однажды на совет волхвов и спросил у них, как ему снова обрести молодость? «Она вернется к тебе, если съешь Океан-рыбу», — ответили ему волхвы. Визирь приказал старшему сыну Али забрасывать сети в морях и океанах. И однажды, плывя на фелюге недалеко от берега, Али дал указание забросить невод, в который и попала рыба; эта рыба заговорила человеческим голосом: «Отпусти меня в воду, Али, детей у меня много, как я их оставлю?!» И Али увидел, как от множества рыб забурлила кругом вода, и все они наперебой стали просить рыбаков: «Отпустите нашу мать, отпустите нашу сестру...»

«Что же делать? — думал Али, — лишить жизни это необыкновенное существо и оставить сиротами все рыбе семейство или prolongить молодость отцу?..» — и он бросил Океан-рыбу в воду. Но визирь, узнав об этом, страшно разгневался на сына и выгнал его прочь из дома. Али пошел куда глаза глядят. Уставший и подавленный, он уснул на берегу под рокот волн, а проснулся от чьих-то шагов. Открыв глаза, Али увидел красивого юношу... Заговорив, они сразу понравились друг другу и пошли вместе вдоль берега.

Путешествуя, они попали к стенам какой-то крепости, где палили пушки; внутри города собирали на площади народ... Глашатаи громко выкрикивали призыв царя к юношам знатного рода свататься к его дочери.

Али и Горгон (так звали друга Али) отправились во дворец. Невеста тут же выбрала в мужья Али, и царь назначил на другой день свадебный пир.

Но вечером они узнали, что дочь царя не впервые выходит замуж и что после первой брачной ночи ее мужья умирали в страшных муках!.. «Али, отказываться поздно! — сказал Горгон. — Мы поклялись в братской дружбе. Я не дам тебя в обиду! Буду тебя оберегать!»

И вот, когда молодожены заснули, из полуоткрытого рта царевны выползла змея и с тихим шипением уже готова была ужалить Али, но Горгон, который тайно пробрался в спальню и спрятался там, выхватил клыч и отрубил голову змее! Потом разбудил Али: «Ну а теперь, помня клятву делить все поровну, разделим и царевну!» — «Как же мы будем ее делить?!» — поразился Али. «А вот как!» И Горгон громко крикнул, чтобы разбудить царевну, и замахнулся на нее палашом.

Нина Александровна сделала паузу, посмотрела на испуганную внучку, которая расширенными глазами смотрела на бабушку; московский литератор и ихтиолог молча ждали продолжения сказки.

— Не бойся, девочка моя,— Нина Александровна потрепала внучку по волосам.— Царевна проснулась и, увидев поднятый на нее клыч, в ужасе вскрикнула... Али отвернулся, и в этот момент из рта царевны вывалился целый клубок змей... Их-то и разрубил Горгон.

— Ха-ха,— засмеялся ихтиолог.— Ну и сказка! Очень поучительная. И все?

— Когда молодые люди пришли в себя, в комнате никого не было,— завершила рассказ Нина Александровна.

— Куда же делся Горгон? — спросила девочка.

— Чтобы отблагодарить Али за подаренную жизнь, Океан-рыба превратилась в Горгона. А когда она захотела вернуться в свою стихию и бросилась из окна спальни царевны в море, Нептун превратил ее в медузу! И теперь, если становится немоготу, медуза подплывает к берегу в надежде, что ее увидит Али и придет ей на помощь.

Ниночка готова заплакать. В ее глазах вопрос: «За что? Почему такая несправедливость?»

— Извечный закон природы не позволяет ни рыбе, ни птице, ни зверю или человеку безнаказанно покидать свою стихию, моя принцесса! — старался успокоить ее литератор.

Ихтиолог сердито чесал волосатую грудь и ворчал:

— Я им научные сведения, а они мне сказки да легенды! И ссылки на народную мудрость! — И, тяжело пыхтя, укоризненно покачав головой, укладывается поудобнее. А Нина Александровна, чуть улыбаясь на его ворчание, берет за руку внучку и уводит ее в стоящий неподалеку от пляжа, в окружении высоких сосен, двухэтажный дом, и там маленькая Ниночка должна лечь спать.

Наступает долгая пауза. Кругом тихо, лишь едва слышно плещет волна, да где-то далеко, у санатория для летчиков, кого-то громко подзывают:

— Гиви! Гиви!..

Первым нарушает молчание ихтиолог:

— Не понимаю, зачем пожилой женщине забивать голову внучки разной чепухой?

— Нина Александровна не поправился ваш рассказ о ядовитых стрекательных органах медузы. Эта женщина с трогательной нежностью относится к животным, особенно к беспомощным. И внучку она через сказку приобщает к добру. Девочка восприимчива. Три дня назад во время шторма она вышла из дома, залезла на лестницу, приставленную к стене, а лестница ходуном ходила. Девочка зовет: «Принц! Принц! Спаси меня!» Подбежавшая няня вовремя подоспела, схватила ее и понесла домой.

— Разве это не возмутительно?! — Гогла Михайлович ударил кулаком в песок.— В двадцатом веке живем! Внушаем ребенку сказки и небылицы! Зачем ребенку внушать выдумку о принцах, о превращениях Океан-рыбы в медузу? Зачем? Это чистейший абсурд! Несчастный ребенок...

— Вы слишком строги,— возражал литератор.— Мудрец сказал: «Не злите детей: кто хочет бить, будучи ребенком, тот захочет убивать, когда вырастет». Литератор усмехался добродушно, подсматривая за сердитым лицом ихтиолога.— Сказки учат добру, а наука — рационализму. Необходима гармония. И вряд ли кто знает, на какую чашу весов и чего следует положить больше...

— Вано, генацвале! — замахал руками ихтиолог.— Мы живем в век науки! Мы летаем на самолетах, исследуем генную программу клетки, изучаем глубь моря... На кой черт нам дремучие сказки?

— Может быть, может быть... В молодости мне довелось как-то познакомиться с милой девушкой, дочерью богатого нэпмана. Я влюбился, и сам ей понравился. Мы встречались, как поется, «у садочку, в тэмному куточку...». Аромат юного девичьего тела и французских духов кружил мне голову, но у нас все ограничивалось одними поцелуями...

Гогла Михайлович заулыбался, перевернулся на спину и зацокал языком:

— Про любовь — это другая наука. Я весь внимание...

— Судьба нас разлучила,— продолжал литератор.— Прошли десятилетия... Иду я по Столешникову переулку, как вам известно, одному из самых людных в Москве, и вдруг улавливаю «тот запах». Он пронзил меня, как электрическим током. И я, как охотничий пес, «взял след» и вскоре нашел эту женщину в комиссионном магазине. Мы узнали друг друга...

— Она душилась «Красной Москвой»? — шутливо спросил ихтиолог.— Вы запомнили запах духов?

— Не знаю,— вздохнул литератор.— Со времен Вавилона, Египта, Индии женщины душились «своими», так сказать, «персональными» благовониями. У моей знакомой была смесь «Черного нарцисса» фирмы «Карон» и диоровской «Фиалки», но я думаю, узнал ее не по духам, а каким-то чутьем... Этого объяснить не могу.

— О, генацвале! Это опять мистика! — Ихтиолог засмеялся.— Клетки нашего серого вещества, наше, так сказать, «я» отражают только реальность и до накопления определенных впечатлений — умственного багажа, мудрости, если хотите, ничего не вырабатывают. Слушаю Бетховена — отражаю Бетховена. Смотрю Рафаэля — отражаю Рафаэля. Читаю Пушкина, Толстого, Достоевского, Шолохова — их отражаю. Читаю бульварщину, смотрю наши сырые фильмы — засоряю мозг ими. Ем деликатесы, пью тонкие вина, нежусь в мягкой постели... или сплю на соломе, копаясь в навозе, ем селедку с луком, картошку и кислые щи...

— Ой-ой, Гогла Михайлович,— литератор протестующе замахал рукой.— Человек организован сложнее. Бессознательно он общается со всем на земле живущим, в том числе и с медузой. Тут много неузнанного, таинственного... В каждом живом существе два полюса, и потому им владеют противоречивые чувства. Человек в результате общения с окружающей средой приобретает

опыт, вырабатывает формы своего поведения. Потому Нина Александровна и раскрывает перед внучкой сокровищницу мировой культуры. И не забывайте, что ее покойный муж, Тициан, прошел сложный творческий путь от символической поэзии...

Ихтиолог заинтересованно глядел на литератора, который стоял под лучами палящего солнца с задумчивым видом.

— Да-да, генацвале,— произнес он, приподнимаясь.— Много в природе не исследовано. Я знал Тициана Табидзе как поэта и человека. Похож он был скорей на славянина, чем на грузина, с могучей грудной клеткой, с правильными, мягкими, но выразительными чертами лица и челкой римского патриция. Помню, он неизменно носил полотняную блузу с ярко-красной гвоздикой в петлице... К сожалению, и у Тициана из одного стихотворения в другое коcząют мотивы смерти, тоски, забвения, мифологии...

— Вы ученый, а я — литератор. У нас разные оценки людей... Тынянов о Табидзе сказал: «Тициан ходит по Тифлису, как ходит человек по своей комнате». Его помнят до сих пор, хотя прошло почти тридцать лет, как его не стало... Помнят не только потому, что он сочинял талантливые стихи...

— Точно! Как-то идем мы с Ниной Александровной по Руставели мимо цветочного магазина, где когда-то, наверно, Тициан покупал цветы. И вдруг слышим: «Калбатано Нино!» Это был убежавший на улицу продавец, и он подарил Нине Александровне гвоздику,— Гогла Михайлович улыбался.— Ее любят потому, что любили Тициана Табидзе.

— Э, нет! Она и сама прелестная женщина! — возразил литератор.— Она тонко воспринимает людей, любит природу. Помню, в прошлом году гостил у нее в Тбилиси, на Мочабели, наверно, знаете, в писательском доме. Так вот, как-то на заре просыпаюсь от того, что Нина Александровна трогает меня за плечо и шепчет: «Вано, Казбек открылся!» Никогда не забуду этого зрелища! Снежная вершина великана искрилась и сверкала в лучах восходящего солнца. И я долго стоял, ошеломленный этой величественной, могучей красотой, и думал о том, какие люди должны здесь рождаться и жить, глядя на все это.

— Вам повезло, генацвале Вано, Казбек обычно затянут тучами. «Думает!» — говорят поэты. Вас разбудили даром. Казбек — гордость Грузии. Правильно сделала Нина Александровна.

— Пойдемте купаться! — сказал литератор. — Рационализм — хорошо, но ощущение жизни каждой клеточкой тела, чувствами — еще лучше!

И он, не дожидаясь, пока толстый ихтиолог вылезет из-под тента, зашагал к воде.

* * *

Жили они в одном доме. Нина Александровна с внучкой, няней и гостями на первом этаже, а ихтиолог на втором.

По вечерам они вместе выходили полюбоваться закатом и с щемящим чувством ожидания и необъяснимой грусти смотрели, как все увеличивающийся шар, коснувшись огненной дорожки, медленно погружался в море, чтобы напоследок, расплывшись, послать свой ласковый привет. Гасли постепенно желто-оранжевые всполохи, небо на западе краснело, становилось пурпурным, горизонт, казалось, охватывало зарево пожара, а на юге, подобно маленькому осколку солнца, отлетевшему далеко влево, загоралась голубым мерцающим светом вечерняя звезда.

Южная темная глубокая ночь наступала сразу и заставляла жителей маленького городка расходиться по домам. Повсюду воцарялся сонный покой. Все вокруг, казалось, медленно погружалось в нирвану...

Нина Александровна часто вместе с московскими гостями, внучкой и няней тоже выходила на вечерние прогулки. Дом их стоит особняком в десяти шагах от высокой опорной стены, отделяющей широкий пляж от дороги. Ужинали все вместе и затем расходились по комнатам.

После ужина бабушка брала внучку на руки. Малышка в ожидании обещанной сказки весело и лукаво улыбалась, а Нина Александровна, превозмогая разыгравшуюся к ночи боль, начинала неторопливо рассказывать. Маленькая Ниночка слушала сказки под доносящийся из отворенного окна аккомпанемент тихо шелестящей волны, уносясь в своем детском воображении в иной, чудесный мир фантазии...

По старинному обычаю, «чтобы дворянству не терять связи с народом», Нину Александровну в детстве отдали на воспитание в крестьянскую семью. И простая женщина, укачивая ее в люльке с молочным братом Нико, пела ей колыбельные песни и рассказывала грузинские легенды и сказки. А теперь, на старости лет, Нина Александровна сама передает внучке самые удивительные истории, предания, легенды, завораживая не только слушательницу, но и себя.

— Вчера я говорила тебе о любимце Востока, хранилище человеческого счастья — тюльпане; о том, как феи укладывают на ночь своих маленьких эльфов в их лепестки, чтобы ветер раскачивал и баюкал их малюток...

— Дидидеда! — прерывает Ниночка бабушку. — А почему я не нашла в наших тюльпанах маленьких эльфов?

— Феи забирают их на заре, когда ты еще спишь, моя девочка.

Лицо малышки становится лукавым, она закрывает глаза и решает про себя, когда бабушка уйдет, чтобы пробраться в палисад, что позади дома, где сейчас цветут несколько поздних тюльпанов, поглядеть маленького эльфа.

— Сегодня я расскажу тебе старинную балладу о прекрасной л и л и и, которая пользовалась большой любовью во Франции. С ней связано имя основателя Французского королевства Холдвига. Будучи язычником, он, увидя во время битвы с аллеманами, как

дрогнули его войска, воскликнул: «О, христианский бог! Помоги мне, и я уверую в тебя!» И в тот же миг перед ним предстал ангел и, протянув лилию, сказал: «Отныне пусть этот цветок станет твоим оружием!» И, как по волшебству, солдаты Холдвига обрели мужество, устремились на врага и обратили его в бегство...

Московскому литератору и ихтиологу тоже любопытно слушать Нину Александровну, хотя Гогла Михайлович принципиальный противник мифов, вымыслов и чертовщины; но что поделаешь, людям интересно, их завораживают иллюзии, потому и просиживают много времени в кино и перед телевизором.

— Белая лилия стала эмблемой королевской власти во Франции, — рассказывала Нина Александровна. — Правда, ученые утверждают, что это была огненно-красная лилия, поскольку такие цветы с незапамятных времен росли в восточной Фландрии, на берегах реки Ли, где произошли битва и откуда сам цветок получил название. Но древняя легенда гласит, будто белая, настоящая лилия выросла из молока матери богов Юноны...

От сказки она переходит к воспоминаниям.

Любит Нина Александровна уходить мыслями в далекое прошлое: в счастливые годы юности в родном Кварели, в старый Тифлис, в гимназию, к веселым подругам... в пору своей любви, когда она встретила красивого, вдохновенного поэта, любимца всего Тбилиси — Тициана Табидзе... О нем наш Пастернак написал:

Он плотен, он шатен,
Он смертен, и однако
Таким, как он, Роден
Изобразил Бальзака...

И вдруг у нее перед глазами встает та страшная осенняя ночь. Смахнув слезинку, Нина Александровна, вся как-то постарев и сгорбившись, поднимается со стула и молча, едва волоча ноги, уносит задремавшую внучку в спальню, кладет в постель, раздевает, целует в лобик и долго-долго смотрит на спящую девочку. Потом медленно направляется к окну. Луна устала в море дорожку. На шелковице, что стоит на обочине, отчетливо виден каждый листик, а среди травки у комеля, переливаясь всеми цветами радуги, точно какой бриллиант, сверкает стекляшка.

Она смотрит на глубокое, почти черное небо, усыпанное яркими звездами, и все становится таким бранным, малозначным, а с берега доносится ласковый, убаюкивающий шепот волны: ...ш-ш-ш-ш-ш! ... ш-ш-ш-ш! ...ш-ш-ш-ш!..

И постепенно стихает боль, и легче становится на душе, уходят тяжелые воспоминания, и, укладываясь в постель, она тихо, про себя шепчет стихи Брюсова:

Когда душе встречалось горе
Иль беспричинная печаль,
Все успокаивало море
И моря ласковая даль...

На другое утро Нина Александровна появилась на пляже позже. У санатория ВВС летчики, выкупавшись, выходили из воды, веселые, беззаботные, громко смеясь над товарищем, который, поглядывая на свое покрасневшее бедро, ругался: «Экая чертовка, обожгла!» Двое других, стоя по грудь в воде, грубо волокли к берегу и наконец вывалили на гальку огромную медузу. Летчики окружили беспомощно распластанную на камнях желеобразную массу и с любопытством наблюдали, как под лучами солнца все слабее пульсирует ее рыхлое тело, тускнеет, растекается лужицами, которые сохнут прямо на глазах... И только появление рядом невысокой старой женщины резко изменило их настроение. Укоризненно качая головой, Нина Александровна сделала молодым людям замечание и, преодолевая боль, наклонилась и принялась бережно подталкивать обеими руками медузу к воде. А это странное существо, словно понимая заботу о нем, сжимало и разжимало свой «колокол», двигаясь при помощи этой доброй женщины к набегавшей волне, сегодня такой прозрачной.

Солнце выкатилось из-за деревьев, и его лучи позолотили кромку прибою, проникли в самую толщу воды, осветив прибрежные камешки, раковины, и густую паутину темно-зеленых водорослей, и мелькающие стайки рыбок. Маленькая Ниночка, поиграв во дворе, помчалась на пляж к бабушке, но по дороге увидала «принца» и «рыбника» и спросила:

— Принц, ты не видел в море Горгона, которого Нептун превратил в медузу? — Получив отрицательный ответ, недружелюбно поглядела на ихтиолога, неторопливо зашагала, поглядывая на море, навстречу бабушке.

Но, подойдя ближе, увидала, что ее дидидада расстроена. «Сердитая, лучше к ней не подходить, погонит домой. Скажет: «Иди завтракать!»

Маленькая Ниночка поспешно юркнула в прибрежные камыши и, выждав несколько минут, пока бабушка и гости дома не собрались под тентом, опять отправилась к морю. Когда о ней спохватились, то увидели, что девочка стоит в воде, размахивает руками и звонко хохочет.

— Она играет с медузой! — удивленно прокомментировал подбегавший литератор, жестом приглашая ихтиолога.

Гогла Михайлович быстро поднялся и кинулся со всех ног к стоявшей по пояс в воде девочке.

— Выходи сейчас же, обожжет! — сердито крикнул ихтиолог.

Девочка, никого не слушая, захватила большую медузу ручонками и пыталась вытолкать ее на берег, она была так увлечена работой и своими радостями, что не заметила, как «рыбник» и

«принц» оторопело замерли, увидя в прозрачной воде переливающееся розовыми и голубыми красками волшебное существо с извивающимися, точно в восточном веселом танце, плавниками-руками.

Медуза подплыла очень близко к берегу, она почти совсем на камнях и гальке, а Ниночка двумя ручонками помогает ей «вылезти».

Когда мужчины, схватив девочку, вынесли ее на берег, она рассерженно хлопала ресницами, ничего не понимая; а у самой кромки воды лежали два камешка, один нежно-голубой, другой розовато-фиолетовый, точно повторяя окраску медузы.

— Это мои камушки! — пищит Ниночка. — Мне дала их медуза! Как красиво! Они волшебные!

— Какое безобразие! — ворчит ихтиолог. — Ай-яй-яй, какое безобразие! — Гогла Михайлович сокрушается, осуждающе смотрит на медленно направляющуюся в их сторону Нину Александровну. — Вот плоды ваших сказок!.. Медуза могла обжечь девочке не только руки, но и глаза, лицо, искалечить ребенка...

— Успокойтесь, дорогой Гогла, — успокаивает его литератор. — Не искалечила ведь. Разве не заметили, общаясь с Ниночкой, медуза просто вся светилась от счастья и подарила два чудесных самоцвета! Не правда, Ниночка?

— Волшебных! — подтверждает та.

— И девочка порадовалась живому морскому существу, а ваш «прибрежный волк» всем рефлексам вопреки не только ее не обжег, но словно бы нашел с девочкой взаимопонимание...

Ихтиолог, сердито махнув рукой, зашагал под свой тент; Нина Александровна, взяв за руку внучку, направилась, чуть прихрамывая, к себе домой. Ниночка, быстро семеня ножками и зажав в кулачке «волшебные» камешки, смотрела в ту сторону, куда уплывала медуза.

А та, не зная ни о споре на берегу, ни о науке, исследующей рефлекс, не догадываясь о рыболовном промысле и своей для него непригодности, уплывала в море, безотчетно наслаждаясь недавней встречей с неведомым, но чем-то милым ей сухопутным существом, которое ласково подталкивало ее к берегу, и чувствовала, что от этих рук не исходит никакой опасности, и потому не выделяла своего яда...

Литератор смотрел ей вслед и думал: «Ты уплываешь, не ведая о том, что приобщила человека к сокровенной тайне природы и оставила в его сердце неизгладимый след».

ЗАПИСКИ НЕЗНАКОМЦА

ТАИНСТВЕННЫЙ ДОМ

Дом исчез, сомнений в этом не было. Я настолько растерялся, что даже спросил у проходящей мимо девушки, где здесь дом № 34. Это была на редкость серьезная девушка. Она задумалась, посмотрела на дом № 32, на стоявший рядом с ним дом № 36 и, явно желая помочь, предположила, что дом, может, где-то во дворе. Однако я доподлинно знал, что он не мог быть во дворе. Большой, хотя и неказистый с виду, дом № 34 стоял раньше вплотную к дому № 32, и так это было еще с прошлого века. Впоследствии мне никто толком и не смог объяснить, куда он подевался. Хотя ряд жильцов из близлежащих домов и вспоминали, что его когда-то снесли, но нумерацию домов оставили прежней. Этому же мнения придерживались и официальные власти. Но я-то знал, что дом со злополучным номером стоял здесь всего лишь несколько часов назад, когда я отправился на очередные (и вновь бесплодные!) поиски Ковалева.

Однако следует рассказать все по порядку, и начать надо, наверное, с моего письма в Академию наук. Мол, понимая важность момента и то, что за освоением космического пространства должно последовать освоение стрелы времени, я прошу записать меня добровольцем для участия в экспериментах, которые, несомненно, ведутся учеными... Но признаюсь: я ни о чем таком и не думал всерьез, когда писал это письмо. Да и не я его писал, а Лариса, хотя, конечно, и она ни о чем таком, возможно, не думала. Просто я, как всегда, проиграл ей в фанты, и мне еще повезло (так я думал), что не пришлось просить о приеме в космонавты. Ведь тогда в самом деле могли куда-то вызвать, а там медкомиссия, центрифуга и все такое, чего я панически боялся. А в данном случае я, естественно, никакого ответа не ждал, а потому спокойно письмо подписал, указал свой адрес и опустил в почтовый ящик. В общем, сделал все, что требовала Лариса.

Честно сказать, я этому прелестному созданию не отказал бы и в более серьезном предприятии. Правда, ее отношение ко мне всегда было не более чем потребительским. Но я не очень обижался и, проигрывая в фанты, с удовольствием участвовал в ее шуточных проделках. И как ответную шутку я воспринял письмо, пришедшее ко мне через некоторое время из Академии наук. Мне предлагалось явиться для какого-то собеседования, и прилагался вполне конкретный адрес. Чтобы позабавить Ларису, я принес письмо на работу, где мы, собственно, и играли в фанты, оставаясь одни. Однако реакция Ларисы меня удивила.

— А может, все это серьезно? — вдруг заявила она, взглянув на меня с некоторым испугом.

С этого дня ее отношение ко мне стало чрезвычайно уважительным, как будто не она, а я заварил всю эту кашу. Вообще говоря, такой реакции я от нее не ожидал, и мне впервые сделалось не по себе. Ведь меня действительно могли принять не за того... Я, естественно, никуда идти не собирался, поскольку мы так не договаривались, и безуспешно пытался убедить в этом Ларису. Однако спорить с ней было бесполезно, да и не в моих силах отказать Ларисе в какой-либо просьбе. А кроме того, меня стало разбирать любопытство, хотя я знал, что добром это не кончится. Короче говоря, отпросившись под каким-то предлогом у начальства, я в назначенный день отправился на загадочное собеседование. Даже если по этому адресу и находится соответствующее заведение, успокаивал я себя, то на доме должна быть какая-нибудь вывеска.

К моему разочарованию, никакой вывески на обозначенном в письме доме № 34 не обнаружилось. Не было ее и около входа, который оказался со двора, но зато там был вахтер. Увидев его, я тут же смешался, и мне чертовски захотелось сделать вид, что, мол, ошибся адресом. Однако вид у вахтера был довольно безобидный, и я все же показал ему письмо. Мой подвиг его отнюдь не восхитил, и он равнодушно отослал меня куда-то на первый этаж, где оказалось множество дверей и почти все с табличкой «Занято». Правда, на двери нужной мне комнаты таблички не было, хотя и она оказалась занята людьми, увлеченными каким-то загадочным спором.

— Ну, ты, Куприянов, устал, — кричал рыжеватый парень моих лет. — Это все же условия Лихнеровича, а не бирюльки какие!

Куприянов мрачно слушал нападки рыжего, оставаясь, видимо, при своем мнении. Он нехотя смотрел на доску, которую рыжий всю испещрил какими-то формулами. На подоконнике устроился еще один тип, он совсем помирал от скуки. Как и все прибалтийцы, он был белобрыс, хотя и с черной бородкой. Первым обнаружив мое появление, прибалтиец с удовольствием прервал рыжего:

— Коля, кончай трепаться! К нам пришли.

Рыжий резко обернулся в мою сторону, явно недовольный моим вторжением, но промолчал. Я отдал письмо Куприянову, как самому старшему в этой компании. Тот сидел за единственным в комнате столом, к которому приблизились остальные. Надо сказать, что мое письмо вызвало своего рода шок у всей троицы, и они воззрились на меня, как на инопланетянина. Куприянов, еще более помрачнев, позвонил кому-то по телефону и сообщил: «Ваш явился». Больше он ничего так и не сказал, а просто повесил трубку. Воцарилось молчание, и мне стало еще больше не по себе.

— Ты что хоть кончал? — спросил меня прибалтиец, видимо, опять заскучав.

— Полиграф, — ответил я.

Почему-то мой ответ ужасно развеселил присутствующих. Рыжий, захлебываясь от смеха, так и упал на стул. Раскатисто смеял-

ся прибалтиец и, как ни странно, басом. Даже Куприянов слегка улыбнулся. Лично я ничего смешного не находил ни в том, что окончил полиграфический институт, ни в том, что являюсь художником-графиком. У меня даже мелькнула мысль: не ретироваться ли, пока не поздно, но в этот момент дверь распахнулась и в комнату въехала инвалидная коляска.

— Кажется, знакомство состоялось,— весело воскликнул ее розовощекий обладатель, похожий скорее на симулянта, чем на калеку или больного.

Он пристально и как-то по-хозяйски оглядел меня с головы до ног, и я сразу смекнул, что прибыло высокое начальство. Правда, я даже не подозревал, что пожаловал сам директор Ильин, к которому и попало мое письмо.

— Ну что ж,— жизнерадостно продолжил он,— на чем мы остановились?

Честно говоря, дальнейший разговор мне и вспоминать не хочется. Сначала все походило на некую игру, где каждый собеседник, не говоря прямо о цели моего визита, пытался выяснить, что о ней думает другой. Они явно не хотели раскрывать карты, а я, понятное дело, не мог толком объяснить, что побудило меня послать злосчастное письмо. Если что-то и удерживало меня от того, чтобы во всем признаться и уйти, так это нежелание разочаровать Ларису. Разумеется, о стреле времени мне было мало что известно, да и то лишь из научной фантастики. Сам не пойму, с какой стати я вдруг стал пороть несусветную чушь о том, что очень часто вижу одни и те же сны или, например, удивляю свою маму воспоминаниями из того возраста, когда мне и года не было. Каждое мое сообщение вызывало новую волну смеха, который, в общем-то, и не прерывался. Особенно усердствовал рыжий, время от времени всхлипывавший: «Ой, мамочки, не могу!»

Между тем в комнате народу прибавилось, я даже заметил двух-трех девушек. Их присутствие почему-то меня ободрило, хотя, конечно, и они веселились вовсю. В конце концов мне все надоело, и я честно признался, что проиграл в фанты. Это всех докучало, вокруг давились от смеха, слышалось какое-то бление, мычание, бульканье и не поймешь уж что. Выдержать я этого не мог и тоже рассмеялся. А когда большинство уже очухалось, мы с рыжим еще никак не могли остановиться, заражая друг друга новыми пароксизмами смеха.

— Ну как? — вдруг спросил Ильин, утирая слезы.— По-моему, он нам подойдет.

Мгновенно настала тишина — такого решения, видимо, никто не ожидал.

— Парень он ничего,— неуверенно начал Куприянов,— но что с ним делать-то?

— Во всяком случае, от скуки не помрем,— заметил кто-то.

— А что скажет Арвид? — Ильин обратился к бородатому прибалтийцу.

Тот опять занял свой излюбленный подоконник, как будто не слезал с него вовсе.

— Пожалуй, это мысль,— неторопливо произнес он, высматривая что-то в окно.

— Вот и договорились,— сказал Ильин, и все стали расходиться.

Придя домой, я узнал от мамы, что Лариса звонила уже раз десять. Но я не мог ей сообщить ничего конкретного ни о самой беседе, ни о ее результатах. Да мне и самому было неясно, чем занимаются в доме № 34. Ни о каких машинах времени там не упоминали и на прощание сказали, что, если надо будет, позвонят.

В то время как раз вошли в моду всякие психологические опыты, когда перед тобой ставят экран или помещают тебя в кабину и просят о чем-нибудь думать или не думать. Многие мои приятели с большой охотой участвовали в таких опытах, поскольку за «ничего-гонедумание» еще и платили. Может, и сейчас мне собирались предложить что-нибудь в этом роде, поскольку я, видимо, представлял собой редкий и оригинальный экземпляр. Все это я выложил позвонившей вскоре Ларисе, чем немало ее разочаровал.

И все же на следующий день всякий раз, когда меня просили к телефону, она передавала трубку с такой торжественностью, будто звонил сам министр. Как оказалось, мой вчерашний рассказ вызвал у Ларисы обратный эффект, поскольку она решила, что я не могу ничего говорить из-за какой-то секретности. Сначала это меня забавляло, но в конце концов стало надоедать. Правда, по поводу стрелы времени мне так никто и не позвонил ни в течение дня, ни на следующий день. Это меня немного успокоило, хотя расположение Ларисы ко мне несколько увяло.

Ильин позвонил мне тогда, когда я уже стал забывать свои злоключения. Честно говоря, я вовсе не горел желанием опять куда-то идти и валять дурака. И все же я не смог устоять перед натиском Ларисы, да и ребята там мне в общем понравились. Так я снова оказался у входа в дом № 34, и знакомый с прошлого раза вахтер вновь направил меня на первый этаж, но уже в другой его конец. Пройдя вереницу дверей, на которых почему-то не было табличек «Занято», я в конце коридора в самом деле нашел дверь с надписью «Директор».

Видимо, сработала какая-то сигнализация, поскольку не успел я дотронуться до двери, как она бесшумно распахнулась.

Я ПРИНИМАЮ РЕШЕНИЕ

— Заходи, заходи,— приветливо кивнул Ильин.— Я сейчас.

Он почти носом уткнулся в телевизор, стоявший у него на столе и работавший без звука. Телевизорами была и сплошь усеяна вся стена напротив Ильина, но они не работали.

Если история с самооткрывающейся дверью меня слегка ошарашила, то это телевизионное ателье меня напугало. Честно при-

знаюсь, к технике я всегда относился с опасением, и если бы мне после этого показали какой-либо агрегат для каких-то там путешествий, я, наверное, тут же дал бы деру. Но здесь произошло событие, которое окончательно сбilo меня с толку. Дверь опять распахнулась, и в ее проеме показался человек, одетый словно на дипломатический прием.

— Это что же получается? — воскликнул он. — Не успел я уехать, а Петрунис с машины слез.

Он так и остался стоять в проеме двери, и та не решалась захлопнуться. Ильин с досадой оторвался от своего телевизора.

— Вы входите, Виктор Николаевич, — бросил он.

Экран телевизора вновь привлек его внимание. Вдруг он чему-то обрадовался (может, гол забили?) и отключил его.

— Во всяком случае, — Ильин удовлетворенно откинулся в своей инвалидной коляске, — Арвид Петрунис жив и здоров, а машина никуда не уехала. Да и вообще, сколько можно топтаться на месте?

— Про машину я все знаю, — заявил дипломат, — а вы уверены, что Арвид — это Арвид?

— Виктор Николаевич, — Ильин, казалось, вовсе не удивился столь странному вопросу, — вы уже однажды об этом спрашивали. Но и сейчас Арташес Гевондович...

— Опять этот Гевондович, — в сердцах воскликнул Виктор Николаевич. — Слава богу, хоть собаки исчезли.

Это непонятное для меня замечание вызвало у Ильина улыбку.

— А откуда, Виктор Николаевич, вы про все узнали?

— Бьюсь об заклад — от дяди Саши.

— Ну, вообще-то говоря, от вахтера, — сознался Виктор Николаевич, — но я не понимаю...

— Значит, вам ничего не известно про Ковалева.

Ильин почему-то показал на телевизор.

— Про Ковалева? — Дипломат недоумевал.

— Ковалев только что открыл дверь.

Ильин явно торжествовал.

— Петр Сергеевич, — посуровел вдруг Виктор Николаевич, — вы прекрасно знаете, что я не в меньшей степени, если не в большей, несу ответственность и за людей, и за оборудование. Я вынужден буду обо всем доложить...

И здесь Виктор Николаевич наконец-то увидел меня.

— Ну разве можно, — он так смешался, что даже побледнел, — при постороннем...

Ильин рассмеялся.

— Пожалуй, вас надо познакомить. Виктор Николаевич Шиллер, мой заместитель по кадрам и хозяйственной части...

Человек со странной фамилией поклонился.

— А это — наш будущий сотрудник...

— Нет, — встрепенулся заместитель директора. — Петр Сер-

геевич, так нельзя! И штаты у нас все давно забыты, и прав мы не имеем.

— Он художник,— не слушая, продолжал Ильин.— Вот и оформим его лаборантом к Петрунису.

Это почему-то успокоило Шиллера.

— Художник? Тогда другое дело. Это правильно, Петр Сергеевич. И стенгазету будет кому делать, и вообще. Однако почему лаборантом?.. Хотя понимаю, очень разумно.

Он повернулся ко мне:

— Ничего, молодой человек, не отчаивайтесь. Покажите себя хорошим художником, мы вас старшим лаборантом сделаем.

Я настолько был изумлен, что и не возразил даже. Шиллер вдруг засуетился.

— Ну так я побегу к Ковалеву. Если, конечно, он Ковалев.

— Он у Арташеса Гевондовича,— улыбнулся Ильин,— а тот вас не пустит.

— Меня? Это мы еще посмотрим,— сказал Виктор Николаевич и ретировался из кабинета.

— Петр Сергеевич,— взмолился я наконец,— какая еще стенгазета?

— Так, голубчик,— сказал Ильин,— давай-ка побеседуем. Теперь вряд ли кто нас побеспокоит, а к Ковалеву все равно Арташес Гевондович даже меня пока не пустит. Ты садись. А про стенгазету это так, ведь иначе Виктора Николаевича не пробьешь ничем.

И далее Ильин прозаично и просто стал рассказывать о таких вещах, что у меня аж дух захватило. Самое забавное, что здесь действительно занимались временем и даже изобрели что-то вроде соответствующей машины.

— Простая система гироскопов,— пояснил Ильин,— да это тебе, вообще-то, и ни к чему. Все знать тебе не обязательно.

Как я понял, в этом доме разместилась специальная лаборатория Академии наук, организованная после того, как группа ученых сконструировала эту «систему гироскопов».

— Я здесь ни при чем, это все академик Зиманов,— скромно признался Ильин.

Машин сделали несколько и разместили их по комнаткам на первом этаже в том крыле, где я был в первый раз. Ильин нажал какую-то кнопку, и засветились экраны всех телевизоров на противоположной стене.

— Если хочешь, можешь посмотреть.

Я встал и с опаской подошел к телевизорам, размещавшимся на полках друг над другом по всей длине стены. На экранах, как мне показалось, было изображение одной и той же пустой комнаты с каким-то агрегатом. Лишь по расположению окон можно было понять, что это не одна комната, а несколько и для каждой из них существовал свой телевизор. Наверное, Ильин опять что-то нажал, потому что изображения увеличились, и на переднем плане отчет-

ливо возникло сооружение, очень смахивающее на стоматологическое кресло, окруженное каким-то прозрачным коконом.

Я внутренне напрягся, поскольку с детства не любил ходить к зубным врачам.

— Хватит паниковать,— засмеялся Ильин. Экраны телевизоров погасли.— Никто не заставляет тебя с ней иметь дело. Но если тебя заинтересовала вся эта петрушка, то можешь просто побыть с ребятами, поделаться в конце концов стенгазету. Можешь и внештатно где-нибудь еще подрабатывать: книжки оформлять, графики рисовать. Не понравится — вернешься к себе.

По правде говоря, предложение было крайне заманчивым, да и вся моя прежняя жизнь показалась вдруг скучной и ordinарной.

— А вообще-то,— заметил Ильин,— в экспериментах у нас участвуют почти все, если не считать меня, Зиманова, Антоняна и дяди Саши. Мы, так сказать, по состоянию здоровья не подходим. Ну и Шиллер, конечно, тоже не участвует, ему ответственность не позволяет.

— А во время экспериментов вешается табличка «Занято»? — смекнул я.

— Точно,— ответил Ильин. Его глаза лукаво блеснули: — А первым отправился Петрунис, когда Виктор Николаевич Шиллер задержался в заграничной командировке.

— Куда отправился? — не понял я.

— Пока лишь на тысячу лет. Увы, это оптимальный вариант для наших приводов,— вздохнул Ильин.— И, естественно, только в будущее, вследствие однонаправленности времени. Так что большинство фантастов оказались не правы, предрекая, что возможно путешествовать в прошлое. Время — весьма упругая среда. Преодолеть эту упругость и сделать бросок в далекое будущее не позволяет маломощность силовой установки. А в более близкое к нам время мешает попасть большая инерционность гироскопов.

Увидев, что мне не все ясно, Ильин усмехнулся:

— В общем, успехи у нас весьма скромные.

Поначалу, как и положено, стали экспериментировать с аппаратурой и различными предметами, обстоятельно проверяя их идентичность при возвращении. Остановка в будущем была незначительной. Время как бы выталкивало все обратно, подобно абсолютно упругой среде. И поэтому мощность машины затрачивалась лишь на движение в будущее, а время само возвращало машину обратно в прошлое. Впоследствии настала очередь животных. К удовольствию сотрудников лаборатории, в ней стали весело лаять собаки и проказничать обезьяны. Все это не нравилось только Шиллеру, у которого явно не заладились отношения с Арташесом Гевондовичем Антоняном, возглавившим медико-биологические работы. Возмущенный бедламом, Виктор Николаевич отбыл за рубеж на международный симпозиум по космическим цивилизациям, которыми очень увлекался. И тогда на машине отправился в будущее Петрунис.

— Мы с Арвидом сконструировали систему противовращения,— сообщил Ильин,— которая позволила останавливаться в будущем на более длительное время. Конечно, идею подал Зиманов.

Вернувшись из командировки, Шиллер первое время все шаркался от Петруниса и, наслушавшись разных сообщений о космических цивилизациях, выдвинул идею, что Петрунис — не Петрунис, а инопланетянин. Естественно, возражениям Арташеса Гевондовича он внимать не желал. Примирило Шиллера со случившимся лишь то, что в лаборатории за ненужностью больше не стало животных, за исключением обезьянки Мики, которую приютит у себя в отделе Арташес Гевондович. Кроме того, машину переоборудовали, и теперь почти все, как уже сказал Ильин, побывали в будущем.

— А вообще не понимаю,— заметил вдруг Ильин,— почему возникло это название — «машина времени». Как будто она время делает или времени подчиняется. Мы, например, нашу машину называли инопланетным рефлектирующим агрегатом, или сокращенно — ИРА.

— Так что же там — через тысячу лет? — снова не выдержал я.

— А ничего,— сказал Ильин.— Та же комната.

Дело в том, что в первое время снова стали экспериментировать с предметами и аппаратурой. Ставили их на пол рядом с машиной в будущем, а затем возвращали в этот или следующий раз и тут же проверяли на идентичность. Никаких изменений в них не обнаруживалось, а оставшаяся аппаратура также не фиксировала каких-либо изменений в окружающей обстановке. Предметы стали забрасывать дальше, строго проверяя во время следующего путешествия в будущее, не сместились ли они за время отсутствия экспериментаторов. Все оставалось на месте. Затем стерли пыль в некоторых местах рядом с машиной, но в следующий раз она вновь появлялась. В конце концов чем-то вроде пылесоса пыль собрали и проанализировали при возвращении. Оказалось, это обычная пыль, без всяких выкрутасов. И вот когда Шиллер в очередной раз уехал за рубеж послушать про свои космические цивилизации, Арвид Петрунис в будущем, через тысячу лет, слез с машины на пол, а потом вернулся обратно.

— Это было вчера,— сказал Ильин.— А сегодня Ковалев открыл дверь.

— А вы наблюдали это по телевизору,— высказал я догадку.

— Ну не совсем,— усмехнулся Ильин.— Здесь по дисплею можно лишь наблюдать, как машина исчезает и появляется вновь. С Ковалевым предварительно было обговорено, что он попытается открыть дверь. При возвращении он показал мне знаком, что это ему удалось. И вот теперь я с нетерпением жду подробностей, но его еще держит Арташес Гевондович со своими ребятами.

Ильин посмотрел на часы.

— Вот, пожалуй, и все. Есть вопросы?

Я и не знал, что сказать.

— Ну что ж, ты подумай, стоит ли тебе с нами связываться,— продолжал Ильин.— А если надумаешь, позвони, и мы тебя в тот же миг оформим. Да, чуть не забыл.— Он вытащил какую-то бумагу.— Про разговор наш никому не говори, а то еще засмеют. Да и все равно не поверят.

В этом он был, пожалуй, прав.

— А если поверят?

— Нет, ты уж своих близких не тревожь. Да и посторонним здесь делать нечего. Слышал ведь, что Шиллер сказал: штаты у нас все забиты. Так что ни о чем говорить не надо, а потому и распишись.

Я расписался, но еще смутно себе представлял, как на сей раз смогу выдержать и не рассказать все Ларисе.

— Но почему я? — пришло мне в голову.— Что у вас, киноаппаратуры мало?

— Любой аппаратуры у нас хоть отбавляй,— рассмеялся Ильин,— а вот художников нет. В общем, время покажет.

Не успел я осмыслить эту фразу, как на его столе замигала какая-то лампочка.

— Вот мне и пора. Ты все понял?

— Что такое условия Лихнеровича? — вдруг выпалил я.

— Условия Лихнеровича? — Брови Ильина удивленно взметнулись вверх.— Это условия сшивания миров, но, собственно, тебе-то и не надо все знать.

— А можно и мне к Ковалеву?

— Сегодня на тебя хватит. Отложим на следующий раз.

Он нажал еще раз на какую-то кнопку — стена сзади него несколько разошлась. Ильин откатился на своей коляске в образовавшуюся нишу.

— Но кто такой Ковалев?

Однако стена уже вновь захлопнулась, и по донесшемуся гулу я понял, что за ней находится лифт. В неожиданно опустевшем кабинете мне опять сделалось жутко, и я бросился к двери, которая с готовностью распахнулась. Сверху, со второго этажа, доносились голоса, но я понуро направился к выходу. Это он нарочно, подумалось мне, чтобы я еще раз пришел.

— Слышь,— обратился ко мне вахтер.— Уважь старика, нарисуй мне табличку «Предъявлять пропуск в развернутом виде».

Новости здесь распространялись быстро.

— Зачем тебе, дядя Саша? Все равно всех в лицо знаешь.

— А для порядка. Вот проходят некоторые — и ни здравствуйте, ни до свидания.

— Ладно,— пообещал я.— И до свидания.

И тут же понял, что бесповоротно связал свою судьбу с этим таинственным домом. Одно меня беспокоило — что я скажу Ларисе? Врать я не умел, тем более ей, а правду говорить не мог.

Однако все обошлось как нельзя лучше. Когда я вернулся на работу и первым делом написал заявление об уходе, Ларису словно подменили. Она вообще молчала весь остаток дня и лишь как-то жалобно на меня поглядывала. Я с трудом все это выдерживал, а потом взорвался:

— Ну что ты молчишь? Да, я уйду.

— Не кричи. Я поняла. Ты хоть звонить мне будешь?

Вот, пожалуй, и все о роли Ларисы в этой истории. О роли ее в дальнейшей моей жизни я здесь умолчу. Во всяком случае, она уже не имеет никакого отношения ко всем тем делам, о которых я расскажу дальше.

Уволился я довольно легко, и начальство обещало меня быстро отпустить, как только найду себе замену. Мне это не представило особого труда, поскольку у меня масса приятелей среди внештатных художников. Одного из них я и упросил посидеть хотя бы полгода в штате. Работа у меня была простая: подправлять чьи-то графики, писать объявления и все прочее. А кроме того, имелось время и для внештатной работы, о которой говорил Ильин.

Через неделю я позвонил Ильину и сообщил, что полностью свободен.

— Вот и чудесно, — сказал Ильин. — Можешь приступать к работе хоть завтра. Петрунис тебе скажет, что делать, а его комнату ты знаешь. Там, где был в первый раз.

— Ну а что же оказалось за дверью? — любопытствовал я.

— А это ты сам у Ковалева спросишь. До завтра.

На следующий день я проснулся как никогда рано. Дело в том, что я забыл спросить у Ильина, к какому часу мне выходить на работу, а позвонить еще раз постеснялся. И чем ближе я подходил к знакомому мне дому, тем больше меня охватывала тревога: приду поздно — будет стыдно начинать работу с опоздания, приду рано — придется коротать время с дядей Сашей. Но то, что я увидел, не лезло ни в какие ворота. Перед входом в здание во дворе собралась, наверное, вся лаборатория. Как я узнал позже, здесь действительно были все, кроме Ильина и Зиманова. Помню, особенно поразил меня очень похожий на пирата забавный старикан, на плече которого расселась маленькая обезьянка. Его окружала стайка людей в белых халатах, и я догадался, что это и есть Арташес Гевондович. Был здесь и Шиллер, который важно разговаривал о чем-то с дядей Сашей. Узнал я, конечно, Петруниса, Куприянова, рыжего и некоторых других, присутствующих на «собеседовании». Вспомнив, что Арвид теперь мой новый начальник, я направился к нему.

— А вот и он! — вдруг раздался чей-то возглас.

В первый момент мне даже подумалось: уж не ради меня ли собралась вся компания с целью своего рода ритуального приветствия новичка? Но тут во двор въехал невзрачный грузовичок, и

все бросились к нему. Напрасно Шиллер пытался что-то кричать о своей личной ответственности, его не слушали. С грузовика стали быстро снимать какие-то ящики.

— Что стоишь? — крикнули мне. — Подсоби!

— Ему нельзя, — ужаснулся Шиллер.

— Как это? — спросил подошедший рыжий. — Болен, что ли?

— Ему нельзя, — повторил Шиллер. — А если он руки попортит, кто стенгазету будет делать?

Все вокруг рассмеялись.

— Ковалев, — представился рыжий. — Но зови меня просто Коля.

Я несколько опешил, а затем ответил:

— Вадик. Прибылов.

— Полиграф, — вдруг загоготал рыжий Ковалев. — Вадик Полиграф!

С этих пор меня иначе не звали. И часто мне приходилось слышать по разным закоулкам, как кто-то рассказывал: «А знаете, что вчера Вадик Полиграф отмочил?» Далее следовала какая-нибудь байка, крайне веселившая слушателей. Честно говоря, ничего уж такого забавного я не совершал, но мое веселое «собеседование» произвело столь сильное впечатление, что я стал каким-то ходячим анекдотом. Анекдот обрастал все новыми подробностями, и когда я вошел в штат лаборатории, то легенда обо мне разрослась до невозможности. Мне стали приписывать все новые смешные выкрутасы. Поначалу я обижался, чем, кстати, еще больше всех веселил, но затем и сам с удовольствием стал выслушивать про себя разные басни. «А слышали? — говорил кто-то. — Вчера Шиллер Вадика допытывал: а почему у вас вторая фамилия такая странная? А тот и заяви: да вот, мол, родители не додумались. Нет, чтоб назвать Пушкиным, Лермонтовым или там Шиллером. А что, встрепнулся Шиллер, Прибылов-Пушкин — это благородно. Это все равно что Мусин-Пушкин. Надо же, как родители сплеховали». Чего не было — того не было, но я не отставал от всех и тоже смеялся.

В то же время ребята Петруниса ко мне отнеслись даже слишком серьезно и несколько пристрастно. Особенно когда Арвид однажды провозгласил:

— Полиграфа решено отправить в лес.

— Торопится Доктор, — проронил Куприянов.

Хотя Ильин был уже членом-корреспондентом Академии наук, все его здесь звали почему-то Доктором.

— Какой лес? — насторожился я.

— Только Шиллеру не проболтайтесь, — как бы не замечая моего вопроса, приказал Арвид.

По непонятным причинам про эксперименты мне ничего не сообщали, и я так и не знал, что Ковалев увидел за дверью. Однако тот же Ковалев усиленно меня знакомил с машиной. Коля с самого

начала взял надо мною своего рода шефство и всякий раз предлагал:

— Пошли к «Ирке»?

После заявления Арвида мною стали заниматься и все его ребята, объясняя устройство «Иры». Естественно, сути я абсолютно не понимал, но зато с управлением машины освоился на удивление быстро. Мне помогло то, что когда-то я был автолюбителем. Однажды мне посчастливилось получить довольно значительный оформительский заказ, за который выплатили сразу много денег. К неудовольствию мамы, я их тут же потратил на приобретение машины, но на гараж уже не осталось. После того, как машина простояла всю зиму на улице, она стала часто барахлить, портиться. С техникой я всегда был не в ладах, вечный ремонт стал мне не по карману. Так я и продал ее в конце концов за бесценок — на радость маме и к огорчению Ларисы. Короче говоря, тогда мне все же удалось освоиться со всеми там ручками и кнопками, хотя я и сейчас не представляю, где это в машине пропадает искра.

Так же интуитивно я освоился и с управлением «Ирой», хотя смутно разбирался, что такое гироскоп, а что такое привод.

Вдруг меня позвали к Ильину, с которым я редко встречался после поступления на работу. В знакомом кабинете я застал, кроме Ильина, еще Петруниса, Арташеса Гевондовича (на сей раз без привычной Мики на плече), а также Гришу Флирентова. Последний, несмотря на свою молодость, командовал программистами, обслуживающими большую ЭВМ, которая размещалась в верху здания лаборатории. Помню, как в мой первый рабочий день один из его парней возмущался: «А почему Полиграфа не в наш отдел? Мы тоже люди». — «Он математики не знает», — рассудительно заметил кто-то из ребят Петруниса. «А он что, физику знает?» Понятное дело, я не знал ни физики, ни математики. Роли большой ЭВМ я вообще себе не представлял, как, впрочем, и малой ЭВМ, встроенной в «Иру».

— Эх, чудак, — втолковывал мне Коля, пытаюсь разъяснить суть «Иры», — это же самая важная штука. У нас даже парочка астрономов имеется, которые рассчитывают на тысячу лет вперед вращение Земли и ее движение в пространстве. Полиграф ты, одним словом.

Но я абсолютно не понимал, при чем здесь астрономы и движение Земли. Так что Коля в конце концов с этой ЭВМ от меня отстал.

— Ну как, — приветствовал меня Ильин, когда я вошел в кабинет. — Не скучно?

— Вы же обещали про дверь, — не удержался я со своей старой обидой.

— Голубчик, потому мы здесь и собрались. Раньше мы действительно ничего не говорили, да и на второй этаж не пускали, когда возвращались ребята. А теперь вот решили даже не рассказывать, а показать все.

— Как показать? — У меня все внутри похолодело.

— С управлением машины он освоился,— констатировал Арвид.

— Я не возражаю,— объявил Антонян.

— Однако риск все же велик,— заметил Флирентов.— А если вдруг ЭВМ откажет, да так, что другой и исправил бы?

— Это что за риск такой? — вскипел Ильин. Я даже не подозревал, что он может быть таким.— Вы это бросьте! Чтобы никакого риска! Вы меня поняли? Проверить, тысячу раз проверить всю систему, продублировать, зарезервировать, если надо. И чтобы никаких там огрехов. Головой ответите! А если нет уверенности, то пропуск на стол, и к чертовой матери... Поняли?

В кабинете настала тишина. Антонян и Петрунис опустили глаза. Гриша, красный как рак, вскочил, пытался что-то сказать, но лишь кивнул и сел.

— Ну ладно,— Ильин сбавил тон.— Чтобы это было в последний раз.

Он обратился ко мне:

— Вот что, голубчик,— голос его уже стал обычным.— Тебе ничего нового не предстоит. Просто открыть дверь, дойти до выхода из здания и посмотреть, что там снаружи. Мы уже этот путь прошли, несколько раз прошли и обследовали. Вот и Петрунис, и Флирентов там были. Однако для чистоты эксперимента мы ничего тебе не рассказывали. Тебе предстоит сделать то, что уже сделано. И ничего больше не предпринимай, а затем вернись, и мы здесь сверим впечатления. Ты готов?

Честно говоря, я не знал, что и сказать. После такой бури с громом у меня все перепуталось в голове. Возразить я не решился, но и сразу ответить не мог. Слова застряли комом в горле, голова стала какая-то ватная.

— Что ж, попытка — не пытка,— вырвалось наконец у меня.

— Вот и хорошо.

Все оживленно зашевелились. Арвид подошел ко мне, и мы отправились к себе. Там нас уже ждали все сотрудники отдела.

— Пошли к «Ирке»,— сказал Арвид.— Проверим его еще раз.

Я все еще ничего не соображал, совершенно автоматически выполнял команды, нажимал тумблеры, крутил ручки. Естественно, силовая установка пока не работала. Больше всех за меня волновался Коля, и я в конце концов не выдержал:

— Рыжий, кончай психовать. Не дрейфы!

Все грохнуло.

— Что-что ты сказал? — взметнулся Коля.

И этим вызвал еще больший смех. Услышав наши голоса, кто-то просунул голову в дверь:

— Братцы! А вы слышали? Вызвал Доктор Полиграфа и спрашивает: «Хочешь, покажу, что за той дверью?» А Вадик обрадовался и гсворит: «А по какому телевизору?»

— Ладно тебе,— лениво отмахнулся Коля, а Куприянов добавил:

— Брысь!

Здесь парень увидел меня, почему-то испугался и тут же исчез.

— Пожалуй, порядок,— подытожил Арвид.— Все делаешь правильно. И даже то, что и делать не придется.

— Как учили,— сказал я, посмотрев на Колю.

— Ну и отправляйся тогда к Арташесу.

Я поднялся на второй этаж, где размещался центральный пульт с такими же дисплеями, как в кабинете директора, по которым дежурные операторы следили за проведением экспериментов. Рядом находился конференц-зал, где во время важных экспериментов толпился народ и следил за исчезновением и появлением «Иры» по ее изображению на большом экране. И наконец всю остальную часть этажа занимали апартаменты Арташеса Гевондовича и его сотрудников.

У Арташеса Гевондовича я уже бывал, и не раз. Он очень любил со мной толковать о живописи, в которой, честно говоря, был абсолютным профаном, но еще в большей степени обожал поговорить об искусственном интеллекте, в чем совершенно не разбирался я. По его мнению, выходило, что все кибернетические машины живые, в том числе и «Ира» со встроенной в нее небольшой ЭВМ. И поскольку она могла еще и считать, а собаки — нет, то, значит, она была еще и разумной. Многие относились весьма снисходительно к этой слабости Арташеса Гевондовича, но все же в данном вопросе отстаивали совершенно противоположное мнение. Я же так мало смыслил в ЭВМ, роботах и искусственном интеллекте, что своего мнения здесь не имел, и это вполне устраивало Арташеса Гевондовича.

Конечно, во время этих бесед Антонян не забывал и про свои профессиональные обязанности. Ни с того ни с сего он часто хватался за мой пульс или поднимал мне веко, что меня весьма забавляло, хотя и выглядело, наверное, диковато. Но на сей раз меня раздели, провели полное медицинское обследование и к тому же наклепили на тело каких-то датчиков, которые, кстати, мне совсем не мешали, что, признаюсь, слегка удивляло.

— Вот и все,— сказал Арташес Гевондович,— а теперь возвращайся к «Ире» и будь с ней, пожалуйста, поласковой. А то еще обидится и не туда тебя отправит.

Надо сказать, я этого не ожидал, поскольку думал, что все случится не сегодня, а, может, через день-другой. В каком-то сомнамбулическом состоянии я вновь оказался около знакомой «Иры», где, помимо наших, были еще Гриша Флирентов со своими ребятами.

— Ну, Полиграф, не подкачай,— сказал Коля.— Но если сломаешь «Иру», голову оторву.

Это он пошутил, конечно, но мне от этого легче не стало.

— Не спеши,— начал последние наставления Арвид,— сейчас мы уйдем и закроем за собой дверь. Там ты ее откроешь своим ключом. За тобой сейчас уже следят с центрального пульта, а так-

же сам Доктор. (Я немного приосанился.) Как только появишься вновь на экране дисплея, тебя встретят ребята Арташеса Гевондовича и отведут к себе. А мы будем ждать в конференц-зале. Пошли, ребята.

И они ушли. В полной прострации я закрыл прозрачный кокон и удобнее уселся в стоматологическое кресло. (И чего его «Ирой» назвали, да еще Антонян живым считает?) Сейчас я исчезну на пару минут, затем появлюсь вновь, а наши даже не успеют дойти до конференц-зала. И в то же время мое пребывание в будущем может продлиться столько, сколько позволяет система противоразращения — где-то не более часа. Хотелось броситься вслед за ребятами, мол, хватит разыгрывать. Однако Ильин сейчас за мной, наверное, наблюдает.

Я включил силовую установку, а затем нажал на кнопку «Пуск». Мир вокруг «Иры» исчез. Казалось, что эта пустота никогда не кончится, и я вдруг запаниковал, что машина сломалась и прошла уже не одна минута, а целых десять. Но тут опять же внезапно все вернулось вновь. Я находился все в той же совершенно пустой комнате, но как она изменилась! Это была очень старая и, я бы сказал, заброшенная комната: пыльная, неухоженная, какая-то неуютная. Появилось еще одно новшество, которое я заметил не сразу, — кто-то зарешетил окно.

И тут я обнаружил на полу около «Иры» прибор, которого так же не было, когда уходили ребята. Я понял: это аппаратура, привезенная кем-то еще до меня, — она тоже из моего мира. Именно мира, поскольку я абсолютно не ощущал, что нахожусь *в другом времени*. Во всяком случае, где бы я ни был, я из-за этого прибора уже не чувствовал себя одиноким. Я раскрыл кокон, осторожно выбрался из машины и пошел к двери, за которой было совершенно тихо. Однако на полпути я остановился и подошел к окну. К моему удивлению, из него открывался прекрасный вид на какой-то дремучий лес. Но мне показалось, что это не просто окно.

И тогда я вновь отправился к двери.

ПРЕВРАТНОСТИ СУДЬБЫ

Как и следовало ожидать, дверь оказалась закрытой на ключ. Внезапно меня обожгла мысль: а вдруг мой ключ не подойдет или замок заржавел за тысячу лет? Я с тоской посмотрел на решетки на окне. Но и замок не заржавел, а был даже обильно чем-то смазан, и ключ подошел. Я быстро распахнул дверь и при этом чуть не сшиб какого-то парня в комбинезоне, бежавшего по коридору.

— Наконец-то, — не прерывая бега, отреагировал он на мое появление. — Тебя директор давно ищет.

— Какой директор? -- только и вымолвил я, но парня и след простыл.

Почему-то я даже не удивился встрече, так похож был этот парень на наших. Коридор был выстлан чем-то вроде пластика,

заглушавшего звуки. Вокруг светло, но неясно, откуда исходил свет. Стены поражали непонятной новизной, никак не вязавшейся с постаревшим внутренним помещением комнаты. Я дошел до того места коридора, где имелся выход из здания, и здесь вдруг вспомнил про парня. «А интересно, кто тут директор и что ему от меня надо?» Искушение было столь сильным, что я нарушил установку Ильина и отправился дальше по коридору, в тот его конец, где находился кабинет директора. Он и в самом деле здесь оказался, и, как всегда, не успел я поравняться с дверью, как она угодливо распахнулась.

То, что я увидел затем, меня вконец сразило — будто током ударило. И я, не оглядываясь, побежал обратно. Первым побуждением было тут же вернуться в комнату к «Ире», но я подавил это желание и направился к выходу из здания. Никакого вахтера здесь, естественно, не было, а я и в самом деле очутился в дремучем лесу. Задерживаться я не стал и опрометью бросился к своей комнате. Но меня даже никто не окликнул.

— Так,— промолвил Арташес Гевондович, когда меня привели в его кабинет.— Только, пожалуйста, ничего не рассказывай. Ишь какой ты бледный. Нет-нет, все-таки помолчи.

Из коридора донесся разбушевавшийся голос Шиллера:

— А вы уверены, что это Прибылов? Нет, скажите, он теперь сможет делать стенгазету? И вообще, что вы здесь распоряжаетесь? Почему вы меня не пускаете, меня — замдиректора! Да я вас уволью!

— Вот что, дружок,— сказал Арташес Гевондович,— руки у тебя свободные, нарисуй-ка что-нибудь на этом листе, а то этот Шиллер так орет, что работать невозможно.

Через несколько минут в коридоре все смолкло. Мой наспех сделанный плакатик «Соблюдать тишину!» подействовал мгновенно. А еще через некоторое время я отправился в конференц-зал, где уже были наши, Ильин, Шиллер и несколько других сотрудников лаборатории. Меня сопровождал Антонян со своей свитой.

Мое сообщение о парне вызвало целую бурю.

— Я говорил,— кричал Шиллер.— Вот они и объявились — иновремяне. А что теперь? Теперь надо ждать их.

— А у нас штаты переполнены,— съязвил Коля.

Рассказывал я скованно и все никак не мог отделаться от той картины, которую увидел в кабинете директора. К тому же мне было страшно признаться Ильину, что я нарушил его приказ и передвигался дальше по коридору. К своему стыду, я так и промолчал об этом, а под конец рассказал о лесу. Но о нем все уже знали.

— Ну-ну,— решил успокоить меня Ильин.— Ничего особенно-го ведь не произошло. А то, что тебя парень узнал, тоже не беда. И все же я на твоём месте сходил бы к тому директору.

Он хитро взглянул на меня, и я покрылся потом — неужто догадался?

— Экий ты, однако, нервный. Не ожидал.

На этом все и кончилось. Потом я еще и еще раз пересказывал ребятам о парне, пытаюсь подробнее вспомнить, как он выглядел и во что был одет. О своей своевольной выходке я опять же промолчал. Домой вернулся сам не свой и понял, что больше никуда «отправляться» не буду. Все время меня не покидало предчувствие какой-то беды. И поэтому я даже не удивился, когда на следующий день исчез Коля.

Отправившись в очередной раз на «Ире», он так и не вернулся обратно. Об этом мы узнали еще на полпути в конференц-зал. Там еще стояли люди, бессмысленно ожидая, что вот он с «Ирой» вновь появится на экране. Но все, конечно, понимали, что если Коля не объявился через две минуты, то уж никогда не появится в нашем времени.

И тогда я бросился к Ильину, которого в конференц-зале не оказалось. Однако дверь его кабинета не распахнулась, хотя я чувствовал, что он у себя. Не мешкая, я просто в нее постучал, и тогда дверь открылась.

— Что тебе? — недовольно спросил Ильин.

— Я вчера не все сказал.

— Так, — он немигающе уставился на меня. — Ну проходи.

На сей раз я рассказал все, и про кабинет тоже. Видно было, что мое повествование сильно озадачило Ильина. В то же время он как-то расслабился, словно ему удалось решить для себя очень важную задачу. Это, пожалуй, и спасло меня от страшного нагоняя и вообще от неминуемого наказания.

— Ты вот что, — обронил Ильин. — Ты пока никому ничего не рассказывай. К сожалению, я и наказать тебя не могу, поскольку молчать об этом надо. А наказать следовало бы, хотя, правда, вижу, ты и сам все осознал.

— Петр Сергеевич, — вдруг выпалил я, — разрешите мне поискать там Ковалева. Я хоть сейчас готов.

— Нет, — отрезал Ильин. — Пока больше никто туда не отправится. Да и бесполезно это. А кроме того, я полагаю, с Николаем ничего страшного не случится, если он действительно *там*. Ты и сам это знаешь.

Да, я это знал.

— Ну а если что похуже вышло, — помрачнел вновь Ильин, — то твое путешествие его не спасет. Но твой порыв я учту. Иди.

И все. Ильин на некоторое время исчез из лаборатории — наверху решалась ее судьба. Мы все ходили как в воду опущенные и переживали потерю Коли. Странное дело, с одной стороны человек вроде бы погиб, по крайней мере для нас, для его родных и вообще для нашего мира. Но, с другой стороны, нельзя было и определенно сказать, что его нет в живых. Кто знает, может, где-то в ином времени он существует, вспоминает нас, пытается вернуться. Эта раздвоенность и успокаивала, и угнетала.

Волновало всех, естественно, и то, какое решение примут там,

наверху. Время от времени в лаборатории объявлялся Шиллер, он укоризненно качал головой, приговаривая «Я же говорил», и вновь исчезал. До нас доходили различные слухи, в том числе и то, что академик Зиманов внес какое-то предложение, которое примирило всех и, с другой стороны, открыло для нас какие-то там перспективы. Однако, честно скажу, я о судьбе лаборатории особенно и не беспокоился, поскольку знал нечто такое, что другие не знали. Ильин теперь тоже знал и, видимо, мог как-то использовать это знание в пользу общего дела.

В отсутствие Ильина мы все слонялись без дела и как-то еще больше сдружились. Я часто бывал теперь у ребят на третьем этаже, где размещались различные физические, химические и другие лаборатории. Поднимался я сюда и раньше, поскольку здесь находился кабинет Шиллера, который, кстати, этим был весьма недоволен. Но пребывающий на втором этаже Арташес Гевондович и так жаловался на нехватку площади для своих лабораторий, а тем более не желал потесниться. Первый этаж почти полностью занимали комнаты с «Ирами», однако для проведения экспериментов использовались только те из них, которые находились в том же крыле здания, где размещалась и комната нашего отдела. Комната, где исчез Коля, оставалась пустой, но Ильин строго-настрого запретил в нее входить, а тем более поместиться в ней Шиллеру. Помимо комнат с «Ирами», на первом этаже была, как я уже сказал, комната нашего отдела, а в другом крыле здания находились еще кабинет директора и комната Зиманова.

Я так ни разу и не видел академика, поскольку заявлялся он в лабораторию редко, лишь при особо важном эксперименте, да и то важном с его точки зрения.

— Техника его не волнует, — разъясняли мне.

— А зачем же тогда он «Иру» изобрел? — удивился я.

— Его интересует только время, само время и ничего больше. А всякие там «Иры» и наши эксперименты он рассматривает лишь как средства познания времени.

Я был крайне поражен таким объяснением, и мое желание увидеть Зиманова стало еще сильнее. Однако тот не появлялся, комната его пустовала, и это волновало Шиллера.

— Ну зачем ему эта комната! — восклицал он. — Зиманов, даже когда в лабораторию заявляется, не всегда в нее заходит. А я же все-таки замдиректора.

Но Ильин наотрез отказывался отдавать эту комнату Шиллеру или кому-либо еще.

На верхних этажах было царство программистов и большой ЭВМ. Здесь я бывал реже, поскольку наши отношения с Гришей Флирентовым стали весьма натянутыми после той бури в кабинете Ильина. В здании, естественно, имелись еще подвальные помещения, но про них ничего не знали, а дядя Саша никого туда не пускал. В связи с этим про подвал ходили всяческие легенды, но вско-

ре и его заняли. Это случилось после того, как Ильин вновь объявился в лаборатории.

В первый же день он собрал нас всех в конференц-зале и ошеломили сногшибательной новостью:

— Работы по старой машине решено прекратить, как бесперспективные и вдвойне опасные. Все комнаты со старыми машинами в правом крыле здания законсервировать, в том числе комнату, где исчез Ковалев. Окна в них зарешетить, комнаты закрыть на ключ, время от времени смазывая замок. В левом крыле здания комнаты будут переоборудованы под новые машины. Весь коллектив теперь переключается на новую программу, связанную с броском в будущее на миллион лет вперед.

По залу прокатился восхищенный гул.

— Именно такая задача объявляется стратегически важной.

Для этой цели Зиманов предложил создать новую машину — инновременной рефлектирующий изотропно наводимый агрегат, или сокращенно — ИРИНА. Поскольку через миллион лет от здания вряд ли что останется, то при нашей лаборатории организуется отдел двигателей, которые будут разрабатывать систему зависания машины над земной или какой-либо еще поверхностью. Они вместе со своим хозяйством разместятся в подвальных помещениях.

Под конец скажу еще вот что. Конструктивно старая и новая машины близки друг к другу, так что создание новой машины должно занять немного времени. Поэтому только от соблюдения строжайшей дисциплины зависит то, как скоро будет создан новый агрегат. А как я слышал, вы тут основательно разболтались.

Он строго посмотрел в зал.

— Ну а теперь за работу.

И все разошлись по своим рабочим местам. Каждый получил задание, лишь я и сотрудники Антонына оказались без дела. Основная часть разработки новой машины была поручена нашему отделу, и все, за исключением, разумеется, меня, быстро разобрались в ее принципиальной основе. Я честно пытался постигнуть причину повзросления «Ирки», то есть понять, что такое «изотропно наводимый».

— Изотропно — это значит: по всем направлениям,— объяснил мне Куприянов.

— Ага,— как будто понял я,— следовательно, прежняя система гироскопов действовала в одном направлении.

— При чем здесь система! — возмутился Куприянов.— Можно всегда сделать так, чтобы вращение во всех направлениях было одинаковым. Все дело в изотропном вращении.

— А каким оно еще бывает? — ухватился я за последнюю фразу.

— Оно всегда анизотропно! — взорвался Куприянов.— И что там Доктор думает? Зачем его только к нам прикрепил!

— Куприянов прав,— мягко вмешался в разговор Арвид.—

Вращение всегда происходит вокруг какой-либо оси, то есть заведомо имеется выделенное направление. Однако в системе гироскопов вращение создается одновременно в нескольких направлениях. Причем вращение в каждом направлении как-то возмущает вращение, действующее в другом направлении. Оказалось, можно подобрать вращение так, что это возмущение будет изотропным, то есть не зависеть от направления. В этом случае и само вращение можно условно назвать изотропным.

— Так,— я хотел все-таки хоть что-то понять,— значит, отсутствие возмущений в новой машине облегчает ей задачу?

— Какую задачу? — встрял вновь в разговор Куприянов.— Здесь же топология возникает особая.

— Все гораздо сложнее и тем не менее проще,— спокойно пояснил Арвид.— При такой системе гироскопов происходит качественный скачок, и машина практически мгновенно замыкает линии времени. Миллион лет далеко не предел для такой машины, она способна на гораздо большее.

— Ну ты даешь! — удивился Куприянов.— Тебе бы первоклашкам машину объяснять, пожалуй, даже он теперь понял.

— Но если все так понятно и просто, то почему раньше до этого никто не додумался? — удивился, в свою очередь, я.

От моего вопроса Куприянов аж позеленел, но ребята посмотрели на меня с восхищением.

— Вот Полиграф дает,— сказал кто-то,— ишь как Куприянова уел.

С этого дня мое уважение к новой машине неимоверно возросло. Да и все относились к зарождающейся машине с явным почтением. Никто и не пытался называть ее просто «Ириной» или там «Иринкой», а торжественно величали «Ириной Евгеньевной». Это поскольку Зиманова звали Евгением Дмитриевичем. Надо сказать, что сам Зиманов в лаборатории так и не появлялся, как будто судьба «Ирины Евгеньевны» его не волновала.

Вскоре первый агрегат был готов, и весь отдел Петруниса приступил к последним доводкам узлов, а заодно и к тренировкам с управлением машины. Участвовал в тренировках и я, хотя Куприянов еще в начале их заметил:

— А ему-то зачем? Вы видели, каким он тогда вернулся?

Однако Арвид не возражал и даже сам помогал мне освоиться с новой машиной.

Ильина видели теперь редко, он почти не выходил из своего кабинета. Правда, время от времени он вызывал кого-нибудь и делал очередную взбучку за нерадивость в работе. Однажды вызвали и меня. «Вот и все,— подумал я.— Наверняка Куприянов накапал, и теперь Ильин разуверился в том, что я еще здесь нужен».

Как и в тот раз, в кабинете были Арвид, Арташес Гевондович и Флирентов. А кроме того, присутствовал еще и Машков, глава подвального царства.

— Вот что, голубчик,— обратился ко мне по-старому Ильин,— я решил учесть твоё пожелание. Первым на машине отправишься ты.

ПОЛЕТ В БУДУЩЕЕ

По лицам присутствующих я понял, что решение Ильина было для них сюрпризом, даже Арвид выглядел удивленным.

— Но почему же Полиграф? — Флирентов поперхнулся.— Я хотел сказать — Прибылов. По всем статьям более подходит Петрунис. Он у них самый уравновешенный, да и знаний у него больше всех.

— На данном этапе,— ответил Ильин,— знания не столь уж важны.— Он улыбнулся: — Главное сейчас для нас — контакт, а Прибылов, как известно, специалист по контактам. Только ему удалось повстречаться с людьми через тысячу лет.

— Это же произошло случайно,— не унимался Флирентов.

— Ну уж совсем точно этого утверждать нельзя. Кто знает,— загадочно произнес Ильин.— И потом. Бросок в будущее теперь будет происходить иначе, и здесь становятся важными ощущения, которые у художника тоньше и многообразнее. Наконец, на кандидатуре Прибылова настаивает Евгений Дмитриевич.

Все переглянулись. Ещё никогда Зиманов не вмешивался в практические дела лаборатории, а тем более в подготовку экспериментов.

— Управление Прибылов освоил,— опять, как и тогда, первым начал Арвид.

— Я, вообще-то, не возражаю,— на сей раз не совсем уверенно сказал Арташес Гевондович.

— Вам виднее,— заметил Машков,— я здесь новичок.

— А что меня спрашивать, если сам Зиманов... — Флирентов так и не закончил фразу.

— Меня тоже нечего спрашивать,— совершенно спокойно сказал я.— Готов хоть сейчас.

Мой спокойный и уверенный тон поразил всех, кроме, пожалуй, Ильина.

— Вот и отлично,— сказал он и вновь обратился к Флирентову: — Однако прошу вас, Григорий Игоревич, обеспечить надёжность работы ЭВМ в новой машине. Работать она там должна, видимо, на открытом воздухе, а потому ЭВМ обязана учитывать даже снос машины ветром.

— Я думаю, все будет в порядке,— ответил Флирентов.— Во всяком случае, запуск автомата должен это показать.

— Автомат отправится через час,— неожиданно для меня заявил Ильин.

Нет, я знал, что, помимо нашего агрегата, готовился ещё один — для заброски автомата. С его помощью намеревались получить первые сведения о том, что ожидает нас через миллион лет.

Даже планировалось два запуска машины с автоматом — с минимальным пребыванием в будущем и с более продолжительным. В первом случае автоматика должна была сработать за какие-то доли секунды, во втором — предполагалось испытать еще одну новую систему. Дело в том, что при нахождении машины с человеком в будущем система зависания должна была быть выключенной. И для старта обратно в наше время эта новая система обеспечивала создание там, через миллион лет, надежного временного постаменты для машины, имеющего строго определенную высоту. Основу системы составляли лазерные высоотомеры и быстрозатвердевающий пенообразный наполнитель.

Разработкой и подготовкой самих автоматов занимались ребята с третьего этажа во главе с Валентином Павловичем Седякиным, который до этого весьма успешно работал в какой-то космической фирме.

Все это я знал, но не предполагал, что уже все готово для первого запуска. Присутствующие на совещании, видимо, об этом знали. Они деловито поднялись и, пропустив вперед Ильина с его коляской, направились к комнате, где готовилась к запуску машина с автоматом. Из обрывков их разговора между собой я понял, что Арвид, Машков и Флирентов через некоторое время должны прибыть на центральный пульт вместе с Седякиным. Нам же с Арташесом Гевондовичем представлялась возможность наблюдать эксперимент с помощью большого экрана в конференц-зале.

Выходившие из кабинета директора уже мало обращали на меня внимания, как будто ничего особенного и не произошло. Однако через несколько минут ошеломляющая новость о моем назначении облетела всю лабораторию. Со всех сторон я ловил взгляды, в которых можно было заметить и удивление, и восхищение, а порою и просто зависть. Эти взгляды я ощущал и в комнате, где сотрудники Седякина, Флирентова и Машкова проводили последние приготовления, и в конференц-зале, где я наконец увидел наших, в том числе и полностью пришибленного новостью Куприянова. Казалось, что все и пришли сюда не из-за готовящегося эксперимента, а чтобы поглазеть на меня. Я же на всех обращал мало внимания, поскольку впервые очутился в конференц-зале во время эксперимента. И все мое внимание было приковано к экрану.

Я еще раньше, когда был в комнате, где готовился запуск, поразился обилию аппаратуры, установленной на бетонном полу. Ее назначение мне было абсолютно неясным, поскольку эксперименты с «Ирой» осуществлялись в совершенно пустом помещении. Кроме того, на большом экране в конференц-зале рядом с изображением машины я увидел и второе изображение, полностью повторяющее первое, но воспроизводимое, как потом оказалось, с помощью находящейся в здании большой ЭВМ. Я все еще не мог этому надивиться, как последние приготовления закончились и все покинули комнату, где осталась лишь машина с автоматом, не

считая многочисленной аппаратуры, о которой я говорил. А на экране теперь застыли готовые к запуску две совершенно идентичные машины.

Моему изумлению не было предела, когда в динамиках раздалась команда, привычные скорее для космодрома: «Ключ на старт», «Ключ на пуск», «Зажигание», «Подъем». И в тот же миг обе машины на экране (одна реальная, другая воспроизводимая с помощью ЭВМ) плавно поднялись вверх и чуть зависли над бетонным полом. Между тем в динамиках начался отсчет последних секунд: «Пять. Четыре. Три. Две. Время!» Первая машина как-то мигнула и пропала с экрана, прошла пара минут, и она появилась вновь, затем исчезла и опять появилась, и так беспрерывно. В зале раздался взволнованный гул.

— Спокойствие! — послышался в динамиках голос Ильина. — Во-первых, поздравляю всех с успешным началом эксперимента. Машина уже побывала через миллион лет в будущем и благополучно вернулась. Это произошло почти мгновенно, когда вам показалось, что машина мигнула. Из-за резкой остановки в будущем возвращение ее носит сильно колебательный характер: она стремительно перемещается то в прошлое, то в будущее, практически там не останавливаясь. Так что поздравляю вас еще с одним достижением — впервые, хотя и без остановки, осуществлен перенос машины в прошлое. Это открывает новые перспективы для последующих экспериментов. Полет машины во времени (он так и сказал — полет) продолжается нормально. Через несколько минут ее колебания должны практически прекратиться. Контрольные измерения, проводимые с помощью аппаратуры, установленной в комнате, а также с помощью нашей большой ЭВМ, показывают, что положение машины в пространстве не изменилось. Во всяком случае, уже сейчас можно сказать: «Ура, товарищи!»

Невозможно описать, что творилось после этих слов в конференц-зале. Все кричали «ура!», поздравляли друг друга, стоял невообразимый шум. Но вот вновь прорезался голос Ильина:

— Прошу внимания... По предложению академика Зиманова система зависания должна проработать еще около суток. Комната, где проходит эксперимент, на это время объявляется законсервированной, вход в нее категорически запрещается. Слежение за дальнейшим полетом машины посменно продолжат дежурные на центральном пульте. Остальным предлагается вернуться на свои рабочие места.

Это сообщение вызвало у многих разочарование, поскольку не все такого ожидали, в том числе и я. Однако все стали расходиться, хотя на экране продолжали оставаться оба изображения машины, и на первый взгляд казалось, что ни одна из них уже не мигала. Тут внимание большинства присутствующих вновь переключилось на меня, хотя, честно говоря, это уже стало мне надоедать.

Сквозь толпу вдруг ко мне протиснулся Шиллер.

— Вот что, молодой человек. Я вас очень попросил бы сделать

хотя бы одну стенгазету вперед, так сказать, в качестве задела. А вдруг тот, кто вернется, не сможет рисовать.

— Или, например, я вовсе не вернусь? — заметил я.

— Что вы, что вы, — Шиллер замахал руками и отстал от меня.

Я со своими вернулся в нашу комнату, где уже находился Арвид. Спасибо ребятам, они отнеслись к моему назначению весьма сдержанно, даже Куприянов почти не задибался, хотя некоторое недоумение его не покидало. Мы спокойно тренировались весь остаток дня, а также в первой половине следующего, но все, конечно, с нетерпением ожидали окончания эксперимента.

К тому часу, когда машина должна была мягко опуститься на пол последовательным выключением сотни микродвигателей системы зависания, мы все двинулись в конференц-зал. Здесь на экране не все также виднелись оба изображения машины. Но вот вновь раздались «космические» команды, и обе машины на экране плавно опустились на бетонный пол. В тот же миг второе изображение совместились с первым и пропало. В динамиках раздалось: «Отклонение — ноль!» И мы увидели, как к аппаратуре и к машине бросились сотрудники Седякина и Машкова. Ильин поздравил нас с окончанием эксперимента, и все опять вернулись на рабочие места, вновь с нетерпением ожидая на сей раз, что же показали приборы автомата.

Как же были все ошарашены, когда узнали, что приборы ничего не показали. Совершенно ничего там не было, через миллион лет, ни Земли, ни звезд, ни Солнца. Сплошной вакуум, и даже не космический с мизерным наличием вещества, а абсолютный вакуум с полным отсутствием вещества или излучения. Была еще одна странность, приборы зарегистрировали, что аппаратура автомата проработала на несколько минут больше, чем, казалось, должна была работать. Лаборатория гудела как растревоженный улей, такого не ожидал никто, и даже Ильин или Зиманов. Может, приборы не успели сработать?

А на следующий день мы все обсуждали разъяснение, которое дал случившемуся Зиманов. По его мнению, сработал некий «парадокс близнецов», но в отличие от известного в теории относительности он имел обратный характер: время работы приборов при полете между настоящим и будущим было чуть больше реального времени. Иначе говоря, если при космическом полете с субсветовой скоростью близнец при возвращении на Землю был моложе остававшегося там, то здесь близнец при полете во времени возвращался чуть более старшим, даже не делая никакой остановки в будущем. Расчеты, которые проделал Зиманов, свидетельствовали и о другом: этот своеобразный «парадокс близнецов» действовал сильнее при возвращении машины из будущего, чем в обратном направлении, поскольку возвращение происходит лишь под действием самого времени.

Эксперимент было решено повторить, предварительно перелав программу срабатывания аппаратуры, заложенную в бортовую

ЭВМ на машине. И все оказалось так, как предсказывал Зиманов, а приборы четко зафиксировали данные о мире, который нас ожидает через миллион лет. Но если мало кого удивило, что человек нашего времени мог спокойно обходиться без скафандра и через миллион лет, то полученная панорама местности оставляла простор для гипотез.

Не было ни нашего дома, ни леса.

Тут же вскоре был проведен второй эксперимент, также закончившийся в целом благополучно. При этом машина оставила где-то там, через миллион лет, временный постамент, созданный новой системой при отключении системы зависания. Полученные данные об окружающей среде мало что добавили к известному нам, разве что уточнили кое-что в количественном отношении. На сей раз Зиманов снизил время консервации комнаты с возвращенной машиной, так и зависшей над полом, до нескольких часов.

Увлеченные этими событиями, все стали как-то меньше обращать на меня внимание, и даже вновь объявились байки про Вадика Полиграфа, которые на время исчезли, когда все узнали о моем назначении на первый полет в отдаленное будущее. Я же удивлялся своему полному спокойствию и какой-то уверенности в успешном завершении своего эксперимента. Но честно признаюсь, у меня перед глазами все время стоял Коля, и я очень надеялся получить о нем хоть какие-нибудь сведения. Даже в последний час перед своим полетом я несколько не волновался, а также спокойно взирал на собравшихся в комнате вместе с Ильиным, время от времени поглядывая в окно. И вдруг вспомнил, что вот так же когда-то, при моем «собеседовании», примостился у окна Арвид, которому вскоре предстояло впервые слезть с машины через тысячу лет.

Я усмехнулся этому сравнению и тут заметил в окно, как во двор въехало такси, которое остановилось у входа в здание. Из такси вышла какая-то дама, и сразу кто-то воскликнул:

— Зиманов приехал.

По правде сказать, образ Зиманова у меня как-то не вязался с дамой, но тут из такси вылез маленький человек, чрезвычайно тощий и такой невесомый, что, казалось, дунь ветер, и он куда-то улетит. Кроме того, он был так похож на ребенка, что я несколько бы не удивился, если бы сейчас женщина взяла его за ручку и повела к дому. Женщина действительно взяла его за руку, и они так отправились вдвоем в здание.

Между тем последние приготовления были закончены, и все стали покидать комнату. Я вполуха слушал последние наставления Куприянова (Арвид уже ушел на центральный пульт) и ждал, когда же наконец останусь один. Вскоре все ушли, я взобрался в машину и уже собирался закрыть прозрачный кокон, как в дверь постучали. Не успел я этому удивиться, как она открылась и появилась знакомая пара. Увидев Зиманова вблизи, я поразился, насколько он стар. Ошеломляла его худоба, из-за которой костюм висел на нем, как на палке. Была еще одна странность: он вовсе не

выглядел иссушенным возрастом, а, казалось, был всегда таким, с самого своего рождения.

Пара пошепталась о чем-то, и женщина громко объявила:

— Евгений Дмитриевич спрашивает, не волнуетесь ли вы?

— Да нет, — сказал я. — Все в порядке.

Они опять пошептались.

— Евгений Дмитриевич говорит, что это хорошо. И он убедительно просит вас не раскрывать кокон сразу же по возвращении, когда машина еще будет висеть над полом. Вы обещаете это?

Я удивленно кивнул.

— Евгений Дмитриевич желает вам скорейшего возвращения.

И странная пара покинула комнату.

Я закрыл кокон и стал ждать — на сей раз все должна была сделать автоматика по командам с центрального пульта. Прошло еще совсем немного времени, и машина зависла над полом. Прошло еще мгновение, и мир исчез в никуда. Это небытие на самом деле теперь продолжалось гораздо дольше, и я как-то стал всматриваться в ничто. Поражало то, что не только света не было видно, но и темноты не ощущалось, что-то было, а что — непонятно. Однако не успел я проанализировать свои ощущения, как мир объявился вновь, но уже таким, каким он стал через миллион лет.

ВЯЗКОСТЬ ВРЕМЕНИ

Я не буду здесь подробно рассказывать о своем пребывании в будущем. Скажу только, что успех был полным, а главное — удалось установить контакт — хотя и краткий — с людьми из этого далекого будущего. Полностью удовлетворенный своей миссией, я возвращался обратно в свое время, но одно обстоятельство меня все же мучило: никаких следов Коли я там не нашел.

Возвращаясь, я вновь старался ощутить окружающее ничто, но вдруг на какой-то миг мне заложило уши, словно в самолете при наборе высоты. Однако не успел я этому удивиться, как внезапно объявился свет и вновь исчез, а затем все повторилось. Я понял, что начались колебания машины во времени при возвращении в нашу эпоху. Вскоре показалось размытое изображение комнаты, на миг пропало и снова возникло. В конце концов комната перестала мелькать перед глазами и замерла неподвижно. Однако мир был как-то искажен, и меня не покидало чувство, что я галлюцинирую, как при болезни. Больше всего поражала чехарда красок совершенно немыслимых оттенков. Потом все пришло в норму, но, вспомнив просьбу Зиманова, я не стал раскрывать кокон. Посмотрев на часы, я, зависнув над полом в машине, стал ждать, перебирая еще раз в уме все то, что со мной приключилось через миллион лет.

Мне вдруг подумалось, что хорошо бы и сюда поместить дисплей, чтобы не только за мной наблюдали, но и я бы мог всех видеть. Однако отведенное время прошло, и машина вдруг плавно спла-

нировала на пол. Открылась дверь в комнату, и показались сотрудники лаборатории, которые несколько опешили, когда увидели, что я до сих пор так и не раскрыл кокона и даже не стремился этого сделать.

Вначале, как всегда, я оказался у Арташеса Гевондовича и напугал его рассказом о галлюцинациях. Он весьма встревожился, но тщательные обследования показали, что у меня все в норме. В конце концов мы отправились с его ребятами в конференц-зал, где меня с нетерпением ждала вся лаборатория, правда, Зиманова все же не было. Под несмолкаемый восторженный гул я поведал о своем пребывании в далеком будущем. Меня не отпускали, все хотели услышать какие-то новые подробности, но Ильин вдруг объявил, что меня ждет Зиманов, и моя пресс-конференция закончилась. Я же отправился на первый этаж.

Я вошел в комнату Зиманова, все еще переполненный своим триумфом в конференц-зале. Старик был один и ждал меня около какого-то старомодного стола типа горки, стоявшего у окна. Он сидел в стареньком кресле, весь нахохлившись, но глаза его ярко горели. Рядом с ним стоял стул, на который он знаком пригласил меня сесть. Я сел и рассказал о своих минутах в далеком будущем, но Зиманов знаком прервал меня и попросил шепотом:

— Меня не интересует пространство. Это обычный Дирихле и ничего больше. Вы расскажите мне, что было там, в пустоте, когда мир исчез.

Я был ошеломлен. Естественно, в конференц-зале меня об этом не спрашивали, да и мне после всего пережитого это казалось неинтересным.

— Ну, при перемещении в будущее я вообще ничего не ощущал: мир пропал, а потом появился вновь. А между этим ничего не было.

— Это очень занятно. Чрезвычайно любопытно,— тихо прошептал старик.

Его было еле слышно, и я с трудом различал его слова, даже наклонившись к нему совсем близко.

— А на обратном пути?

— Мне заложило уши,— вдруг недоуменно вспомнил я.— Да еще искажения цвета при возвращении.

— Вот она,— шепотом вскричал Зиманов, радостно и как-то по-детски потирая руки. Затем тихо захихикал: — Вязкость.— Вы не устали? — вдруг спросил он.

— Да нет,— удивленно ответил я.

— Мне кажется, я в вас не ошибся,— прошептал на прощание Зиманов,— да и Петр тоже.

Мы вышли из комнаты и увидели, что в коридоре нас ожидает Ильин. Он был похож на нашкодившего ученика, которого ждет какое-то наказание.

— Пока все в порядке, Петр,— прошептал Зиманов,— все идет хорошо.

Вскоре Зиманов с жёнй (та дама оказалась его женой) покинули лабораторию, а я побежал успокоить Арташеса Гевондовича и сказать, что мои галлюцинации на самом деле вызваны какой-то вязкостью времени.

На некоторое время я стал центром внимания не только нашей лаборатории, но и научной общественности. Мне приходилось присутствовать на различных совещаниях, конференциях, симпозиумах. Однако вскоре вслед за мной в далекое будущее отправились другие, и моя жизнь вновь вернулась в привычное русло. Полеты в будущее стали уже чем-то обычным, контакт с людьми из будущего состоялся не раз. Правда, не всегда все проходило гладко, иногда случалось и непредвиденное.

Пока ограничусь лишь одним эпизодом.

Как-то раз, возвращаясь из очередного полета в будущее, я неожиданно для себя запел свою любимую песню «Черный ворон». Однако не успел я пропеть первые слова, как вдруг услышал где-то рядом знакомый голос:

— Полиграф! Это ты?

— Коля! — не веря, вскричал я. — Где ты? Что произошло?

— Не знаю. Кажется, что-то с ЭВМ, — голос стремительно удалялся, и уже совсем издалека донеслось: — Как там наши?

— Коля, Коля! — звал я, но напрасно.

Вскоре я почувствовал, что мне привычно заложило уши — машина входила в плотные слои времени.

Мой рассказ взбудоражил всю лабораторию. Все наперебой выпытывали какие-нибудь подробности, но какие уж здесь подробности? Некоторые сетовали на то, что я не догадался зафиксировать время, когда произошла неожиданная встреча.

— Был бы на твоём месте Куприянов, он наверняка посмотрел бы на часы.

— Ну что вы к нему пристали, — защищал меня Арвид. — Кто еще мог, кроме Вадика, ни с того ни с сего запеть в провале времени?

Некоторый скепсис к услышанному, правда, выразил Флирентов:

— Что вы ему верите? Ну при чем здесь ЭВМ? Петр Сергеевич, вы ведь помните, что Ковалев отправился на следующий день после Прибылова? А после вашего указания я и его ЭВМ тщательно проверил. Да и вообще, Арташес Гевондович, вы уверены, что это не слуховые галлюцинации?

Однако все остальные, в том числе и Ильин, не сомневались в реальности неожиданной встречи во времени и радовались тому, что Ковалев существует (иначе и не скажешь), хотя и неизвестно где. Правда, если быть точным, радовались не все, два человека были не только обеспокоены встречей, но даже напуганы ею. Одним из них был Шиллер, который говорил, что это вовсе не Ковалев, а иновремянин, желавший, подобно русалке, меня куда-то заманить. Вторым, как ни странно, был Зиманов. Он даже спе-

циально приехал в лабораторию и подробно расспросил меня обо всем. На прощание же прошептал Ильину:

— Плохо, Петр, очень плохо.

Тем не менее многие теперь, при возвращении, начали распевать «Черный ворон». При этом произошел непредвиденный казус: когда у меня стали выпрашивать слова песни, я, к своему стыду, обнаружил, что никаких ее слов не знаю, кроме самых первых.

Признаюсь сразу, встреча с Колей все же состоялась, причем при совершенно иных обстоятельствах и гораздо позже. И прав, в общем, оказался Зиманов, хотя все обошлось благополучно. Однако это уже другая история...

Мое же повествование подходит к концу. Однажды, возвращаясь из будущего, где вновь нужно было встретиться с Колей, я выскочил в неизвестное. До этого все происходило вроде нормально, хотя я и не почувствовал на сей раз, как мне заложило уши. Вместо этого как-то сразу уж вдруг возникло радужное мелькание мира (машина стала колебаться во времени), а потом, когда мелькание прекратилось, я, к своему ужасу, не обнаружил знакомой комнаты. Я очутился в совершенно неизвестной мне лесистой местности, машина зависла над небольшим озерком, где-то ближе к берегу. Стартовать вновь в будущее я даже и не думал, поскольку ничуть не сомневался, что нахожусь на Земле. Зависнув вблизи водной глади и прождав около часу, необходимого для реадaptации при возвращении из полетов во времени, я полностью выключил систему зависания. Машина медленно спланировала вниз и, естественно, затонула, а я, раскрыв кокон, еле успел из нее выбраться и поплыл к берегу. Повторяю, я был относительно спокоен и лишь думал о том, как бы быстрее добраться до лаборатории, а там Зиманов все разъяснит.

К счастью, берег был близко, что было очень хорошо, так как, признаюсь, плавать я не очень умею, а тем более в одежде. Погода в это лето стояла прекрасная, и я даже решил сначала просохнуть, а заодно и просушить свою одежду, чтобы не пугать прохожих, которых пока не было.

Я оделся и стал продираться сквозь лес, стараясь держаться какого-нибудь одного направления. Мне повезло, не прошло и часа, как я вышел наконец к дачной местности вблизи города. Совсем близко оказалась станция, и первой же электричкой я отправился в город. Еще с вокзала безуспешно пытался дозвониться до лаборатории, но все время попадал не туда. В конце концов это занятие мне надоело, и я решил как можно скорее попасть в лабораторию. Здесь-то и стало меня тревожить какое-то смутное беспокойство, и предчувствие не обмануло: здания лаборатории не оказалось на месте.

Дом исчез, сомнений в этом не было. Я настолько растерялся, что даже спросил у прохожего, где здесь дом № 34. Прохожим оказалась девушка, на редкость серьезная девушка. Она задумалась, посмотрела на дом № 32, на стоявший рядом с ним дом

№ 36 и, явно желая помочь, предположила, что дом где-то во дворе. Однако я доподлинно знал, что он не мог быть во дворе. Большой, хотя и неказистый с виду, дом № 34 стоял раньше вплотную к дому № 32 еще с прошлого века. Впоследствии мне никто толком не смог объяснить, куда он подевался. Хотя жильцы из ближайших домов и вспоминали, что его когда-то снесли, но нумерацию домов оставили прежней.

Я, естественно, отправился домой, но и здесь меня ждало горькое разочарование — в моей квартире жили чужие люди. Мир как будто остался прежним, но из него исчезли все, кого я когда-либо знал, в том числе мама и Лариса. Обратившись в справочную, я сделал попытку найти адреса хоть кого-нибудь, и тут мне наконец посчастливилось: мне выдали адреса Антоныяна, Шиллера и Зиманова. Последнего я нашел сразу, и он оказался с виду таким же чудаковатым стариком, говорившим почему-то шепотом. Однако он вовсе не был академиком, а лишь пенсионером, а главное — он ничего не понял из того, что я ему пытался рассказать. И Шиллер был все тем же Шиллером и к тому же опять заместителем директора по хозяйственной части, но он также отнесся ко мне, как к сумасшедшему. До Антоныяна я и вовсе не смог добраться, поскольку он занимал ответственный пост в каком-то ОКБ. Но я уже понял, что и это будет бесполезно.

Состояние мое было весьма плачевное, а тут еще стали кончаться деньги, которые я случайно обнаружил в своем комбинезоне при просушке одежды. В конце концов я обратился к одному писателю-фантасту, и в результате появились эти записки. Понятное дело, я мало верю в успех, но все же питаю слабую надежду, что кто-нибудь все же поможет мне разобраться во всем случившемся. Признаюсь, я все время беспрерывно размышляю обо всем, что со мной произошло, и никак не могу доискаться до причины.

Старательно перебирал я в памяти свою прошлую жизнь и все выяснял, не сделал ли где какой-либо ошибки. И вдруг вспомнил, что подобную ошибку я, видимо, совершил в самое свое первое путешествие во времени. Дело в том, что я так и не рассказал, что увидел тогда в кабинете директора. А увидел я там Ильина, все того же Ильина, деловито склонившегося над столом. Причем я был уверен, что это именно он, а не какой-нибудь его дальний потомок. Помню, это настолько меня тогда испугало, что я как ошпаренный бросился назад, и Ильин даже заметить меня не успел.

И вот теперь я вдруг вспоминаю, что этот Ильин ждал меня и хотел что-то мне сообщить. Не понимаю до сих пор, как он оказался там, через тысячу лет, но Ильин явно искал меня, так во всяком случае заявил мне тот парень, которого я чуть не сшиб дверью в коридоре. Что намеревался сказать мне Ильин? Кто знает, может, это спасло бы Колю, да и я не очутился бы в теперешнем своем положении. Эта мысль преследует меня и не дает покоя. Но в то же время меня не покидает предчувствие, что моя история еще не кончилась.

НЕЗАВЕРШЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

I

В торопливых южных сумерках призывно мигал красный свет геленджикского маяка. Быстроходный катер, сбрасывая ход, подходил к горловине бухты. Николай Гук стоял у правого борта, держась рукой за ванну, в которой на поролоновом матрасе, обтянутом полиэтиленовой пленкой, лежал Пират. Дельфин был совершенно спокоен, лишь изредка приподнимал голову, словно пытался разглядеть что-то в навалившейся на мир темноте.

Внешне и Николай выглядел спокойным.

Прошли мыс Толстый с маяком, и открылась вся бухта, увешанная дрожащими огнями, подчеркивавшими черноту неба. Игрушкой висел в нем молодой месяц. Редкими строчками прошивали темноту фонари геленджикских улиц. Вправо от середины бухты сверкал костер прожекторов, освещавший отраженным от воды светом белые низкие борта, и рубку «Вечного поиска», и притулившуюся к кораблю заякоренную плавучую клеть, уже готовую принять дельфинов.

В ярких лучах прожекторов фантастично светилось, желтело под клетью песчаное дно с темными пятнами водорослей. Водная гладь была удивительно, зеркально прозрачна и недвижима. Она, казалось, потеряла даже цвет. Ярко освещенный куб из двух металлических рам и до беззвучного звона натянутых между ними сетей не воспринимался здесь как громадная конструкция из тяжелых труб, у которых долгие недели надрылись они, таская, свинчивая, подгоняя, измазанные въедливой рыжей ржавчиной.

На досках настила, прикрепленных к понтонам, стоял Гиви в гидрокостюме — невысокая ладная фигура, словно обтянутое черной блестящей кожей неземное существо. Он махнул Николаю рукой вместо приветствия и крикнул:

— Только сейчас закончил сборку. Представляешь?.. Ну как вы?

— Нормально, — хрипло ответил Гук. Во рту и горле было сухо. Он вспомнил, что с самого утра и за девять часов на бешено вибрирующей палубе катера выпил лишь стакан компота в обед.

А команда «Вечного поиска», двенадцать человек, весь день провела за сборкой плавучей клетки. Это было нелегким делом после двухсуточного перехода. Каждое перемещение тяжелых громоздких деталей рам на небольшой палубе требовало недюжинной сноровки и силы. Гиви же всю вторую половину дня провел в воде, поднимаясь на борт лишь затем, чтобы сменить акваланг и растереть озябшее тело. Однако усталости он не чувствовал. Его все время подхлестывал страх, что к приходу дельфинов клеть не будет готова. Выныривая и выплунув загубник, он кричал вверх:

— Эй, на борту! Шевелись!

— Устроился, понимаешь, в невесомости...— ворчал, двигая двухпудовый «уголок» клетки, стармех Григол Аванесян, которого все запросто звали Аванесом.

Сил не жалели. Все понимали, что к приходу катера, хоть кровь из носа, но плавучая клеть должна быть собрана. Когда корабельный радист Сучков в очередной раз выходил из радиорубки, все оборачивались к нему с одним вопросом: «Где они?»

— Прошли Сочи.

— Сочи-и, те дни и ночи-и..— картинно пел Аванес.

И они успели.

Оба дельфина на брезентовых носилках были перенесены с катера на борт «Вечного поиска» и оттуда спущены в плавучую клеть. Гиви, стоя на досках настила, стал кормить их, подавал несложные команды, которые животные четко выполняли, буд-то в бассейне дельфинария.

Гиви поднялся на судно. Аванес помог ему снять акваланг, хлопнул по обтянутой мокрым гидрокостюмом спине.

— Вах! Молодцы!

— Ты его не похлопывай, а разотри спиртом,— сказал капитан Вахтанг Гогия, наблюдавший, как и вся команда, за первым занятием с дельфинами в плавучей клетке.

В трюме носовой части, в лаборатории с двумя жилыми каютами, Гук, пристроившись у лабораторного стола, делал записи в журнал наблюдений. За день у него их накопилась тьма.

Гиви прошел к себе в каюту. Обе койки напротив двери и часть каюты были завалены оборудованием и одеждой — аквалангами, масками, ластами, свитерами, гидрокостюмами, бухтами капроновой веревки, фото- и киноаппаратурой, герметичными боксами для съемочных камер.

Гиви докрасна растерся махровым полотенцем. Лег на койку, блаженно закрыл глаза. Тренированное, привыкшее к большим нагрузкам тело расслабилось, сладко ныло.

Гиви представил себе, как приятно, наверное, Пирату и Эльме снова почувствовать себя в море. И может быть, в том блаженстве, с каким он вытянулся на койке, было не только удовлетворение от проделанной сегодня работы, вплотную приблизившей их к долгожданному эксперименту, но и радость за них, Пирата и Эльму, близких и полюбившихся ему существ.

Конечно, это, наверное, странно для мужчины за тридцать, да еще профессионала-биолога; возможно, Николай и прав, но Гиви привязывался к животным, с которыми работал, с которыми просто много общался, привыкал к ним, нет — прикипал душой, как к хорошим людям. Так было с детства. Когда умер Абрек, их дворовый пес, росший рядом с Гиви все десять первых лет его жизни, он сбежал в горы и два дня бродил там в одиночестве. Вспоминал, как ходили они сюда вместе с Абреком, как играли и плавали в море, вспоминал какие-то случаи и совсем незначительные детали, ощущал на ладонях мягкую шерсть друга и плакал...

Весь следующий день с утра начальник экспедиции Николай Гук, Гиви и капитан «Вечного поиска» Вахтанг Гогия утрясали экспедиционные дела в разных геленджикских организациях. Потом решили отметить успешное начало в кафе — прошло уже время и корабельного обеда, и ужина. Вечером, когда они возвращались на судно, от рыбозавода упруго поддавал холодный ветер, поднимал волну. «Вечный поиск» весь в огнях чуть качался на ней. Из кубрика доносились крики и стрельба — там смотрели по телевизору кино. На баке тралмастер в одиночестве тренькал на гитаре. Целый год он мучительно осваивал инструмент.

— Старпом! Ты жив? — крикнул Вахтанг Гогия, поднимаясь на борт.

— Хо! — донеслось из кубрика.

— Докладывай, как дела? Как тут картинка?

На экране телевизора несколько белых офицеров в блиндаже пили по-черному и вели конфликтный разговор.

— Картинка лучше, чем дома. Штормовое предупреждение.

— Ага... Второй якорь отдали? Хорошо. Нужно завести кормовой.

На экране телевизора офицеры в блиндаже, похоже, собирались драться.

Подходя к борту, Николай видел, как дельфины стоят в вертикальной позе, выставившись из воды, и разглядывают людей на судне. Верхняя рама плавучей клетки гасила волну. Зеленый гладкий квадрат воды в свете прожектора был неожидан в окружении черного катящегося моря. Дельфины стояли, открывая рты с ровными рядами желтоватых зубов.

Свежий ветер приятно обдувал разгоряченное лицо. Начало экспедиции было многообещающим. Впервые в мире он, Гук, наблюдал, как ведут себя дельфины, перевезенные на большое расстояние из бассейна в открытое море: через каких-нибудь десять минут они как ни в чем не бывало начали работать, четко выполняя все команды дрессировщика. Да это же просто поразительно! Это значило, что животным, подготовленным в бассейнах для проведения аварийно-спасательных работ в море, не нужна адаптация. Их можно задействовать на этих работах сразу, доставляя на большие расстояния и не боясь при доставке длительных вибраций! Гук теперь не сомневался: как бы ни прошел эксперимент, к лету следующего года он закончит диссертацию.

Гиви шел в гидрокостюме, держа в руках алюминиевые разноцветные кольца. Он давно усвоил для себя правило: чем меньше дней без тренировок, тем лучше конечный результат. Спустился на настил покачивающейся в метре от судна плавклетки, попросил:

— Дай ведро.

Гук, перегнувшись через борт, протянул ему ведро с рыбой.

Дельфины работали с желанием, четко. По первому же взмаху руки выпрыгивали метра на два из воды, так что Гиви остава-

лось только опустить рыбу в разинутую пасть. Другой рукой он успевал хлопнуть по упруго-плотному телу животного. За брошенными в противоположный конец клетки кольцами Пират и Эльма шли стремительно, насколько позволяло небольшое пространство клетки, так же стремительно возвращались к Гиви, неся кольца, и, вертикально поднимаясь из воды, подавали ему.

Николай наблюдал некоторое время молча, потом похвалил:

— Хорошо работают! Скорми килограммов по пять.— И пошел к себе в каюту.

Гиви молча глянул в его сторону. Высокая широкоплечая фигура Гука уже скрывалась за углом рубки. «Надо же, чтобы человек так любил давать ЦУ...» — раздраженно подумал Гиви. После той истории полгода назад из их отношений исчезли, кажется, последние крупицы взаимопонимания.

Гиви снова вспомнил те страшные недели, полные недоумения, нервозности, всеобщего недовольства. Сейчас они могли показаться невероятными: ведь сама возможность подготовленного уже эксперимента была под сомнением! Да что там эксперимент! Главное в жизни Гиви было поставлено под сомнение. Он словно замер тогда в предчувствии надвигающейся трагедии, чего-то непоправимого.

Но даже в череде тех беспросветных дней выделялись три. Три дня, которые не забудутся никогда.

Потому что он прочувствовал и понял за этот короткий отрезок времени, наверное, больше, чем за всю свою предыдущую жизнь — о дельфинах, о людях, да и о себе, наверное...

...Дежурного лаборанта на месте не было. Гиви прошел мимо застекленного павильона, из которого велось наблюдение за дельфинами, на бордюр бассейна. Под безоблачным небом в бетонном квадрате синела вода и блестела в дальнем углу, освещенном уже жарким, совсем летним солнцем. В дельфинарии стояла тишина, не нарушенная еще шумом просыпающегося городка. Только пофыркивание дельфинов и всплески.

Пират и Эльма быстро скользили у самой поверхности воды, словно соединенные невидимыми нитями, синхронно выныривали и, сделав выдох-вдох, вновь уходили под воду. Когда Гиви поднимался на бордюр, они не подплыли к нему, как бывало прежде, не выставили из воды свои добродушные морды с раскрытыми, словно улыбающимися, ртами, не затрещали радостно, требуя рыбы и общения. Вот уже вторую неделю изо дня в день он наблюдал непонятное поведение животных. Словно они одичали. И все же вели они себя не как дикие дельфины...

Бывали, конечно, и раньше плохо объяснимые повороты в поведении животных. И у Пирата, и у Эльмы, и у других дельфинов, с которыми он занимался. Продолжалось это несколько часов или день, другой. Но чтобы недели... И обычно можно было увязать из-

менения в поведении дельфинов с какими-то внутрисемейными распрями или ошибкой дрессировщика. Из всех обучаемых человеком животных только дельфин совершенно не терпит угроз и насилия.

Даже в неволе, в образующихся в бассейнах семьях, у дельфинов идет сложная жизнь, не связанная только с обеспечением физического существования. У них есть избирательная привязанность, есть неприятие друг друга разной степени выраженности, а самцы своенравны. Порой борьба достигает предела жестокости, идет до конца, до уничтожения конкурента. Гиви не мог забыть, как два года назад сведенные в большом бассейне уже вполне контактные четыре животных неожиданно почти полностью вышли из повиновения, перестали выполнять хорошо разученные ими раздельно в малых бассейнах навыки. Всех четверых отловили за полгода до этого вместе: Пирата, называвшегося тогда номером седьмым, номера восьмого и двух самок. Что там произошло между Пиратом и номером восьмым, не совсем ясно, но более сильный Пират за сорок минут убил своего соперника, нанося ему страшные удары рострумом — мощными выдвинутыми вперед челюстями — в живот, грудь, голову. Одного дельфиньего удара по жабрам акулы достаточно, чтобы убить ее... Непосредственно перед этой смертельной дракой и сразу после нее дельфины плохо вступали в контакт с людьми два-три дня. Потом все наладилось, будто ничего и не произошло.

Однако Гиви долго не мог относиться к Пирату как прежде, хотя успел привыкнуть к нему и полюбить за удивительную сообразительность и безграничное доверие к людям.

Много позже, лучше узнав Пирата и осмыслив случившееся, Гиви понял, что этот врожденный вожак, сильный и умный, наверное, не мог поступить иначе в тех условиях, в которых все они оказались. В море, возможно, он просто изгнал бы Восьмого из стада, но здесь, в маленьком замкнутом пространстве бассейна...

В последний год Пират стал очень близок ему. Особенно после того, как прошлым летом они неделю работали с ним в открытом море. Это была первая проба, риск, на который они пошли с Николаем, готовясь к своему большому эксперименту. Гиви знал, что Пират встречался тогда с вольными дельфинами, но возвратился к нему, в сетевой вольер. Что же, общение с ним, Гиви, с людьми было Пирату дороже свободы? Правда, в бассейне оставалась Эльма. Но эти несколько дней он возвращался ведь не к ней, а в привычный вольер к нему, Гиви.

И вот теперь тот же дельфин не проявлял склонности ни к какому общению с людьми. Он всякий раз уходил из-под руки тренера, уклонялся от ласкающих поглаживаний и игр, «возни», которые так любил прежде: они могли подолгу плавать с Гиви в бассейне, заныривая друг под друга, замирая, обнявшись на поверхности, — рострум на плече у Гиви, или Пират ложился на спину, раскинув грудные плавники, словно подставляя солнцу свои белые живот и

грудь, а Гиви гладил его, и дельфин блаженно закрывал глаза. Все-го этого не было уже вторую неделю. Каждое утро Гиви шел на работу с надеждой увидеть у бордюра бассейна прежнего Пирата. И каждое утро испытывал разочарование. Недоумение. В чем же дело, что произошло с дельфинами?

Он прошел в раздевалку, открыл свой шкаф и стал переодеваться. Гиви любил поработать с дельфинами рано утром, когда никого еще не было у бассейнов, а человеческие голоса и шум за стенами дельфинария не смешивались и на заглушали первобытно-прекрасные звуки — фыркание дельфинов и плеск воды от его и их тел. Он снова вспомнил прошлогодние работы в открытом море. Может ли быть что-нибудь лучше чувства слитности твоей с природой, единства твоего с другими живыми существами! Только в такие моменты можно полной мерой ощутить прелесть яркого солнца, теплой морской воды, воздуха, пахнувшего солью и йодом, дальних скал, чуть дрожащих в мареве, — всего того, что, по его мнению, составляло понятие — радость жизни.

Гиви натянул старый «каллипсо» с обрезанными до колен штанами — из «голяшек» делали заплаты на остальные части костюма. Новый «суперлурмэ», выданный недавно на три года, берег. При каждодневном пользовании его не хватит и на год.

Тренер дельфинов много часов проводит в воде с животными, нередко страдающими разными заболеваниями, в воде холодной или теплой, чистой и не очень, а порой просто грязной.

О тренирах пора подумать серьезно. Сейчас еще их мало, но человек настойчиво стремится в море, к его громадным ресурсам, и недалеко тот день, когда людей этой профессии будут многие тысячи, когда без них будет нелегко освоение моря, как это нелегко без тех, кто приручал и воспитывал лошадь — первого помощника человека в его борьбе за жизнь на Земле.

Гиви был убежден: роль дельфинов в освоении Мирового океана огромна и значение той работы, которую начали с ними люди всего несколько десятилетий назад, оценить еще трудно. Но Гиви твердо знал: это дело стоит всей его жизни.

Он снес ведро размороженной ночным лаборантом ставриды на край бассейна, надел ласты и вошел в воду. Дельфины настойчиво стояли в вертикальной позе недалеко от него. Затем Пират занырнул, и Гиви увидел его плавно и быстро скользящее тело под собой метрах в двух. Эльма следовала за ним. Гиви, подтянувшись одной рукой за край бассейна, достал из ведра пару ставрид и, опустившись снова в воду, хлопнул по ней ладонью, подзывая дельфинов. Никакого эффекта. Животные носились где-то в глубине, иногда Гиви замечал их невдалеке. Чертовщина! Словно он все начинал сначала... Взяв по рыбине в каждую руку, он ударил одной из них по воде. Неожиданно оба дельфина вынырнули рядом. Гиви дал из рук обоим по ставриде. Взял еще рыбу из ведра. Теперь Пират и Эльма стояли рядом, готовые, кажется, начать работу. Гиви сделал жест, приказывающий им идти за

лодкой. Она стояла в дальнем углу бассейна. Дельфины умели отвязывать ее и транспортировать, вдевая рострумы в кольца, которые с помощью коротких капроновых концов крепились в носу лодки.

Эльма неохотно пошла к лодке, а Пират, сделав стремительный круг по бассейну, пересек ее целенаправленное движение, и оба они вернулись к Гиви. Выставились из воды в ожидании рыбы. Гиви снова послал их за лодкой, упрятав рыбу за спину, и опять они не выполнили приказа. Так повторялось несколько раз. Он настойчиво предлагал, а дельфины отказывались работать. Затем они глубоко занырнули, он потерял их из виду, ушел под воду и стал вглядываться в просвеченную солнцем зелень. И вдруг он почувствовал, как из заведенной за спину руки у него выхватили рыбу. Он быстро обернулся и увидел Пирата. Рыба, которую Гиви держал во второй руке, оказалась теперь перед носом дельфина, и тот двинулся за ней, но в последнее мгновение Гиви успел отдернуть руку. И тут Пират, открыв пасть, резко задвигал головой из стороны в сторону и медленно, угрожающе пошел на него. От этой неожиданной и явной агрессии Пирата Гиви растерялся, выпустил из рук рыбу и вынырнул. Он видел, как дельфин подхватил ставриду и быстро уплыл.

Гиви поднялся по трапу из бассейна. Не оглядываясь, пошел в душевую. Сам факт агрессии Пирата против него был для Гиви почти нереальным. Как дурной сон.

Холодный душ несколько успокоил его. Он оделся, причесал влажные волосы и возвратился к бассейнам.

Всегда суеящийся ветеринарный врач Хоттаб Мубарак-ович, которого, естественно, все называли только Хоттабычем, окликнул его, пробегая мимо: «Привет, Гиви! На сегодня намечена профилактика «дикарям», не забыл?»

Гиви кивнул, хотя и забыл, конечно. С этими «дикарями» будет нелегко. За полтора месяца практически никакого контакта с ними установить ребятам не удалось. Несмотря на то, что животные находятся в отдельных отсеках с поднятым дном, вытащить каждого в ванну для обтирания марганцовкой и уколов антибиотиков и витаминов — дело непростое. И Гиви вспомнил, как безропотно Пират доверялся людям при переносках его, как спокойно вел себя в носилках и в ванне, где мог даже повернуться на спину, чтобы его погладили по животу, а для выдоха-вдоха снова переворачивался. Он абсолютно доверял людям. Гиви даже думал тогда: наверное, больше, чем своим соплеменникам.

Гиви бросал дельфинам остатки рыбы из ведра. Животные ели хорошо. Выставив из воды головы и ловко ухватив летящую рыбу, заваливались на бок, поднимая фонтаны брызг, а потом снова выставлялись. Все было как обычно. За исключением того, что Гиви не требовал от них ничего, а они не выполняли заученных навыков.

— Привет. Ну, как?.. — К Гиви подходил Николай Гук в только

что вошедшей в моду рубашечке — обрызганной мелкими цветочками. — Решил не заниматься сегодня? — Гук остановился рядом на бордюре бассейна и смотрел, как Гиви кормит дельфинов.

Солнце поднялось уже в прозрачном голубом небе, припекало, взблескивало на низкой волне, расходившейся к стенкам бассейна от выныривавших за рыбой дельфинов. Снизу, из раздевалок, доносились голоса и смех, а издали — треск мотоцикла. Здесь же, в вознесенной на высоту трехэтажного дома чаше бассейна, шла своя, непонятная, загадочная жизнь.

Николай Гук молча пошел к павильону. И тут Гиви, бросив Эльме последнюю ставриду из ведра, окликнул его:

— Николай, подожди. — Он решил, что заведующий отделом должен знать о случившемся сегодня в бассейне. — Есть разговор.

— Ну, что там у тебя еще?

Гиви оперся спиной о стенку павильона рядом с ним и сказал, глядя в сторону бассейна:

— Пират на меня напал сегодня.

— Как напал?..

Гиви коротко рассказал.

Помолчали.

— Я думаю, тебе пока не стоит входить к ним. Уменьши суточный рацион, и подождем. Что-то там у них происходит... Между ними все в порядке?

— Похоже. Последние дни, правда, гона не видел.

— Кто их поймет... Звери... — Николай ловко бросил потухшую сигарету в мусорное ведро, стоявшее метрах в двух от него. Любил щегольнуть сноровистостью. — Ладно. На том и порешим. До эксперимента еще пять месяцев. Бог не выдаст, свинья не съест. Все образуется.

— Что — все?

— Перестань трагедии разыгрывать! — взорвался Гук. — Тут людей, говорящих, не всегда поймешь, а ты у зверей хочешь, чтобы все как на тарелочке... — Он махнул рукой и пошел в павильон просматривать записи ночного лаборанта.

Гиви наблюдал за дельфинами. Они плыли рядом из конца в конец, быстро заныривали, вскоре выходили из воды у противоположной стенки и снова неторопливо скользили. Он мог наблюдать их, наверное, бесконечно, так неповторимо пластично, естественно было каждое их движение, в стремительном ли подводном плавании, в скольжении ли у самой поверхности или в прыжках, заныриваниях, играх. Совершенство движения, которое можно сравнить разве что с полетом птицы. Почти физическое восприятие их полетной легкости в воде, хорошо знакомой ему, тяжелой среде усиливало в Гиви восхищение ими, а долгое наблюдение, казалось, делало и его самого легче, красивее, совершенней.

Он воспринимал окружающий его мир как часть самого себя. Море, которое он помнил с тех же пор, что и небо над собой, он ощущал как часть себя. Деревья, собак, которые всегда жили на их

дворе, далекие горы, куда они мальчишками уходили на несколько дней, он словно бы видел изнутри. Острая наблюдательность мальчишки, его фантазии и вызванный ими непреходящий интерес ко всему вокруг него жили в Гиви, никогда не покидали его. Наверное, именно это и привело его в институт, где изучали море. Гиви любил животных и был уверен, что понимает их. Работа, общение с ними доставляли ему радость. Может быть, это была неосознанная до кони а радость общения с иными, чем он, чем люди, существами, по-своему загадочными, удивительно разумно созданными великой изобретательницей природой.

Десять лет занимаясь дельфинами, читая о них, Гиви не сомневался в их разумности. Только разум у них совсем иной, чем у людей. И потому, что живут они в другой среде, и потому, что развивался он по-другому — десятки миллионов лет естественным путем, не испытывая постоянного воздействия искусственно создаваемых факторов.

Когда-то, читая о дискуссии по проблеме связи с внеземными цивилизациями, Гиви был поражен одним простым предположением, что разум может развиваться без технологии, потому и нет у нас связи с инопланетными существами. Да ведь такой разум есть и на Земле — разум животных!

Многие зоологи, в том числе и Николай, считают, что у животных нет разума. Гиви всегда удивлялся таким зоологам: что могут понять они в том, чему посвятили себя? И теоретически они беспомощны, плутают (или плутуют?) в терминологии. У человека и вышших животных совершенно одинаковы все виды рассудочной деятельности — индукция, дедукция, абстрагирование, анализ, синтез, даже эксперимент! А дельфины по шкале умственных способностей, составленной базельским зоологом Потменом, находятся на втором месте после человека, значительно опережая слонов и обезьян! У Гиви накопились сотни наблюдений, подтверждавших разумность действий дельфинов.

И сейчас... Надо искать причину, а не отмахиваться от факта, как это делает Николай. Не уповать лишь на время. Эти умнейшие животные не могут от какой-то ерунды надолго изменить свое поведение. Гиви слишком серьезно относился к животным и уважительно — к природе, чтобы думать так. А Николай именно так и думает. Что ж, это его беда, довольно обычная человеческая беда, в которой он, Гиви, ему не сострадалец. Он будет искать причину.

И эксперимент в открытом море, к которому они идут долго и не просто, не самоцель. Это шаг на пути познания дельфинов. Пусть это нужно людям для использования в будущем дельфинов как своих помощников в море, и все же, во-первых, — это путь познания! А что такое познание, думал Гиви, как не любовь, томительное, беспокойное, счастливое или горькое страдание души...

Николай Гук был недоволен. Этого мальчишку, ночного лаборанта, надо гнать, хоть он и какой-то родственник директора. Это

научное учреждение, а не кормушка для незадачливых студентов техникума! За двенадцать часов две куцых записи в журнале!

— Ты видел? — Выходя из павильона, Гук потряс в воздухе журналом. — С этим надо кончать.

— Коля, может быть, перевести их в сетевой вольтер?

Гук остановился и, помахивая журналом, уперев другую руку в бок, уставился на Гиви.

— Зачем?

— Может, дело в воде... Все же полторы недели не работал насос...

— Но он уже неделю работает, вода чистая. И кожа у них, как зеркало. Мы же решили уже. Чего сучить лапками?

— Надо попробовать.

— Зачем?

— Искать причину.

— Ну и упрямый!.. Ты всегда доискиваешься, почему у твоей жены иную неделю плохое настроение?

— Стараюсь.

— Нашел себе занятие... У тебя что, дел нет? Вон у нас их невпроворот: профилактика «дикарям», чистка бассейнов, плавклеть еще не начинали, а он — за рыбу грош... Ладно. Я пошел.

— Все это не главное.

Гук застыл на месте.

— А что — главное?

— Мы не цирковые дрессировщики, а ученые.

Гук кивнул немного растеряннo, а хотел саркастично.

— Верно. Дальше?

Гиви пожал плечами.

— Для нас главное — понять животных...

— Понять? — Теперь Николай был стопроцентно саркастичен. — И это говорит ученый?.. — Гук невысоко ставил Гиви как ученого. Слишком ограничен, недалек. Но беда не в этом, такими в науке пруд пруди. Были бы исполнительны, прилежны. Но вот если такие еще упрямы и настойчивы!..

— Послушай, Гиви, чего ты хочешь?

— Выяснить причину, понять дельфинов.

— Выясняй, понимай... В сетевой вольтер я их не переведу. По условиям эксперимента мы должны их брать в море из бассейна. Забыл?

— Нет. Мы вернем их потом в бассейн. Через месяц, два. С такими животными никакой эксперимент невозможен...

— Договорились же — по-дож-дем! При чем здесь цирковые дрессировщики?

Они стояли друг перед другом недовольные, почти злые, один большой, мощный, словно тренированный боксер-тяжеловес, другой невысокий, поджарый, гибкий, как стальная пластина.

— Ну, объясняй!

— Сам не понимаешь? — тихо сказал Гиви. — Мы должны понять их, познать, а не просто уяснить себе, что они могут. — И пошел от павильона. Обернулся. — Мы не номер ставим, Коля.

Гук был по-настоящему ошарашен. Вот тебе и молчун! Такого от Гиви он никак не ожидал. И явно с запозданием бросил ему вслед:

— Вот именно — без номеров! От нас ждут конкретных дел...

2

Стоя на настиле плавучей клетки, качавшейся рядом с бортом «Вечного поиска», Гиви подумал: «Кто знает, может быть, и путь, предложенный тогда Николаем, привел бы нас сюда, в Гелленджикскую бухту, с такими же животными, как сейчас. А возможно, и нет».

Он бросил дельфинам остатки рыбы из ведра и поднялся на судно. Здесь ветер был значительно крепче, чем в защищенной бортом «Вечного поиска» клетки. Гиви поежился и побежал к лаборатории.

Было около полуночи, но Гиви, переодевшись, сел за письмо жене. Обещал писать часто, чтоб не волновалась, да вот уже четыре дня никак не собраться.

«...У нас все идет отлично. Завтра начинаем. И погода как по заказу...»

«Именно так», — с удивлением подумал вдруг Гиви. А ведь лишь несколько месяцев назад все казалось конченным, безвозвратно утерянным. Он совершенно уверился в этом уже на следующий день после нападения Пирата...

...Гиви медленно плыл к животным, держа в обеих руках рыбу. Хлопнул, как обычно, ставридой по воде. Дельфины не шли к нему. Стояли и смотрели. Тогда он бросил им по рыбе. Они взяли ее и вдруг помчались по бассейну вокруг него, все ускоряясь, иногда едва не задевая. Гиви поплыл внутри круга, образованного движением дельфинов, пытаясь пристроиться к ним, вызвать на игру. Эльма неожиданно остановилась, потом поднялась над водой вертикально, спиной к нему, и начала приближаться, изгибая под водой хвостовой стебель. Совсем как в одном из американских дельфиновых «трюков». Только страшно...

Гиви видел край ее темного глаза высоко над своей головой, где-то у самого начала этого вздыбившегося двухсоткилограммового тела. От неожиданности он на какую-то секунду одеревенел, и эта секунда могла стать роковой для него, но в тот момент, когда Эльма готова была, как показалось Гиви, рухнуть на него, между ними возник Пират. Он сильно оттолкнул, проплывая, Гиви грудным плавником, а потом оттеснил Эльму к середине бассейна.

Гиви быстро поднялся по трапу. Сомнений быть не могло: дельфины изгоняли его из бассейна. И если бы не вмешательство Пирата, неизвестно, чем бы могло закончиться это очередное занятие. Итак, теперь на него напала Эльма. Вчера Пират, сегодня Эльма. Что дальше?

Тупое безразличие охватило Гиви. В этом состоянии он принял душ и переоделся.

Гиви медленно прошел к малым бассейнам, где уже шла подготовка к занятиям. С «дикарями» дело шло совсем плохо. Они не понимали тренеров, не доверяли им, кусались. Да так часто, что даже выдавшие виды дрессировщики пожимали плечами. Ветеринарный врач, торопливый шутник Хоттабыч, посоветовал: «Надо придумать им намордники...» В первую неделю, как обычно, дельфины стали брать рыбу из рук. И все. Дальше ни шагу. Все четыре разведенных в отсеки малого бассейна дельфина вели себя так, словно сговорились не вступать в контакт с людьми. Животные часами стояли, уткнувшись рострумом в разделявшие их сети, голова к голове, ели плохо. Стали опасаться за их жизнь, хотя признаки какой-либо определенной болезни выявить у них Хоттабычу не удалось. А он был парень дотошный, несмотря на суетливость.

Гиви поднялся на второй этаж административного корпуса в комнату научных сотрудников. Прошел к окну и широко распахнул его. Гладь одного из малых бассейнов сверкала, как большое голубое зеркало. Яркое веселое лето накатывалось на землю, а Гиви ощущал в себе тяжесть и темноту. Он сел за стол, устало сложил перед собой руки. Делать решительно ничего не хотелось. У телефона на краю стола лежала заметная выросшая за несколько дней горка корреспонденции — газеты, журналы, письма. Он рассеянно сдвинул ее на себя веером, вытащил коричневый толстый пакет. От Лебедева, из Крыма.

Лебедев был странным малым, влюбленным в биоакустику. Отсюда, вероятно, искренняя привязанность к дельфинам, восхищение ими, и может быть, отсюда же — некоторое презрение к людям. Однако при всем своем внешнем высокомерии и резкости Лебедев был добряком, и тот, кто понимал это, как Гиви, становился его другом.

Гиви вскрыл пакет и вынул из него «Неделю». Удивленно повертел в руках большой конверт. Тут была и записка. Всего одна строчка машинописи: «Какое выдающееся человеческое свинство!» «Неделя» была свернута вчетверо таким образом, что на открытой четвертушке листа он сразу увидел фотографию лежащих на берегу дельфинов и крупные буквы заголовка: «Битва у острова Ики». Гиви отложил лебедевский листок и стал читать заметку:

«Это произошло возле японского острова Ики. В предрассветных сумерках из гавани вышло тридцать небольших дизельных судов. Километрах в двадцати пяти от берега в первых лучах солнца резвилась большая стая дельфинов. Здесь суда разошлись

полукругом, люди, находившиеся на них, раскинули огромную загонную сеть, стянули ее и погнали дельфинов к острову Тетешима. Когда животные оказались стиснутыми между прибрежными скалами и сетями, по ним открыли огонь из нескольких пулеметов. Раненых добивали гарпунами и ножами, вспарывали им брюхо — с тем, чтобы туши погружались на дно. Часть животных выволокли сетью на берег и забили дубинками. Поверхность моря и прибрежный песок окрасились кровью. В тот день было убито по меньшей мере около тысячи дельфинов... Японские моряки, принимавшие участие в военизированной акции, говорят, что она была вызвана необходимостью, что дельфины наносят большой вред их промыслу. Добыча рыбы возле острова Ики в последние месяцы резко сократилась. Поэтому рыбаки получили разрешение властей на «профилактическую акцию» против дельфинов. «Сражение рыбаков с дельфинами», как называли чудовищную акцию некоторые западные журналы, на этом, однако, не закончилось. Дельфины доказали, что они обладают действительно высоким интеллектом и способны действовать коллективно. После побоища возле острова Тетешима все оставшиеся в живых окрестные дельфины собрались в открытом море. По некоторым оценкам, их было около десяти тысяч. Судя по всему, это была не только «тризна» по товарищам, но и своеобразное «военное совещание», после которого гигантская стая грозно направилась в районы, облюбованные японскими рыбаками для промысла, и в несколько дней уничтожила там всю рыбу. Они готовы были делить богатства моря с человеком, готовы были дружить с ним, пока тот не поднял на них оружие...»

Медленно и напряженно, разделяя каждое слово, Гиви перечитал заметку. И вдруг в ярости хватил об пол стеклянную пепельницу. Она разлетелась на мелкие кусочки. Недоумки, подонки, что вы делаете с человечеством! Что вы делаете со мной, с каждым из нас!.. Он опустил голову на сложенные на столе руки, до боли сжимаемая зубы.

Сидел так долго, мучительно представляя картины чудовищного побоища. Тысячи дельфинов в открытом море, их грозный поход возмездия. Может, все было и не так, но он хотел, чтобы было так, он был с ними, воевал на их стороне с теми безжалостными двуногими существами, сильными, но такими отвратительно жестокими и безумными, враждебными всему, что окружает и кормит их.

Неожиданная мысль, воспоминание поразило Гиви. Он вскочил и ринулся к книжному шкафу, где лежали подшивки газет. Он вспомнил даже полосу, где это было напечатано. Но в какой газете? Он стал поспешно перелистывать страницы. Нет, так не найти. Отнес подшивку на стол, сел и начал планомерно просматривать газету за газетой.

«Бедственное положение с рыбным промыслом у берегов Японии...» Вот! Это была не та заметка, однако он перечитал ее дважды. «Причины остаются пока не выясненными...»

Гиви резко отодвинул от себя газеты и с неожиданным злорадством подумал: «Нужно было соображать, когда ставили пулеметы на сейнеры!..» — и только теперь понял до конца свою догадку.

Несколько минут он неподвижно сидел у стола. Сговор дельфинов? Чушь, как сказал бы Николай, фантастика! Однако... Он скосил глаза на страницу «Недели». На него смотрел большой мертвый глаз дельфина. Берег, усыпанный трупами. Оставшиеся в живых разнесли весть о трагедии и сразу же отомстили. А вот продолжение — «Бедственное положение с рыбным промыслом у берегов Японии»... И в той заметке, о которой он вспомнил, прочтя «Неделю», тоже было что-то загадочное о порванных сетях, о разорении прибрежных плантаций аквакультур и о дельфинах.

Гиви снова придвинул подшивку и стал листать. Теперь он внимательно просматривал все полосы, начиная с третьей. Минут через сорок нашел, что искал. В коротком сообщении из Калифорнии говорилось о наблюдавшихся в последние недели во многих районах Тихоокеанского побережья повреждениях рыбацких сетей. Авиацией службы береговой охраны отмечены стремительные перемещения больших стай дельфинов, которые, возможно, и служат причиной бедствия. Рассматривается вопрос о мерах предупреждения... Бог мой!.. На все побережье от Лонг-Бич до Сан-Диего, читал он дальше, в течение нескольких дней оказались разоренными подводные хозяйства морекультур, заградительные сети тоже повреждены. Но здесь, предполагали, причиной могут быть сильные штормы.

Итак, у Японских островов и у побережья Америки вдруг резко сократился рыбный промысел, рвутся сети, разоряются подводные плантации. Дельфины, собирающиеся обычно в небольшие стаи, образуют большие и даже громадные. Гиви зашагал по комнате. Значит, сговор дельфинов? А почему бы и нет? Еще Джон Лилли указывал на то, что некоторые дельфины обладают очень оперативными средствами связи, позволяющими описывать события и предупреждать о них других представителей вида.

Гиви помнил это некогда поразившее его наблюдение Лилли почти дословно. Больше десяти лет назад де Хаан доказал, что получаемая дельфинами друг от друга информация бывает настолько подробной, что метод передачи ее не может быть примитивным. Бастиан в Пойнт-Магу в эксперименте с двумя дельфинами показал, как они могут осуществлять совместную работу. Общась только звуковыми сигналами, они передавали друг другу информацию о наблюдаемых каждым из них событиях и — вот самое примечательное — программу дальнейших действий для партнера. Да и сам Гиви проводил подобные эксперименты и в смежных вольерах, и с помощью радио. Кстати, с помощью радио установлено, что дельфины одного вида, живущие даже в разных океанах и никогда между собой не общавшиеся, наверное, понимают друг друга: американцы проводили «диалог» между афалинами Тихого и Атлантического океанов. Когда по радио «говорили» одни, другие

слушали, а потом «отвечали». Начиная с Лилли все исследователи отмечают, что дельфины издают свои сигналы общения по очереди. Он сам наблюдал, как Пират перед зеркалом «запрашивал» своего визави и ждал от него ответа. А разве профессор Яблоков не говорит прямо о *речи* дельфинов «пятиэтажной сложности», в отличие от «четырёхэтажной» человеческой — фонема, слог, слово, фраза...

Гиви, много лет отдавший изучению дельфинов, тоже не сомневаясь, что они могут вести между собой сложные разумные разговоры. Но могут ли общаться дельфины, разделенные огромными расстояниями океанов? Это было очень важно уяснить. И он методично стал обдумывать вопрос.

Миграция дельфинов только изучается. Считали, что черноморская афалина — прибрежный домосед, не терпящий соленой средиземноморской воды, а она, оказывается, заплывает и туда. Не обитающие вовсе в Средиземном море морские свиньи обнаруживались в Мраморном море.

Дальше. Близкие родственники дельфинов — усатые киты способны генерировать звуки очень низкой частоты, инфразвуки, которые распространяются в океане на многие сотни, а в определенных условиях — и на многие тысячи километров. Несколько посредников — и информация преодолела океан не намного медленнее, чем если бы она была передана телеграфом. Возможно, дельфины тоже способны воспринимать инфразвуки. Именно этим объясняется их способность задолго узнавать о приближающемся шторме. Но кто знает, не могут ли они и генерировать низкочастотные сигналы, хотя бы в особых ситуациях, угрожающих, скажем, всему виду. По уровню приспособления дельфинов к жизни в океане это вполне можно допустить. К тому же доподлинно неизвестно, как генерируют дельфины и ультразвуки, вроде бы достаточно хорошо у них изученные. Еще совсем недавно многие ведь считали, что дельфины плохо видят...

И наконец, взаимопомощь китообразных. Совершенно неизученный вопрос. Известно, что дельфины разных видов помогают друг другу в море при родах, ранениях. Касатка в одном из дельфинариев защищала афалину, когда тренер изображал агрессию против нее. Касатка, которая в естественных условиях вроде бы является единственным по-настоящему опасным врагом афалины! А может быть, это не совсем так? В мире этих непонятных существ с высоким уровнем развития мозга многое, еще неизвестное нам, вполне возможно.

Стоя у окна, он и не заметил, когда натянуло на голубое небо серые тучи с моря. У малого бассейна Хоттабыч и еще несколько человек что-то живо обсуждали, размахивая руками. Доносился их смех.

«Дикари»! Конечно, пришедшие недавно из открытого моря, со свободы, дельфины несут уже в себе бунт против человека. Они активно, сознательно не желают контактировать с ним. Сей-

час, после разнесшегося по Мировому океану клича бедствия, предостережения, призыва к общей, совместной защите, все они, люди, выглядят, наверное, единым видом убийц, тупых убийц, чем-то вроде акул.

«Дикари» в малом бассейне... Да, похоже, что и по времени совпадает. Появление новичков в дельфинарии всегда, хоть и не надолго, изменяет поведение старожилов. Возможно, «дикари» приносят с собой память о море или информацию о нем? Теперь «дикари» принесли страшную весть об избитии у острова Тетешима, принесли самые свежие сведения о человеке.

Значит, все же преднамеренная, истинная агрессивность? Гиви давно не разделял устоявшееся мнение о том, что дельфины абсолютно доброжелательны к человеку и ограничивают свою агрессивность к нему лишь «стадией демонстрации угрозы». Дельфин — зверь. Очень умный и очень хорошо дрессируемый, добрый к человеку, но зверь. Во Флориде дельфинов обучали даже убивать людей, пловцов, впрыскивая в них иглой сжатый газ из канистр, закрепленных на голове животного. Здесь, конечно, все в основном от человека-учителя, но действовал-то все же дельфин! Известно, и человека можно воспитать убийцей... А разве не наблюдал иногда и он, Гиви, как и другие дельфинологи, истинной агрессивности животных против человека? Обычно эти случаи расцениваются как «случайности», но происходят-то они всегда при возбуждении дельфина и недовольстве чем-то в поведении человека!

И Гиви стал восстанавливать в памяти наблюдавшиеся им случаи такого поведения дельфинов.

Он в волнении присел на подоконник. Если догадка верна...

Вот, например, история той самки, отловленной ранней весной, которая к лету родила в прибрежной вольере. Дельфиненок вскоре умер, как и большинство родившихся в неволе. А мать ходила с ним по вольеру несколько суток, днем и ночью, все выталкивала на поверхность. Смотреть на это было просто невозможно. Она не ела ничего все эти дни. Все поддерживала малыша на поверхности, чтобы мог дышать. В конце концов дельфинологи не выдержали, пожалели ее, забрали труп и захоронили. А ночью она ушла через сетевое ограждение в море. Но недалеко от вольеров. Все ходила рядом и нападала на людей. Они, вынудившие ее рожать в неволе, лишившие дитя, были повинны в ее трагедии... И одного едва не утопила: обхватила грудными плавниками и так, держа в своих объятиях, пошла под воду. Держала его там около минуты, а потом отпустила. Этот человек не сомневался, что дельфиниха его топила, но почему не довела дела до конца, не ясно. В другой раз, неожиданно появившись рядом с пловцом, дважды слегка ударила его хвостом по голове, и пловец, несомненно, стал бы утопленником, не случись это недалеко от берега и на виду Николая Гука...

Если догадка верна, она объясняет все: происходящее у них

в дельфинарии становится в ряд с событиями в Тихом океане. Вопрос тогда в том, насколько все это необратимо? И что необходимо предпринять, чтобы разорвать порочный круг? Гиви было ясно одно: действовать должен человек. Он виновник, ему и исправлять. Но как? Могут ли люди остановиться, с полной ответственностью осмыслить важность момента? Он не был уверен в этом. С атомной бомбой не смогли же. Все ли там зависело от политиков? Да, ученые требовали остановиться, но ведь не все, далеко не все! А здесь? Сможет ли Николай преодолеть инерцию своего мышления, свои зашоренные представления о мире, природе, науке?

Гиви взял «Неделю», подшивки газет и пошел в кабинет к заведующему отделом. Гук был где-то на заседании. Гиви разложил на его столе принесенные статьи и отправился в дельфинарий. Без всякой цели. Просто ему необходимо было теперь взглянуть на дельфинов.

Ветер усилился. За стенами дельфинария гудело море. Воду в бассейне рябило. Дельфины неподвижно стояли в дальнем его конце мордами к бетонной стенке. У Гиви перехватило дыхание, он представил себе все как и было в действительности: Пират и Эльма в серой камере неглубокого бассейна, в тюрьме. Многие годы. Среди большого человеческого обиталища. Теперь, наверное,— среди врагов. В этих бетонных мешках все время стоит невыносимый для них шум! Как если бы на иной планете непонятные существа бросили его, Гиви, в вонючую гремющую яму.

Ах, эта человеческая черствость! Он вдруг остро, болезненно осознал: ведь и Пират и Эльма, как и тысячи дельфинов у острова Тетешима, были безвинными жертвами человеческой, и его, Гиви, в том числе, черствости и эгоизма!

В эти секунды к нему пришло решение. Единственно возможный для него вариант! Николай его, конечно, не поймет...

У глухой стены дельфинария на утопанной площадке лежали металлические трубы, из которых предстояло сварить и свинтить две большие разборные рамы для плавучей клетки. Долго и тщательно готовили чертежи этого сооружения, которое через пять месяцев должно стать плавучим домом Пирата и Эльмы. Из него они будут выходить в открытое море, чтобы по лабиринту на десятиметровой глубине тянуть к акванавту кабель, вести спасательные работы. В него будут возвращаться. Будут ли?..

Гук сидел уже за своим столом и энергично писал. Настольная лампа на высокой ножке страдальчески тряслась. «А, Гиви... Посиди...» Пробежал глазами написанное, громохнул стулом, вышел. Гиви достал сигареты и закурил. Подшивки газет и «Неделя» лежали на подоконнике.

Гук вскоре возвратился и сказал с порога:

— Ну вот, все. Сегодня отправят бумагу насчет быстроходного катера. Директор наконец договорился.

По плану эксперимента Пирата и Эльму должны доставить к

месту работ в Геленджикскую бухту за несколько часов — вертолетом или скоростным катером. Институтское экспедиционное судно было слишком тихоходно для этой цели — переоборудованный рыболовный сейнер РС-300. До Геленджика ему добираться около двух суток.

Вот, речь идет о катере... Гиви так и знал. Николай просто отмахнулся от сомнительных факторов.

— Ну что у тебя? — Гук сел на край стола и тоже закурил.

— Читал?

— А, это...

Гиви протянул Гуку записку. Тот глянул и рассмеялся.

— Точно... Чудак этот Лебедев, а?..

— Тебе не кажется, Коля, что дельфины не хотят больше с нами контактов?

— Что ты еще выдумал? — Гук нахмурился, слез со стола, поправил на спинке стула свой замшевый пиджак. — Думаешь, я не понял, зачем здесь эти подшивки? Корреспонденты ведь наплетут бог знает что! Тризна, мшение... Чушь! Как и твои домыслы.

— А может быть, это не домыслы?

— Ну, фантастическая гипотеза! — раздраженно сказал Николай. — Ведь их промысляли многие годы... Будь же ты ученым, Гиви, а не писателем!

— А я не писатель...

— Ну, поэт. Шота Руставели в должности научного сотрудника! Вместо забот о нуждах народного хозяйства — поэтические изыскания о дельфинах. Удивительно, как за десять лет работы из тебя это не вымыло... — Гук прошелся по кабинету. — Ты два года не был в отпуске, устал. Это понятно... А что, возьми сейчас месячишко. Я тряхну стариной, займусь животными...

— Займись. Вон, с «дикарями» тоже ничего не получается.

Гиви встал и пошел к двери. Все эти разговоры с Николаем бессмысленны. Однако...

— Да, забыл. Сегодня на меня напала Эльма.

Гук сел за стол, положил на столешницу большие кулаки.

— Рассказывай.

Выслушав, проговорил:

— Ну, ладно. Давай переведем их на несколько недель в прибрежную вольеру.

«Вечный поиск» заметно перекладывало волной с борта на борт, отчего спать хотелось еще больше. Но заснуть Гиви не мог. Космонавт из него определенно не получился бы, не та нервная система. Ночь накануне любых испытаний, начинаний всегда превращалась в долгую муку. Так было даже перед школьными экзаменами. А ведь завтра начинался их главный опыт, завершение значительного этапа в его жизни. Это и радовало, и тревожило, и было

определенно связано для Гиви с теми страшными и очень важными для него днями полгода назад: Память настойчиво возвращала его туда. Может быть, там ему виделось начало их нынешнего успеха и всех будущих. В успехе Гиви теперь не сомневался.

А тогда... Даже жена, единственный человек, которого он посвятил в свой план, считала, что задуманное им — несвоевременно поспешно. Как и Николай, она предлагала подождать. Но ведь ждать, считал Гиви, значит, оставаться тюремщиком безвинных разумных существ, расширять трещину, созданную руками людей между ними и дельфинами! Он был убежден в этом, как же он должен был поступить?

Если все, что происходило в дельфинарии, и вся эта цепочка — расстрел у Тетешимы, громадные стаи, разоряющие огороды аквакультур, нарушающие рыболовство, вольерные дельфины, отказывающиеся от контактов с людьми, — если все это просто стечение разных обстоятельств, цепь совпадений, тогда Пират и Эльма вернутся, считал Гиви. Ведь даже находившиеся один лишь сезон в вольерах дельфины возвращаются к людям, тянутся к ним. А тут Пират и Эльма. Два года взаимной привязанности и дружбы. А если все так, как он предполагает, это будет первым шагом доброй воли. Людям в подобных ситуациях необходимо идти только таким путем! И тогда, на третий день, Гиви сделал этот шаг...

...К четырем часам Пирата и Эльму перевели в прибрежную вольеру. В маленькой бухточке под защитой косы море было уже совсем спокойным. Невысокая волна разбивалась о заградительные сети и внутри вольеры лишь плескала. Мягко качала настил.

Все уехали, Гиви остался один. Он полулежал на досках настила и смотрел на дельфинов. Солнце припекало все еще немилосердно. Пират и Эльма стояли у заградительной сети, обращенной к открытому морю, словно принимавались к нему, к своему вновь обретенному миру. Гиви угадывал в их застывших позах напряжение. Милые, непонятные звери, он исполнит сейчас свой долг перед вами. Как понимает его. Он старался быть вам другом, старшим братом, и не его вина, если из этого ничего не получилось. Может быть, и не совсем напрасно он прожил последние десять лет. Вы научили его многому. Возможно, и он вас научил чему-то, показал, какими люди могут быть добрыми и ласковыми. Помнишь, Пират, как играли в открытом море и ты не ушел с вольными дельфинами?..

У дельфинов хорошая память. Хорошая память. Больше двадцати лет Пилорус Джек служил лоцманом в проливе Кука, он был любовью и гордостью острова Дюрвиля, но ни разу за многие годы не подошел к «Пингвину», судну, с которого в него однажды стреляли. Те, в кого стреляли, помнят об этом. Но разве хорошее запоминается хуже? Сколько их, бывших вольерных дельфинов, которые все идут и идут к людям, ищут с ними контактов, играют с детьми у побережий... Или — сколько их было?

Гиви поднялся, принес с берега ведро рыбы, оставленной для

вечернего кормления, и стал бросать ее дельфинам. Покончив с рыбой, он прошел по настилу к калитке, спрыгнул в воду и распустил завязки. Дельфины наблюдали за ним. Открыв калитку, Гиви выплыл из вольеры. Хлопнул ладонью по воде. Он видел, что дельфины стоят перед отворенной калиткой. Отплыл мористее и снова хлопнул ладонью. Животные будто растерялись, сомневались. Потом Пират выскользнул из вольеры и медленно поплыл туда-сюда у сети снаружи. Затем, сделав стремительный круг, исчез в море. И тут Эльма так же стремительно последовала за ним.

Гиви вылез на настил, долго вглядывался в воды бухточки, в даль. Море синело и сверкало под лучами садящегося солнца, катило к вольере спокойные волны. Он отвернулся и пошел по мосткам на берег.

Солнце садилось в море. Оранжевый полукруг в дымке, висевшей над горизонтом, казался неестественно громадным. И небо было неземным — желтым, зеленым, непрозрачным, — и недвижный влажный воздух, в котором застыла настораживающая густая тишина. Все было нереальным, но не сказочным, а угрожающим. Будто оранжевый полушар готов вот-вот взорваться, море источало ядовитую дымку, двигавшуюся от горизонта к берегу, а воздух все загустевал, превращаясь постепенно в пластмассу.

Гиви судорожно, глубоко вздохнул, закрыл глаза и, подобрав повыше колени, сложил на них руки и голову. Теперь он услышал привычный шум наката недалеко внизу, биение крови в голове, почувствовал тепло разогретой за день гальки.

Все как обычно в этом мире. Нет ничего угрожающего, страшного. Наоборот — красиво, прекрасно. И закаты не похожи один на другой. Так хорошо, что осознающий себя центром *своего* мира человек не может пожертвовать ни единой малостью. Все как обычно. Люди вычерпывают этот *свой мир*, век их ведь так короток! Черпают и черпают лихорадочно...

Гиви положил подбородок на руки и стал смотреть вниз на испятнанную зеленую водорослей прибрежную полосу галечника, на белесый валик наката, мостики и пустую вольеру. Отвязанная сетевая калитка медленно шевелилась под водой, подчеркивала эту пустоту. Выпуская дельфинов, Гиви не закрепил калитку, а просто закинул ее на трос. За несколько часов волна стащила ее в воду.

Солнце утонуло. Темнота упала сразу. От яркого огромного неба осталось лишь несколько светлых полос — оранжевая, желтая, зеленая.

Часа в два ночи он пошел в «хижину». Этот деревянный однокомнатный домишко, выстроенный на берегу у вольер лет двенадцать назад, в последние годы заселялся редко.

Гиви зажег свечу на столе, разыскал старое солдатское одеяло и лег на продавленный кожаный диван, стоявший когда-то в ди-

ректорском кабинете. Долго не мог согреться. Лежал и смотрел на чуть колеблющийся огненный язычок свечи. Потом от этого живого огонька, от запаха деревянных стен и грубой теплой шерсти, от негромкого мерного шума моря в темноте ему стало вдруг спокойно. Он думал о чем-то смутно, словно засыпая. Но сон не шел. Потрескивала свеча, негромко било в берег море. Что с нами станет, вдруг четко всплыло в мозгу Гиви, если друзей мы превратим во врагов?.. Что будет, если китообразные, объединившись, станут вытеснять людей из Мирового океана? Пока не найдется средства для полного уничтожения животных (противоестественная тотальная война!), захиреет рыболовство, морекультуры, разразится голод в районах и странах, зависящих во многом от моря,— Японии, Индонезии, Океании, Скандинавии, Исландии, множестве других островных и прибрежных стран, сотни миллионов людей...

А может быть, все это действительно бред? Много лет, очень много, он шел и шел, твердо, уверенно, все было ясно и просто. И вдруг стало зыбко, расплывчато. Этот последний месяц, расстрел у Тетешимы. Два года без отпуска. Напряженная подготовка к эксперименту. Возможно, все от этого? Безвыходность ситуации, расходившиеся нервы...

Под утро он все же заснул. Проснулся поздно. Сквозь пыльное окно в «хижину» заглядывал безоблачный день. Свеча превратилась в застывшее на блюде озерцо стеарина.

Гиви сбежал к морю и искупался. Проплывая мимо вольеры, тщательно подвязал калитку к верхнему тросу. И понял, что надеется на возвращение дельфинов. Они эмоциональны. Они ближе всех стоят по разуму к людям. У них хорошая память. Может быть, не все еще потеряно. Если люди в ближайшее время не совершат очередного преступления по отношению к дельфинам, очередной «ответной акции».

Вот выход: сказать о случившемся, кричать о случившемся! Предостеречь. И ждать. Ах, как необходимо, чтобы люди поняли, что они вышли в своих отношениях с природой на критическую грань!

Гиви уже оделся, когда пришла бортовая машина из дельфинария с размороженной рыбой. Приехала куча народу — Хоттабыч, лаборант, еще кто-то. Стали разгружаться у «хижины».

— Не разгружайтесь! — крикнул им Гиви.

Все недоуменно уставились на него.

— Привет, Гиви,— сказал Хоттабыч.— У нас мало времени. Давай без загадок.

— Дельфины ушли,— сказал Гиви, подходя к машине.— Так что поехали.

— Как ушли?..

— Очень просто. Поехали, поехали...— Он полез в кузов.

— Да как ушли?!

Директору он рассказал все. Пожилой человек с дежурной улыбкой был неспешен. Он не стал кричать «как, как?». Правда,

без улыбки, но спокойно, он выслушал Гиви, весь его короткий сказ, начиная с поступления в дельфинарий «дикарей», кончая гипотезой противостояния дельфинов человеку и освобождением Пирата и Эльмы. Он долго и грустно смотрел на Гиви, и в тишину кабинета стали отчетливо просачиваться голоса из приемной. Директор поиграл пальцами на столе и произнес:

— Вы просто больны.

— Да нет же!..— Гиви стал убеждать его, приводить какие-то доводы. Директор молча слушал.

— Ладно. Оставим это.— Доводы его не убедили. Он твердо знал, как и Николай Гук, что дельфины просто звери, а этот человек, отличный работник, к сожалению, психопат и два года без отпуска. Среди замкнутых, внешне спокойных людей психопатов больше, чем среди явно эмоциональных...

— Запомните, Гиви, вы никого не выпускали. Животные ушли по вашей халатности, за которую вы получите строгий выговор с предупреждением. Нигде никаких разговоров...

— Нужно...

— Можете писать о своей гипотезе статьи, письма, не знаю, что еще. Но *это* ваше действие должно остаться между нами. Иначе вы подведете меня, и не только меня. Считаю, что и Гуку вы не должны....— Директор, опустив голову, постучал пальцами по столу.— У вас, по-моему, не использован отпуск за прошлый год?

— Я не хотел бы...— неожиданно горячо возразил Гиви.— Я не теряю надежды на то, что в ближайшие недели дельфины могут возвратиться к вольере. Понимаете, мне необходимо...

— Ладно. Возьмите одного из «дикарей» и работайте с ним в вольере на поднятом дне. Я скажу Гуку: для подготовки замены Пирату и Эльме. Только не вздумайте и его выпустить!..— Директор встал.— Кстати, напишите докладную о случившемся и укажите в ней, что запланированный эксперимент в открытом море состояться не может.— И неожиданно он улыбнулся, возможно, ободряя Гиви. Но тот вдруг подумал, что это исчезновение Пирата и Эльмы для директора лучше, чем возможный срыв эксперимента.

Дома никого не было. Гиви завалился на диван, как был, в своих старых любимых джинсах и темной рубашке, и сразу заснул.

Разбудил его Николай, бесцеремонно растормошив:

— Почему ты не доложил мне?

— Я не нашел тебя...

— Ты и не искал. Ты их выпустил, Гиви!

— Откуда ты взял?..

— Я знаю. Я тебя знаю!..— Не в силах больше сдерживать себя, Николай схватил Гиви за руки.— Ты их выпустил, ненормальный романтик! Из-за каких-то своих бредней сорвал эксперимент... Я буду требовать, чтобы тебя отчислили. Или ты, или я! Все!..

Гиви не отчислили. Или Николай так и не потребовал этого,

или директор не захотел скандала. Ограничились выговором. Но Гук долго еще не разговаривал с Гиви.

Гиви же вскоре перебрался в «хижину». Он проводил там целые дни, нередко отпускал ночных лаборантов, которых и без вольерных работ не хватало, и оставался ночевать. Погода установилась отличная, море прогрелось совсем по-летнему. Уже через неделю новый подопечный Гиви брал рыбу из рук, шел к нему по сигналу, таскал кольца. Это был игривый, очень милый светло-серый самец, совсем еще молодой. Работа шла удивительно споро.

Вечерами Гиви сидел на теплом галечнике и смотрел, как солнце уходит в море. Это было время отвлеченных раздумий. Давно уже не имел он этого времени. Пожалуй, с отрочества. Дела, какие-то дела, спешка отвлекали его от этого самого главного занятия человеческого — раздумий.

Он смотрел на постепенно переливающееся из цвета в цвет небо, на катящееся и катящееся море, на безучастное сверкание садящегося солнца и думал, что человек слишком увлечен своими технологическими возможностями. Ему необходимо твердо усвоить, что он — лишь часть природы, зависимая от этого целого.

Через неделю у сетевой вольеры появились Пират и Эльма. Гиви ждал их. Он кормил их размороженной ставридой днем, потом вечером, затем утром. Он плавал с ними в открытом море. Они надолго не уходили от него. В середине второго дня он позвонил в дельфинарий и попросил освободить вольеру.

Гиви жил в «хижине» рядом с Пиратом и Эльмой две недели. Дельфины вели себя с ним так, будто ничего между ними не произошло. И они снова стали готовиться к эксперименту.

Страсти улеглись. Однако Гиви остался при мнении, что происходившее с дельфинами все же было связано с расстрелом у острова Тетешима. Письма дельфинологам отправить он, правда, не успел и был рад своей неторопливости.

4

...Гиви видел сон. В светлом зеленоватом мире, непроницаемо загустевавшем где-то вдали, медленно плыл дельфин. Потом сквозь густоту проступили стройные колонны, излучавшая тепло подводная колоннада!.. Потом кто-то схватил его за плечо, он испуганно повернул голову и увидел обнаженного темного человека. В мочках его ушей светились белые раковины, из густых курчавых волос торчали иглы украшений. Человек улыбался, кивал ему, но при этом крепко держал за плечо и встряхивал...

— Гиви, вставай!..

Он ошалело открыл глаза, увидел над собой лицо Вахтанга Го-гия и понял, что это был сон.

— ...вставай! Бора... Сети затягивает под винт... — Вахтанг кричал, но Гиви едва слышал его от страшного гула и воя, заполнявших каюту. Первая же мысль связала бору и дельфинов. Как иск-

ра, в сознании Гиви промелькнуло воспоминание о том шторме, во время которого погибли все дельфины в вольерах, за исключением одного. Рассказ о панике дельфинов, разбившихся о металлические сетевые ограждения, промелькнул мгновенно, и в следующее мгновение Гиви уже натягивал на себя гидрокостюм. Качка была не очень сильной, но судно ощутимо давало крен на правый борт. Вокруг угрожающе трещало и скрипело, что-то каталось по полу каюты в блеклом свете электролампочки. Гиви, ничего не видя и не слыша, застегивал гидрокостюм. Единственным дельфином, спасшимся в тот шторм, была Лариса, десять лет прожившая в вольерах. На ее боку осталась страшная отметина — большое белое пятно, на месте, где была, вероятно, содрана кожа. Одна старая мудрая Лариса не поддавалась панике и старалась держаться в центре своей маленькой вольеры 6×4 метра. А здесь — 6×6, и их там двое...

Ветер едва не сбросил его вниз, назад в лабораторию. Цепляясь за поручни рубки, Гиви двинулся, волоча лапы по палубе, к правому борту. Шквал отдирав от поручней. Стояла кромешная тьма, наполненная бешено несущимися мельчайшими брызгами и воем. Выл и свистел каждый предмет, сопротивлявшийся ветру, каждая снасть. Свет прожекторов пробивался метров на десять. За углом рубки ветер был значительно меньше. У борта, под защитой корабельных надстроек, стояло несколько человек.

— Запаникуют — все!.. — заорал Гиви.

Море у борта было белесым, словно вскипевшее молоко в темноте, и удивительно высоким — почти у фальшборта. Ниже едва угадывался край плавучей клетки, но иногда он стремительно подходил к самому судну, а затем исчезал. В какую-то секунду за этим краем Гиви увидел сквозь пену голову дельфина и, перевалившись через борт, прыгнул в воду. Его сразу же оглушил град мельчайших камней. Откуда?.. Они били по лицу, по рукам, которыми он пытался защититься. Гиви занырнул, и только когда снова вынырнул, понял, что это вовсе не камни, а брызги, несшиеся на громадной скорости над поверхностью воды. Ураганный ветер, падавший с гор на море, словно бритвой срезал волну, дробил ее на мельчайшие части, превращая в брызги, пену, и все это гнал по бухте с северо-востока на юго-запад.

Вода вокруг Гиви кипела белым, пронизывающе холодным кипением. Густой морозный пар не давал вдохнуть. Ничего, нужно подставлять ветру затылок... Но где же дельфины? Он хлопнул ладонью по воде, как делал это обычно в бассейне, подзывая животных, и сам не услышал хлопка. Глупость... Но в следующую секунду он почувствовал у своего правого бока тело дельфина. Такое привычное, прекрасное ощущение! Еще мгновение, и слева от него стоял второй дельфин. Они пришли четко, как на тренировке, стали по бокам, готовые к работе. Пират — справа, Эльма — слева. Он похлопал животных по спинам и прошептал счастливый, стискивая зубы:

— Молодцы... ребята... — Потом взялся за их спинные плавники, и они понесли его по периметру клетки. Они буксировали его по всем правилам преподанного им искусства, легко и стремительно, как на тренировке в бассейне. Словно море не кипело вокруг и падавший с гор бора не искал их смерти.

С корнем выворачивало и ломало деревья где-то на земле, срывало крыши домов, где-то недалеко выбрасывало на берег корабли, а два дельфина весело несли избиваемого камнями-брызгами Гиви по кругу в смертельной загородке 6×6 метров. И он орал что-то, захлебываясь холодной пеной, будто шампанским. Он словно сошел с ума.

«Вечный поиск» разворачивало и несло на берег, якоря не удерживали его. Сети плавучей клетки оказались у кормы, в опасной близости от винтов. В этой отчаянной обстановке Вахтанг Гогия принял решение рубить канаты к клетке.

Машина работала на «полный вперед», выбрали якоря, и судно медленно стало отходить от мелководья, с трудом преодолевая ветер. А за кормой, в бушующей предрассветной мгле, исчезла плавучая клетка с человеком и двумя дельфинами. И все тринадцать оставшихся на борту с ужасом думали о них.

Ветер усилился. Может быть, от того, что исчезла последняя защита от него — борт «Вечного поиска». Гиви видел, как меркнут в несущейся водной пелене корабельные огни.

Нижняя рама клетки была уже о дно. Доску настила, одну из четырех, сорвало и унесло. Вторая прыгала на растянутых завязках, словно рвущееся на свободу связанное животное. Крепления понтонов заметно разболтались. Даже сквозь шум бури до Гиви временами доносился скрежет болтов, соединявших сварные «уголки» рамы с трубами. Клетку кидало вверх-вниз, швыряло из стороны в сторону, скручивало. Боковины сетей, оторванные во многих местах от нижней рамы, и высвободившаяся часть сетевого дна захлестывались вовнутрь клетки, и Гиви со страхом думал, что станет с дельфином, который запутается в них.

Животные вели себя спокойно. Возможно, потому что он был рядом? Гиви старался постоянно держаться в центре клетки и периодически хлопал ладонью по воде, подзывая их. Дельфины выставлялись вертикально из воды, все внимание их было устремлено на него, они ждали его команд. Но Гиви боялся теперь из-за сетей плыть с ними по клетке и просто гладил их, ласкал, успокаивал.

Гиви не думал о том, что со всеми ими, сведенными случаем в сетевой мешок среди разъярившейся стихии, будет дальше. У него не было на это ни времени, ни душевных сил. Ему только было ясно, что эти дельфины, ставшие за два с половиной года близкими ему, как друзья, должны остаться жить. И он, Гиви, затянувший их в эту паршивую историю, ответствен за них. И еще в глубине его сознания жила вера в то, что всем им — Пирату, Эльме, Гиви, ос-

тавшимися на корабле ребятам — предстоит еще сделать очень много.

Сколько он находится в воде, Гиви не знал даже примерно. Вода и воздух, смешавшиеся в неистовом потоке, из холодных превратились в ледяные. Они жгли сквозь гидрокостюм, сковывали стужей мышцы, сводили судорогой тело. Как долго это еще может продлиться?.. Гиви вдруг охватила тоска. Это был не страх, а именно смертная тоска — неторопливое щемящее чувство, чуждое панике и наполнившее его сразу всего, до краев! Уставшее тело делало привычные движения, державшие его на плаву, рот хватал влажный воздух, выплевывал горькую воду, легкие с хрипом выталкивали облачка пара, которые тут же смахивало с губ, а мозг тяжелел, наливался ленью, давил, смежая веки.

Сквозь эти стремительно затоплявшие Гиви тоску и сонливость проступали воспоминания, теплые, как чистая собачья спина. Да ведь это и был Абрек — громадная короткоухая голова, добрые печальные глаза, мокрый нос... Маленький Гиви повис на мощной шее, поджал ноги... Но они все равно касаются чего-то. Нет, это не земля, это что-то зыбкое, запутывающее... Сеть! Гиви очнулся. Металлическая рама неслась на него, ласты уже лежали на вздувшейся горбом сети. Гиви, закинув руки, упал на спину, сильно, как мог, оттолкнулся ногами, ушел под воду. Когда он вынырнул в середине клетки, первое, что он увидел, — был Пират. Дельфин стоял рядом с ним в вертикальной позе, чуть боком, и смотрел на него круглым, широко открытым глазом. Пена переклестывала через Пирата, окутывая белым густым облаком, в котором животное моментами превращалось в расплывчатую тень, в призрак, но в следующее мгновение белое месиво редело, и Гиви снова четко видел дельфина и изучающий его глаз.

— Без паники... — Гиви остервенело заработал руками, согреваясь. Сил у него хватит, вот тепла бы немного...

Оторвало и унесло один понтон, и теперь верхняя рама давала крен. На одной из ее сторон образовался угрожающий горб — толстые трубы изогнуло, словно бамбук над огнем.

Серый рассвет виделся Гиви, как из кипящего жидким зловонием котла. Корабельные огни снова были совсем недалеко. То поднимались, то опускались, утопая в бушующем море, смещались влево, вправо, огни надежды...

«Вечный поиск» удерживался на сравнительно безопасном расстоянии от мелководья, непрерывно маневрируя, чтобы не оказаться бортом к ветру. С судна видели плавучую клеть в нескольких сотнях метров за кормой, но подойти к ней было невозможно. Корабельный ял быстро заполнялся водой, и идея спустить его на веревке по ветру к клетке была сразу же отвергнута. Оставалось одно — завести на клетку конец в плыв. Не раздумывая, Николай спустился в лабораторию и стал натягивать гидрокостюм.

Все, кто не был в машине, на мостике или у якорей, собрались у борта и вглядывались до рези в глазах в серый мечущийся полумрак, в котором появлялась и исчезала плавучая клеть. Что там творилось, никто не знал. Иногда кому-то казалось, что он видит голову человека или дельфина. Никто не замечал пронизывающего ветра, качки, промокшей до последней нитки одежды. Никто не сомневался в том, что нужно плыть.

Холод сразу захлестнул Николая. Уже через несколько минут все тело набухло стужей, как губка влагой. Мелкая бухта быстро охлаждалась ветром, который стремительно нес Гука к плавучей клетке. На судне едва успевали стравливать веревку.

Гиви заметил Николая, только когда его голова поднялась на волне над самым краем рамы.

Гук был хорошим пловцом, работал в вольерах с дельфинами, имел, как все профессиональные дрессировщики, специальную водлазную подготовку. Он верно оценил сложную обстановку у плавучей клетки и, выждав момент поспокойнее, ринулся к понтону, уцепился за него и снова стал ждать, когда море даст ему мгновение, чтобы забраться в клеть. Конец капроновой веревки с петлей он намотал на ладонь и крепко сжимал в кулаке. Сколько сил и старания прилагала стихия, чтобы оторвать его от понтона!

Оказавшись в клетке, Николай подплыл к Гиви и крикнул:

— Как вы тут?

Оглушающий шум бури не пропускал посторонних звуков, но Гиви понял его. Волна пены накрыла их, а когда прошла, Гиви, отплевываясь, прокричал в ухо Николаю:

— Они работают, Коля! Как ни в чем не бывало!.. Им плевать на все штормы! — И Гиви хлопнул ладонью по воде, подзывая дельфинов, и стал показывать Николаю, как четко животные исполняют команды.

— Э-это... ч-чудо!.. — дрожа всем телом, орал Гук.

— И без всяких подкреплений! — в восторге орал ему в ответ Гиви.

В эти минуты не было, наверное, на свете людей более близких друг другу, чем они.

Потом они стали привязывать капроновую веревку к раме. Сеть, временами вздуваясь, отталкивала их от края клетки, буруны разбивавшихся о трубы волн и яростный ветер вырывали из рук веревку. Казалось бы, что сложного — завязать крепкий узел?..

Уцепившись одной рукой за трубу, захлебываясь, Николай пытался завести под нее конец веревки, а Гиви, тоже держась одереvenелыми негнущимися пальцами за раму, старался подхватить ее снизу. Наконец это удалось ему, он дернул веревку на себя, Гук отпустил ее, а в следующее мгновение произошло непоправимое: конец выскользнул из непослушных рук Гиви, юркнул, как змейка в траве, и исчез.

Они держались посредине клетки, тяжело дыша. Их поднимало и опускало, белое неистовое месиво несло над ними, накрывало с головой, но они, похоже, ничего уже не замечали. Словно понимая, что у людей произошло несчастье, Пират и Эльма стояли рядом, выставившись вертикально из воды.

Николая била дрожь, ноги немели.

— Против ветра... не выплыть... — прошептал он. Гиви понял его, потому что думал о том же. И неожиданно решил: «Надо попробовать, пока еще есть силы!..»

— Оставайся! — крикнул он Гуку. — Я сейчас...

На «Вечном поиске» поняли, что случилось, и судно снова опасно близко спускалось по ветру к мелководью, на котором било клеть. В мутном свете утра Гиви время от времени видел корабль отчетливо. Отсюда, из воды, расстояние до него казалось катастрофически большим. Он изо всех сил работал ластами, но этот кусок бушующего моря, отделявший его от борта, сокращался мучительно медленно. Теперь Гиви старался не смотреть в ту сторону, чтобы окончательно не потерять надежду.

Гиви всю жизнь провел у моря. Еще с несмышленных мальчишеских лет, а теперь их всего наберется уже около тридцати. Он чувствовал себя в море не хуже, чем на земле. А может быть, даже и лучше. Он не боялся моря, знал его и почти не уставал в нем. По крайней мере, не больше, чем на земле. Он любил его и в погожие дни, когда оно синело и сверкало за их забором, и в свинцовой непроглядности шторма, который сотрясал их дом. И вот теперь оно убивало его и готово было убить по его вине близкие, верившие ему существа. Здесь, в этом ничтожно маленьком мирке, ограниченном несколькими сотнями метров, сошлись воедино любовь, вера и смерть. Люди нашли для этого соседства точное слово — героизм.

Последняя настильная доска, оторвавшись от рамы, ударила Николая по голове и унеслась, словно бора, играя, щелкнул его своим твердым пальцем. В глазах потемнело, тело обмякло, ласты гирями потянули вниз. Гук, бессмысленно и слабо двигая руками, пошел ко дну.

Он пришел в себя на поверхности, вздохнул, закашлялся и почувствовал под спиной твердое и округлое. Гук понял, что его выталкивал дельфин. О, они большие мастера взаимопомощи в воде! Эволюция, вернувшая воздуходышащих в море, научила их этому.

Превозмогая слабость и боль в груди — «надышался» водичей. — Николай добрался до понтона и повис на нем. Здесь бросало и било волной больше, но зато можно было отдохнуть, не двигаясь, вцепившись руками в понтон.

Время потеряло измерение. Как огромная накатная волна, оно растягивалось до бесконечности и сжималось до едва при-

метного всплеска. «А ведь долго мне не протянуть», — неожиданно отрешенно подумал Гук.

Гиви увидел двигавшуюся к нему лодку и с неведомо откуда прихлынувшими силами заработал деревянными ногами. В лодке сидел кок Ерошка. Лицо его было таким пунцовым, словно он только что выскочил из парной. От него пышело жаром, а скорее всего он просто ооченел на ветру, и Гиви неожиданно вспомнил свой сон, привидевшийся перед тем, как его разбудил капитан. Теплые колонны из туфа под водой...

Намотав на руку переданный Ерошкой конец, Гиви отдался во власть ветра и волн, и те снова понесли его к клету.

На этот раз они привязали капроновую веревку к раме. Наполнину оторвало второй понтон, и клету теперь заваливало набок, невообразимо перекручивало, она превращалась в нечто опасно бесформенное. Неожиданно в ней вздулся большой сетевой мешок, наполнив половину. Эльма оказалась под этим упругим мешком, дно клетки не давало ей уйти оттуда. Гиви и Николай смотрели, как бьется под сетью животное, но ничем не могли помочь ему. И тут Пират, выпрыгнув из воды, упал громадным двухсоткилограммовым телом на вздувшийся мешок, промял его, и в тот же миг Эльма выскользнула из-под сети.

Ураган и море совершенно обезумели. Они мчались на людей в клету, прижимали их к раме, где бушевали водовороты, буруны, горы пены. И в тот момент, когда каждый из них понял: это конец, — все прекратилось.

Привычный ураган показался им почти штилем. Мешок опал. Они отплыли в середину клетки. Едва держась в воде от усталости, Гиви хлопнул ладонью, подзывая дельфинов, и те появились рядом, спокойно выставились из воды. Однако тут же ветер и волны ускорились, опять вздулся мешок, а когда снова опал, Гиви увидел, что Николай показывает ему рукой вниз. Нижняя рама, почти оторвавшаяся от растяжек и сети, косо висела в воде. Дна не было. Гиви понял, что их сняли с мели и подтаскивают к «Вечному поиску». Так вот откуда эти «мешки»! На корабле теперь видели, наверное, что у них здесь происходит... От одной этой мысли стало легче.

Было уже совсем светло. Наступавший серый день прорисовал бухту, захваченную ураганом, в уныло-однообразных тонах: серое небо, серое, опущенное белесой пеной море, бесцветные берега и деревья, гнущиеся и стремительно теряющие листву под ветром, туманно-расплывчатые горы, какой-то широкий корабль, как большой уют, выброшенный на серый прибрежный песок...

Плавучая клету двигалась в полукабельтове за кормой, тридцатимиллиметровый капроновый канат был натянут металлической струной, и все находившиеся на палубе, что бы они ни делали, как замороженные все время возвращались к нему взглядом.

— Капитан! По фалу, кажется, пошел Николай!.. — крикнул Ерошка стоявшему рядом Вахтангу Гогия.

Гук медленно перебирал руками по капроновому канату, двигаясь к судну. Натужно подтягивался, замирал, выбрасывал вперед руку, снова подтягивался, замирал... Метрах в тридцати от клетки веревка поднималась над водой и исчезала в мглистом воздухе, уходила к далекому борту «Вечного поиска». Здесь Николай остановился. Гиви видел, как дергалась под ударами волн его голова. В истерзанном теле Гиви не осталось места для отчаяния, он только подумал: «Это нелепо, погибнуть у самого борта...» Он посмотрел на дельфинов, которые, выставившись из воды, казалось, наблюдали за уходящими от них людьми, и полез на понтон. Последнее, что он увидел из клетки, была шлюпка, подходившая к висевшему на канате Гуку.

Напряженно натянувшаяся капроновая веревка показалась Гиви вдвое тоньше той, с которой он недавно мчался к клетке.

5

Их долго растирали, поили крепким чаем. Но Николай еще много часов безучастно лежал под горой одеял и стеганок.

Гиви же согрелся и пришел в себя довольно скоро. Около девяти часов он был уже на палубе и с горечью и страхом наблюдал, как безжалостно стихия разрушает плавучую клетку. Со вздымающимися горбами погнувшихся труб, с захлестывающимися и вздувающимися сетями она выглядела настоящей западней для двух дельфинов. Все на судне думали сейчас об одном, почти молились: хоть бы они вышли из нее! А высокая бетонная стенка причала, надежная защита, находилась в нескольких десятках метров!

С носа «Вечного поиска» с большим трудом, невзвешивая с какой попытки, завели на причал конец. Ветер останавливал лить с грузом на полпути, а потом швырялся им, словно бумерангом, в судно. Однако подойти к причалу и после того, как там стали выбирать девятидвухдюймовый носовой канат, оказалось непросто. Бора набрал силу и злорадно упирался всеми своими метрами в корму, не позволяя ей подойти к стенке. Судно маневрировало, стали заводить конец с кормы. А там, среди искореженных труб и рваных сетей, ждали Пират и Эльма...

Гиви, отдавший этим двум животным так много из своих последних лет жизни, вцепившись в поручни фалышборта, клял себя за то, что не прихватил, уходя в воду, нож (он, опытный подводник!) и был лишен возможности выпустить дельфинов перед тем, как покинуть клетку.

Дельфины вели себя превосходно. Они старались держаться в середине изувеченной клетки, разумно и спокойно помогали друг другу освобождаться от сетей. Они казались уверенными в том, что их не оставят в беде. В их спокойствии Гиви виделась вера их в людей, и от этого ему сделалось невыносимо тяжело.

Совсем рассвело. Наступил серый день урагана. Гиви иногда

даже различал животных, но когда из клетки через образовавшуюся в сетях дыру вышел Пират, не заметил.

— Один дельфин вне клетки! — крикнул в мегафон Вахтанг Гогия.

Пират не уходил далеко от дыры, через которую вышел, словно приглашая Эльму последовать его примеру. И Эльма заволновалась. Она ринулась вперед, но в этот момент сеть вздулась кошелем, дыра ушла кверху и Эльма оказалась в мешке. Она тщетно билась в капроновых сетях.

Гиви закрыл глаза. Только теперь он ощутил, как устал. Смертельно устал.

Аванес поднялся на мостик.

— Ну как тут?

— Погоди!.. — хрипло прервал его Вахтанг, глядя на бьющегося в сетях дельфина. И Аванес застыл рядом — он все понял.

Судно и сеть взлетали и падали на волне, время от времени из поля зрения людей исчезала картина безнадежно проигранной битвы животного с сетью. Развернуться в мешке двухметровая Эльма не могла, уйти оттуда задом — тоже. Но Пират не сдавался, спасал свою Эльму. Он стремительно разогнался на коротком отрезке и боком, мощно ударяя о бок Эльмы, выбивал ее из мешка. И с третьей или четвертой попытки это удалось ему. Еще через секунду Эльма, проскользнув в дыру между рамой и сетью, уже была на свободе.

Ветер гнал через «Вечный поиск» тучи мельчайших брызг. Вахтанг Гогия почти совсем перестал видеть. Подавшись всем телом вперед, протирая закопченнейшей ладонью глаза, он вдруг понял, что плачет. Стоявший рядом Аванес шептал:

— Уйду... Рыбу ловить уйду...

Пират и Эльма, едва вырвавшиеся из западни, еще минут десять не уходили от клетки. Только когда судно уже швартовалось у причала, животные исчезли в водах бухты.

Клеть подтянули ближе к борту, и она, искромсанная, успокоенно закачалась на волне. Это было сверхнесправедливостью, нелепым и безжалостным капризом судьбы. Все четырнадцать человек на «Вечном поиске» теперь, стоя под защитой бетонного причала, болезненно переживали случившееся, как свое общее поражение. Единственным их утешением была мысль, что дельфины все же не погибли.

Ураган продолжался. Видимость в бухте была очень слабой, но Гиви, а позже и Николай вели непрерывное наблюдение. Они были уверены, что дельфины далеко не ушли. Эта уверенность передавалась всей команде. Вскоре наблюдение вели уже со всех стоящих в бухте судов.

К десяти часам утра ветер резко сдал.

После полудня с маяка на мысе сообщили, что в море у входа в бухту заметили дельфинов. Через час пришел пограничный быстороходный катер, на котором Николай и Гиви до шести вечера об-

следовали прибрежную зону до мыса Идоконас. Им встретилось небольшое стадо морских свиней. Возможно, именно их и видели с маяка. Из-за высокой волны наблюдать поверхность воды было очень трудно.

Весь следующий день, несмотря на ослабление ветра и солнечную погоду, шли большие, с барашками, волны — море никак не могло забыть ураган. «Вечный поиск» упорно рыскал с утра до позднего вечера по беспокойному Черному морю, и все свободные от корабельных работ торчали у бортов, до ряби в глазах вглядываясь в проклятые катящиеся и катящиеся волны.

Наконец на третий день море успокоилось. Около одиннадцати часов в районе поселка Дивноморск Гиви заметил дельфинов-афалин. Их было шесть-восемь голов, не больше, в миле — полутора милях от «Вечного поиска». Судно шло к ним полным ходом. Сердце Гиви готово было выпрыгнуть из груди, во рту пересохло. Он почему-то сразу поверил, что Пират и Эльма — там.

Но дельфины, подпустив судно на несколько кабельтовых, стремительно ушли в открытое море.

— Их испугал шум машины, — сказал Вахтанг Гогия.

— Пират и Эльма не ушли бы... — хмуро заметил Гиви.

Настроение у всех было кладбищенское.

На четвертый день рыбаки сообщили, что видели дельфинов в бухте. И опять мчался «Вечный поиск», и снова ярко вспыхнула надежда, и тяжело билось сердце Гиви.

У мыса Толстый они обнаружили шесть голов азовок.

Вечером из института пришла телеграмма, приказывающая экспедиции немедленно сворачивать розыскные работы и возвращаться на базу.

— Этого нельзя делать! Пират и Эльма где-то рядом, — убеждал Гиви. — Четыре-пять дней — не время для того, чтобы встретиться в такой акватории... Ведь мы просто не можем встретиться... — Каким он мог быть красноречивым, этот молчун Гиви!

Приказ есть приказ, но Николай все же решил еще денек поискать.

Утро пришло ясное, безоблачное и безветренное. Вода в бухте, казалось, стояла недвижимо, как в лесном омуте. И была такая же мутная. По ней плыли белесые и голубые медузы.

У выхода из Геленджикской бухты сразу же наскочили на стадо дельфинов. Но это были азовки, голов двадцать.

— Хорошее предзнаменование! — сказал оптимист Аванес.

С мостика и от фальшбортов смотрели во все глаза и во все имевшиеся на судне бинокли. Николай и Гиви стояли рядом. Они мало разговаривали друг с другом в эти дни. Как обычно. Было похоже, что пережитое ими в плавучей клетке все же не сблизило их.

— Не встретим сегодня — уйдем? — тихо спросил Гиви.

— У тебя есть свой вариант? — Может быть, Гук в глубине души негодовал на Гиви за тот необговоренный импульсивный

поступок, с которого началась их забортная эпопея. Об этом ничего не было сказано. Наверное, дельфины действительно запаниковали бы и погибли, не войди сразу к ним в клеть Гиви. Скорее всего так и было бы. Однако решение мог принять только он, Гук. Но этого или иного решения от него не дождались.

— Не раскисай, Гиви. Просто в этот раз нам не повезло. Будем готовить новых животных. Конечно, год, а то и два потеряли...

Гиви вдруг подумал, что Николай, входя в воду во время урагана, больше беспокоился о своей, как начальника экспедиции, ответственности за возможные последствия его, Гиви, действий. И устыдился этих мыслей. Николай был решительным и отважным человеком, так думать о нем просто подлость.

Гук опустил бинокль, потер уставшие глаза и неожиданно сказал:

— А ведь твои дельфины, Гиви, спасли мне жизнь.— И рассмеялся.— Может быть, они приняли меня за тебя?

Гиви усмехнулся.

— Эти дельфины спасли бы любого человека. Они мудрее нас, Коля.

— Пожалуй,— буркнул Гук и снова уставился в окуляры.— Да, я вот что хотел сказать тебе...— Николай не отнимал бинокля от глаз.— Все это... в ураган... было по плану. Я один несу ответственность за все. Эти дельфины стоят государству больших денег...

Гиви удивленно повернул к нему лицо.

— Ты меня понял, Гиви? Это я послал тебя в клеть.

Они смотрели теперь друг другу в глаза. И Гиви усмехнулся, пожал плечами.

— Как хочешь, Коля...

— Так будет правильно.

— А ты послал бы?

— Не знаю...

Около двух пополудни на траверзе мыса Идокопас заметили двух дельфинов-афалин, спокойно плававших невдалеке от берега.

— Посмотри.— Николай протянул Гиви бинокль. Тот смотрел долго.— Похожи, а?

Гиви как-то затравленно глянул на него и глухо произнес:

— Я пойду к ним.

Гук кивнул.

Близко к дельфинам подходить не стали, чтобы не вспугнуть. Гиви в гидрокостюме прыгнул за борт. И в это время Николай увидел чуть в стороне еще пять дельфинов, а мористее — большое стадо, голов в пятьдесят.

Море было довольно спокойным, и Гиви быстро приближался к дельфинам. Вскоре он тоже заметил еще несколько животных невдалеке. Дельфины, играя, отходили в море, и Гиви все плыл и плыл за ними. Конечно, Пират и Эльма не стали бы уходить от него... Но там, дальше, он увидел много животных и продолжал плыть к ним. В большом стаде Пират и Эльма могли сразу и не за-

метить его. Дельфины плавали вокруг метрах в десяти-пятнадцати. Он различал их круглые любопытствующие глаза. Гиви останавливался, хлопал ладонью по воде, снова плыл, опять останавливался и звал.

Теперь он знал, что способ передачи команд дельфинам пока еще не совершенен. В этом главное в общении человека с морским «конем»... Дрессируя дельфина для аварийно-спасательной службы, надо быть уверенным, что он исполнит приказ в любой ситуации — отнесет донесение в нужную точку, поможет в промысле, в спасении людей при эвакуации их с тонущего корабля... Дельфин, как лошадь, будет бросаться по команде даже в огонь... Все дело в «языке», в способе передачи ему команды на расстояние...

Солнце садилось на море, слепило своей яркостью, но тело прохватывало холод. С «Вечного поиска» все повторяли через радиотрансляцию: «Гиви! Их там нет, возвращайся!» А он все плыл и звал. Это была последняя надежда. И она рушилась. Да, конечно, их здесь не было. Но ведь они были где-то рядом, в другом стаде, может быть, в нескольких километрах от него!

Они сейчас, наверное, тоскуют без людей, без привычной размороженной ставриды. Гиви вспомнил, как когда-то в вольере обученный дельфин ловил и выбрасывал ему кефаль, а он поощрял его размороженной рыбой...

Они, наверное, тоскуют сейчас. Как собаки, утратившие хозяев. А возможно, как люди, разлученные судьбой со своими близкими. Гиви был убежден, что Эльма услышит его зов и подплывет к нему...

АДЛЕР ТИМЕРГАЛИН

НАЧАТЬ СНАЧАЛА

1

Настольная лампа тускло освещала тесную комнату. В круге света лежали две бумажки. Первая была деловым письмом, в котором директорат фирмы обвинял Олдриджа в поломке синтезатора и считал себя свободным от взятых обязательств. Второе письмо написано от руки: «Рэй! Если можешь, прости. Ты превратил меня в домашнее животное, но я попытаюсь начать все сначала. Прощай. Линда».

Да, крах наступил слишком неожиданно. Многообещающее открытие, долгая каторжная работа, надежды на профессию — все полетело к чертям. И Линда ушла. Не выдержала нищенского существования, сырой квартиры, озлобленности мужа. И правильно сделала. Может быть, ее жизнь еще сложится...

— Конец! — крикнул Рэй.

Вернее, хотел крикнуть, но вышел лишь хриплый шепот.

Как славно все начиналось! Идея получения сахара прямо из воздуха (благо в нем есть углерод, водород и кислород) заинтересовала крупную фирму. Еще бы — ведь это была не просто идея, а почти готовая технологическая схема. В случае удачи Олдридж засыпал бы мир сахарным песком. Однако на деле все оказалось гораздо сложнее. Работа затягивалась, неожиданно возникали подводные камни. Свободного времени становилось все меньше. Он перестал водить Линду в парк, на концерты, в кино. Он вынудил ее бросить работу в детском саду (а она так любит детей!), заставил перепечатывать рабочие дневники, отчеты, заявки на химическое оборудование.

Всему конец...

Рэй пошел на кухню и сунул голову под кран. Затхлая вода не освежала. Стороной прошла мысль: вот было бы хорошо, если бы кран стал ножом гильотины и разом отсек все мучения. Но он даже умереть не может. У него нет хорошего ножа, револьвера.

Рэй Олдридж подошел к газовой плите и потянулся рукой к замызганному крану. Напустить полную комнату газу, чиркнуть спичкой — и конец проблемам.

— Не торопись, дружище.

— Что? — Рэй вздрогнул от неожиданности и оглянулся. В квартире никого не было.

— Не торопись.

— Кто здесь? — спросил Рэй, опуская руку.

— Пожалуйста, не пугайся. — Голос как будто шел из газовой плиты. — Я хочу помочь.

— Кто вы? Где?

— Можешь рассматривать меня как кибернетический аппарат.

— Робот? Вычислительная машина?

— Скорее темпоратор.

«Схожу с ума», — подумал Рэй.

— Что такое темпоратор?

— Это такое приспособление для исправления причинно-следственных геодезических линий. Я могу изменить твою хроноординату. Могу забросить в завтра, могу переместить в позавчера. Понимаешь?

— Не понимаю. Откуда ты взялся?

— Меня оставили, по-вашему говоря, пришельцы. Представители другой цивилизации.

— Зачем?

— Ваш мир дефектен, противоречив. Вы прогрессируете слишком медленно, потому что враждебно относитесь к окружающей среде и друг к другу. Талантливые люди заражены летальным геном.

— Это правда.

— Тебя прогнали с работы, потому что секретарь второго директора подсыпала в бункер синтезатора железные опилки.

- Зачем?
- На вакантное место возьмут ее мужа.
- Боже мой, какая низость...
- Я предлагаю слегка скорректировать прошлое. Два года назад секретарша вместе с мужем попали в автомобильную катастрофу и чудом спаслись. Может быть...
- Нет, нет, ничьей смерти я не хочу!
- Вспомни, она погубила тебя!
- Нет, нет.— Вдруг острая мысль пронизала Рэя.— Послушай, если вернется прошлое, значит, и Линда вернется?
- Определенно сказать трудно. Может быть.
- Может быть? — Рэй задохнулся.— Темпоратор, прошу тебя... вас... умоляю... Сделай так, чтобы Линда вернулась!
- Тогда придется начать с более раннего времени. Вы познакомились пять лет назад?
- Да, в Технологическом институте.
- Вот и поехали туда...

2

Сад был залит солнцем.

Рэй Олдридж, дипломник Технологического института, сидел на голубой скамейке. Как известно, старики на таких скамейках не сидят, да и бродяги обходят их стороной. Голубые скамейки — только для влюбленных.

В руках Рэя был свежий номер еженедельной литературной газеты, которую он с увлечением читал. Правильнее сказать — в десятый раз перечитывал свою первую литературную публикацию, отрывок из романа. Рэй безрезультатно обивал с ним пороги многих издательств, пока не встретил благодетеля. Старый литературный волк сразу оценил свежесть и остроту романа, но одновременно понял, что без предварительных публикаций ничего не получится.

В дальнем конце аллеи показался девичий силуэт.

— Линда! — сорвался с места Рэй.— Иди скорей!

— О, Рэй, привет!

— Смотри.

— Неужели напечатали? Поздравляю, Рэй.— Девушка поцеловала его в щеку.— Писатель Рэй Олдридж — как это здорово звучит! А я буду Линда Олдридж...

Рэй отвел глаза.

— Мама считает, что о замужестве говорить рано,— тараторила Линда.— Твердит, что сначала надо стать педагогом. Как будто я не люблю детей!

— Со свадьбой придется подождать,— нерешительно сказал Рэй.

Линда замерла, даже дышать перестала.

— Понимаешь, мне сначала надо крепко стать на ноги.

— Ты же в этом году кончаешь институт...

— Я решил его бросить.

— С ума сошел! Ведь осталось всего лишь дописать дипломный проект.

— Напрасная трата времени. Меня приглашают в литературный отдел этой газеты. Правда, платят мало, но я выпущу роман, напишу второй. У нас будет куча денег. Купим коттедж, яхту, совершим кругосветное путешествие.

— И когда это будет?

— Ну, я не знаю... Лет через пять, семь... Линда!

Девушка резко встала и ушла.

Книга Рэя Олдриджа появилась через три года. В ней описывалась жизнь нынешних ученых, их продажность и неразборчивость в средствах. Автор сожалел о временах Фарадея и Циолковского, Хевисайда и Эйнштейна. Современные ученые, по его мнению, мало чем отличаются от проституток, они торгуют собой и своими открытиями.

У романа объявилось много противников, и это способствовало успеху.

Вторая и третья книги не заставили себя ждать. Они были встречены восторженно. Критики и знатоки литературы в один голос твердили, что вернулись времена Свифта, Рабле и Салтыкова-Щедрина.

Вместе со славой пришли деньги. Олдридж купил особняк в стиле ретро, в горах построил дачу, на берегу океана — виллу. Женщин в доме писателя не было. Обязанности кухарки выполняла автоматическая кухня, запрограммированная на сто блюд. Разумеется, поклонницы досаждали письмами, но Олдридж их не читал. Переписку вел целый штат секретарей.

В зените славы Рэй вдруг затосковал и написал письмо Линде. Ответ был исполнен недоумения и холода: «Рэй Олдридж становится на колени перед ничем не примечательной женщиной. Положение более чем странное для знаменитого писателя. Я работаю воспитательницей и другой судьбы не хочу. Прощай».

Четвертый роман Олдридж так и не закончил. К этому времени он был безнадежным алкоголиком и наркоманом. Издатели разорвали контракты. Осталось последнее средство, на которое хватило сил и решимости: револьвер.

Рэй выдвинул ящик стола.

— Не торопитесь, прошу вас.

— Что?

— Не торопитесь и не пугайтесь. Это не белая горячка, не наркотическая галлюцинация. Я вполне реален.

Олдридж посмотрел вокруг себя, заглянул под стол — нигде никого.

— Кто здесь?

— Я темпоратор. Аппарат, который спасет вас.

— У меня нет такого аппарата.

— Выслушайте, Олдридж. Много лет назад меня оставили на вашей планете представители иной цивилизации.

— Зачем?

— Чтобы спасти талантливых людей от трагических случайностей.

— Ничего не понимаю.

— Все достаточно просто. Ваше нынешнее положение связано с ошибкой, совершенной несколько лет назад. Ошибка эта поправима. Я возвращу вас в прошлое, дам возможность начать сначала.

Олдридж застонал:

— Линда! Самая страшная ошибка — Линда!

— Вы так думаете?

— Послушайте,— подозрительно сказал Олдридж, собирая остатки оборванных мыслей.— Мне кажется, что мы когда-то разговаривали. По-моему, вы уже пытались исправить мои ошибки.

— Это так называемая ложная память,— спокойно сказал темпоратор.— Я вмешиваюсь один раз и навечно.

— Значит, вы можете вернуть Линду?

— Попытаюсь.

3

Рэй Олдридж сидел за столом в своем кабинете. Вокруг были навалены книги, тетради, переплетенные отчеты, разрозненные бумаги. Ученый писал разноцветными фломастерами на большом листе ватмана. Из путаницы химических символов, цифр, тонких черточек валентных связей все явственнее проступала формула искомого соединения.

Входная дверь резко открылась.

— Война! — тонким дрожащим голосом закричала Линда.— Мы объявили войну Восточной Монтэне.

Рэй едва оторвался от формулы.

— Война? Какая война?

— Только что сообщили по радио!.. Уже идет всеобщая мобилизация.

— Восточная Монтэна? Где это? — Олдридж вдруг рассердился.— Послушай, какая может быть война? Недавно мы провозгласили три принципа вечного мира!

— Рэй, Рэй, не будь ребенком!

Она схватила его за руку и повлекла в соседнюю комнату, где стоял телевизор. Рэй сначала упирался, а потом со смехом сказал:

— Что ты тащишь меня как барана?

На экране телевизора мелькали картинки с боевыми эпизодами. Камеры, видимо, были установлены на вертолетах. В клубах фиолетового дыма разворачивались колонны танков, ракетных установок, дергались стволы крупнокалиберных пушек. Сквозь вой и грохот едва пробивался голос комментатора:

— Наши танковые клинья прошли сквозь поля и леса против-

ника. С минуты на минуту ожидается высадка «кованых башмаков».

— Боже мой! — ужаснулась Линда.

Комментатор торжествовал:

— На южном фронте впервые применен нервно-паралитический газ. Более пяти тысяч вражеских солдат выведены из строя.

— Что он говорит? Как это можно?

Рэй ничего не слышал. Он выписывал на газетном поле длиннейшую структурную формулу.

— Рэй!

— Слышу, дорогая, слышу...

— Ты говорил о каком-то газе, полученном в лаборатории.

— Разумеется, дорогая...

— Рэй, оторвись от своей бумажки! Что за газ ты синтезировал?

— Обыкновенный инсектицид. Рядовая работа.

— Для человека он опасен?

— Как можно, дорогая! В таких концентрациях он опасен только для насекомых. Воздействует на нервные центры...

— А если концентрацию увеличить?

— Ну что ты! Какому дураку это придет в голову?

— Твоим газом убили пять тысяч человек!

— Что ты говоришь? Ты с ума сошла!

— Это ты сумасшедший убийца! Послушай, что вещает этот диктор...

Линда вырвала из рук Рэя газету, разорвала на куски и бросила на пол. Потом резко повернулась и выбежала из комнаты.

На другой день радио, телевидение и газеты сообщили об использовании нервно-паралитического газа против мирного населения Восточной Монтэны. Женщины и дети гибли на пороге дома, во дворе, на улице. Некоторые вечерние газеты поместили протесты видных ученых. Одновременно в официальных органах отцом нового газа и национальным героем был провозглашен Рэй Олдридж.

Линда домой не вернулась.

Рэй был слишком далек от действительности, чтобы иметь револьвер или уметь завязывать петлю. Впрочем, химик не нуждался в этих примитивных приспособлениях. Он быстро нашел в столе нужную таблетку, разделил скальпелем на четыре части и одну бросил в мензурку с дистиллированной водой. Раствор принял слегка оранжевый цвет.

Рэй качнул мензурку и поднес ко рту.

— Постой, дружище, — послышался голос...

Молодой ученый Рэй Олдридж собирался на собственную свадьбу. Последний раз прошелся щеткой по туфлям, поправил подтяжки, подошел к зеркалу завязать галстук.

В раскрытое окно ворвался легкий ветерок, принеся запахи гвоздик и взъероша легкие пшеничные волосы Рэя. Глуповатая улыбка не сходила с его лица. Он смотрел в зеркало, а видел только Линду, ее огромные голубые глаза.

— Привет, дружище!

Рэй улыбался.

— Прошу тебя, Рэй, не пугайся и ничего не предпринимай, пока не поймешь мою сущность. Я — темпоратор.

— Валий дальше, — сказал Рэй, надевая пиджак. — Где ты там прячешься?

— Это не шутка твоих друзей, не розыгрыш. Я продукт иной цивилизации, предназначенный для перемещения объектов в пространственно-временном континууме.

Рэй внимательно оглядел комнату — никого. Станный голос шел как будто из зеркала.

— Моя задача заключалась в том, чтобы спасти гениев от роковых ошибок. Однако я никого не спас. На моих глазах отравился Джек Лондон, повесился Сергей Есенин, застрелился Эрнест Хемингуэй. Я ничего не смог сделать... — Голос упал до шепота, потом опять обрел твердость. — Я трижды пытался спасти тебя, но тоже безуспешно.

— Спасти меня? — растерянно спросил Рэй.

— Да. Ты прожил три жизни, краткое описание которых с детальным разбором погрешностей я оставляю тебе. Может быть, это принесет пользу... Я убедился, что могу исправлять отдельные человеческие просчеты, но не в силах бороться против системы. Ваш мир полон противоречий и непредсказуемых поворотов.

— К сожалению, мне пора идти, — сухо сказал Рэй. — Через пять минут подойдет такси.

— Не спеши, такси задерживается. Это все, что я смог сделать. А вот сохранить Линду ты должен сам.

— Линду?!

— Ты трижды потерял ее, пока я понял свою ошибку. Наша логика чужда людям. Я не в силах что-либо изменить на Земле. Только вы сами можете распоряжаться судьбой человечества и планеты.

— Ничего не понимаю, — растерянно сказал Рэй.

— Слишком большой объем информации. Но время и талант у тебя есть, ты успеешь во всем разобраться. Помни главное: судьба Земли зависит от тебя и от тебе подобных.

— Послушай...

— Я навсегда покидаю вашу систему. Желаю счастья тебе и Линде. Прощай.

В комнате ничего не изменилось, разве что несколько посветлело и усилился запах резеды. Рэй стоял столбом посреди комнаты. В кулаке было зажато нечто, похожее на фотокассету, из которой выглядывал краешек проявленной пленки.

Перевел с татарского Спартак Ахметов

КИБЕРНЕТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

В один из тех вечерних часов, когда городской транспорт забит спешащими с работы людьми, по узкой улочке шел очень подозрительный человек. Он был в черной шляпе, в черных очках, и усы его тоже были совершенно черны. Не привлекая особого внимания, пересек улицу и остановился перед объявлением на дверях двухэтажного дома. Буквы были размером с его шляпу.

Подозрительный человек оглянулся по сторонам, снял очки и прочитал следующий текст: «Внимание! Профессор Стенли Моус показывает кибернетических черепах. Вход — 2 пиззаро. Вносить фото- и киноаппараты запрещается».

— Черт побери! — пробурчал подозрительный человек, вновь вздевая на нос очки. — Профессор выставляет свои автоматы на всеобщее обозрение. Действительно изрядно продвинулся вперед. Если я не раздобуду информацию, шеф слопают меня живьем.

Через несколько минут он уже сидел в просторном зале на втором этаже. Посетителей было не очень много.

Прозвенел звонок. На сцене вспыхнул свет, и в тот же миг от левой двери поспешно прошел сухощавый человек лет пятидесяти. Это в самом деле был профессор Стенли Моус.

— Уважаемые господа! — зычно возгласил профессор, упершись кулаками в стол. — Сейчас вы познакомитесь с чудом двадцатого века — живыми машинами.

Подозрительный человек, спрятавшись за широкие плечи сидящего впереди зрителя, взвел затвор фотоаппарата, вмонтированного в левую глазницу очков.

— Негро! — крикнул профессор, обратившись к двери. — Выпускай!

Тяжелая портьера дрогнула, из-под нее неторопливо выползли две черепахи. Их панцири отражали потолочные люстры, словно были смазаны несохнущей краской.

— Господа! — говорил профессор, пока черепахи двигались к сцене и неуклюже поднимались по ступенькам. — Внутренность автоматов набита микросхемами, однако они ведут себя как живые существа. Они реагируют на свет. — Профессор Моус включил лампу под столом, и черепахи немедленно изменили направление движения. — Они испытывают чувство голода. Правда, пищей им служит не трава, а цинк с углем. Вместо воды — кислота.

Черепахи остановились в круге света. Первая подняла голову и пронзительно свистнула. Другая вторила тоном ниже и более лениво. Профессор поставил на пол две тарелки. Черепахи принялись неспешно есть и пить. Подозрительный человек все их эволюции запечатлевал на пленку. Наконец автоматы зажгли в глазах зеленые огоньки и попятились от тарелок.

— Представление закончено, — заявил профессор. — Благодарю за внимание. Если есть вопросы, прошу.

— А яйца от них бывают? — спросил пьяный голос.

— Еще нет. Однако в принципе это достижимо.

Больше вопросов не было.

Когда зал опустел, люстры погасли. Через некоторое время у задних кресел раздались осторожные шаги. На сцену поднялся давешний подозрительный человек. Он перевернул дремлющую черепаху на спину, проворно работая отверткой, снял нижнюю крышку. Послышались слабые щелчки потайного фотоаппарата.

— Весьма примитивная схема, — бормотал подозрительный человек. — Не более трех условных рефлексов. Ага, кажется здесь записан инстинкт голода...

Внезапно вспыхнул свет. Из-за перегородки выскочил профессор Стенли Моус и завопил:

— Кто здесь?! Стоять, не двигаться!

Подозрительный человек медленно встал и виновато улыбнулся:

— Дорогой профессор, зачем столько шума? Вы же знаете меня — я Барри Френч, магистр кибернетических наук...

— Не имею чести! — свирепо закричал профессор. — Негро, веревку!

Барри Френч попятился, вынимая из-под мышки пистолет:

— Назад, черная обезьяна!

Негр прыгнул. В тот же миг Барри выстрелил, наклонил ствол и выстрелил еще раз. С глухим стуком упали два тела.

«Дьявольщина, — думал Френч. — Две жизни за информацию. Надо сматываться...»

Он выхватил из чрева черепахи несколько деталек и пошел к выходу, перешагивая через трупы. В это время голова профессора Моуса со скрипом повернулась и медленно откатилась в сторону.

— Что за чудеса?

Френч ощупал тощее тело профессора.

— Черт побери, это же кукла, робот! Вот так дела... Получается, что профессор Моус достиг сногшибательных результатов, а конкурентов морочит примитивными черепахами. Ну-ка, ну-ка...

Не теряя времени, Френч принялся копаться во внутренних частях робота, фотографировал, делал записи. Лицо его принимало все более довольное выражение. В заключение он подмигнул сам себе, завернул голову робота в газету и сунул под мышку. «Шеф будет доволен», — мелькнула мысль.

В этот момент кто-то навалился на него. Не успел Барри опомниться, как оказался скрученным по рукам и ногам. Он беспомощно лежал на полу, а верхом на нем устроился профессор Стенли Моус — настоящий.

— Ну? — сказал профессор, переводя дыхание. — Попался, который кусался? Я уж думал, что конкуренты так и не решатся подослать шпиона... Посмотрим, чего тут они накрутили.

Профессор снял с Барри черные очки, одним движением ото-

рвал приклеенные усы. Затем извлек из кармана плоскогубцы, отвертку и подступился к уху промышленного шпиона.

— Ради бога, профессор! — взмолился тот. — Что вы делаете?

— Смотри-ка, — удивился профессор. — Даже боль ощущает. А я было подумал, что они далеко позади.

— Больно же! Честное слово, профессор, я живой человек!

— Даже лгать научили! — Профессор почесал затылок. — Прекрасно. Однако где же он открывается?

Он взял самые большие плоскогубцы и вцепился в нос магистра кибернетических наук.

Барри Френч заплакал:

— Умоляю вас, отпустите! Я ничего не утаю...

— Ах, бездельники, — сказал профессор Стенли Моус. — Послать на такое дело живого человека! Ладно, ладно, больше не буду. Вытрите нос и рассказывайте!

Перевел с татарского Спартак Ахметов

**ЮРИЙ ЛЕДНЕВ,
ГЕНРИХ ОКУНЕВИЧ**

ДЕНЬ РАДОСТИ НА ПЛАНЕТЕ ОЛЛ *

Вдоволь насосавшись материнского молока, девочка уснула, смешно раскинув маленькие ручки. Долгожданное чудо свершилось. Это был спасительный сон выздоровления.

Устало подавшись над кроваткой, мать — с виду сама еще ребенок — затаенно наблюдала, как у засыпавшей девочки чутко, все медленнее вздрагивали смыкавшиеся веки, как трепетно шевелились губы, сжимавшие соску, как ровное дыхание вздымало на груди сбившееся одеяльце.

Озорно улыбнувшись, молодая мать легонько потянула за колечко соски, в шутку пытаясь вытащить ее из крохотного ротика, но девочка быстро задвигала губами и, зачмокав, втянула соску обратно, выразив этим свой маленький протест. Женщина беззвучно засмеялась и, осторожно ступая по мягкому ворсистому ковру, отошла от кроватки к окну. Чуть раздвинув шторы, через образовавшуюся щель она выглянула на улицу.

Сверху, над матовыми вершинами горного хребта, сквозь пепельно-сизое небо, которое, казалось, провисло под тяжестью ядовитых испарений, едва обозначался бледный диск восходящего солнца.

Внизу, под окнами, на площади, стояла угрюмо молчащая толпа. В черных, воронено поблескивающих, защитных комбинезонах и в респираторах, эти люди напоминали хищных чудовищных птиц,

---

* Печатается с сокращениями.

поджидающих жертву. Увидев колыхание портьеры, толпа инстинктивно вскинула к окну руки.

Мать, нахмурившись, погрозила толпе кулаком и с ненавистью прошептала:

— Опять вы тут, идиоты несчастные! Все равно не будет по-вашему!

И тут до ее слуха с улицы донеслась нежная серебристая мелодия. Это была «Колыбельная» древнего Моцарта. Так звучит клаксон машины, которая возит Главу Сената. Именно он и подъехал сейчас ко Дворцу ребенка.

Мать видела, как машину обступила возбужденная гудящая толпа, как Глава, выйдя из машины, помахал над головой листком бумаги, что-то сказал, и толпа успокоилась. Глава вошел во Дворец, а скопище людей осталось на площади, в жадном ожидании уставившись на окно детской комнаты.

Женщина заволновалась. Так бывает у матерей в моменты, когда их детям грозит опасность. Встревоженная, стала вслушиваться в возбужденные голоса, которые с приходом Главы стали раздаваться в соседней приемной.

И от того, что она смогла расслышать, сердце матери забилося еще тревожнее. Приезд Главы Сената во Дворец ребенка не сулил ей ничего хорошего.

Как только Глава Сената вошел в приемную, его сразу же взяли в кольцо. Тут были дежурные врачи, члены «Общества спасения ребенка», работники радио и телевидения, представители прессы. Сняв с лица респиратор и с удовольствием вдохнув очищенный кондиционерами воздух, приехавший хотел было сначала справиться о здоровье ребенка, но вокруг него сразу же забурили страсти.

Перебивая один другого, каждый старался сказать свое, и поэтому что-либо понять тут было невозможно. Чтобы навести хоть какой-то порядок в поднятом гвалте, Главе долго пришлось держать руки над головой, требуя тишины.

— Не все сразу. Не все! Говори ты первым, Вилли.

— Это возмутительно! — начал, тряхнув седой головой, метр медицины. — Она полагает, что ребенок выздоровел и можно обойтись без нас... А если у девочки опять наступит критическое состояние? Что она будет делать без врачей?!

— Она слишком молода, а ребенок — надежда общества, и мы можем потерять его...

С профессиональной ловкостью оттеснив врачей, к Главе Сената пробилась группа телерепортеров:

— Она не позволяет вести передачи на большие уличные экраны! Народ хочет видеть ребенка каждый день! Это его право!

В углу приемной валялись разбитые телекамеры, лежал на боку сломанный пульт.

Две старые дамы с повязками и эмблемами «Общества спасения ребенка», перебивая друг друга, громко затараторили, захлебываясь от негодования:

— Лишить ее материнства!

— Она сумела родить, но не сбережет дитя!

От выкриков в приемной опять стало шумно, и Главе вновь пришлось поднимать руки, восстанавливать порядок.

— Я принес из Сената постановление о лишении матери родительских прав...

Все нестройно поддержали:

— Правильно решил Сенат...

— Давно пора...

Глава поднял руку вверх:

— Кто пойдет со мной? Мне нужны трое. При свидетелях я зачитаю ей Постановление.

Молчание.

— Вот вы, вы и вы! Именем Сената!

Две дамы из «Общества спасения» стали жаловаться, что мать оставила на их лицах синяки, что она кусалась и дралась с ними.

— Мы хотели экспроприировать у нее ребенка...

— Самоуправство непозволительно,— покачал седой головой Глава, сложил листок с Постановлением и спрятал в карман фрака.

Глава постучал в дверь и громко произнес:

— Откройте! Именем Сената!

Щелкнул замок, и Глава вошел в комнату.

Юная женщина в длинном платье, тряхнув русыми волосами, шагнула навстречу Главе, как бы заслоняя собою находящегося сзади нее, в потайной комнатке, ребенка.

— Здравствуйте, милочка моя,— мягко заговорил он.— Как же вы строги с персоналом...

— Они тянут руки к малышке...

По пунцовым щекам ее текли слезы, губы вздрагивали.

Он ласково поглядел на дверь спальни:

— Как она там?

Юная мать, разбросив руки, как бы закрывая вход в спальню, сказала:

— Туда нельзя.

Глава прошелся по ковру, показывая, что не намерен нарушать покоя матери и ее дочурки.

— Со мной никто не решился сюда войти,— он тихо засмеялся.— Здорово вы всех проучили...

Но в воображении его встала жуткая картина народного волнения: народ требует показать ему ребенка, возможен бунт.

И он начал осторожно, как бы издалека:

— Мы не дадим тебя в обиду! Но и ты будь добрее.

— Они лезут сюда с кинокамерами! — женщина расправила

на себе складки платья, словно бы только что изгнала телерепортеров.

— Народу необходимо видеть твою дочь каждый день на экране. Она наша Великая Надежда! А тут ходят всякие слухи.

— Слухи распространяют журналисты да старухи из дурацкого «общества». Они уже оставили девочку без отца. Зачем вы отняли у нас отца?

Глава закивал головой, говоря:

— Это временно, пока девочка подрастет, я поставлю в Сенате вопрос о возвращении в семью твоего мужа! Конечно, надо получить разрешение врачей...

Она резко отвернулась:

— Я не пушу сюда докторов!

— Ай-яй-яй, ты не хочешь принимать лекарства? — укоризненно продолжал Глава.

— Лекарство вредно влияет на мое молоко!

— Врачи лучше знают, — возразил он.

— Они замучили нас надзором! Когда надо будет, я их позову!

— Так нельзя, — Глава надулся. — Они опытные специалисты. Ты единственная женщина, которая сумела родить ребенка... Мы не можем тебе позволить распоряжаться дочерью... В твоей дочери судьба нашего народа! Понимаешь! Судьба всего народа!

— А почему другие женщины не рожают? — мать топнула ножкой. — Пусть ученые помогают другим!

— Ученые работают над проблемой, — утешая мать, продолжал Глава. — Вероятно, им удастся дать плодовитость молодым матерям...

— Ага, вы скрываете от меня! Я одна с ребенком? — с вызовом и обидой проговорила она. — Вот вы до чего довели вашу заботу о потомстве! Вы обманщики и мошенники!

— Тихо!.. Береги свое здоровье и здоровье дочери, — ответил Глава, пытаясь уйти от начатого разговора. — Сенат лучше знает, как быть...

— Ничего вы не знаете! — закричала мать.

— Ну, ну, успокойся, а то мы лишим тебя...

— Нас, молодых, слышать, осталось человек десять, — заговорила она спокойнее. — Мы еще можем рожать. Но вы отняли у меня мужа!

— Сенат наложил запрет на подобные разговоры! — возмутился Глава. — Вы своими действиями довели народ до бунта. Взгляните в окна.

— Но это же старики и старухи! Разве я виновата, что у них нет детей?

— Мы все смертны от рождения — я, ты, они. Люди рождаются и умирают. Так было всегда: рождение и смерть, смерть и рождение. Эти две великие силы природы, обновляющие жизнь, прошли через сотни поколений человечества. И можно было смириться

с неизбежностью смерти своей, твоих родных, близких... Но теперь, когда нет рождения, сознавать, что умирает все человечество,— это невыносимо! Это жутко невыносимо...

Она слушала, не перебивая, закрыв глаза. Когда он умолк, она еще долго была неподвижной, словно ушла в свои далекие думы. Потом вдруг заговорила быстро, с волнением, словно защищаясь от наваждения:

— Я не виновата в этой жуткой истории! Мой муж не виноват! Зачем вы разъединили нас? Зачем разрушили нашу семью? Что вам надо от нас? Что?!

— Ты говоришь: оставьте в покое семью! Семье мешает общество. А ведь семья — частица общества! Как колосок в хлебном поле. Как капля в океане. Один колосок без поля погибнет. Капля без океана высохнет. Ты — дочь общества. Разве можно тебе отделиться, уйти от него? Как же ты, дочь человеческого общества, можешь спокойно смотреть на страдания людей, да еще и попрекать их в том, что они несчастны? Ты попристальнее погляди на них и поразмысли над тем, что я тебе сказал.

Она стояла у окна и глядела на мертвые деревья, которые когда-то были садом. Сейчас их обуглившиеся стволы и сучья с облезлой корой напоминали заколдованных чудовищ из страшной сказки, воздевших к небу в застывшем стане свои многочисленные руки-ветви, словно молили небо о пощаде.

Стояла середина мая. Когда-то здесь в это время деревья распускали листву. Она была зеленая, нежная, как пух, и радовала глаза приходом весеннего возрождения природы. В зеленой густоте крон копошились, пели, щебетали, устраивая гнезда, птицы. Их было много тогда, разных птиц, и в воздухе непрерывно звучали их восторженные крики. Особенно шумливыми были воробьи, эти вечные спутники человеческого общежития. Но об этом она едва-едва помнит из детства.

А в первые летние дни, когда природа поднималась новой волной жизни и начиналось ее бурное цветение, воздух наполнялся чудными ароматами. Пчелы, шмели, целые рои других насекомых лакомились нектаром цветов и неустанно трудились, заготавливая дары лета на зиму.

Сейчас не было цветения, не было ароматов; в воздухе, нависнув, застыл ядовитый смог, смешение трупного зловония с резким запахом электрического разряда и нефтяной гари.

Глава, глядя на нее, тоже вспомнил, как после смертоносного удара посыпались с неба на землю мертвые птицы. Сотни, тысячи, миллионы, миллиарды мертвых птиц: соловьи, сойки, зяблики, клесты, воробьи, голуби, чайки, журавли, гуси и другие представители великого семейства пернатых.

Глубокий вздох матери вывел главу из тяжких размышлений и вернул в реальный мир. Он подошел к молодой матери и погладил ее по голове.

— Хочешь, я расскажу тебе сказку? — в порыве нахлынувшего доброго чувства предложил он ей. — Интересную сказку...

— Сказку? Где добро побеждает зло? — спросила она.

— Да, да! — подтвердил он.

Она поморщилась:

— Не хочу! Сказки — это обман. Их выдумали люди себе в утешение. Кукушка: «ку-ку! ку-ку!» Дятел: «тук-тук-тук!» А птицы поют: «вью-вью-вью! чиу-чиу-чиу! фьи-фьи-фьи!» На полянке — ягодки красные. Тихо: возле пенька зайчик сидит. И ежик бежит к ежатам...

От ее «веселости» у Главы заколыхалось в груди. Чтобы не выдать подступивших слез, он, отвернувшись, давил на глаза кулаками. А она его спросила:

— Вы меня не слушаете?

— Ничего! Скоро ученые обязательно восстановят все леса. И там будут опять бегать зайцы, ежики, летать комары! Ученые все могут! Им ничего не стоит восстановить все это!

Она соскочила с дивана и с раздражением, непонятным для него, прокричала с надрывом:

— Не говорите мне про них!

В недоумении взглянув на нее, он постарался переменить тему.

— Хорошо, о чем вам хочется?

— О маме! — воскликнула по-детски она. — Она пела мне веселые смешные песенки. На новогодней елке моя мама была Снегурочкой... А потом на улице раздался сильный удар и страшный свист. Дом трянуло. Завыли сирены. Мама выбежала на балкон, вернулась, завязала мне рот мокрым платком, закрыла окна и двери и упала на пол... Стены были белые. Противогазы, маски, комбинезоны и эти новые, очищающие воздух респираторы.

Он замахал на нее руками:

— Хватит! Довольно, довольно!

— Почему вы запрещаете мне? — удивилась она.

— Не я был тогда Главой Сената! — оборвал он ее. — Не я! Мы бы не допустили безумия. Мы все решаем коллегиально...

— Почему ученые допустили отравление атмосферы? — задавала она вопрос.

— Это тебя не касается! — погрозил он ей пальцем. — Понимаешь? Ты должна думать только о ребенке...

Глава Сената старался быть спокойным, но это ему не удалось. И теперь он замолчал, чтобы перевести дух, унять всколыхнувшееся волнение. А в глазах его слушательницы выразилась целая гамма противоречивых чувств...

Главе вспомнилось, как вместе с опьяневшей от радости толпой бродил он в день радостного известия по улице, наслаждаясь песнями и плясками. Он, как и все, каждый день бегал ко Дворцу ребенка поглазеть, как по прозрачному герметизированному коридору прогуливается супружеская чета с наследницей Человечества.

Пресса ежедневно выпускала бюллетень самочувствия девочки. Телевидение вело свои передачи на большой уличный экран прямо из детской. Радио передавало в записи лепет, плач, крик ребенка. Это была чудеснейшая музыка!

Над входом в детскую повесили портрет девочки. Его написал недавно умерший художник. Портрет этот был сразу же признан величайшим шедевром изобразительного искусства всех времен... Художник изобразил девочку на цветущем лугу.

Но ребенок заболел тяжелым и непонятным недугом. Для лечения девочки был срочно создан институт с лучшими специалистами. Все подходы ко Дворцу ребенка и площадь перед ними были выставлены поглощающими звуки материалами. Возле Дворца запрещалось всякое движение. В каждом сердце жил страх и опасение за жизнь ребенка. В этой ситуации Сенат вынужден был устранить отца из семьи.

Активистки из созданного «Общества спасения ребенка», подстрекаемые толпой, попытались отобрать у матери ее дочку. Назревал бунт, анархия...

Она сидела молча, уперев подбородок в ладони. Ее лицо было мрачно. Было видно, что молодая женщина потрясена рассказом убежденного седины человека.

— Мы не можем допустить бунта народа,— тихо говорил Глава.— Прислушайся к доброму совету: разреши телерепортерам показать свою девочку, они нам не верят. Кто-то пустил слух, что девочка умерла.

— Боже мой! Зачем это? — всплеснула она руками.

— Ну, будь мудрее! — взмолился он.— Посмотри, что творится! Нервы у всех напряжены. Если начнется безумие толпы, а ты знаешь, что это такое, я ничем не смогу тебе помочь... Не играй с безумием!

Но она не поняла, словно бы кто-то сзади подстрекал ее.

— Я ужасаюсь от одной мысли, что нам с дочерью еще долго придется жить среди этого выжившего из ума сброда.— Она с ненавистью глянула на окно.

Ему стало душно. Сердце заколотилось учащенно. В голову ударил угар обиды. Он понимал, что ее уста несут безумные мысли, что в сердце ее злоба.

— Умоляю тебя, за окном — твой народ, твой! Мы — дети планеты Олла, мы должны сохранить твою девочку во имя жизни...

Она язвительно фыркнула.

— Там обезьяны! Старые злые обезьяны,— скорчив наиболее разнообразную гримасу, она встала на четвереньки, подпрыгивая, издевательски пропела:

— Я обезьяна! Я — обезьяна!

Это была не игра. Это была ненависть.

В старце вспыхнул жарким угаром гнев. Он заглушил в нем здравый смысл, зажег мстительное чувство. Рука сама потащилась к карману за карающей грамотой.

— Я тебя сейчас проучу! Грубая невежественная девчонка! Какое ты имеешь право говорить?... Да ты знаешь, что такое твой народ?

Он встал величественный, словно оратор перед многочисленной аудиторией, и заговорил убежденно, как резцом из камня, высекая слова, объясняя грубой девчонке, что лишает ее родительского права...

Минуту она стояла перед ним на четвереньках в растерянности; и в этот миг в его сознании мелькнула догадка, что безумная мать сейчас вскочит и кинется в спальню к своему дитяти и, быть может, собственными руками задушит девочку.

— Стража! Стража! — заорал он срывающимся голосом. — Задержите ее! Схватите ее! Стража!

Ворвавшиеся в покои врачи и дежурные из «Общества спасения» схватили мать за руки.

— Именем Сената...

— За что? — заплакала она, вытирая кулаком слезы.

— Вот и хорошо! Вот и умненько! — проговорил он сочувственно. — Мы покажем народу вашу девочку и потом допустим вас к ребенку.

Глава Сената почувствовал головокружение и усталость, которые были следствием перенесенного стресса. Сев на диван, он откинулся на спинку, скрестив на груди руки. Усилием воли стал расслаблять в себе мышечное и нервное напряжение. Внутренним видением он прощупывал уголки своего организма, налаживая в нем нарушенное взаимодействие.

Репортеры на цыпочках уже входили в комнату, устанавливая телекамеры. Молодую мать под руки повели куда-то.

— Верните мать назад! — вдруг очнулся Глава Сената.

Она вновь стояла перед ним робкая и безмолвная.

— Твоя девочка будет жить! Это наша радость и надежда. Жизнь — величайшее из чудес! Бесценный дар, отпущенный нам природой, короткий миг на пиру! Мы, наделенные разумом люди, должны ценить Жизнь, беречь ее, осознавая что этот прекраснейший миг нам дан всего один раз и никогда больше не повторится. Мы обязаны ценить жизнь рядом живущих...

Это была его любимая тема. Ведь он был врачом-психологом и часто прибегал к подобным разговорам с пациентами... Вот и сейчас, видя, что семена доброй мудрости падают в благодатную почву юной души, он еще более воодушевился:

— Но счастливым можно быть только тогда, когда вокруг тебя

живут счастливые, добрые, умные. И в честь твоей дочери мы устроим такой детский праздник, какого не знала история! Какого не было на свете! Послушай! У нее скоро день рождения. И мы по этому поводу устроим новогодний карнавал!

Глава так и сиял своей спасительной идеей.

— Почему новогодний? — удивилась мать.

— А потому, что день ее рождения мы объявим началом нового летосчисления! И будет новогодний карнавал! Я наряжусь Дедом Морозом, а ты — Снегурочкой! Этот праздник станет ежегодным, с песнями, танцами, хороводами! Это будет небывалый праздник, грандиозный!..

— Где же мы возьмем хоровод? — резонно спросила она.

— Вот они! — Он подбежал к окну и указал на толпу.

— Хоровод в скафандрах и респираторах?! Да девочка испугается до смерти, как только их увидит! — возразила мать.

Но Глава не сдавался.

— Мы нарядим их разными зверюшками: зайчиками, кошками, зебрами и прочей живностью, которая была раньше на нашей планете! Пошьем костюмы. А респираторы закроем масками зверей... э... забавных зверюшек.

Она расхохоталась, представив в своем воображении этот странный хоровод.

— Хорошенькая радость — править толпой дряхлых, желчных старух и стариков. Они будут болеть и умирать. Сначала они побалуют ее вниманием... А потом умрут. Все! Все! А она останется одна. Одна-одинешенька на всем белом свете. Одна среди могил. Я тоже умру и стану могилой... Бедняжка моя! — Она запричитала.

Глава был потрясен истерикой, против которой у него не было аргументов. И снова, прорываясь из глубины памяти, прозвучала скорбная мелодия. Ее страстно и печально пел детский хор... О какой-то великой и неизбежной утрате... Мелодия грянула мощно, захватила и напомнила далекие дни юности...

«Мать скорбящая стояла...» — с грустью подумал Глава, вспомнив, что кантата принадлежит Перголезе...

Мелодия оборвалась, ее перебил плач. Да, это плакала молодая мать.

И вдруг, разрушая эту скорбь, этот озноб ума и сердца, с улицы донесся какой-то вскрик. И вслед за ним раздался взорвавшийся гул толпы. Гул разрастался. Вот он заполз во Дворец. Перекинулся в приемную. «Не бунт ли?» — испугался Глава Сената.

Мать, очнувшись от оцепенения, настороженно прислушивалась.

— Не отдам! Не пущу сюда никого! Я убью себя и ее!..

Ее опять схватили за руки.

— Не бойся! Пока я здесь, вам ничто не угрожает!

— Родился! Мальчик родился! Здоровый! Четыре кило! Господи, радость-то какая! — кричали из соседнего зала.

От такого сообщения Глава охнул и чуть не лишился чувств. Спасибо, что женщины его поддержали. Он засмеялся и, целуя их, взял за руки и повел по кругу, как ребенок на празднике.

В этот момент из спальни раздался крик девочки. Мать кинулась на зов. Она вынесла дочку на руках в прихожую. Малышка сперва капризно шурилась, словно недовольная тем, что ее потревожили. Потом, потянувшись в сладкой полудреме, поглядела на сияющих взрослых и залилась серебристым смехом.

ГОЛОСА
МОЛОДЫХ

СТАТУИ ЛЕНЖЕВЕНА

Если искать сравнений, то Ленжевен был просто-напросто огромным камнем, быстро крутящимся вокруг двух своих солнц. На планете не было ничего примечательного, ее серая каменная поверхность почти везде была ровной как стол. Правда, кое-где встречались причудливые каменные образования, и здесь обычный серый цвет словно бы с помощью какой-то необыкновенной призмы вдруг взрывался невообразимым многоцветием с тончайшими полутонами и переходами. Что это было? Загадка. Но даже при наличии такой загадки планета вряд ли могла бы заинтересовать экспедицию Дальнего Поиска. И не будь на Ленжевене Города...

Но Город был. Именно так, с большой буквы, и называли его экспедиционники. Станный, мрачный, тяжелый Город, где дома были выложены из громадных, циклопического размера плит, где повсюду стояли неуклюжие, тяжеловесные статуи, созданные, очевидно, с помощью самых примитивных инструментов.

Брошенным был этот Город, причем жители ушли неизвестно куда: на всей планете не было никаких их следов.

Стрелков подумал: начальник данной экспедиции Дальнего Поиска Петров Михаил Григорьевич выказал немалую мудрость, разбив лагерь на приличном расстоянии от Города. Потому что работать в Городе это одно, а быть рядом с ним все время — другое. Город угнетал, в нем скрывалась мрачная, зловещая тайна, он словно бы смотрел на пришельцев все время, усмехаясь, и неприятно было бы чувствовать на себе этот взгляд постоянно, и днем, и ночью.

То расстояние, которым мудрый Петров разделил Город и лагерь, Стрелков преодолел за восемнадцать минут.

Вот сейчас Город был обитаем: во дворе первого же из домов двое людей в скафандрах бурили каменную почву Ленжевена. Цель этого Стрелкову была неизвестна, но он не стал в ней разбираться — у него была своя цель, и чем ближе он подходил к Городу, тем отчетливее старался представить, как все *это* произойдет.

Экспедиционники помахали ему руками, он ответил и пошел по улице, внимательно рассматривая статуи, часто встречающиеся на пути.

Статуи отдаленно напоминали человеческие фигуры; во всяком случае, в любом из этих неуклюжих творений присутствовали голова, две верхние конечности, две нижние и короткое туловище. На грубых лицах можно было различить едва намеченные щелочки глаз, выпуклость носа, рот. Размер статуй был разным, но ко-

лебался в незначительных пределах: чуть выше человеческого роста или немного ниже.

Вот что казалось странным: позы статуй почему-то были самыми разными. Некоторые словно бы застыли в момент движения, другие как бы беседовали между собой, третьи сидели на грубо обтесанных камнях. Статуи стояли поодиночке и группами. Статуи были не только на улицах Города, но и внутри домов, и это тоже было странным.

Чуть левее геометрического центра Города Стрелков еще вчера приметил площадь, лучшего места для Установки не найти.

Он дошел до площади и остановился. Статуй на площади и внутри домов рядом с ней было множество. Почему их высекали из камня в таком количестве? Что это была за религия, требующая, чтобы боги окружали тебя со всех сторон? И почему люди в конце концов ушли от своих богов навсегда?

Вот для того, чтобы дать ответы на все вопросы, на Ленжевен и доставили Установку. Так было решено на Земле — правда, не без дискуссий, — на самом высшем научном уровне. Никакие другие методы, очевидно, не смогли бы разрешить загадку, и, значит, надо было отправляться в прошлое, в те времена, когда Город был населен.

Максим Стрелков, человек редчайшей профессии хроноисследователя, медленно обошел площадь кругом. Двойное солнце поднялось в зенит, тени стали совсем короткими, лица статуй-богов были теперь еще грубее, и еще тяжелее стал ничего не видящий взгляд щелочек-глаз.

* * *

Среди неуклюжих зданий, которые, казалось, возведены были циклопами, окруженная грубыми статуями, застывшими в самых разных позах, Установка с ее обтекаемыми, стремительными линиями — и в самом деле звездолет в миниатюре, замерший перед новым стартом, — выглядела как-то неуместно. Можно было предположить, что служащий какого-то гигантского музея по ошибке поместил один из экспонатов в раздел, относящийся к совершенно другой эпохе, и за это, конечно, его ждали неминуемые неприятности.

— Вы уверены, что хорошо освоили линкос? — с тревогой спросил Петров.

— Учил и на Земле, и в звездолете, — отозвался Максим, — худо-бедно, но экзамен сдал бы.

Он следил за тем, как Серафим и Валентин внимательно осматривали Установку. Теперь — в последний раз. На выбранную им площадь Установку доставил экспедиционный тягач-вездеход, а после каждой транспортировки была положена обязательная проверка. В общем-то, скорее всего это было излишней предосторожностью, но... Но если бы какой-то из узлов действительно вдруг

отказал после старта, обратного пути для хроноисследователя уже не было.

Петров шумно вздохнул:

— Установка в самом деле одноместная?

— Вас, к сожалению, я в самом деле не могу взять. Хотя взял бы с радостью, потому что с линкосом вы знакомы лучше, чем я, и с инопланетянами знаете, как обращаться.

Максим обвел взглядом всех, кто собрался сейчас на площади. Здесь были почти все экспедиционники, и многих он уже знал. С бородатым Пал Палычем, как звали пожилого биолога, можно было вволю поспорить о некоторых ключевых проблемах развития науки на Земле, смешливый Адриянов, химик, прекрасно играл в шахматы, а лаборант Глэдис Лауме была очаровательным белокурым существом с голубыми глазами. В общем, самыми обычными были люди.

— Так сколько времени вы будете отсутствовать? — спросил Петров.

— Для вас, может быть, только минуту-другую. А для меня самого другие отсчеты. Путь *туда* покажется мне довольно долгим. Какое-то время я проведу *там*. И наконец, путь назад.

Максим махнул рукой близнецам-ассистентам: последний осмотр был закончен.

— Словом, очень скоро вы будете знать гораздо больше, чем теперь, — заключил он и двинулся к Установке. Он чувствовал, как все напряженно следят за его действиями: вот он откинул прозрачный колпак в носовой части Установки, вот забрался в кабину, снова задвинул колпак и поудобнее устроился в кресле...

Наедине с кнопками пульта всегда ощущается смесь самых разных чувств. Робость. Сознание своих поразительных возможностей. И жгучее, неодолимое любопытство: что будет *там*?

Максим набрал на пульте программу, нажал кнопку пуска, и все вокруг тотчас же исчезло, остались только мрак и пустота, и было теперь время сосредоточиться и представить, что может быть дальше.

Местом старта площадь была избрана не зря: Установка внезапно возникнет перед *ними*, и он появится словно бы действительно из космического корабля. Как тогда поведут себя *они*? Падут ниц, как перед богом? Судя по статуям, творениям *их* рук, *они*, должно быть, не так уж далеко продвинулись по лестнице развития. Но ведь любая цивилизация, безусловно, чем-то интересна, с любой следует стремиться установить Контакт. Вот это и предстоит сделать хроноисследователю Максиму Стрелкову, выступающему в необычайной для себя роли. Нет, на Земле все-таки было легче, подумал Максим и вдруг ни с того ни с сего стал вспоминать свой визит к великому англичанину сэру Исааку Ньютону.

Хроноисследователи занимаются тем, что вступают в контакт — тоже контакт! — с великими людьми разных времен. Днев-

ники, воспоминания, письма — это одно, но в непосредственном общении с хроноисследователями великие люди открывают себя полностью, и это бесценно для историков. Разумеется, хроноисследователь встречается с кем-нибудь не в настоящем своем облики, а в виде, полностью соответствующем времени. Хроноисследователь должен тщательно изучать эпоху, язык, предусмотреть тысячу мелочей, для общения нужно найти разумный предлог (вдобавок нужно продумать весьма важный вопрос: где и как замаскировать Установку). К Исааку Ньютону, например, он, Максим, явился под видом молодого голландца, интересующегося науками, и желчный, раздражительный, всегда всем недовольный Ньютон далеко не сразу соизволил уделить ему частицу своего драгоценного времени. Но когда эта частица была дарована, аппаратура, спрятанная в одеждах голландца, интересующегося науками, запечатлела, как выглядел великий англичанин, записала его слова. К тому же образ мыслей, проявленный молодым голландцем в беседе, показался сэру Исааку настолько любопытным, что он встретился с ним еще раз, а потом еще...

А в конце концов, стерев с помощью специально разработанного устройства из памяти Ньютона все впечатления о встрече с любознательным голландцем — кто мог знать, к каким последствиям они могли привести, а ход истории нельзя нарушать, — Максим вернулся в маленький научный городок в лесах под Муромом, центр хроноисследований.

Стоп! Гудение смолкло, сразу вспыхнул свет, и теперь от Петрова, Адриянова, Глэдис Лауме, близнецов-ассистентов и экспедиционного лагеря Максима отделяла тысяча земных лет.

Несколько минут он сидел неподвижно, глядя только на кнопки пульта перед собой. Он словно бы боялся посмотреть влево, сквозь прозрачный колпак, боялся увидеть то, что было за пределами Установки. Отправляясь к Ньютону, во Францию XIII века или в Древний Рим, он хорошо представлял, что может его ждать. Здесь он должен был выйти из кабины Установки в полную неизвестность. Рывком откинув прозрачный колпак, Максим выпрыгнул на каменные плиты площади.

Статуй на площади заметно поубавилось. Здания теперь были меньшего размера, некоторые из тех, что были *там*, *здесь* отсутствовали.

Это было самым первым впечатлением; Максим огляделся внимательнее. Площадь, как и тысячу земных лет спустя, была, если не считать статуй, абсолютно пуста. Медленно, осторожно, он обошел вокруг площади. *Там* была целая экспедиция, *здесь* он находился совершенно один; осторожности требовало элементарное благоразумие. Медленно, осторожно Максим вышел на одну из городских улиц.

Улица была пуста. Он двинулся по ней, обходя статуи, иногда встречающиеся на пути, заглядывая в проемы окон.

Город, разумеется, был немного другим: меньшего размера, до-

ма, казалось, *здесь* были сложены еще грубее, чем *там*. А вот статуи были теми же самыми: едва заметные щелочки глаз, невидящий взгляд, тяжелая складка рта, неуклюжие конечности, короткое туловище.

Боги Ленжевена, похоже, не менялись с течением времени.

Не спеша, осторожно, Максим обходил улицу за улицей, дом за домом. В некоторых домах, как и тысячу лет спустя, тоже были эти каменные монстры, и нигде не было ничего живого.

Вернувшись на площадь, к Установке, Максим еще немного помедлил. Он словно бы ждал, что вот-вот кто-то все-таки выйдет ему навстречу, появится из-за тяжелых каменных стен, из-за неуклюжих этих зданий, но Город по-прежнему был мертв и безразличен ко всему.

Уже сидя в кресле перед пультом и задвинув колпак, Максим подвел первый итог.

Тысячи лет назад Город тоже был брошен.

Затем, в какой-то временной отрезок, который он проскочил, жители вернулись, увеличили число статуй и снова исчезли.

Он нажал кнопку возврата.

* * *

Скафандр сделал Глэдис Лауме довольно безликой, потому что в скафандрах все были одинаковы; в кают-компании она выглядела гораздо эффектнее, но Максим не мог не запомнить, какая она на самом деле, и поэтому прогулка с ней по каменной поверхности Ленжевена доставляла ему истинное удовольствие. Правда, к этому примешивалось еще какое-то неясное чувство, в котором сразу он не мог разобраться.

— А где вы еще были? — спросила Глэдис. — Про Ньютона вы уже рассказывали, но ведь...

— В Древнем Египте был, — ответил Максим, и ему вдруг показалось, что безжизненная каменная пустыня Ленжевена в чем-то похожа на страшные песчаные пустыни Египта — та же пустота, до жестокости равнодушная к человеку. Именно в пустыне, далеко от Фив, оставил он Установку и по компасу проделал весь путь до города пешком, изнемогая от жажды и жары.

— Еще приходилось встречаться с рыцарем Роландом, тем, что погиб потом в Ронсевальском ущелье. И вы не представляете, до чего же это был скучный, тупой, самодовольный человек. Однако надо его извинить: почти все в ту пору были именно таковы. Впрочем, этого не отнимешь: сам Карл Великий был все-таки на голову выше всех по уму, познаниям. Даже говорил на нескольких языках. Правда, за всю жизнь он так и не освоил грамоты, но страстно, упорно к этому стремился. Историк Эйнгард, современник Карла, свидетельствовал: «Для этого возил с собою на постели под подушкой дощечки и листки, чтобы в свободное время приучить руку выводить буквы. Но мало имел успеха труд, начатый не в свое время, слишком поздно».

— У вас прекрасная память,— сказала Глэдис.

Солнце Ленжевена клонилось к закату, и Глэдис отбрасывала на каменную равнину две длинные тени. Максим и Глэдис теперь возвращались к лагерю, на близком горизонте уже появилась красная нарядная крыша кают-компаний; и вдруг Максим понял, что именно мешало ему просто получать удовольствие от того, что рядом идет очень красивая девушка: дело было в том, что мысли его все время уносились довольно далеко от того маршрута, по которому они шли. Мысли возвращались к Городу, но стояла перед ними очень крепкая преграда, и выхода пока не было.

Глэдис, по-видимому, была любознательна. Она спросила:

— А как вы... как стали хроноисследователем? Вот лаборанткой, даже в экспедиции Дальнего Поиска, стать довольно просто, а вас ведь на Земле всего...

— Трое,— рассеянно сказал Максим.— Да, в самом деле, как же становятся хроноисследователями? Видите ли, я хотел быть просто историком, но когда был открыт принцип переброски во времени и встал вопрос о практическом использовании этого принципа, то кандидатов в хроноисследователи отбирали среди студентов-историков. Но говорят, что для этой профессии нужны какие-то особенные качества. Отобрали десять человек, потом, после разнообразных испытаний, остались трое.

Они дошли до столовой-кают-компаний, в шлюзовой сняли скафандры, и за ужином Максим на какое-то время начисто забыл о Городе и о его тайнах. Ужин прошел весело; довольно скоро Максим перешел со всеми на «ты» и почувствовал себя настоящим Дальним Экспедиционником, долгие годы работавшим далеко от Земли среди всех этих замечательных людей. Петров и Адриянов состязались в остроумии, они тоже словно бы начисто забыли о существовании Города; вдруг Максим понял, что это далеко не так — просто преувеличенной, нарочитой веселостью маскируется предельное напряжение исследователей. Они подошли, казалось бы, к самому рубежу разгадки, и теперь надеялись на Установку и хроноисследователя, прилетевшего с Земли.

Он быстро допил чай. Утром ждала работа, перед работой надо было как следует отдохнуть.

— До завтра! — сказал он и пошел в шлюзовую, снова чувствуя на себе взгляды.

Перед работой действительно надо было как следует отдохнуть, вся надежда этих людей была сейчас только на него одного. У Максима впереди было восемь земных часов отдыха, но, вытянувшись на постели в отведенной ему комнате, он очень долго не мог заснуть. В голове тяжело вертелись и словно бы сталкивались друг с другом вопросы, на которые не было ответов. Даже тени ответов не было на них.

Так почему статуй в Городе так много?

В какой временной отрезок лучше всего отправиться завтра?

Еще дальше в глубь времен или, напротив, ближе к настоящему времени?

Почему жители Города, уйдя из него однажды, потом снова вернулись, но лишь для того, чтобы уйти опять?

Но, возможно, именно этого и требовала их странная религия, возможно, неуклюжим, грубо вытесанным богам нужны были именно такие периодические приходы и уходы, возможно, в этом и состоял культ богов? На неизвестной планете религия могла принимать самые причудливые, самые невероятные формы. Однако уйти-то на Ленжеване было некуда, не под землю же проваливались местные жители! К тому же земли в прямом смысле слова здесь и не было, земля была сплошным камнем.

Разрешима ли вообще загадка или перед ней отступит и его опыт хроноисследователя... земной опыт... как уже отступил опыт экспедиционников, лишенных тех возможностей, что дает Установка, но тоже привыкших разгадывать разнообразные загадки, которые то и дело преподносит Вселенная?..

Максим заснул лишь под утро, когда за окном посветлело, и ему снилось, что одна из статуй-богов, пока он бродил по улицам Города, ожила, забралась в кабину Установки, быстро освоила пульт управления и унеслась куда-то, навсегда оставив его одного среди каменных стен и своих неподвижных каменных собратьев...

* * *

Утром, сразу после завтрака, невыспавшийся и хмурый, он снова стоял на площади возле Установки, и снова, как и накануне, его провожала вся экспедиция. Когда близнецы доложили, что все в порядке, Петров еще раз спросил, маскируя озабоченность шуткой:

— Ты за ночь линкос, случаем, не забыл?

— У меня учебник всю ночь лежал под подушкой,— пошутил Максим и пошел к кабине.

То, куда он отправится на этот раз, он решил только что, в самый последний момент: он отправится в еще более отдаленное прошлое. Причиной была промелькнувшая вдруг тень какой-то смутной, совсем еще неоформившейся догадки, которую пока он даже затруднялся бы сформулировать словами. Но все-таки эта призрачная, невесомая тень промелькнула; и, задвинув над собой колпак, Максим начал набирать на пульте программу очередного путешествия во времени Ленжевена.

Махнув всем на прощанье, он нажал стартовую кнопку, и вокруг все снова исчезло, Установка помчалась сквозь пустоту и мрак.

Для тех, кто остался *там*, он вновь вынырнет из волн времени через минуту-другую. Однако и эти мгновения, должно быть, покажутся экспедиционникам вечностью. Но, возможно, он, хроноисследователь Стрелков, принесет им сейчас разгадку.

Стоп! За прозрачным обтекателем кабины вспыхнул свет. С легкостью, какую только позволял скафандр, Максим выпрыгнул на площадь.

Его снова встретили лишь статуи; теперь их было еще меньше.

Зданий теперь тоже было совсем мало, и Город полностью утратил ту мрачную величавость, что была там, где ждала сейчас возвращения Максима экспедиция Петрова; здания, в беспорядке разбросанные по сторонам немощеных теперь улиц, были малы, неуклюжи — просто сложенные как попало каменные лачуги.

Одна из статуй застыла прямо перед Установкой; тяжелый, каменный взгляд щелевидных глаз остановился на ее кабине, и Максим, подойдя к монстру-богу вплотную, тоже стал всматриваться в грубые черты, как будто хотел различить в них какую-то мысль... если б только могла породить ее грубо обтесанная каменная глыба.

Голова статуи была слегка наклонена вперед, руки и ноги согнуты, она вроде бы шла прямо на Установку...

Там, где ждали Петров и его экспедиция, этой статуи не было.

Установку не передвигали на площади, она путешествовала только во времени.

В момент первой остановки, тысячу лет назад от экспедиции, этой статуи на площади тоже не было.

Значит, неизвестное население Города не только сооружало статуи, увеличивая со временем их число, но и зачем-то переставляло своих богов с места на место. Впрочем, возможно, эта статуя просто когда-то разрушилась и ее обломки убрали...

Прошла минута, другая, и, подчиняясь невольному побуждению, Максим отвел взгляд от каменных глаз монстра. От мрачного изваяния в самом деле словно бы исходила давящая тяжесть, трудно было ее выдержать. Сейчас эта тяжесть заставила Максима остро почувствовать свою беззащитность, потому что, случись что-нибудь с Установкой, помочь ему уже никто не смог бы. И остро чувствовал сейчас Максим свое одиночество, так как во все прежние путешествия по времени его все-таки окружали люди, земляне, пусть и разделенные с хроноисследователем громадными временными барьерами, а здесь ведь не было никого, кроме чудовищных неподвижных химер...

Город, как и в прошлый раз, был пуст. Максим, даже не уходя еще с площади, чувствовал это и чувствовал безошибочно.

Он пошел по кривой улочке направо, мельком оглядывая попадавшихся на пути богов Ленжевена, и неопределенная тень догадки, мелькнувшая было, постепенно обретала конкретность, становилась все рельефнее и осязаемее. Догадка эта могла бы показаться невероятной, невозможной, но... но ведь был он не на Земле, и здесь, чтобы все понять и все объяснить, может быть, и надо было как раз предположить то, что никак не укладывается в привычные рамки.

Город теперь стал маленьким. Максим обошел его за четверть

часа и снова вернулся на площадь, к Установке. Конечно, никого, кроме статуй, он не увидел. Еще немного помедлив — хотелось навсегда запечатлеть в памяти картину, какой он никогда, ни при каких обстоятельствах не увидит на Земле, — Максим нажал кнопку возврата, и некоторое время спустя рядом с Установкой снова возникли застывшие в напряженном ожидании фигуры экспедиционеров, каменные громады статуй, здания, которые теперь, после только что виденного, могли бы показаться дворцами.

Откинув колпак-обтекатель, Максим отыскал взглядом Петрова. На лице начальника экспедиции Дальнего Поиска было написано столь мучительное нетерпение, что хроноисследователю даже стало почти весело. Разгадка, возможно, была где-то уже совсем рядом, но Петров пока еще ничего не знает, и нет у него в настоящее время даже малейшего намека на ответы, которые так жаждут узнать все, а он, Петров Михаил Григорьевич, больше всех.

Предупреждая шквал вопросов — накануне, после первого возвращения из прошлого было именно так, — Стрелков весело выкрикнул:

— Нет, нет! Пока еще ничего не могу сказать. Сейчас мне надо будет совершить еще один рейс!

— Снова в прошлое? — выдавил из себя Петров.

— На тысячу лет вперед!

— А там? — шумно выдохнув, Петров сделал странный жест, было похоже, что его пальцы перебирают в обратную сторону страницы невидимого календаря.

— А там все то же, что и в прошлый раз. Пустой Город, статуи и дома.

Серафим и Валентин подзарядили блоки питания. Теперь энергетический запас Установки намного превосходил обычные потребности, но, если только невероятная догадка Максима верна, энергии для работы потребуется много, может быть, придется даже возвращаться, чтобы снова зарядить аккумуляторы. Экспедиционники следили за работой ассистентов молча и с напряженным вниманием, как будто присутствовали при неведомом им и торжественном таинстве. Снова махнув рукой, Максим задвинул обтекатель, и мгновение спустя фигурки в скафандрах, так странно выглядевшие среди каменных стен и окаменевших жителей Города, исчезли в закрывшей все тьме.

Это было странно: сразу же после старта Максима вдруг наполнила уверенность, что он прав, не может быть неправым; что невероятная эта мысль, вспыхнувшая недавно по неизвестной причине (может быть, все дело в том причудливом предутреннем сне?), полностью справедлива. А если так, значит, он заранее знает, что увидит вот сейчас, через тысячу земных лет: увидит пустой, но еще более разросшийся Город и еще большее количество каменных изваяний.

И вот над прозрачным обтекателем зажглись два солнца Ленжевена, и Максим в третий раз ступил на плиты площади.

Пустой Город еще больше разросся, число каменных монстров увеличилось...

С сильно бьющимся сердцем Максим подошел к ближайшей статуе. В грубых каменных чертах лица, как ему внезапно показалось, таилась насмешка над тщетным усилием человека проникнуть в тайну, которая окружала жизнь Города.

Прошла минута, две, три. Максим все смотрел на статую. Чувства беззащитности и одиночества не было. Он пришел сюда не один, а вместе со всеми, кто разгадывал самые головокружительные тайны природы прежде, кто открывал законы, управляющие миром, кто ждал сейчас его возвращения на этой же площади, тысячи земных лет назад.

Но пора было приниматься за работу. Максим пошел к Установке, чтобы достать из кабины необходимую аппаратуру.

* * *

В наглухо зашторенной столовой-кают-компании зажегся свет, белый объемный экран опустел, и тогда надолго воцарилась до звона густая тишина. Сидя позади, Максим видел, что экспедиционники все, как один, ошеломленно продолжают смотреть на экран, как будто изображение на нем и не исчезало, и видел, как напряжены у всех спины и затылки. Ему вдруг припомнилось — однажды после завтрака Петров ему сказал: в первый раз это ошеломляет, не правда ли? Но, как оказалось, это не только в первый раз, оказалось, что статуи готовили землянам и еще более ошеломляющий сюрприз. И, словно бы почувствовав, что он, Максим, думает сейчас о нем, Петров тяжело пошевелился в кресле и хрипло сказал:

— Максим! Максим, давай еще раз сначала!

Хроноисследователь перемотал ленту и повернул рычажок стереопроектора. Вот сейчас повторится снятый им удивительный и все объясняющий фильм, и снова всем, и ему самому в том числе, увиденное покажется невероятным и невозможным.

Столовую-кают-компанию заполнило объемное изображение. На экспедиционников смотрели узкие щелевидные глаза каменного бога, и был сейчас этот взгляд не застывшим, как в натуре, а осмысленным и живым, за низким каменным лбом чувствовалась какая-то, неизвестно на что направленная работа мысли. У статуи поднялась левая рука, статуя шагнула вперед, голова ее изменила наклон, статуя сделала еще шаг, потом еще... Теперь она смотрела куда-то в сторону, казалось, она увидела там что-то или кого-то; она мгновение подумала и потом пошла туда, куда смотрела.

— Непостижимо! — дрогнувшим голосом сказал кто-то в темноте.

— Собственно, теоретически это возможно, как все знают,—

сказал чей-то очень молодой голос.— Жизненная основа не углерод, а кремний.

Статуя продолжала уходить в сторону. На дальнем плане появился объект, к которому она стремилась: такая же статуя, идущая навстречу.

— Я делал кадры с разницей в месяц,— произнес Максим.— Такой интервал пришлось выбирать опытным путем. Зато теперь, как видите, кадр за кадром создают иллюзию нормального движения.

— Вернее, привычного нам темпа движения,— отозвался в темноте голос Пал Палыча, и в этот момент в столовой-кают-компании снова вспыхнул свет.

На этот раз тишина взорвалась: сумбурные фразы произносили все одновременно, не очень-то слушая друг друга, отвечая друг другу невпопад:

— Невероятно!..

— Нас они, конечно, просто не могут видеть... движемся слишком быстро, неуловимо для них...

— Но это же очевидно!..

— Во сколько же раз у них замедлены все жизненные процессы, в десятки тысяч?..

— А как же продолжительность суток?..

— У них другое время...

— Они ведь не замечают движения своих солнц, как не могут видеть и нас, для них, наверное, на планете все время полумрак...

— Что, если увезти одну статую... одного из них... на Землю?

— Должно быть, организм сразу будет разрушен: слишком резкое убыстрение всех жизненных процессов... это как для человека мгновенная и тысячекратная перегрузка...

— Цивилизация, конечно, малоразвита, но невероятно интересна...

— Непостижимо!..

— Однако, прежде всего это означает, что в контакт с ними мы вступить не сможем,— очень громко и очень растерянно сказал Петров, и в столовой-кают-компании снова повисла звенящая тишина.

Петров действительно выглядел очень растерянным и расстроенным. Ведь его специальностью было установление прямых контактов, а не сравнительные описания; и, глядя на него, Максим вдруг почувствовал веселую легкость. Только что, слушая сумбурные речи экспедиционников, еще не пришедших в себя, он думал о том, что не часто, наверное, открытие в какой-нибудь области делает человек со стороны, специалист совершенно иного профиля, и вместе с тем, если специализация становится чересчур узкой, это неизбежно, по-видимому... Вернее, так: открытия могут рождаться и во взаимодействии самых противоположных, полярных наук. Что может быть полярнее: хроноисследования и открытие неизвестных цивилизаций во Вселенной, установление Контакта с ни-

ми?.. Но голос Петрова нарушил ход его мысли, и Максим с этим чувством веселой легкости стал смотреть на расстроенного Петрова, человека, о чьей профессии на Земле слагали легенды и которого творцы легенд, конечно, не могли бы представить себе вот таким, каким он был сейчас.

А он, хроноисследователь Максим Стрелков, уже знал, что он сейчас подскажет экспедиционникам. Он, человек со стороны, нашел ответ, какого никак не смогли бы найти они сами.

Расстроенный Петров продолжал размышлять вслух, словно перебирал варианты:

— Это ясно! Их жизненные процессы в сравнении с нашими необычайно замедлены. Мы с нашей скоростью движения для них просто не существуем, мы невидимы. С помощью Установки, фиксируя разные отстоящие друг от друга моменты, мы сможем кое-что узнать об их образе жизни, может быть, узнать даже, почему здесь, на такой планете, смогла возникнуть разумная жизнь... Однако прямой контакт... Если, скажем, перед одним из них положить письмо на линкose, ответить он сможет только через сотни лет. Сотни лет уйдет на другой вопрос... невозможно!

Максим почувствовал, что все взгляды почему-то остановились на нем. Он встал.

— Почему вы думаете, что на это должно уйти сотни лет?

Тишина в столовой сгустилась до невозможных пределов.

— С Установкой все можно сделать гораздо быстрее,— сказал Максим.— Правда, потребуется очень много энергии, но, полагаю, раз сделано столь интересное открытие, найдена такая необычная цивилизация, Дальняя Экспедиция не поспулит?

— Как же? — одним выдохом спросил Адриянов.

Максим обвел всех взглядом. Его никак не покидало это чувство победы, чувство человека, сделавшего что-то очень важное, шагнувшего дальше, чем все остальные, нашедшего истину там, где найти ее не представлялось возможным, или, что вернее, где истина по всем канонам должна была оказаться совсем иной. Но он не смог бы сделать этот шаг вперед в поисках истины в одиночку: он стоял на плечах поколений других искателей истины, ему помогали самые разные люди, жившие давно и живущие сейчас, в том числе и те, что здесь, на Ленжеване, провожали его на работу в прошлое или будущее и встречали после возвращения.

А сейчас он поможет им.

— Решение может быть простейшим,— сказал хроноисследователь.— Голограмма! Допустим, с помощью Установки и соответствующей аппаратуры тысячу лет назад рядом с одной... рядом с одним из местных жителей мы создадим объемное изображение землянина. Например,— он взглянул на белокурую лаборантку,— например, изображение Глэдис Лауме.

Глэдис слегка покраснела; все обернулись на нее.

— Через месячные промежутки,— сказал Максим,— мы будем корректировать положение изображения. Для местного жителя че-

рез год-два землянин станет реальностью, он заметит его. Дальше голограмма постоянно корректируется в соответствии с поведением местного жителя.

Стрелков выдержал паузу. Петров щелкнул пальцами и быстро заговорил, все больше воодушевляясь:

— Конечно! Это ведь все можно сделать очень быстро. Тронул кнопку, и для Установки прошел месяц, еще несколько минут, кнопка, снова месяц...

— Ну а потом, — Максим искоса взглянул на Петрова, — потом постепенно голограмма дойдет и до линкоса. Ведь им-то мы все умеем пользоваться.

*НИКОЛАЙ ОРЕХОВ,
ГЕОРГИЙ ШИШКО*

КАЖДЫЙ ДЕНЬ В ТРИНАДЦАТЬ НОЛЬ-НОЛЬ

«...В заключение мы передаем песню «Наполни ветром мои паруса» в исполнении Элеоноры Цветковой».

Зазвучала музыка, и популярная певица звонким голосом стала рыдать о неразделенной любви. Когда отзвучали последние аккорды, Сергей выключил приемник и встал со стула. Прошелся по комнате, вздохнул и отправился за ключом. Обед закончился. Сегодня он решил навести наконец порядок в заброшенном чулане, который служил их лаборатории чем-то вроде склада ненужных предметов и в обиходе именовался «хламником».

Чтобы повернуть ключ в замке, Сергею пришлось потрясти дверь и постучать по ней ногой, попутно вслух объясняя, что он обо всем этом думает. Открыв, наконец, дверь, он сделал шаг вперед, остановился и начал отодвигать в сторону какие-то древние приборы, преграждавшие путь к выключателю. Освободив проход, он увидел на полу, шагах в трех впереди, круглое желтое пятно, около метра в диаметре. «Что тут, дырка, что ли, в потолке, и солнце светит?» — подумал Сергей и вдруг остановился. Солнце на дворе не светило. На дворе шел снег.

Сергей внимательно оглядел пятно. Это была не краска и не луч света, а просто пятно, существовавшее само по себе, без всякого источника. Больше всего это было похоже на круг света от карманного фонарика, но самого фонарика нигде не было видно. И в полуметре от пола — такая же темнота, как и во всей остальной комнате... Похоже было, что кто-то взял луч света, отрезал от него ломоть толщиной сантиметров в двадцать и положил или просто забыл на полу хламника.

Сергей подошел к желтому пятну поближе, присел перед ним на корточки и начал его внимательно осматривать. Действительно, больше всего пятно походило на «ломоть» света! Сергей осторожно

протянул руку внутрь пятна. Ладонь заискрилась так, что Сергей перестал ее видеть. Тогда он встал, зачем-то застегнул халат на все пуговицы и шагнул прямо в центр желтого пятна. На мгновение стало совсем темно, и вдруг в комнате зажегся свет. Сергей невольно зажмурился, несколько раз мигнул, потом открыл глаза и огляделся.

Он стоял в залитой светом комнате, ничего общего с хламником не имеющей, — скорее она была похожа на ванную: вся белая, в кафеле. Но самой ванны и каких-либо кранов видно не было. Сергей стоял в центре «ломтя» света, который был таким же, как и минуту назад, там, в хламнике.

Прямо перед собой Сергей увидел дверь. Сделал несколько шагов и толкнул дверь. За ней был маленький коридор, в котором было еще три двери. Сергей наугад толкнул одну из них. Заперто. Он подошел и подергал другую. Дверь, тихо скрипнув, открылась. Сергей секунду-другую помедлил, словно чего-то ожидая, и вошел. Комната. Очень похожа на какую-то лабораторию, только небольшую — всего пять рабочих столов. В комнате никого не было, хотя за одним столом светился зеленый индикатор какого-то неизвестного Сергею прибора и что-то тихо и деловито жужжало.

«С обеда еще, наверное, не пришли, — машинально подумал Сергей и вдруг сам удивился: — Кто «не пришли с обеда»? Где я? Это же наш отдел и вообще...» Что было вообще, он не знал. Он был удивлен и ничего не понимал.

Сергей еще раз внимательно осмотрелся и убедился, что ему незнакомо здесь все: и сама комната, и приборы, и мебель, и картинки на стенах, и даже вид за окном — фасад какого-то ярко-розового здания с окнами, напоминающего готический собор.

Он вышел в коридор, плотно и осторожно закрыл за собой дверь, прислонился к стене и закурил. Сигарета успокоила и помогла сосредоточиться. Он любил фантастику и когда-то сам мечтал о необычном — о путешествиях к звездам, о встречах с пришельцами, о машине времени... Это помогло ему сейчас остаться хладнокровным.

«Итак, — рассуждал Сергей, — я наступил на «ломоть» света у себя в хламнике и оказался... ну, скажем, пока неизвестно где. Значит — я должен узнать, где я и что со мной произошло». Он докурив сигарету, поискал глазами урну и, не найдя ее, затушил окурки о стенку и сунул его в карман халата. Затем подошел к третьей двери, нажал на ручку. Дверь легко подалась. За дверью была комната. Кровать справа у стены, журнальный столик, кресло, дальше в углу телевизор. В кресле спиной к Сергею сидела девушка с книгой в руках.

Сергей, тихонько хмыкнув, сказал негромко:

— Здравствуйте.

Девушка, закрыв книгу, повернулась к нему, удивленно приподняв брови, и ответила:

— Здравствуйте. Вы ко мне?

— Ну, в общем, да... Хотя, не знаю... Понимаете, я сюда попал случайно и хочу понять, где я...

— Случайно? К нам в институт? Неумная шутка!

— Нет, честное слово... Идемте, я вам все покажу и попытаюсь объяснить.

Девушка легко встала с кресла, сунула ноги в домашние туфли и подошла к Сергею.

— Ну, показывайте.

Сергей вышел в коридор и вошел в «ванную». Девушка вошла следом.

— Видите это пятно на полу? — спросил Сергей, указывая на «ломоть» света.

— Вижу. И мне теперь все ясно. Точнее, не все, а только то, что вы действительно попали сюда случайно. Вернемся ко мне, и я вам все объясню.

Они вернулись в комнату. Девушка вошла первой, торопливо подняла что-то с кресла, сунула в тумбочку и пригласила Сергея сесть. Сама она устроилась напротив.

Некоторое время они посидели так, разглядывая друг друга, затем девушка улыбнулась и сказала:

— Ну, давайте знакомиться. Меня зовут Лия. А вас?

«Приятный голос,— про себя отметил Сергей,— и манера держаться... Хотя красивой ее, наверное, не назовешь».

— Меня зовут Сергей. Очень приятно.

— Ну, приятно или нет — узнаем позже. А сейчас один вопрос — кто вы по профессии?

«Волосы у нее роскошные, хоть и не длинные. И цвет необычный: русый, с рыжими прядями. Интересная девушка».

— Вообще-то я физик, занимаюсь в основном оптикой. Лазеры, зеркала, призмы и прочее.

— Понятно. Это упрощает мою задачу. Вы слышали о параллельных мирах?

«Лицо у нее тоже красивое, просто немножко серьезное. А когда улыбается, то хочется говорить глупости, причем стихами».

— Да, слышал, конечно. Наши фантасты о них много пишут, а я люблю читать фантастику.

— Нет-нет, фантасты — это не то. А ученые, физики, они занимаются параллельными мирами?

«Интересно, на вид ей лет двадцать. А сколько на самом деле? В физике разбирается... А стихи любит?»

— Насколько я знаю, наши ученые только предполагают их существование, а всерьез этой проблемой никто не занимается.

— Напрасно. Параллельные миры существуют, их множество, и все они в чем-то похожи и непохожи друг на друга. Например, в нашем мире ученые занимаются этим уже давно. Они собирают информацию и даже путешествуют в некоторые миры. Но не во все, там есть какие-то ограничения. Ваш «ломоть» света, Сергей,— это уменьшенная копия переходного канала. Как он возник, я не

знаю. Но это можно уточнить у специалистов. Хотя миров и великое множество, каждый канал соединяет только два — этот и еще один, в данном случае — ваш мир, Сергей.

«Интересно, она замужем или нет? Впрочем, не похоже...»

— Так я попал в параллельный мир? Вот здорово! А я думал, что это фантастика. Скажите, а можно посмотреть его, этот ваш мир?

— В общем-то, конечно, можно... Но... Понимаете, ваш канал возник случайно, и так же случайно он может пропасть. Параллельных миров много, и если канал закроется, наши специалисты и за сто лет могут не найти ваш мир. Поэтому я советую вам вернуться.

«Ну вот, роман кончился не начавшись. Всегда так. Такая девушка и... Феноменальная невезуха!» Сергей вдруг вспомнил свою мать, хмурого начальника, Наташу...

— Да, вы правы, Лия. Если канал может пропасть в любую минуту, я ухожу.

— Я провожу вас, Сергей. — Лия встала и пошла к двери.

«Все, спектакль отменяется, цветы ввиду отсутствия примадонны не принимаются...»

— Лия, а вы не дадите мне что-нибудь на память? Ну, сувенир какой-нибудь?

— Сувенир? — Лия задумалась, затем подошла к шкафу и достала из него комплект открыток.

«Живопись Зеленскони в музеях мира», — прочитал Сергей на обложке.

— Это знаменитый художник, писал пейзажи и виды различных городов. Очень интересно!

«Лучше бы он написал твой портрет!»

— Большое спасибо, Лия! А это вам от меня...

Сергей достал из кармана зажигалку (Ленэмальер, газовая, 9 рэ) и объяснил, что это.

— Ой, спасибо, я, правда, не курю, но сувенир красивый! Большое спасибо!

Они вошли в «ванную». Пятно было на месте. Сергей подошел к нему вплотную и оглянулся. Лия стояла у двери и смотрела на него, как ему показалось, с грустью.

«А-а-а, и тебя задело!»

— Лия, — сказал Сергей проникновенным шепотом, — а если завтра канал будет открыт, можно, я зайду? Ну, хоть на пять минут?

Лия неопределенно пожала плечами.

— Заходите. Но вы рискуете.

— Я знаю. Я зайду. Вы будете ждать?

Лия тихонько кивнула головой.

— Ну, до встреч, Лия! — Сергей театрально махнул рукой и ступил одной ногой в золотистый круг.

— До встречи, — тихонько отозвалась Лия.

Сергей еще раз махнул ей рукой и поставил в круг вторую ногу. Опять полыхнул свет.

Сергей мигнул, открыл глаза и увидел вокруг знакомые баррикады из приборов. Он вышел из канала, присел на осциллограф. Достал сигарету, закурил и начал рассматривать открытки, подаренные Лией. В живописи он не разбирался, но мог поручиться, что таких домов, автомобилей и пейзажей не встречал.

«Интересно, что скажет Марина»,— подумал Сергей, пряча открытки в карман. Затем он принялся за наведение порядка.

После часа работы в хламнике стало заметно, что здесь бывали люди. Канал на полу Сергей огородил настоящей стеной из приборов, а сверху еще и накрыл листом какого-то пластика. Один из приборов у окна был на тележке, и, откатив его, можно было легко пройти к каналу. Окончив перестановку, Сергей взглянул на часы и удивился — без двух минут три. Стоят, что ли? Нет, часы деловито тикали, и пружина была взведена почти до упора. Сергей закрыл хламник на ключ и пошел в комнату.

— Саша, который час? Мои что-то барахлят,— спросил он парня за соседним столом.

— Пятнадцать ноль одна,— ответил тот, глянув на свои электронные.— А в твоих, я давно говорил, двух камней не хватает — на один положить, другим сверху стукнуть! Ха-ха-ха!

— Пошел ты,— огрызнулся Сергей и задумался.

Он был современным человеком без всяких комплексов. Поэтому он почти не сомневался в том, что все происшедшее с ним было реальностью, а не показалось и не приснилось. Сергея занимал только один вопрос, что и как делать дальше? Подумав немного, он решил, что завтра обязательно сходит в гости к Лие, а что будет дальше, загадывать не надо.

Он встал из-за стола и пошел в соседнюю комнату. Марина сосредоточенно перелистывала колоду перфокарт, считая их про себя и шевеля при этом губами. Сергей достал из кармана открытки, снял с них обложку и громко сказал:

— Марина, есть тест!

— Какой еще тест? — удивленно спросила та, с облегчением оторвавшись от перфокарт.

— Вот репродукции. Можешь смотреть, но не переворачивать. Угадаешь художника — выполняю любое твоё желание, нет — с тебя торт.

— Ха,— усмехнулась Марина,— я-то думала... Давай свои репродукции.

Сергей положил перед ней стопочку и присел на стул рядом.

Вначале на лице Марины была ирония — в институте она считалась лучшим знатоком среди любителей живописи и не раз доказывала это. Но постепенно ирония на ее лице сменилась сначала удивлением, а затем недоумением.

— Серж! Где ты это взял? Я никогда не видела ничего похоже-

го! Ты что, откопал молодого самородка? Но если издали репродукции, почему я нигде не видела оригиналов?

— Военная тайна, Марина, — ответил Сергей, забирая у нее из рук открытки. — Я тебе потом объясню. А пока беги за тортом!

— Скажи хоть, как его зовут?

Сергей перевернул открытку и прочел вслух:

— Брюс Зеленскони.

— Никогда не слыхала, — пожала плечами Марина. — Наверное, какой-то молодой... Итальянец, что ли?

— Все ответы позже, — сказал Сергей и вышел. Реакция Марины ему понравилась — она стерла малюсенькое пятнышко сомнения, которое все-таки было в нем до этого.

После работы он позвонил Наташе, сказал, что плохо себя чувствует и поэтому сегодня не зайдет. Выслушав слова сочувствия, он повесил трубку и пошел домой.

Провалившись весь вечер на диване с размышлениями о параллельных мирах, Сергей лег спать уверенным, что увидит вещий сон. Но спал он крепко и без сновидений.

Утром на работе Сергей был возбужден и поглядывал нетерпеливо на часы, дожидаясь обеда. Едва закрылась дверь за последним сотрудником, уходящим на обед, он помчался в хламник. «Ломоть» был на месте, значит, канал должен работать. Он одернул на себе новый костюм, поправил галстук и шагнул в круг света. Опять сполохи, вспышки и опять «ванная».

«Прекрасно!» — внутренне возликовал Сергей и лихим гусаром двинулся в знакомую комнату. Постучав, он услышал долгожданное «да-а» и вошел.

Лия стояла напротив двери. На ней было яркое, явно новое платье. Волосы аккуратно уложены, косметика выгодно подчеркивала неброскую красоту лица.

«Ну, милая, а еще плечами пожимала! Еще чуть-чуть — и дело в шляпе!»

— Здравствуй, Лия! — сказал Сергей как можно задушевнее, глядя ей прямо в глаза. Затем он сделал шаг вперед и с легким поклоном вручил Лие три гвоздички.

— Прошу вас!

— Здравствуй, Сергей. Ой, спасибо, большое спасибо! Я так люблю цветы! А эти такие красивые! Никогда таких не видела!

Она сорвалась с места, вытащила из шкафа вазу и побежала за водой.

«Порядок! Теперь — прогулка с проникновенными разговорами «за жизнь», потом стихи и немного признаний».

Лия пристроила вазу на столе, отодвинув стопку книг, поправила цветы и повернулась к Сергею.

— Вчера ты хотел увидеть наш мир. Желание не пропало? — спросила она, улыбаясь.

— Нет-нет, Лия, я очень хочу. Это же страшно интересно!

— Прекрасно! Тогда пошли.

Они вышли из комнаты и начали спускаться по лестнице.

— Лия, извини, я никак не пойму: ты здесь живешь или работаешь? — спросил Сергей.

— И живу, и работаю. В нашем мире, по желанию, большинство людей поступают именно так. Корпус нашего института разделен на два крыла: жилое и рабочее. Ну а я устроилась лучше всех — живу в комнате рядом с лабораторией. Если же кто-то хочет жить в другом месте, например, за городом — пожалуйста. Но таких мало, в основном люди со слабым здоровьем. А у вас жилье отдельно, да?

«Не работай дома, не живи на работе...»

— Да, у нас отдельно,— ответил Сергей.— Но ваша система мне уже нравится. Жаль, что у нас это невозможно.

— Ничего,— улыбнулась Лия,— зато у нас невозможно многое другое, что существует у вас.

Обсуждая детали возможного и невозможного, они вышли из здания. Вокруг был разбит парк, поддерживающийся в заметной чистоте. Незнакомые деревья и кусты были аккуратно подстрижены, дорожки проложены по оптимальным для движения пешеходов направлениям.

«Неплохо живут эти параллельные...»

— Лия,— бархатно сказал Сергей,— у меня остался час, нет, уже всего пятьдесят минут времени, поэтому пусть наша экскурсия будет обзорной. Хорошо?

— Ну конечно,— кивнула Лия. Улыбка не сходила с ее неярких, но тонких и красивых губ.

«Улыбайся, улыбайся. Хорошо смеется тот, у кого все рассчитано на десять шагов вперед».

Они прошлись по парку, вышли на улицу и пошли по ней вокруг института. Окружавший Сергея мир был необычен, но не так, как мир другой планеты, а только в мелочах, в каких-то деталях, штрихах. Его окружали дома совсем обычные, но с непривычными пропорциями окон, с нетрадиционной окраской. По улице двигались, без сомнения, автомобили, но мало похожие на виденные Сергеем раньше.

Пятьдесят минут прошли мгновенно. Быстрым шагом Сергей и Лия вернулись в институт и прошли в ванную, к «ломтю». Тот был на месте.

— Кстати, Лия, ты не узнала, откуда взялся этот канал?

— Нет,— качнула головой девушка.— Я не хотела рассказывать о нем всем, а приятельница из института параллельных миров сейчас в командировке. Завтра она придет, и я спрошу у нее. Ты зайдй завтра, если сможешь.

«Рассказывать не хочет, зайдй завтра... Ну, ну!»

— Обязательно, Лия,— сказал Сергей самым обольстительным голосом, на который только был способен. Он галантно взял

ее руку и пропечатал на ней выразительный поцелуй. Затем вздохнул как можно тоскливее и негромко сказал, растягивая слова:

— До завтра, Лия!

— До завтра, Сергей! — прошептала Лия.

Сергей вступил в круг. Взмахнул рукой и благополучно вышел в хламнике. Быстро прикрыв пятно, он глянул на часы: пять минут второго! Что за ерунда? Он послушал часы — они шли, все было в порядке.

Сергей вышел в коридор и прошел в лабораторию. Там никого не было. Он глянул на лабораторные часы: семь минут второго.

«Да-а-а... — подумал Сергей, — похоже, что наше и их время текут независимо. Но тогда... Это же просто шикарно! Я могу торчать там часами, а здесь пройдут секунды. Вот это подарок... учитывая Лию!»

Он довольно рассмеялся и пошел обедать.

Вечером Сергей решил встретиться с Наташей. Он был с ней необычайно любезен, предупредителен и весел, и Наташа вначале поддалась его настроению. Но затем сверхъестественным женским чутьем она почувствовала причину этого веселья. Настроение у нее начало портиться, а затем она и вовсе замкнулась в себе. К концу вечера они поссорились...

«Ну и ладно, — подумал Сергей, осторожно идя сквозь метель к своему дому. — Подумаешь! Ничего, я-то не пропаду, у меня есть Лия и куча неучтенного времени! А ты дуйся, дуйся!»

И Сергей стал ходить к Лие ежедневно. Приехавшая из командировки Лиина подруга сказала, что канал неучтенный, как образовался — непонятно, но устойчивость его пока гарантирована — у них существовал способ проверки этого. Выяснилось и со временем. Оказалось, что именно наличие временного парадокса и позволяло путешествовать в параллельные миры. Таким образом, в ближайшее время ничто не могло помешать Сергею приходить к Лие, чем он с готовностью и пользовался.

Но странное дело: после нескольких последующих встреч ситуация начала меняться.

Сергей все чаще с удивлением стал ловить себя на мысли, что он думает о Лие как о друге. Встречаясь, они давно уже нигде не гуляли, а сидели у Лии в комнате, пили напиток, похожий на привычный кофе, хотя и со специфическим вкусом, и говорили, говорили... Они просто упивались общением друг с другом и совсем не замечали, что принадлежат к разным мирам. О чувствах друг к другу они не говорили, да это и не требовалось. Между ними как-то сразу все стало ясно, без всяких слов...

Прошло полгода. И тут на Сергея свалилось страшное горе: умерла мать. Печальные хлопоты надломили Сергея, он похудел, согнулся и даже стал как будто меньше ростом. Но самой страшной

была психологическая нагрузка. Сергей остался один, ему не с кем было разделить свое горе. Две недели он ходил страшный, осунувшийся, не узнавая знакомых. Потом он все-таки собрался, кое-как привел себя в порядок и решил: надо идти к Лие. Это его единственный друг, единственное утешение. Тем более он так давно у нее не был, что чувствовал себя подлецом.

Сергей вошел в хламник. Пятно было на месте, но что-то вроде бы изменилось в нем. Он начал присматриваться, недоумевая, и вдруг понял: цвет! Изменился цвет пятна — из золотистого оно стало ярко-алым.

Сергей сделал шаг вперед и вдруг услышал голос:

— Остановитесь, Сергей! Не входите в канал! Это опасно! Мы сейчас вам все объясним...

— Кто «мы»? — растерянно спросил Сергей.

— Мы — из мира Лии. Вы долго не были у нее, она стала беспокоиться и решила сама найти вас. И тут выяснилась очень неприятная подробность... — Голос помолчал, затем продолжил:

— Очень жаль, что вы сразу не обратились к нам, специалистам по контактам с параллельными мирами. Мы установили, что ваш канал в отличие от создаваемых нами — ложный. Это как бы «зайчик», отсвечивающий в сторону от основного потока света. В силу этого он обладал только односторонней проводимостью... Хорошо, что рядом с Лией была подруга...

— Что с Лией? — крикнул Сергей сорвавшимся голосом.

— Не волнуйтесь, с ней все в порядке... Она не пострадала, подруга успела ее вытащить обратно. Но устойчивость канала нарушилась. И если вы теперь через него пройдете, он скорее всего закроется. Навсегда. Кроме того, это может быть и небезопасно...

Голос опять ненадолго умолк, потом сказал:

— Теперь вы все знаете. Подумайте, стоит ли вам идти. Если вы откажетесь, мы сами закроем канал. Мы можем дать вам час на раздумье...

— Хорошо, — подавленно сказал Сергей и опустил на пыльный осциллограф.

«Та-ак, — думал он, — вот так история... Случись это раньше, я бы попросил закрыть канал. А теперь? Что мне надо теперь? Что у меня здесь? Я одинок, только работа да несколько приятелей. А там? Там — Лия, а я люблю ее, хоть и не говорил об этом ни ей, ни себе. Выбор: работа и любовь... Да, работа — это очень важно и нужно, раньше я считал ее главной в жизни. А теперь я знаю точно: нет. Главное в жизни — это Любовь! А работу человек найдет себе всегда и везде. Но здесь все ясно, здесь я дома. А там?..»

Сергей сидел на приборе и курил сигарету за сигаретой. Минутная стрелка часов неумолимо двигалась по кругу. Ярко-алый диск пылал у его ног. Час истекал...

АВТОПОРТРЕТ

Мелкая осенняя изморось, шуршание шин по мокрому асфальту, последние дрожащие листья над головой, припорошенные ранним и как всегда неожиданным снегом, и длинный ряд зонтиков перед входом в хорошо знакомое здание с треугольным стеклянным фонарем на крыше — Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Сегодня тех, кто пришел сюда, ожидает встреча с Мелтесом, его работы впервые экспонируются в столице. Прошла неделя, как открылась выставка, но цепочка мокрых зонтиков перед входом не стала короче: люди хотят стать свидетелями рождения нового направления в искусстве, своими глазами увидеть истоки динамической и объемной живописи.

Рассматривая работы этого оригинального и несомненно талантливой мастера, невольно приходишь к мысли, что трудно, пожалуй, найти более разительный пример тому, как искусство, его способы выражения не могут долго оставаться без изменения, рано или поздно кто-то обязательно разорвет сложившиеся веками каноны и сделает еще один шаг вперед.

С тех пор, когда древний человек впервые провел углем черту на стене своей пещеры и до наших дней, возникли и набрали силу десятки направлений в изобразительном искусстве, но плоское изображение от наскальных росписей Тассили до полотен Айвазовского и фресок Сикейроса по-прежнему оставалось одним, раз и навсегда застывшим мгновением большой и стремительной жизни. Художники всех времен и народов состязались в мастерстве показа на полотне *д в и ж е н и я*, делали попытки аллегорически изобразить *с а м о в р е м я*, но никто еще не пытался написать его обратное течение. Так было, и, казалось, не может быть иначе. До картин Мелтеса.

Его «Автопортрет» потрясает. Может быть, поначалу именно кажущаяся обыденность картины и служит запальным шнуром для последующего взрыва эмоций? В самом деле, если смотреть слева, то поначалу на картине видно изображение юноши, обычный штриховой рисунок. Правильные черты лица, еще по-детски припухшие губы, короткие выющиеся волосы и глаза, глаза, вместившие всю непосредственность возраста и невероятное любопытство ко всему, что делается вокруг. Рисунок выполнен мастерски, вы стараетесь получше рассмотреть юношу, почти мальчика, который еще только-только начинает осознавать, что за жизнь открывается перед ним во всем своем многообразии. Но стоит слегка наклонить голову, как угол зрения меняется и изображение на картине меняется тоже! На портрете по-прежнему молодость, но уже отягощенная первой серьезной ответственностью — перед вами солдат,

защитник своего дома, своего отечества. Взгляд скользит дальше, и вслед за ним непрерывно и неуловимо меняется рисунок — вот на картине мужчина, лицо «не мальчика, но мужа», супруга и заботливого отца, черты становятся тверже, внимательнее, но глаза остаются полными любопытства. Еще мгновение — и в рамке портрета цветущая зрелость, наивысший расцвет сил и способностей, жизненный опыт велик и подтвержден знаниями. Это настоящий «кортеджиано» нашей эпохи, но заметно, что мечты отступили на второй план и время соблазнов прошло.

Завороженные увиденным, ваши глаза непроизвольно продолжают движение, и вслед за ними неумолимое Время на картине все отчетливее проявляет свой бег: зрелость постепенно углубляется и в какой-то неуловимый миг переходит в иное качество, иную пору, в обиходе именуемую «пожилой». Но не остановить движение глаз, как не остановить течение жизни — теперь на портрете старик, чей путь на Земле склоняется к закату, во взгляде — глубина лет, прожитых не напрасно, но в то же время чувствуется и нечто иное: кажется, он прислушивается, как стучат часы. Новое движение — и это потрясает больше всего — в обрамлении черного прямоугольника вы видите посмертную маску! Лицо еще искажено следами последних страданий, но навсегда закрытые глаза спокойны — все осталось за той незримой чертой, что разделяет Жизнь и Смерть...

На память приходит мрачная мистика Оскара Уайльда. Едва ли мог предположить почти век назад автор «Портрета Дориана Грея», как кто-то не в воображении, а наяву создаст картину, словно живущую своей собственной жизнью! Аналогия просто поразительная — и там и тут изображения тесно связаны со своими прототипами от юношеских лет и до самой смерти!

«Автопортрет» вполне мог бы оставить гнетущее впечатление, но такового нет и в помине — картина обратима, стоит повести глазами в другую сторону. Одним только поворотом головы возвращаете портрету молодость. Рассматривая картину, я поймал себя на том, что вновь и вновь «омолаживаю» изображение, испытывая при этом удовольствие, словно делая ему дорогой и заслуженный подарок. «Омолаживаю», чуть прикрыв глаза, чтобы не видеть, как на «взводе» юное лицо становится посмертной маской. Один мой знакомый, не новичок в искусстве, заметил по этому поводу: «Вы знаете, картина вполне могла бы служить индикатором добра и зла — добрые люди чаще будут стоять около нее справа, а злые — слева». Я думаю, он прав.

Как известно, основу «Автопортрета» составляют 232 штриховых рисунка. Открытый еще в пятидесятые годы голографический способ позволяет, меняя угол зрения, поочередно увидеть все портреты, неуловимо переходящие один в другой. И заслуга Мелтеса, конечно же, не в том, что он нарисовал двести тридцать два рисунка-кадра, похожих и в то же время отличающихся друг от друга. Мелтес впервые, применив светомодуляцию и создав гале-

рею портретов в точном соответствии с замыслом, получил совершенно неожиданное художественное решение в живописи, недосягаемое иными, традиционными способами.

Разумеется, подобное не создашь за один день. Над «Автопортретом» Мелтес трудился последние годы своей жизни, вплоть до самой кончины. А началось все значительно раньше, когда он, молодой художник, только приступал к работе в отделе рекламы одной обувной фирмы. Неутомимый экспериментатор еще тогда задался целью создать динамический портрет и с завидным упорством в один и тот же день каждого месяца делал фотоснимки своего лица под разными ракурсами, всякий раз в строго определенных положениях, тщательно следя за соответствием прически и одежды. И так на протяжении целой жизни, с восемнадцати до шестидесяти восьми лет. Болезни и другие события попросту не принимались во внимание. Постепенно собиралась серия кадров, почти одинаковых, но отличающихся один от другого на месяц жизни. «Я часто брал снимки в руки и, сгибая их, как колоду карт, с силой отпускал с одной стороны. Колода с треском разворачивалась и я мог видеть, как меняется с возрастом мое лицо».

Когда Мелтесу исполнилось тридцать шесть лет, он купил кинопроектор и впервые на экране показал изумленным друзьям свой первый динамический портрет. Новшество не осталось незамеченным, и очень скоро «метод Мелтеса» приняли на вооружение киностудии, специализирующиеся на съемках сказочных и научно-фантастических фильмов. Только там пошли другим путем — разумеется, режиссеры не могли ждать десятки лет, и актеру, соответствующе загримированному, перед каждым кадром чуть-чуть подправляли грим в нужную сторону. Почти сразу же на съемках стали применять и обратный прием — не «старения», а «омоложения». Помнится, особенно эффектно он был использован в фантастическом фильме «След астрохотропа», где главная героиня на глазах у зрителей превращалась из безобразной старухи Пельги в восемнадцатилетнюю девушку, очаровательную Энни Пэйн.

Используя «метод Мелтеса», киностудии снимали фильмы, приносящие неплохие сборы, а сам Мелтес на вырученные от продажи патента средства открыл небольшую художественную мастерскую, где продолжил свои опыты. Голография к тому времени уже получила широкое распространение, стереонизображения начали входить в обиход, и цветные открытки, на которых нахальные красавицы зазывно подмигивали и делали непристойные жесты, на родине Мелтеса продавались во всех газетных киосках.

О своем первом знакомстве с голографией Мелтес пишет: «...Передо мною в витрине музея лежало богато украшенное старинное оружие, медалионы, драгоценности... Свет играл на разноцветных камнях, тусклая отточенность лезвия турецкого ятагана ощущалась почти физически. Я заходил и справа и слева — иллюзия находящихся за стеклом предметов была полнейшая. Наконец, прижавшись щекой к стене, я посмотрел вдоль оштукату-

ренной поверхности и, о чудо! — никакой витрины не увидел: в десятке сантиметров от стены на тонкой проволоке висела стеклянная пластинка, да внизу, у самого пола, подсвечивал пластинку скрытый источник света. Вот и все драгоценности... У меня сразу же возникла мысль написать картину, картину объемного изображения для демонстрации возможностей голографии».

Даты записи не сохранилось, но известно, что с некоторых пор вся увлеченность Мелтеса переключается на опыты с объемным изображением. Он закупает оборудование и приступает к новым экспериментам.

За несколько лет создается целая серия: «Ева», «Облако в горах», «Водопад». Опыты с объемикой продолжаются, но все сильнее в творчестве художника начинает звучать динамизм. Уже в «Водопаде» видны зачатки будущего направления, затем появляется «Ипподром» — и целая полоса в жизни Мелтеса связывается с созданием динамических изображений.

Казалось, художник наконец-то нашел свою струю, его картины-приборы не только неожиданны, но и высокопрофессиональны. Однако любые попытки представить их широкой зрительской публике каждый раз заканчиваются неудачей. Отвергают необычные творения музеи и художественные галереи: устроительство сомнительных электрических экспериментов не их занятие. Далеки от восторга научно-технические выставки — оборудование, используемое художником, знаменует вчерашний день голографии, оно примитивное, а зачастую и просто самодельное.

Это был настоящий тупик, притом довольно неожиданный. Потратив несколько лет на бесплодную переписку, Мелтес принимает обходный маневр. С большим трудом он заманивает в свою мастерскую известного художественного критика, слывшего «авангардистом». Однако визит пропал впустую. Осмотрев работы, критик заявил: «Это, конечно, весьма интересно, но как все прикажете описывать, в каких терминах?»

В самом деле, формирование в сознании общества нового эстетического начала требует времени и немалого. Так, не сразу в крохотной почке, прилепившейся к стволу дерева, можно разглядеть будущую могучую ветвь. «Увидеть, понять, осознать». И безусловно, отрешиться от каких-то прочных, давно устоявшихся взглядов. Вспомним: «кино — не искусство», «телевидение — не искусство», «фризография — не искусство». На все нужно время. Пока же общество смотрело «сквозь» картины Мелтеса, в упор не видя их.

Художник в растерянности — ему идет уже пятый десяток, живя в провинции, он лишен возможности общения с «высшими сферами» искусства и техники. Надежды на могучего покровителя, который вдруг появится и мигом все устроит, постепенно растаяли. Семья требовала денег, а случайные заработки уходили на дорогостоящие опыты. Удовлетворение от творчества сменяется глухим раздражением, а затем и открытой неприязнью ко всем окружаю-

шим. В семье раскол, Мелтес уходит в себя, долгое время почти ни с кем не общаясь. В глазах обывателей, ранее гордившихся своим необычным земляком, он становится выскочкой, неумным чудаком, помешавшимся на своих никому не нужных картинах, без семьи, без средств, без призвания.

Так проходит еще несколько лет, и вдруг — свет, его «Водопад» демонстрируется на очередной Всемирной Выставке в Лагосе. Но увы: среди чудес научно-технического прогресса рубежа нового тысячелетия картина Мелтеса совершенно теряется. Внимание миллионов посетителей приковано к суперкомпьютеру-мозгу, моделям первых межзвездных зондов, «дереву-кристаллу» и к странным животным-монстрам, порожденным успехами генной инженерии и невероятно дурным вкусом их создателей.

Успех оказывается случайным. Тем не менее окрыленный Мелтес не теряет надежды. Нужно выставить серию, это ясно. Но тут случается ужасное — от перегрева самодельной аппаратуры в мастерской вспыхивает пожар. Только несколько мгновений бушует огненный вихрь, но и их оказалось достаточно, чтобы большая часть работ пришла в полную негодность.

Как это пережил Мелтес, сказать трудно, только «Автопортрет», подлинный летописец его судьбы, в одно мгновение взгляда отразил глубокий надлом, происшедший в те годы. Мелтес оставляет свои опыты и возвращается к тому, с чего начинал — оформляет «объемкой» витрины магазинов и кафе. Он уже серьезно и неизлечимо болен, и мы вряд ли вообще узнали бы о нем, но, несмотря ни на что, работа над «Автопортретом» продолжалась. Расчет тут был парадоксальный, но простой: если нельзя получить признание при жизни, то стоит попробовать добиться его хотя бы после смерти!

И вот выставленный впервые на гражданской панихиде «Автопортрет» сработал подобно заряду замедленного действия, повалившего в конце концов стену неприятия и непонимания, стену, которую в течение целой жизни Мелтесу так и не удалось преодолеть...

Удивительно, но даже сейчас, после сенсационного успеха «Автопортрета» и других картин, находятся люди, которые не усматривают в творчестве Мелтеса ничего особенного. «Обычная мультипликация на современный лад», — говорят они и равнодушно проходят мимо. Что же такое динамическая живопись — искусство или ремесленничество? — до сих пор не утихают дискуссии. В самом деле, почему каждый отдельно взятый рисунок хотя и хорош, но все же зауряден, а вот сложенная как солнечный спектр в непрерывную гамму галерея портретов производит такое сильное впечатление?

Дело тут, наверное, в том, что картина Мелтеса — с и с т е м а, и восприниматься должна именно как таковая. А обычная, традиционная живопись, Врубель, например, — разве не состоит вблизи его «Демон сидящий» из набора грубых мазков на грунтован-

ном холсте? Но стоит отойти подальше, как воображение начинает заполнять разрывы между мазками и тогда пестрота красок складывается в незабываемое, волнующее полотно. Таков и Мелтес — его рисунки неотделимы от замысла, манеры исполнения и техники, специально для этого созданной. И неотделимы от самого Мелтеса и его судьбы.

Иногда можно услышать и такое: почему картины Мелтеса оставляют несравненно большее впечатление, чем «кино Мелтеса», тем более суть их одна и та же? Но ведь кадр сам по себе статичен, а рисунок живет, передавая внутренний мир человека в то самое, единственное мгновение, выхваченное взглядом! И где-то в глубинах подсознания зарождается удивительное чувство гармонии, задевая в душе невероятно тонкие, пока еще совершенно неведомые нам струны. А последний рисунок «Автопортрета» — посмертная маска, которая появилась на картине уже после смерти автора согласно его Завещанию... Это, пожалуй, единственный случай в искусстве, когда художник закончил произведение, находясь за порогом Вечности, да еще так выразительно!

Но как ни восхищаются картины Мелтеса, все же не дает покоя вопрос — условия для появления динамической живописи существуют не одно десятилетие. Однако Мелтес до последних дней жизни оставался единственным, кто использовал в изобразительном искусстве возможности голографии, хотя, как известно, и до него художники экспериментировали с динамикой и объемом. Что это — недостаток смелости, воображения или незнание художниками новых технических средств? Искусствоведы на сей счет пока хранят молчание...

Кроме «Автопортрета», до нас дошло всего несколько работ Мелтеса. В экспозиции, демонстрируемой сейчас в ГМИИ, выставлены наиболее известные из них: «Денколлет», «Ева», «Водопад» и «Становление Человека», причем «Становление...» осталось незавершенным. Незадолго до своей кончины автор взялся за тему грандиозную, но явно ему уже непосильную — изобразить предисторию появления на Земле человека, путь от питекантропа до гомо сапиенс. Сейчас только по трем десяткам «ключевых» рисунков и можно проследить замысел художника, а всего их было задумано около тысячи. Динамизм рисунков на картине должен передавать, как в глазах полузверя-получеловека начинают загораться первые искры разума. Но как это случится, мы уже не сможем увидеть никогда...

Разумеется, не все в творчестве Мелтеса следует принимать бесспорно. Эксперименты, которые он вел с «живыми красками», на мой взгляд, пока не вышли из стадии декоративного украшения. Его триптих «Осень», где написанный жидкокристаллическими составами летний пейзаж под воздействием электрического поля начинает приобретать знакомый всем с детства золотисто-багряный цвет самого грустного времени года, еще рано называть произведением живописи в самом прямом смысле этого слова. Но

не оставил ли и здесь Мелтес заявочный столб над россыпью, открыть которую суждено новым поколениям? Как знать.

Но все равно, даже то, что ему удалось сделать, уже глубокий след в искусстве, тропа, по которой рано или поздно, но обязательно пойдут другие. Такое время не за горами — несмотря на крайнюю трудоемкость работ, первые ласточки все же появились. Выставил свои работы «Пробуждение» и «Ветер» Нуэвитас, заканчивает «Морской цикл» Анна Григорьева, открылись изостудии в Новосибирске, Харькове, Дубне. Конечно, пока это только робкие всходы, но надо полагать — и живопись динамическая, и живопись объемная получают со временем все права гражданства и займут достойное место на грандиозной палитре изобразительного искусства, назначение которого потрясать души, рождать прекрасное и служить прекрасному.

ВИТАЛИЙ ПИЩЕНКО

РАВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

(П а м ф л е т)

И чего этим пришельцам надо? Какую книгу ни открой — все про них, все про них... То они ученому мировое открытие сделать мешают, то на спортивной арене каверзу какую учинят, то библиотеку НФ разорят... Так и суют всюду свой нос, так и суют!

Думаете, фантастика, мол, это все, небылицы? Я тоже так думал, пока сам в переплет не попал.

В день открытия осенней охоты все случилось. Мы, как всегда, на озера Кудряшевские втроем поехали. Добрались хорошо, затемно еще, утром постреливать начали. Чуть где шлепнет по воде, мы туда: «Бах! Бах!» А ось она, родная, — крякуша, или, на худой конец, чирок. Потом небо посветлело, ветерок потянул. Самое время уткам лететь, а их нет и нет. То ли канонада наша их распугала, то ли из яиц они в этом году так и не вылупились. Не летят, хоть умри! Часов после двенадцати мы с Сергеем тренировку устроили. Он пару бутылок пустых из багажника достал, постреляли малость... А Колька в колок березовый подался — у него на бутылку рука не поднимается. Верите, всего-то минут двадцать ходил, а принес двух сорок и дятла!

Вечером мы тушенку на костре разогрели, Сергей еще разок в багажник слазил, освободили пару-тройку «мишеней» от содержимого... Тут этот пришелец и появился. Только что это пришелец, я сразу догадался, потому как зеленоватый он какой-то, светится изнутри, и ушей у него почему-то шесть штук. Посмотрел на меня и вежливо так спрашивает:

— Простите,— говорит,— если вас не затруднит, будьте так

любезны, объясните мне, пожалуйста, цель вашего пребывания в этом месте?

— Пожалуйста,— отвечаю, а сам слова стараюсь подбирать, чтобы контакт первый не омрачить ничем.— Мы с друзьями,— говорю,— выехали поохотиться на уток и прочую водоплавающую дичь.

— Поохотиться? — вижу, пришелец понять меня хочет, а разума ему не хватает.— Это, значит, убить? Вероятно, с целью получения пищевых продуктов?

— Ну что вы! — улыбаюсь.— Какой с чирка продукт! Мяса с кулачок, да и то так дробью начинено, что годится только для крыс, травить их. А вот этих птиц,— и на сорок и дятла, Колькой добытых, показываю — и вовсе не едят. Охота — чисто спортивное мероприятие, благо одно, можно сказать, развлечение.

— Спортивное? — переспрашивает пришелец.— Спорт, насколько я понимаю, подразумевает наличие равных условий для обеих сторон?

— Конечно! — говорю. — Утка имеет возможность улететь, я — возможность в нее попасть. Мы оба абсолютно равноправны!

Силится пришелец до конца во всем разобраться и не может. Губы покусывает, на «тулку» мою косится. Потом осторожно так:

— Извините, но если я не ошибаюсь, скорость полета утки не превышает семидесяти километров в час, в то время как скорость, с которой вылетает заряд из дула вашего оружия...

— Ах, вот что вас смущает! — говорю.— Вы просто забыли, что реакция у утки значительно быстрее, чем у меня! Кроме того, все ее чувства обострены характерной атмосферой спортивного соревнования. Так что возможности у нас самые что ни на есть равные!

И тут меня понесло!

— Корни спортивной охоты,— говорю,— берут начало в глубокой древности. И всегда охотник предоставлял добыче свой шанс. Это главный и неизменный закон всех настоящих охотников Земли! Такой шанс имеет любой заяц, каждый лось, так же как в свое время имели его саблезубый тигр или мамонт!

— Мамонт? Это такие хоботные? — говорит пришелец.— Но ведь они, кажется, вымерли?

— Да,— киваю с грустью.— Очень плохо использовали свой шанс. Вы не представляете, какая это потеря для всех охотников планеты! Что может быть чище и возвышеннее охоты на мамонта?! Вы посмотрите, что сейчас творится! Медведи в Красную книгу записались, волки из разряда хищников переведены в число «санитаров природы». Эх!

Расчувствовался, слезу даже пустил. Смотрю, и пришельца проняло.

— Я,— говорит,— очень рад, что могу утешить вас в вашем горе. Пускай мне будет объявлено взыскание за нарушение правил

поведения на чужой планете, но я сделаю все, чтобы вы приняли участие в охоте на мамонта!

И сделал...

Стою я одетый в плохо выделанную шкуру, в руке у меня вместо верной «тулки» сучковатая дубина, а прямо передо мною — Он. Огромный, размером с автобус, изо рта слоновая кость торчит, а глаза!.. Я такой взгляд только раз в жизни видел — когда меня в трамвае контролер без билета поймал.

В общем, как я на вершине скалы очутился, сам не знаю. А он не уходит, внизу топчется. Урчит что-то, хрюкает, на хоботе подтянуться пытается. И что ему от меня нужно? Помню, в школе рассказывали, что они травоядными были...

Потом отошел он немного, растительность поедать стал, но в мою сторону то и дело поглядывает. А я сижу... Холодно, дождь моросит. Шкура моя набедренная намокла, липкой стала, противной... Недалеко еще одна скала, под ней пещерка узкая, уютная, на нору похожая. Оттуда-то ему меня не достать! Добежать бы, спрятаться... А боязно, вдруг не добежу! Возможности-то у нас с ним равные...

АЛЕКСАНДР СКРЯГИН

ТОТ, КТО ОКАЗАЛСЯ ПРАВ

Гримо был не прав! Нет! Прав был я! Все получилось именно так, как я говорил! Ведь теперь даже трудно себе представить, что когда-то мы обходились без гленов!

Я смотрю на своего глена. Но что это? Он будто ухмыляется мне в лицо? Но ведь он не может этого делать! Не может! Ведь это только для контролеров и надсмотрщиков глены такие же живые люди, как и мы. Но я-то знаю, что глен — всего лишь кукла! Большая тряпичная кукла в натуральный человеческий размер с лицом, выкрашенным белилами, и туловищем, набитым старыми тряпками и картоном, которая привязана тонкими незаметными веревочками к ногам и поясу и потому беспрестанно дергающаяся от наших движений. Со стороны представляется, будто глен, стоя за верстаком, действительно что-то делает. Но это, конечно, не так.

И все же, мне кажется... Мне кажется, что... Нет, мне это просто кажется!

Я глядываюсь в черноту, окружающую непроницаемой стеной маленькое освещенное пространство вокруг наших верстаков, стоящих в два ряда друг против друга. Я чувствую, что это действительно стена, мягкая, бархатистая и отвратительно живая на ощупь, состоящая из бесчисленного множества омерзительных прозрачных непрерывно шевелящихся ресничек, в которых человек мягко утонет, как в гигантском слое мха. А там, за ресничками,

внутренности этой черноты: желудок и покрытые слизью судорожно сокращающиеся сосуды, и там с человеком происходит что-то такое дикое и страшное, что нет сил и в то же время хочется пред-
ставить.

...И все же прав оказался я! Не Гримо, нет! Я!

После того как контролеры объявили новый закон о том, что каждый работник не может делать в день больше одной тысячи коробков, мы собрались на совет. Контролеры объявили, больше тысячи коробков нельзя делать потому, что это вызывает перенапряжение наших сил и может плохо сказаться на нашем здоровье. Так они говорили. Но настоящая причина была в другом. И мы это поняли.

За каждую тысячу коробков мы получали дневную норму: две луковицы, ломоть хлеба и кусочек соленого сала величиной со спичечный коробок. А через десять дней, за десять тысяч коробков, — мы получали право подняться наверх и целый день провести там, где светит солнце и плещется о берег шипящее и прозрачное море. Мы могли лежать на шершавом, теплом и сухом песке, подставляя свои лица горячим желто-фиолетовым лучам, после которых наша влажная, белая и бархатистая от нездорового климата Пещеры кожа становилась сухой, упругой и начинала приобретать коричневатый оттенок, правда, едва заметный, ведь мы могли подставлять свое тело солнцу только раз в десять дней.

Зато этот день был похож на сказку!

На пляже вдоль моря стояли гимнастические снаряды и стойки, мы могли упражняться на них, и наши мускулы словно наливались радостью. Ожидание этой сказки давало нам силы! А опыт, накапливающийся за годы однообразного труда, позволял работать все быстрее. И вот настал день, когда Умелец сделал за десять дней не десять, а двадцать тысяч коробков! И смог провести там, наверху, не один, а целых два дня!

А вслед за ним это сделали и другие. Затем мы достигли и невероятного прежде рубежа в тридцать и сорок тысяч коробков, а Умелец однажды сделал сто! Сто тысяч! И за это целых десять дней был наверху! Купался в море, гулял по белым песчаным холмам, валялся на пляже. И хотя от отдыхавших аристократов, контролеров и надсмотрщиков его отделяла высокая — в три человеческих роста — сеть из стальной проволоки, он был почти как они!

Вот после этого аристократы, чтобы закрыть нам путь наверх, и придумали закон, который не разрешал склеивать больше одной тысячи спичечных коробков в день, и, значит, теперь мы могли получать в день только один свой рацион и только один раз в десять дней — не чаще — подниматься к солнцу.

Тогда мы все стали думать, что же нам теперь делать?..

Гримо сказал, что нам надо перебить надсмотрщиков и контролеров или заставить их самих работать внизу, а самим подниматься наверх!

Но это был глупый план! Глупый, потому что неосуществимый! Гримо думал, что он один такой умный! А что стало с Бемом Языкастым, который ударил надсмотрщика? Он исчез! И не вернулся до сих пор! И, наверное, не вернется никогда! А куда делся Гам Лукавый? Не он ли кричал в ту ночь так, будто с ним делали что-то ужасное? И то же самое будет с нами! Так думал не я один, так говорили между собой многие! И это я сказал вслух! В первый раз мы разошлись, так ничего и не решив.

Но все-таки надо было что-то делать! И я придумал!

Я работал всю ночь, пока все спали. Когда мы собрались снова и Гримо сказал: «Может быть, мы и погибнем, но другого выхода у нас нет!», я ответил ему: «Есть!»

И показал глена.

В глазах надсмотрщиков и контролеров глен ничем не отличается от нас. Смотрите, он такой же, как мы, — белый и румяный. На нем такая же синяя мешковатая куртка, как и у нас. Конечно, глен не может работать. Но ведь за него можем работать мы! Глен не может работать, зато глену не нужно и отдыхать. Ему не нужно ни солнце, ни сало, ни сухой песок! Ему не нужно ничего! Ведь это кукла!

Сначала никто ничего не понял. Но я объяснил.

Каждый из нас не может склеивать больше тысячи коробков в день и больше десяти тысяч — за десять дней. Так говорит закон. Но, если я все-таки склею за день две тысячи, а контролерам скажу, что половину из них сделал глен, то закон не будет нарушен. Каждый из нас — я и глен — получит свою норму питания и выходной день наверху. Но на самом деле и сало и отдых — все достанется мне одному. Ведь глену ничего этого не нужно! А надсмотрщики и контролеры все равно не заметят, кто из нас поднялся наверх — живой человек или глен, ведь они нас даже не замечают, для них мы все — на одно лицо!

Мы будем работать за наших гленов, но мы будем за них и получать. Каждый из нас может иметь столько гленов, сколько норм он в силах выполнить!

Гримо все-таки продолжал стоять на своем. Но его почти никто не поддерживал.

И все получилось так, как сказал я.

Рядом с нами стали за верстаками внешне ничем не отличающиеся от нас фигуры гленов, со стороны — для надсмотрщиков и контролеров будто работающие, а на самом деле — просто держащиеся в такт с движениями наших тел. Через некоторое время мы все так привыкли к нашим гленам, что они стали для нас чем-то вроде друзей. Я даже стал разговаривать с моим гленом, будто он живой, а не тряпичная кукла...

И все же, мне кажется... да, мне кажется... Я вижу, что они усмеваются и подмигивают мне своими глазами из зеленых бутылочных осколков!..

Но ведь этого же не может быть! Наверное, я просто устал. Де-

ло в том, что затея с гленами все-таки имеет маленький недостаток: нельзя снижать двойную норму выработки, ведь это будет означать, что кто-то из нас — я или глен — не выполнил норму, а это сразу привлечет внимание контролеров и все может раскрыться! Я не Умелец, у меня только один глен, и все же работать даже за него одного мне трудно. Раньше я мог делать две нормы время от времени, теперь, после моего изобретения, — я должен делать это всегда. И трудно приходится не мне одному.

Но ничего! Ничего! Я сделаю твою норму, глен, будь спокоен! Я не подведу тебя!

Но что это? — кто-то толкает меня под руку. Кто это? Глен??? Наверное, он просто сдвинулся со своего места и навалился на меня своим туловищем... Да!

Так, ну вот и контролеры катят между верстаками свой огромный, окрашенный в красное, металлический ящик на скрипучих, деревянных — чтобы не ржавели — колесах. Какой неприятный влажный скрип!..

Да, вот это тысяча коробков — моя, а это — моего напарника... Не больше — тысяча, как положено. Мы закон знаем. Почему он молчит? Просто он такой неразговорчивый. Все в порядке!

Ящик медленно катится дальше, к другим верстакам.

Теперь у меня не две луковицы в день, как раньше, а четыре, не один кусочек сала, а два! И это совсем не плохо!

Все-таки я был прав, дорогой мой Гримо! И зря ты до сих пор не сделал себе глена. Зря! Два кусочка сала — это прекрасная вещь! И два дня отдыха наверху — тоже! Ты же не будешь с этим спорить, дорогой Гримо!

Но что это? Что это? Буд-то... Померещилось! Мне просто померещилось! Я устал. Все время делать двойную норму тяжело. Очень тяжело. Но отступить нельзя. Это может разоблачить глена. И тогда все пропало!

Так, сейчас я пойду в свою пещеру. А ты, глен, оставайся. Ведь тебе все равно где ночевать...

Но что это? Что это? Рука глена медленно поднимается к лежащей на верстаке кучке луковиц, сала и хлеба, полученных от контролера. Его плоская твердая деревянная ладонь разрезает ее напополам и уверенно отодвигает одну часть к себе. Что это? Я сплю?... Я пытаюсь остановить его руку, хватаю глена за локоть, и вдруг ощущаю вместо мягкого тряпичного тела под одеждой что-то твердое, словно кости... Что это? Я схожу с ума! Я смотрю на своего глена... Он усмехается мне в лицо, отвратительно оскалив свои лошадиные деревянные зубы! Я оглядываюсь вокруг. Прямо на меня по проходу между верстаками, дергаясь своими нелепыми телами, медленно идут глены...

ЗНАМЕНИТОСТЬ

Рольф Герман, когда приезжает из своих командировок, всегда полон новых рассказов. Так и сегодня. Побывал на старых стартовых площадках и бывших пусковых комплексах и нахватался впечатлений. Там кое-где еще сохранились старинные космические корабли, их-то с радостью и облазил Рольф.

И историю нынче привез сногшибательную. А рассказал ее не кто иной, как Константин Атиров, сейчас старенький сгорбленный человек, с головой, обсыпанной серебром. А в прошлом это был ас космического пилотажа, гремевший на всю Солнечную систему. Сейчас он работал директором музея космотехники и очень гордился своей должностью.

— Представляешь, Василий, я его вначале и не узнал, — признался Рольф. — Как летит время! Еще совсем недавно вся планета молилась на него, и вот вчера я видел этого бога в администраторском кресле. Все-таки несправедливая штука это — жизнь... Пока силен и здоров, ты на коне, но только сил поубавилось, как остается одно — сидеть и протирать в кресле штаны.

Зато Константин подарил мне шикарную историю, прямо для твоей коллекции о знаменитостях. Подходит на все сто пятьдесят процентов!

Происходил этот случай давно, на самой заре пассажирских космических путешествий. Группа знаменитых журналистов, писателей, музыкантов, художников обратилась тогда в Президиум Ассоциации космонавтов с просьбой устроить им небольшое космическое путешествие в пределах Солнечной системы. Служителей муз можно было понять: пассажирские перевозки еще только-только зарождались, а билет даже туристским классом стоил немало. Поэтому мотивировки на прошение были очень убедительны и просты: люди осваивают космос уже давно, а хороших произведений о космонавтах и пространстве еще не создано.

Президиум Ассоциации откликнулся на их просьбу и согласился организовать рекламный рейс по маршруту Земля — Юпитер — Земля, чтобы ознакомить эстетов с неземным образом жизни.

Рейс по этой трассе, хоженной-перехоженной, абсолютно безопасен, поэтому для полета выбрали крупный пассажирский лайнер «Лидия», только что доставленный с завода. И не случайно. На корабле все предельно автоматизировано и механизировано, и поэтому лайнер требовал минимума человеческого участия. Команда «Лидии» состояла из небольшого экипажа, который возглавил Константин Атиров; бортмехаником у него был Свен Маркелли, ну и обслуживающий персонал — десять бортпроводников и повар.

Маршрут был безопасный, поэтому в рубке у Константина Атирова всегда было полно гостей. Обычно спрашивали про космические аварии, о встречах с кометами и астероидами... И каждый в разговоре с капитаном пытался подчеркнуть свою осведомленность, вспоминая написанное или придуманное, хвалясь своими связями с высоким начальством и т. п. Художники с гордостью рассказывали о своих картинах на космические темы, музыканты насвистывали синтетически-космическое... Более самоуверенных людей, чем эти эстеты, Атиров прежде не видывал.

Неудивительно, что через две недели полета Константину Атирову до чертиков надоела эта талантливая, но очень уж претенциозная толпа, и у него появилась мысль как-то освободиться от утомительного общения с этой публикой.

Свою ленту в настроение Атирова внес и Свен, когда пришел в рубку поплакаться Константину. Маркелли жаловался, что его владения — машинное отделение — делегации посещают три раза в день и допекают расспросами. Но самое обидное заключалось в том, что художники и музыканты на самом-то деле ни черта не понимают в технике, задают вздорные вопросы и при этом остроумно вышучивают механика. Да, сказал Свен, с юмором у меня плоховато, я не умею парировать шутки и оказываюсь в жутком и смешном положении. Более того, привыкнув ко мне, эстеты начинают учить меня, как мне работать.

Константину Атирову стало обидно за себя и за Свена; поэтому он решил что-то предпринять. Он заперся в рубке и не думал никого к себе пускать. Скоро у него родился замечательный план, и он решил его осуществить.

Однажды утром на корабле завывли сирены аварийного сигнала. В громкоговорителях внутренней связи раздался взволнованный голос Атирова:

— Внимание! Крупный астероид столкнулся с нашим кораблем. Обшивка в рубке повреждена. Перехожу на аварийный режим работы. Дорогие пассажиры, я прошу соблюдать спокойствие и не отвлекать экипаж от работы.

Атиров надел скафандр, повертелся для приличия перед глазком телекамеры. По его словам, из-за поломок вход в рубку оказался заклиненным, поэтому ему придется остаток пути довольствоваться одиночеством. Но рубку он не покинет, ибо обязан управлять кораблем.

После этого камера отключилась — сломалась. Она получила повреждение при столкновении с астероидом. С капитаном оставалась только радиосвязь, но и она действовала крайне нестабильно, грозясь в любой момент выйти из строя. Поэтому капитан пользовался ею очень осторожно.

Из-за столкновения с астероидом на корабле нарушились системы жизнеобеспечения, перестал поддаваться контролю тепловой автомат, автомат регенерации воды, часть бытовой техники.

И за Свенom по коридорам и отсекам корабля ходила теперь

большая толпа пассажиров, они просили отремонтировать то один, то другой прибор. Естественно, что служителям муз очень хотелось ходить бритыми, умытыми и спать в прохладных помещениях.

Так продолжалось около недели, и однажды перед посадкой на Землю, когда Атиров сидел в уединении в рубке и играл сам с собой в шашки, люк тихонечко отодвинулся в сторону и появился Свен.

Атиров посмотрел на него с укоризной:

— Почему пришел без вызова? У меня же в рубке космический вакуум и без скафандра нельзя находиться...

— То-то я смотрю, что ты совсем ослаб без кислорода,— улыбнулся Свен.— Ишь разлегся, даже завидно. А тишина-то какая!.. Но я пришел по делу. Слушай, кончай крутить регуляторы на своем пульте. Меня пассажиры и так уже в ранг внука солнца возвели и не сводят с меня открытых ртов. Обещано написать с меня пять портретов, посвятить мне три поэмы, сочинить в честь меня космическую оперу; трое обещают написать от моего имени космическую эпопею.

— Слушай, а как ты догадался?

— Я вначале чуть не поверил в аварию,— сказал Свен.— Уж больно все было натурально. Потом присмотрелся к автоматам. И что получается? Уж больно все по системе. Во-первых, ни в одном общественном помещении ничего не сломалось, я имею в виду столовую, клуб, баню, бассейн. Зато в жилых помещениях! Тут ты уже постарался создать за минимум времени максимум неудобств для пассажиров...

— А знаешь, почему я так поступил? Мне стало обидно за тебя и за твою профессию механика. Ведь ты практически один обслуживал в эти дни всю эту компанию, а они только кичатся и каждый из них считает себя самой большой знаменитостью. А отрегулировать температуру не могут! Вот и получается, что без тебя ни на шаг никуда... Могу честно сказать, что самая большая знаменитость в эти дни и в этом секторе пространства — это ты, механик Свен! Ибо в тебе нуждается сейчас больше всего людей.

Потом Атиров подумал и еще раз повторил:

— Да, самая большая знаменитость не только в космосе, но и на Земле — человек дела. Только так. Поэтому иди и работай. До посадки — пять часов...

ВАЛЕРИЙ ГУБИН

ДЕСЯТЬ МИНУТ В ПОДАРОК

Я приехал в Ригу в командировку на всесоюзный симпозиум по проблемам управления. Симпозиум проходил в Доме ученых на Рижском взморье. Вечером по окончании заседания должен был состояться концерт. Сидеть в душном зале мне не хотелось, и я

пошел прогуляться. Шел по бесконечно длинным улицам, тянувшимся параллельно пляжу, было тихо, только шумело море из-за дюн, и пустынно, поскольку дачный сезон еще не начался. Дома стояли с закрытыми ставнями, редкие прохожие не мешали мне думать. Пару раз я вышел к морю, но холодный ветер снова загнал меня к домам. Здесь прошло мое детство: всевозможные санатории и пионерские лагеря, куда мать забрасывала меня на все лето, бесконечно уставая за зиму от моего шумного существования. Детские переживания, радости и тревоги постепенно возвращались вместе с памятью о безвозвратно ушедших годах, наполняя меня грустью.

Незаметно я прошел порядочный кусок, смеркалось, пора было поворачивать назад. И уже решив повернуть, я увидел дом, деревянный, двухэтажный, с верандами, с разноцветными стеклышками по углам больших окон. В этом доме я в пионерском лагере провел подряд пять или шесть летних каникул. Здесь я в первый раз влюбился в девочку из старшего отряда, здесь просыпался по ночам и долго лежал, слушая, как шумит море, а по утрам, открыв глаза, видел, как раскачиваются кроны сосен за окном.

Я долго стоял, разглядывая дом, темный, пустой, с заколоченной досками дверью, и во мне вдруг начала шевелиться странная мысль, которая и раньше, уже много лет не давала покоя — куда же делись все эти годы, такие живые, плотно наполненные моими ощущениями, словами, запахами моря, травы, высохшего дерева, моими радостями и горем. Сколько раз, обиженный кем-нибудь, я забирался в те кусты у забора и безутешно плакал там, и мне каждый раз казалось, что мое горе так огромно, что оно никогда не пройдет. Сколько раз я радовался здесь незначительным удовольствиям детства — купанию в море теплым вечером, чернике в лесу или лишней порции компота, — в то время они казались мне вполне достойными той энергии, которую я на них тратил. Неужели все это исчезло без следа и живет лишь жалкой призрачной жизнью в глубинах моей памяти? Ведь это была не только моя жизнь, она тесно переплеталась тогда с десятками других жизней — я зависел от них, а они от меня, а потом все исчезло, как будто никогда не существовало. На секунду показалось до жути странным — много людей: дети, взрослые, врачи, повара — все это жило, шумело, суенилось, а теперь я стою и ощущаю, что ничего этого больше нет. Так прочно все кануло в небытие, в темную воду забвения, что даже кругов на поверхности не осталось. Большинство взрослых из моего детства, наверно, уже умерло, да и сам дом, судя по его виду, кажется, назначен на снос, в нем явно несколько лет уже никто не жил. Мне стало невыносимо грустно, я повернулся, чтобы пойти прочь, как вдруг почувствовал, что дом меня не пускает. Он стоял, в сумерках нависший надо мной серой глыбой с темными окнами-глазницами, и не отпускал.

Может, моя детская душа бродит там, я ее оживил своим присутствием, до этого она спала, впечатавшись в причудливый узор

трещин на потолке или в разноцветные стеклышки веранды, а теперь ожила и бродит, смотрит на меня из темных окон.

Я отворил ветхую калитку. Доска с ржавыми гвоздями легко оторвалась от косяка, дверь оказалась незапертой. Внутри, на веранде, пахло сыростью и пылью, толстый слой которой лежал повсюду — на полу, на сваленных в углу в кучу столах и стульях. Я прошел в коридор и стал подниматься по скрипучей лестнице вверх. Вот здесь была спальня, там у окна стояла моя кровать. Тут и сейчас было несколько кроватей с голыми панцирными сетками. Я прислушался. В доме стояла густая вязкая тишина, только на лестнице что-то еле-еле потрескивало после моих шагов. Я составил к окну несколько кроватей, с грохотом передвигая их по комнате и каждую минуту замирая и вслушиваясь в дом, потом взял прислоненный к стене лист фанеры, положил его сверху, снял плащ и, несколько секунд поколебавшись, лег на фанеру, положив плащ под голову.

И снова увидел в окне над головой те же сосны, которые снились мне ночами последние тридцать лет и которые я иногда, очень редко, вспоминал наяву. Они стояли неподвижно, две большие темные кроны, почти касающиеся друг друга. Потом подул ветер, они зашевелились, закачались и зашумели, как будто приветствуя меня после столь долгой разлуки. Я был вполне счастлив, исчезло напряжение, державшее меня последний месяц, на глаза наворачивалась сладкая дрема, я закрыл их и услышал, как ветер дунул еще сильнее, где-то хлопнула форточка, и пустой дом загудел всем своим высохшим деревом. Потом я подумал, что сосны за эти годы должны были бы вырасти, но почему-то остались такими же, они и сейчас так же шумят и шевелятся, как живые существа, как будто хотят мне что-то сообщить, прорваться к моему пониманию. Хотя сейчас я уже не понимаю, я ничего не слышу в этом шуме. Только в детстве я мог бы что-то разобрать, но в детстве я не обращал на них внимания, их присутствие в моем окне было таким же естественным, как присутствие луны или мельканье пролетающих птиц. Когда же на море случался шторм, они так сильно раскачивались и шумели так громко и зловеще, что я начинал бояться и прятался под одеяло.

«Природа ведь тоже ребенок,— подумал я, засыпая.— Большой ребенок, и пытается обращаться, разговаривать только с детьми. В детстве все другое — и море, и солнце, и деревья, но эти обращения к нам мы вспоминаем, только став взрослыми, и чаще всего они кажутся нереальными. Мы не помним точно, были ли они в действительности или только снились нам в каких-то далеких детских снах». И вот сейчас, лежа на фанере, я вдруг вспомнил, что они были, эти обращения ко мне, я их слышал в шуме сосен, в утреннем луче солнца, медленно скользящем по стене к моей кровати, в запахах вечернего засыпающего леса.

Проснулся я от шума. Я открыл глаза и замер, стараясь не

шелохнуться. Детский голос из дальнего угла быстро и взхлеб рассказывал:

— Потом они вдруг узнают, что к тому поезду, который партизаны должны были пустить под откос, фашисты прицепили вагон с военнопленными, чтобы себя застраховать. Не будут же партизаны взрывать своих! Но подрывники ушли раньше и ничего о вагоне не знали. А поезд уже вышел. И тут этот парень, ну, которого играет Гурзо, садится на коня и показывает класс! Он мчится как ветер, догоняет поезд, прыгает и в последнюю минуту отцепляет вагон.

Я лежу, недоумевая, и вдруг узнаю, это голос моего лучшего друга тех лет — Женьки. Мы с ним несколько лет подряд вместе ездили в лагерь. Но с тех пор я больше никогда его не видел и почти совсем забыл о нем. Женька продолжает звонко пересказывать популярный фильм тех лет «Смелые люди». Я слушаю и чувствую, как теплая слеза бежит у меня по лицу и скатывается в ухо.

— Валера, ты спишь, что ли?

— Нет, Жень,— отвечаю я,— я не сплю, я плачу.

— Что же ты, дурак, плачешь, там ведь все хорошо кончилось, никого не убили.

— Я над фильмом плачу, я над нами плачу, мне нас жалко, потому что ни меня, ни тебя давным-давно уже нет.

— Что, уже умерли? — хихикает Женька.

— Да нет, мы еще живем, но уже совсем, совсем не такие, как сейчас.

— Ребята, да он спит и во сне с нами разговаривает! — восхищенно орет Женька.

Рядом со мной в стену плюхается подушка, кто-то свистит, шлепают босые ноги, поднимается жуткий гвалт. И тут мы все замираем, слыша, как тяжело скрипят ступени лестницы, и молодой женский голос гневно восклицает еще из коридора:

— Кажется, кто-то всю ночь будет не спать, а стоять в углу.

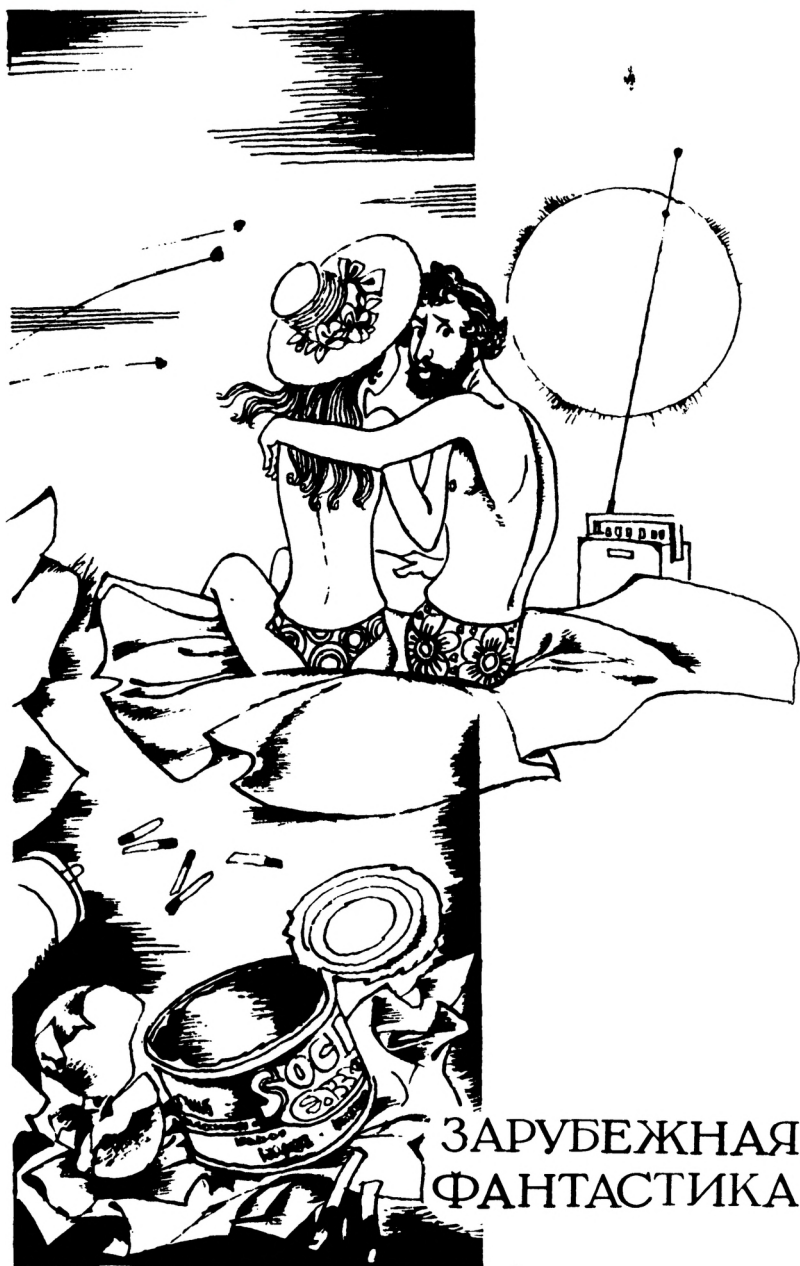
Все бросаются к своим койкам, через секунду воцаряется мертвая тишина, я тоже закрываю глаза и даже пытаюсь громко сопеть, изображая спящего.

Я опять просыпаюсь. Комната уже залита лунным светом. Сажусь на своей фанере и вижу пустые, в беспорядке разбросанные кровати с голыми сетками, опрокинутую тумбочку у двери, и мне становится страшно — что я здесь делаю один, в заброшенном доме? Я встаю и, почему-то стараясь не шуметь, спускаюсь вниз. Отойдя от дома несколько шагов, я оглядываюсь. Луна просвечивает сквозь левую веранду, и дом кажется наполненным странным неестественным светом, хотя окна посредине по-прежнему черные. Я делаю несколько шагов и тут краем глаза вижу, как в окне нашей спальни на втором этаже появляется детская голова. Вздвогнувшись, я бросаюсь к забору и пристально всматриваюсь... Нет, померещилось. И уже решительно иду дальше. Мои каблуки громко стучат

по аккуратным резным плиткам мостовой, тени деревьев беспорядочно перегораживают дорогу. Я иду и думаю, что, видимо, ничто никуда не исчезает, а время течет и пропадает только в нашей будничной, постоянно устремленной вперед жизни. Лишь в редкие минуты озарения мы вдруг отчетливо понимаем, что наша истинная жизнь в вечности, которая никуда не течет, а существует вся сразу, во всех своих моментах. Так же, как существует всегда вечно молодая природа, вечно с нами играющая. Иногда она перевозмогает себя и свой детский лепет превращает в яркую, полную жизни картину. Вот и теперь, час назад, она подарила мне десять минут моего детства. И Женька все время рассказывает своим высоким захлебывающимся голосом о смелых людях, и все печали, радости и запахи детства продолжают вечно жить в этом доме и открываются всякому, входящему туда с трепетным сердцем.

ЗАРУБЕЖНАЯ
ФАНТАСТИКА

ФУТУРОЛОГИЯ И ФАНТАСТИКА

Научная фантастика по самому смыслу термина предполагает органическое сочетание прочной научной основы с вольным полетом воображения. Разбирая произведения этого жанра, аналитики, как правило, стремятся уяснить, что в них от науки, то есть надежно постулировано, опирается на достоверный прогноз, а что от фантазий, то есть, грубо говоря, ничем не гарантировано. При этом как бы принимается за аксиому научность самой науки, тех или иных идей, от которых отталкивается автор. А между тем есть ведь и псевдонаука, и мракобесие, рядящиеся в одежды научного знания. Средневековые схоласты считали себя ученейшими людьми, и у них были на то свои основания: они наизусть знали тексты Аристотеля.

Это соображение необходимо иметь в виду, когда имеешь дело с нынешней западной фантастикой. Что касается естественно-научной стороны, то тут дело обстоит достаточно благополучно. Представления о генетическом коде и атомном ядре, об отношениях между человеком и ЭВМ, о гипотетическом контакте космических цивилизаций и т. д. имеют достаточно объективное содержание повсеместно. В той мере, в какой истины, относящиеся к этой сфере, открыты, признаны и доказаны, они могут служить надежной основой для фантастических догадок независимо от того, кто и где этим занимается. Здесь критерий один — мера образованности или учености, литературный талант, прогностическая интуиция.

Но за редкими исключениями фантастика почти никогда не ограничивается сферой естественнонаучной. Чаще всего она строит свое предвидение или домысел, отталкиваясь от достижений как естественных и технических, так и социальных наук, иначе говоря, соединяет жюль-верновское направление с уэллсовским. И как раз тут ахиллесова пята западной фантастики. Отвергая возможность опереться на единственно научную теорию общественного развития — марксистско-ленинскую, она тем самым лишает себя надежных ориентиров и, следовательно, не может считаться научной в полном смысле этого слова.

Разумеется, было бы неверно утверждать, что это относится ко всей западной научно-фантастической литературе, в создании которой участвует немало прогрессивно мыслящих талантливых художников.

Ну а как обстоит дело с футурологией, которая сформировалась в послевоенные годы на Западе и претендует на комплексное

исследование будущего? Не может ли она служить подходящим теоретическим фундаментом для научной фантастики?

Испокон веков одним из самых сильных и страстных желаний человека было постигнуть свою судьбу. В Древней Греции наибольшим почетом был окружен храм Аполлона в Дельфах: устами оракула всеведущий бог извещал царей и героев, какая участь уготована им олимпийскими небожителями. В их составе были хитроумные богини судьбы — мойры, функцией которых являлось раскрытие смертным ожидающих их сюрпризов. В средние века ни один уважающий себя монарх не обходился без придворного астролога.

В отличие от наших прашуров мы располагаем теперь возможностями не гадать о завтрашнем дне, а систематически исследовать его средствами современной науки. Одним из результатов гигантского прогресса в раскрытии тайн природы и общественной жизни стало выделение в самостоятельную отрасль знания прогностики, в арсенале которой экстраполяция и социологические опросы, моделирование и сценарная разработка экономических процессов, многие другие методы анализа перспективы. Решающее значение для ее успехов имело появление электронно-вычислительной техники, позволяющей в короткие сроки просчитывать огромное количество эмпирических данных и делать на этой основе необходимые обобщения.

Как и полагается, на первых порах всякая удача прогностики встречалась овалцией, а промахи снисходительно ей прощались. Но стадия эйфории прошла быстро. Один за другим стали обнаруживаться крупные просчеты в оценке перемен, которых следовало ожидать в рыночной конъюнктуре или денежном обращении, во внутренней или международной политике. Причем речь шла не о предсказаниях на десятилетия вперед, не поддающихся проверке, а от краткосрочных прогнозах — на год-два.

Любая теория может быть сведена в конечном счете к предвидению. Более того, теория становится научной только тогда, когда высказанные на ее основе гипотетические предположения оправдываются на практике. Иначе говоря, подтверждение способности предвидеть — это своего рода сертификат научности. Именно на такой основе химия отделилась от алхимии, астрономия — от астрологии, медицина — от знахарства. Таким же образом социальная наука отделилась от преднауки — всего арсенала социальных и политических учений, которые отнюдь не сводились к заблуждению, содержали элементы истины, но не давали цельного и системного представления об обществе и законах его развития.

Среди различных методов «исследования будущего» заметное место занимает антиутопия.

Прием этот пришелся по вкусу, и к настоящему времени созданы сотни антиутопий — хороших и плохих, написанных с гуманистических или, напротив, реакционных позиций, выражающих искреннюю озабоченность негативными тенденциями общественного

развития либо рассчитанных на дешевую сенсацию. Но среди них есть несколько произведений, оказавших большое влияние на формирование всей западной футурологической мысли. К их числу принадлежат романы Олдоса Хаксли «Этот прекрасный новый мир» и Джорджа Оруэлла «1984». Последний заслуживает особого внимания, поскольку 1984 год уже миновал в календарях, и у нас есть редкая возможность проследить, в какой мере и где именно сбываются мрачные пророчества английского фантаста.

Хотя авторы их происходят из одной социальной среды (состоятельная английская интеллигенция, чьи взгляды формируются в Оксфорде, Кембридже и Итоне), они существенно отличаются друг от друга. Хаксли представляет либерально-демократическое направление. Оруэлл по своим убеждениям может быть причислен к сторонникам правого социализма. Хаксли по преимуществу философ, в его даровании преобладает литературное начало, Оруэлл — политик и публицист.

К тому же надо иметь в виду, что «Этот прекрасный новый мир» был написан в 1932 году, до прихода Гитлера к власти, а «1984» вышел в 1949 году, после второй мировой войны, когда человечество получило уже исчерпывающее представление о фашизме. Нечего говорить, что одно это обстоятельство предопределило неодинаковую окраску будущего: у Хаксли оно выглядит радужно-розовым, у Оруэлла — траурно-черным.

При разных замыслах и даже при значительной дистанции в «условном времени» (Хаксли отнес свою антиутопию приблизительно к 2500 году) произошло совпадение в некоторых узловых точках, что и позволяет подвести оба романа под общий знаменатель.

Тональная организация — вот его первый компонент. Не говоря уж о производстве и распределении материальных и духовных ценностей, наука, литература, искусство, быт, семья — практически все аспекты человеческой жизни и деятельности в обоих произведениях включены в единый механизм, действующий по раз заведенному порядку и направляемый некой высшей волей. Границы между личным и общественным почти не существуют: поскольку вездесущее государство организует индустрию развлечений, оно распоряжается по собственному усмотрению и свободным временем своих граждан или, вернее, подданных.

Главная черта всякой суперорганизации, по мнению авторов, заключается в том, что она становится самоцелью. Именно таково устройство «прекрасного нового мира» и общества 1984 года: хотя официальной целью государства прокламируется всеобщее благоденствие и счастье, в действительности вся его деятельность подчинена задаче самоохранения. Это особенно наглядно проявляется в том, что даже правящая верхушка (десять «мировых контролеров» у Хаксли, таинственный «большой брат» и его ближайшие соратники у Оруэлла) вынуждена подчинять свою волю и страсти мистическому «общему интересу», который каким-то непостижи-

мым образом не отвечает буквально ничьим реальным интересам. В отличие от обычных лидеров, будь то харизматический вождь или просто диктатор, эти люди не формулируют целей направления и не извлекают из своего положения никаких особых выгод.

Несмотря на кажущуюся бесконтрольность верховной власти, она представляет собой нечто вроде блока автоматического управления, встроенного в машину и составляющего в конечном счете одну из ее деталей. Все, от стоящих у подножия социальной пирамиды до правителей, — рабы этой государственной машины. Характерно, что отдельные представители правящей элиты (вроде Мустафы Монда в «Этом прекрасном новом мире» и О'Брайена в «1984») довольно здраво судят обо всем и понимают вопиющую несправедливость заведенных порядков, но у них даже не мелькает мысль предпринять что-либо для их изменения. Да и могут ли винтики покушаться на механизмы? А диктаторы в антиутопиях Хаксли и Оруэлла — те же винтики, разве что более крупного калибра.

Подчинение организации задачам сохранения статус-кво проявляется и в других чертах социальной структуры. Антиутопические общества разделены на классы или касты, причем деление это носит чрезвычайно жесткий характер, какая-либо социальная мобильность практически исключена. В «Этом прекрасном новом мире» насчитывается пять каст (альфа, бета, гамма, дельта, эпсилон), а общество «1984» состоит, по существу, из двух основных классов — управляющих и управляемых.

Следующая черта антиутопических обществ Хаксли и Оруэлла, представляющая прямое продолжение или даже компонент тотальной организации, — это тотальный контроль. Жизнь людей независимо от того, к какой социальной среде их причислила судьба, регламентирована до мельчайших подробностей, каждый их шаг запланирован, и любое отклонение от этого порядка, сходного с бесконечным однообразным бегом часовых стрелок по окружности циферблата, решительно пресекается.

Контролируется быт. В оруэллианском «1984» у каждого в жилье обеспечено постоянное присутствие глядастая. Это достигается посредством телевизора, который позволяет наблюдать извне за всеми занятиями хозяев. По телевизору же проводятся двухминутные кампании любви к «большому брату» и ненависти к его главному противнику (бог — дьявол), причем если кто-либо не выказывает в ходе процедуры должного рвения, то это не остается незамеченным для зоркого глаза, скрытого за телеэкраном.

Контролируется секс, правда различными методами, в зависимости от функционального назначения социальных групп. Классу управляющих надлежит сохранять идеологическую «чистоту» и нетерпимость ко всякому инакомыслию, а поскольку сексуальные влечения погружают в стихию низменных страстей, расслабляют волю и могут отвлекать от высоких помыслов, постольку они воспринимаются как нечто крайне нежелательное в этой среде. Соот-

ветственно к браку относятся как к неизбежному злу, внебрачная связь даже между одинокими мужчиной и женщиной рассматривается как тяжкий антиобщественный проступок, а половую энергию молодежи направляют в организованное русло путем поголовного вовлечения ее в «антисексуальную лигу».

Совершенно иное отношение к сексу в пролетарской среде. Здесь он расценивается не только как необходимое условие воспроизводства рабочей силы и пополнения непрерывно воюющей армии, но, что не менее важно, и как эффективное средство заполнения короткого досуга, сублимации всяких нежелательных раздумий. Поэтому принимаются все меры для поощрения сексуальной свободы, и даже специальный сектор в департаменте информации занят производством дешевеньких порнографических изданий.

Но, пожалуй, особо тщательному контролю подвергается мысль. В обществе 1984 года повсюду снуют агенты специальной «полиции по наблюдению за мыслями»: стоит кому-либо на секунду отвлечься от благочестивых размышлений о величии и праведности существующего общественного порядка, неосторожным словом или жестом выдать прокравшуюся в мозг крамольную идею, как песенка его спета.

Итак, тотальная организация, тотальный контроль, тотальный обман и самообман — вот «три кита», на которых строятся общество 1984 года и «прекрасный новый мир». Но здесь сходство двух романов кончается, и начинаются существенные различия между ними, прежде всего в самом важном — в вопросе о происхождении.

Романы Хаксли и Оруэлла различаются не только философской глубиной, но и политической ориентацией. Первый, по существу, возлагает ответственность за изуродованное будущее на капиталистический строй. Тоталитаризм в «Этом прекрасном новом мире» есть нечто вроде неизбежной функции бездушного техницизма, без него попросту распалось бы доведенное до своего логического завершения «потребительское общество»; у Оруэлла, наоборот, техницизм становится функцией тоталитаризма, именно последний, взращенный на наполеоновских страстях, служит истоком сдерживания технического прогресса или использования его во вред человеку.

А ответственность за все кошмарные последствия тоталитаризма в «1984» возлагается без обиняков как на фашизм, так и на коммунизм. Другими словами, Оруэлл фактически перенес в свой роман несостоятельную концепцию тех западных политологов, которые игнорируют социальную природу власти, придают ей абстрактное самодовлеющее значение, из нее выводят общественные отношения, а не наоборот.

Неприязненные чувства по отношению к «коллективизму» явно дают о себе знать и в «Этом прекрасном новом мире». В сущности, это та же казарма, что и в «1984», только ее основательно вымыли, поскребли, приукрасили, навели лоск. А если вдуматься,

не сразу решишь, что хуже: быть полуголодным, придавленным работягой или сытым и беспечным придурком с тщательно промытыми от рождения мозгами.

Так, после немалого расхождения антиутопии Хаксли и Оруэлла вновь сходятся. Оба неверно оценили социализм, его возможности и перспективы, приняли за проявления нового общественного строя отрывки и рецидивы прошлого, возложили на него едва ли не равную с эксплуататорским строем ответственность за изуродованное — пусть ради предупреждения современникам и потомкам! — будущее. С этим связано и наше замечание, что английские романисты описали не совсем то или совсем не то общество, какое имели в виду.

Социализм по самой этимологии этого понятия означает коллективизм, но в отличие от «олигархического коллективизма» Оруэлла — коллективизм демократический, ставящий своей целью и равенство людей, всесторонне свободное развитие личности. В утверждении гармоничного соотношения между личным и общественным заключена, можно сказать, сверхзадача переживаемой нами революционной эпохи.

За 1984 годом следует 1985-й. И он не остался без внимания пророков грядущего. Энтони Берджес, взявшийся изложить свою версию тоталитаризма в нашумевшей на Западе книге под названием «1985», выбором даты подчеркивает прямую преемственную связь с Оруэллом.

Несколько слов об авторе. Его перу принадлежит около двух десятков романов (в их числе такой боевик, как «Механический апельсин»), а также критических эссе, лингвистических исследований, переводов. Берджес подвизается и на музыкальном поприще: сочиненная им симфония исполнялась в США, его стихи были использованы в мюзикле «Сирано», шедшем на Бродвее. Словом, это разносторонний и плодовитый литератор, которого доброжелательный автор предисловия к книге «1985» называет «одним из ведущих романистов нашего времени». Книга делится на две части. Первая представляет собой развернутую трактовку «1984». Понять происхождение «черных» снов Оруэлла — так Берджес определяет свою задачу.

В последнее десятилетие на Западе появился ряд серьезных исследований, посвященных «1984». Очерк Берджеса уступает им по многим параметрам. В то же время в нем немало любопытных наблюдений. Дело в том, что отличительная его черта заключается в неприятии традиционного мнения, в стремлении всякий раз и по всякому поводу сказать нечто оригинальное. Невольно приходит на ум сравнение с режиссерами, которые, ставя классику, стремятся вывернуть все наизнанку, сделать не так, как до сих пор. В результате Ричард III из злодея превращается в совестливого правдолюбца. Хлестаков из провинциального прощелыги в обличителя и т. д. Подобные эксперименты чаще всего оборачиваются твор-

ческими неудачами, но иногда, по крайней мере в частностях, могут приносить неожиданные и бесполезные находки.

Повторив вскользь традиционное истолкование «1984» как сатиры одновременно на нацизм и коммунизм, Берджес вслед за этим доказывает, что первоисточником романа Оруэлла послужила «сатирическая транскрипция» Лондона в конце второй мировой войны. Это мотивируется тем, что обстановка, в которой живет и действует герой повествования Уинстон Смит, отражает черты быта английской столицы того времени: очереди перед магазинами, периодическое прекращение подачи электроэнергии, использование телевизионных установок для контроля за рабочими (кстати, Берджес справедливо замечает, что эта деталь могла быть заимствована из чаплинского фильма «Новые времена»). Еще более существенно наблюдение, что из окружающей его реальной жизни Оруэлл взял и практику «организованной ненависти». Берджес вспоминает, что как раз такую школу прошел и сам во время службы в армии. Обучавший новобранцев молодой полковник говорил им, показывая на чучело предполагаемого противника: «Ребята, ненавидьте, ради бога, это чудовище, плюньте в эту свинью, наступите на нее сапогом, перегрызите ей горло!»

Именуя оруэлловскую утопию какотопией (от какофонии), Берджес признает, что она не сбылась, и в то же время подчеркивает, что ряд подмеченных в ней негативных тенденций общественного развития так или иначе проявляется в современном обществе. Причем иллюстрирует это он на примере США и других капиталистических стран.

Негодую по поводу этих безобразий, Берджес тем не менее делает вывод: 1984 год в том виде, как он описан Оруэллом, не состоится. Почему? Потому, что новые факторы, которых Оруэлл не мог учесть, влекут общество к другому финалу, не менее кошмарному. Его описанию и посвящена вторая часть книги под названием «1985».

Она построена по той же схеме, что и «1984», а до него — роман Замятина «Мы» (сам Берджес, кстати, признает, что и Оруэлл, и он следовали именно этому образцу). В центре повествования история героя — бывшего преподавателя истории Джонса, который бросил школу и работает на кондитерской фабрике. С первых же страниц читатель попадает в атмосферу общественного хаоса, насилия, распада всех связей, деградации нравов. Возвращаясь домой, Джонс сталкивается с бандой тинэйджеров, которая жестоко его избивает. Затем он находит изнасилованного окровавленного мальчугана, а дома дочь-дебилку, мастурбирующую перед телевизором. Он звонит в больницу, чтобы справиться о здоровье жены, и узнает, что там был пожар и жена сгорела. Поджог был организован группой безответственных элементов, воспользовавшихся стачкой пожарных, а солдаты, которые должны были бы прийти на помощь, как раз в это время проводили забастовку солидарности с пожарными. Тетушка Джонса умерла таким же образом из-за

забастовки электриков, поскольку находилась на операционном столе в момент, когда был выключен свет.

Усмотрев причину своих бед в забастовках, Джонс отправляется к профбоссу Девлину, выкладывает ему свои претензии и выслушивает в ответ лекцию о благах, которые несет «священный синдикализм». Девлин с удовлетворением рассуждает о том, что в 1990 году уже не отдельные стачки, а любая будет превращаться во всеобщую и если производители зубных щеток забастуют, то остановятся железные дороги, закроются школы, квартиры перестанут отапливаться и т. д. Сетования Джонса на личную судьбу профбосс объявляет гнилым проявление буржуазности и призывает его одуматься, пока не поздно. Тем не менее герой стоит на своем. Он рвет удостоверение члена профсоюза, за что его выгоняют с работы с «волчьим билетом». Джонс вынужден отдать дочь в приемный дом, а сам попадает в компанию бывших интеллектуалов, занимающихся воровством и живущих на закрытой фабрике матрасов. В свободное время они развлекаются исполнением произведений Баха, Брамса, Моцарта, чтением стихов, обсуждением латинских текстов и тому подобными упражнениями духа.

Роман завершается эпилогом, который построен в форме интервью, взятого автором у самого себя. Здесь мы находим и финальный вывод: Маркс якобы ошибался, и ответом на капиталистическое угнетение станет не революция, а тотальный синдикализм. Что касается коммунизма, то он возможен только в слаборазвитых странах.

Что же такое «1985»? Если говорить в самой общей форме, то это еще одна спекуляция на искажении социалистической идеи. Берджес, осуждая анархо-синдикалистский террор, бросает тень на современное рабочее движение. Но исторический опыт уже доказал несправедливость подобного искажения и действительности, и перспективы. Поэтому и предсказания Оруэлла, Берджеса и прочих антиутопистов — это злопахательство, продиктованное классовым пристрастием. В то же время следует иметь в виду, что анархо-синдикалистская опасность существует, и необходима бдительность сознательных сил в рабочем и демократическом движении, чтобы успешно ее преодолеть.

Наряду со многими другими знаменаниями начало 80-х годов отмечено на Западе всплеском футурологических исканий и изысканий. Чуть ли не еженедельно, а то и чаще появляются сообщения о выходе в свет очередного опуса, посвященного будущему, начиная с 2000 года, как недалекого приметного порога вечности, и далее без ограничений.

Возможность познакомиться с его сильными и слабыми сторонами дает книга Ж. Ж. Серван-Шрайбера «Всемирный вызов», опубликованная в конце 1980 года и привлечшая на Западе широкое внимание.

Серван-Шрайбер — известный французский журналист и политический деятель, в прошлом директор еженедельника «Эк-

спресс», лидер партии радикалов и радикал-социалистов, автор нашумевшей в свое время книги «Американский вызов». В новой работе он претендует ни много ни мало как на открытие, которое должно положить конец предыстории человеческого общества и стать началом подлинной его истории.

«Всемирный вызов» не просто авторское произведение, книга служит своего рода манифестом так называемой Парижской группы. Она, как сообщается в послесловии, была создана летом 1979 года, чтобы «найти пути достижения новой динамики экономического развития» и создать «концепцию мультимира».

Серван-Шрайбер и его коллеги берут на вооружение идею так называемого информатизированного общества (или, проще, информатики), связанную с важным и многообещающим этапом научно-технического прогресса. Здесь они не являются пионерами, поскольку уже появилось немало публикаций на эту тему. Но, вероятно, никто еще не брался с такой определенностью судить о социальных последствиях информатики, а главное — никто не пытался столь настойчиво и, можно сказать, азартно рекламировать ее в качестве спасительного ключа к достойному человеку будущему.

В какой же мере обоснованы эти смелые утверждения? «Всемирный вызов» — довольно объемистое произведение, написанное в стиле научно-политической публицистики и изобилующее отступлениями, очерковыми зарисовками, авторскими реминисценциями, экскурсами в историю. Но основное его содержание сводится к трем вопросам: что угрожает человечеству? В чем его спасение? Как этого достигнуть? Последуем и мы логике автора.

Там, где злато, там, как известно, правят бал. Серван-Шрайбер с придыханием рассказывает, как в столицу Саудовской Аравии Эр-Рияд стекаются хозяева транснациональных корпораций, финансисты из лондонского Сити и Цюриха, посланцы американского президента, дельцы и вкладчики капиталов, агенты по продаже ценных бумаг, посредники, клиенты и торговцы желтым металлом. У всех свои расчеты, связанные с нефтедолларами.

Свой план есть и у Парижской группы. Если верить Серван-Шрайберу; он отвечает намерениям самих владельцев нефтяного богатства. А суть его сводится к простой формуле: обменять нефть на развитие. Целесообразность и необходимость такой сделки доказываются следующими доводами. «Третий мир» находится в исключительно тяжелом положении. Несмотря на солидную помощь, оказываемую ему в рамках различных программ по линии ООН и отдельных государств, разрыв в уровне развития между Севером и Югом продолжает увеличиваться. Дальнейшее углубление пропасти между богатыми и бедными странами ведет к накоплению взрывчатого материала, который угрожает в перспективе невиданными катаклизмами или даже гибелью цивилизации.

Запад также переживает нелегкие времена, отмечает Серван-Шрайбер. Растут инфляции, безработица, а главное — практи-

чески исчерпана емкость рынка, что с неизбежностью влечет нарастание кризисных явлений. Чем больше отстают «третий мир», тем меньше он способен поглощать продукцию индустриально развитых стран, тем сильнее закупориваются сосуды мировой экономики и вероятней угроза ее коллапса. Отсюда вывод: люди в развитых и развивающихся странах должны осознать, что их судьбы неразрывно связаны друг с другом, либо они вместе погибнут, либо сообща спасутся, выживут и добьются расцвета.

Каков же путь спасения? Необходимо массированное вложение капиталов в развитие «третьего мира», чтобы он встал на ноги и в короткие исторические сроки преодолел свое отставание. Одновременно это откроет новые просторные рынки для Запада, позволит ему уйти от кризиса. Вот куда надо направить нефтедоллары!

Воздержимся пока от комментариев и познакомимся, хотя бы бегло, с информатикой — другим главным «героем» книги Серван-Шрайбера. Разумеется, наш читатель, особенно имеющий отношение к современной технике, достаточно осведомлен о той роли, какую играют в современном производстве, связи, управлении и во многих других сферах деятельности электронные счетные машины, пришедшие им на смену мини-компьютеры и получившие бурное распространение в последнее время микропроцессоры. Именно в этом замечательном достижении НТР, которое принято относить к сфере информации, человечество, по мысли Серван-Шрайбера, как и некоторых других западных авторов, найдет рычаг, который позволит ему перевернуть мир.

Термин «информация» в данном случае далеко выходит за пределы того, что подразумевается под ним в обыденной жизни. Это не известия, сообщаемые «средствами массовой информации» — газетами, радио, телевидением, а один из главных компонентов, на которых основываются трудовая деятельность и само существование человека. Такие компоненты — материя, энергия и информация. Чтобы понять последнюю в таком вселенско-философском смысле, надо отрешиться от узкого привычного значения этого термина. Информация — это все, что составляет какое-то сообщение. Зажигающийся красный сигнал, крик или запах животного, мерцание звезды, электрическая искра — это молекулы информации, «информатические элементы».

Но вернемся к книге. По мере повышения производительности вычислительных машин их размеры и стоимость непрерывно уменьшаются: Благодаря созданию интегральных схем, объединяющих на одной пластинке 40 тысяч транзисторов, этих электронных ячеек информации, удастся создать карманные мини-компьютеры. А за ними следует четвертое поколение ЭВМ, их основу составляют кремниевые пластинки, в которые впечатано уже 100 тысяч транзисторов (на площади размером менее 1 квадратного миллиметра).

Человеческий мозг состоит из нейронов, бинарных клеток, число которых достигает более 10 миллиардов. Чтобы иметь аналогичное количество функциональных ячеек, ламповая ЭВМ 50-х

годов должна была бы быть равной Парижу. В 60-х годах «мозг» такого компьютера приближался бы по габаритам к зданию Парижской оперы. При интегральных схемах 70-х годов он уменьшается до размеров автобуса, а затем телевизора. В 1978 году его величина не превышала бы величины пишущей машинки, а в 80-х годах (с использованием микропроцессоров) он станет меньше человеческого мозга.

Разумеется, никакая машина не способна соревноваться с мозгом, ее «творческие возможности» и «воображение» по неизбежности находятся в рамках заложенной в нее информации. Но «трудящиеся» в ней электроны, которые перемещаются со скоростью, близкой к световой (300 тыс. км/с), способны выполнять для человека гигантскую вспомогательную работу. Если же их соединяют с производственными механизмами, то созданные таким образом роботы способны трудиться уже и за человека.

Увлеченный открывающейся перспективой, Серван-Шрайбер пишет, что, умножая число взаимодействующих микропроцессоров, можно создавать такие роботы, какие только потребуются для исполнения функций, возлагавшихся до сих пор на рабочих. Мы покидаем эру «линейного роста» ЭВМ (то есть увеличения их в простой прогрессии) и вступаем в эру их «экспоненциального роста» (то есть в сложной прогрессии). А замена рабочей силы микропроцессорами, пишет он, означает изменение существующего экономического и социального порядка.

А какие чудеса по части удобств, самообразования и даже политического участия обещает внедрение информатики в быт! Ваш телевизор подключен к всеведущему электронному мозгу и имеет с ним обратную связь. Захотелось вам посмотреть какой-то фильм или театральную постановку — только передайте послушному ящику это пожелание. Решили обновить свои познания в математике — пожалуйста, на экране поползли формулы. Поспорили с домашними на предмет, когда пала Восточная Римская империя — милости просим, в 1453 году. Потом вас пригласили поучаствовать в собрании общины, затем высказать свое мнение по актуальным проблемам, не выходя из дома, проголосовать на выборах...

Вопрос о созданном разумом Големе, который убьет своего творца, не нов. Можно сказать, что ему посвящена добрая половина всей научной фантастики. И не только фантастики. Взаимоотношения человека с машиной, как и с природой, относятся к числу фундаментальных мировоззренческих проблем, и философия серьезно занимается ими по меньшей мере два столетия.

Как же отвечает на этот вопрос Серван-Шрайбер? Он категорически отвергает страх перед машиной, утверждая, что, чем больше будет микропроцессоров и средств дальней связи, тем более необходимым станет «человеческий вклад». Ни одна самая маленькая ячейка, ни одно ядрышко во всей этой системе, которой суждено стать универсальной, не сможет функционировать без множества людей. Они будут «составлять, формулировать, выдумыв-

вать, чертить, распределять между собой обязанности «программируемой» окружающей среды, которая сама может укорениться только во все более развитом, мыслящем, творчески одаренном социальном организме». Ну и, возвращаясь к исходной теме «Север — Юг», информатизация приведет к тому, что уроженцы того и другого будут выполнять однотипную работу, уровни жизни разных народов постепенно станут сопоставимыми. Что и требовалось доказать.

Теперь познакомимся с тем, как оценивают нынешнее состояние общества и перспективы его развития профессиональные футурологи. Лучше всего служит этой цели книга «Следующие двести лет», написанная Германом Каном в соавторстве с В. Брауном и Л. Мартеллом.

Г. Кан — признанный апостол буржуазной прогностики. Будучи создателем Гудзоновского института, он одним из первых вступил на путь составления средне- и долгосрочных прогнозов и, как бывает в таких случаях, сумел пожать лавры, достающиеся пионерам. Вдобавок, отличаясь большой трудоспособностью, этот теоретик на протяжении десятилетий стремился поддержать свою репутацию и выпускал книгу за книгой, ставя свое факсимиле едва ли не на всех участках карты будущего.

Книга Кана представляет собой самую дерзновенную из всех его попыток постигнуть будущее, заглянуть ни много ни мало как на два столетия вперед. В то же время в самой работе есть несколько «слоев». Кан и его сотрудники не только пытаются предсказать, что будет в 2176 году, но и повторяют свои предположения, касающиеся более близкого к нам периода, в первую очередь рубежа двух тысячелетий. Здесь фактически пересказывается содержание другой работы, которая была написана Каном в соавторстве с А. Винером и пользовалась в свое время популярностью бестселлера, — «Двухтысячный год».

Еще один момент: данная работа воплощает в себе, по сути дела, все основные направления футурологического поиска. Кан не скрывает, что в качестве теоретической «парадигмы» им взята идея «постиндустриального общества» в том виде, как она описана известным американским теоретиком Д. Беллом. Вдобавок в его прогнозе легко обнаруживается влияние различных технократических идей, концепций менеджеризма, социальной инженерии, «народного капитализма» и т. д. Иными словами, недостаток оригинального теоретического мышления обернулся в данном случае достоинством книги: представляя собой своего рода корзину, куда сброшены, хорошо перемешаны и в определенной мере интегрированы самые разнообразные немарксистские доктрины будущего, она служит идеальным объектом для оценки рисуемого в них образа грядущего.

Начнем с выбора времени. Почему Кан рискнул отправиться в столь дальнее путешествие в будущее, где любые предположения принимают поневоле иллюзорный, умозрительный характер? Ответ

прост: книга увидела свет в 1976 году, когда отмечалось двухсотлетие Соединенных Штатов Америки, и ее замысел продиктован амбициозным намерением продемонстрировать, какие успехи сулят США следующие два века их существования.

«Первые двести лет существования Соединенных Штатов Америки,— читаем в книге,— явились и отражением и двигателем века индустриализации. 1776 год, когда было положено начало независимости США, был также годом выхода в свет «Исследования о природе и причинах богатства народов» Адама Смита. Поэтому указанный год служит удобной вехой для обозначения начала промышленной революции, а два отмеченных события символизируют наступление уникальной эры в мировой истории: именно промышленная революция стимулировала беспрецедентную производительность труда и экономический рост; именно США были призваны сыграть ведущую роль в этом развитии».

Вот поистине пример националистического самоослепления. Надо уж очень хотеть доказать недоказуемое, чтобы прибегать к столь надуманным доводам! При всем уважении к одному из классиков политической экономии, публикация его произведений не может, конечно, приниматься за революционную веху в развитии производительных сил.

С этой точки зрения надо указать прежде всего на то, что Кан отрицает неомальтузианский тезис «пределов роста». Центральная мысль его «геоцентрического» сценария состоит в том, что темпы прироста мирового населения и экономики приближаются в наше время к своей исторической кульминации; вскоре они начнут замедляться, примерно через сто-двести лет выровняются и будут более или менее соответствовать друг другу. Главной причиной такого благоприятного хода событий явится растущее процветание, которое, как уже показал опыт экономически развитых стран, влечет за собой сокращение рождаемости. Отсюда проблема экспоненциального роста населения решится сама собой.

Но вот перед нами изданная в 1982 году книга трех американских авторов «Семь сценариев будущего». Почему семь? Потому что будущее неопределенно, многовариантно, оно зависит от путей, которые мы выбираем. Официально заявленная цель исследования и состоит в том, чтобы показать людям, какими возможностями они располагают: «Нам нужно какое-то будущее, чтобы можно было в него верить».

Эта мысль проводится довольно последовательно. Чуть ли не на каждой второй странице книги мы встречаем оговорку, что авторы не претендуют на точный прогноз, а хотят лишь дать пищу для размышлений по известному принципу: если мы будем действовать так, может случиться то-то и то-то. Столь же настойчиво они подчеркивают, что идеи и предложения, выдвинутые в книге, будь они приняты, позволили бы избежать опасности, которую таит в себе будущее, благополучно в нем обосноваться. В этом смысле харак-

терен подзаголовок книги «На пути к сознательному построению истории».

Но, учитывая этот фактор в своих прогнозах, американские теоретики сознательно или бессознательно принижают его значение. В их головах царит привычное представление о том, что именно США принадлежит решающее слово в формировании будущего всего человечества. Такая имперская амбиция может быть хорошо выражена дополнением известной фразы: «То, что хорошо для «Дженера моторс», хорошо для всей Америки... ну а то, что хорошо для Америки, хорошо и для всего мира».

В числе других предпосылок, принимавшихся в расчет при разработке альтернативных вариантов будущего, авторы называют непомерный рост государственного долга США, рост преступности в стране, деградацию природной среды, опасность, связанную с бесконтрольным применением новой технологии и милитаризацией космоса. Они предпринимают попытку некоторой формализации, сводя соответствующие данные в таблицу и сравнивая два периода: послевоенный (1945—1973 гг.) и «последний» (1974—1980 гг.). Судя по таблице, едва ли не по всем показателям обстановка значительно ухудшилась. Отсюда делается вывод, что якобы в послевоенный период будущее было предсказуемо, а в последние годы — нет.

Специальная глава посвящена перспективам ядерной войны. Здесь можно встретить затасканные штампы буржуазной пропаганды вроде того, что «с точки зрения Советского Союза мир представляется местом междоусобицы и вражды», что СССР «будет использовать политическую нестабильность во всех районах мира». В то же время авторы предостерегают своих соотечественников от антисоветской истерии, от того, чтобы видеть в Советском Союзе «источник всех зол», в чем настойчиво пытается уверить их реакционная американская пропаганда. Стэнфордцы резонно замечают, что искусственно подогреваемая ненависть «разрушала бы Америку так же, как яд войны, и привела бы ее к ситуации, описанной в романе Оруэлла «1984».

Ядерная опасность — самая серьезная, болезненная, не терпящая равнодушия проблема нашего времени. Проблема многоликая: военно-стратегическая, техническая, экономическая, экологическая и философская. Преимущественно под таким углом зрения рассматривает ее американский публицист Джонатан Шелл в недавно вышедшей книге «Судьба Земли».

Шелл начинает с описания размеров ядерной опасности. В отличие от некоторых западных авторов, смакующих подробности ядерного апокалипсиса, он делает это с тяжелым сердцем, даже извиняется перед читателем, говоря, что не хотел бы его запугать. Просто это необходимо знать, чтобы еще раз наглядно представить тотальный характер ядерного оружия.

Шелл пишет, что, по предположению некоторых ортодоксальных христиан, ядерная война будет библейским армагеддоном,

устроить который грозил бог. И возражает: нет, истребление с помощью атомных бомб не будет днем страшного суда, когда бог уничтожит мир, поднимет из могил мертвых и свершит правосудие над каждым, кто когда-либо жил. Это будет совершенно бессмысленный, ничем не оправданный акт самоуничтожения человечества. Воображать, будто бог направляет нашу руку на это действие, было бы в буквальном смысле слова попыткой уклониться от своей ответственности.

Рассмотренные бегло произведения ряда западных футурологов весьма различны по своей политической направленности, тематике, подходу к проблемам будущего. Их нелегко, да и не нужно подводить под общий знаменатель. Но одну присущую всем им черту отметить следует. Это отсутствие надежной теоретической базы, ясного представления о закономерностях общественного развития. А коль скоро у авторов нет научной концепции исторического прогресса, их предположения о том, куда и как пойдет ход событий, страдают субъективностью, в большинстве своем случайны и бездоказательны. Это, конечно, не значит, что все они ошибочны. Пристально наблюдая течение общественной жизни, подмечая свойственные ей тенденции, можно угадать те или иные детали ее дальнейшего развития. Но именно угадать, и только детали. В целом же немарксистская общественная мысль не в состоянии дать сколько-нибудь достоверную, и тем более вдохновляющую альтернативу марксистско-ленинскому учению о социализме и коммунизме *.

АЛЬФОНСО АЛЬВАРЕС ВИЛЬЯР

СУПРУГИ, ЛЮБИВШИЕ УЕДИНЕНИЕ

Феликс снова попытался сосредоточиться (последний час он был занят исключительно этим). Он надеялся, что все-таки сочинит стихотворение, хотя никакому поэту и в голову бы не пришло сесть за работу в восемь часов вечера.

«Волны распластываются на безлюдном пляже...»

Перо зацарапало по сложенному вчетверо листку бумаги, девственно-белому, как фата невесты. Вторая строка никак не придумывалась. После долгих усилий ему удалось ненадолго отвлечься от звуков трех или четырех виброфонов, сотрясающих двор; но до чего же трудно заставить себя думать о безлюдном пляже и пене набегающих волн на фоне ритма пучи-пучи! Однако окончательно похоронил вторую строку разговор двух сервоботов. Они вопили во всю мощь своих динамиков, и болтовня их навела его

---

* Подробнее с затронутой темой можно познакомиться в книгах Г. Х. Шахназарова «Фиаско футурологии» (Политиздат, 1979), «Куда идет человечество» («Мысль», 1985).

на мысль о неореалистическом романе, героями которого были бы две скромные прислуги. Потом их разговор, пахнувший луком и кухонным тряпьем, прервался, и тут же началась многосерийная телепередача с треском револьверных выстрелов и голосами, ревушими или сюсюкающими с пуэрто-риканским акцентом.

«Волны распластываются на безлюдном пляже... Вдали ковбой скачут по степям...»

Проклятье! Неужели нет способа оградить сознание от этих зловредных помех? Но уже поступала исчерпывающая информация о разногласиях между супругами на третьем этаже, о состоянии беременной соседки и положении дел на Марсе: на третьем этаже дети играли в марсиан, и их дикие крики разносились далеко вокруг. А волны все распластывались на безлюдном пляже, и что-то не видно было, чтобы вторая строка собиралась составить им компанию. Символическим жестом прощания с музами Феликс изорвал в клочки четвертушку бумаги, едва начавшую терять свою первозданную чистоту.

Он вышел на улицу. Здесь по крайней мере оглушали только вибраторы гелибусов, жужжание атомных автомобилей и свист поездов, несущихся по монорельсовым дорогам. Этим вечером они с женой собирались в стереокино, но, чтобы получить место на стоянке, надо выехать на час раньше и стать в хвосте огромного каравана машин, медленнодвигающегося к центру города. Только в машине можно было чувствовать себя спокойно, только в ней, а уж никак не в спальне, где никогда не было уверенности в том, что супружеская чета из соседней квартиры, отделенной перегородкой в два-три сантиметра толщиной, не начнет рассказывать днем то, о чем они с женой говорили ночью. Хорошо, хоть кровать попалась без скрипа.

О, уединение сидящего за рулем машины среди сотен других герметически закрытых машин! О, головы, неслышно говорящие за стеклами окошек, если только их обладатели не высовываются, чтобы обругать тебя, когда ты чуть не задел за крыло или помешал себя объехать! Но уединение это — влажное уединение финской бани, уединение среди тысяч звуков, и в нем нет аромата сосновой смолы и шиповника.

Наконец они приехали в стереокино. Несмотря на страшную давку при входе, а потом при выходе, несмотря на вопли тысяч зрителей во время страшных сцен и хохот во время смешных, здесь они тоже были в уединении, потому что если не считать этих моментов (а их было не так уж много), возвращавших Феликса к действительности, киносеанс был для него тихой пристанью. Специалисты по акустике обеспечивали абсолютную звукоизоляцию студий, в которых снимались фильмы, и если какому-то нежелательному шуму все же удавалось пробиться на гладкую поверхность пленки, существовали технические средства, более чем достаточные для того, чтобы от него отделаться. Да и какой фильм можно было бы

поставить, если бы голоса актеров на звуковой дорожке заглушала реклама моющих средств?

После сеанса они возвратились домой и сели за скромный ужин, но проглотили его наспех и подавляя отвращение, потому что по двору разносились громогласные жалобы одного из соседей, оповещавших жильцов о тошнотворном вареве, которое подала ему жена.

Была суббота. Теоретически это означало еще несколько часов сна вдобавок к тем, которыми они располагали в будние дни, но только теоретически. В квартире этажом выше были гости, и вечеринка затянулась до пяти утра, а у остальных соседей гремели телевизоры, работавшие до тех пор, пока телецентр не закончил передачи. Телевизоры и вечеринка мешали друг другу, и это немного утешало Феликса, героическим усилием воли пытавшегося продолжить прерванное стихотворение. А потом он стал засыпать по методу йогов, и сон наконец смежил его веки. Ему приснился необитаемый остров, где они с женой жили, как Робинзон Крузо. Не было слышно ничего, кроме шелеста листьев на верхушках пальм и шепота моря; но вдруг эти гармоничные звуки расположились в рисунок афро-кубинского ритма, и на пляже необитаемого острова появился дансинг, из громкоговорителей которого неслась душераздирающая танцевальная музыка...

Их разбудило в семь утра звонкое пение трубы: сосед с четвертого этажа под аккомпанемент своей электробритвы и электрического молотка жены, спешно готовившей на кухне отбивные для пикника, ставил жильцов в известность о намерении вывезти свое семейство за город. Мажорный гимн объявлял беспощадную войну лодырям и лежебокам, а еще через полчаса к нему присоединилось серафическое пение детского хора, безбожно перевиравшего модные песенки. Феликс и его жена торопливо оделись, и вскоре их автомобиль стал еще одним звеном в бесконечной цепи машин, двигавшихся к горам. Целых три часа ушло на то, чтобы одолеть девяносто километров, но зато здесь их ждала природа! И они скользнули под зеленую сень сосен, стараясь не наступать на пары, занимающиеся любовью, и на отдыхающих, раскладывающих свои пожитки.

Феликс дышал полной грудью: нельзя было упускать мгновений, когда в ноздри пробивался аромат природы, потому что его тут же вытесняли запахи синтетических аминокислот или других, менее съедобных веществ.

«Отвлечся, любой ценой отвлечся! Неужели зря я занимаюсь йогой?» — с тоской подумал Феликс. Если говорить о радостях обоняния, то весь вопрос здесь, с точки зрения йоги, заключался в том, чтобы путем умственной фильтрации устранить зловоние, а потом наслаждаться без помех благоуханием сосен и ароматом растоптанного тимьяна.

Они двинулись дальше. Здесь отдыхающих почти не было: люди по мере возможности избегали занятий альпинизмом. Со скалы,

украшенной щитом с рекламой знаменитой оптической фирмы, они окинули взглядом пейзаж. «Какая прелесть!» — подумал Феликс, обнимая жену за талию. Да, вокруг была настоящая природа — если отвлечься от рекламного щита и двух-трех сигаретных паке-тиков, валяющихся под ногами, а также от объедков, оставшихся с прошлых воскресений, от полудюжины окурков и от предмета, который Феликс поторопился затоптать, прежде чем его увидит жена.

Он снова нежно обнял ее. Им хотелось вновь ощутить себя же-нихом и невестой, которые украдкой обмениваются первыми по-целуями; захотелось насладиться близостью, скрытой от посторон-них глаз и ушей и уже от одного этого более волнующей. И они пошли дальше в своих ласках, как никогда, полно наслаждаясь тем, что другие уже давным-давно привыкли выставлять на все-общее обозрение.

Над их головами пронесся камень, а вслед за ним и другой уда-рился о землю всего в нескольких сантиметрах от них. Феликс вскочил, разъяренный, но увидел лишь, как из-за соседней скалы, хохоча, убегают несколько мальчишек. И они решили воздержат-ся от уединенных нежностей.

Уже настал час второго завтрака и давал о себе знать голод. Они развернули свертки, а эпизод с камнями постарались забыть. Потом Феликс спустился с бумагой и остатками пищи к ближайшей урне, которая, по счастью, оказалась пустой, и со спокойной со-вестью вернулся на их любимую скалу. Здесь можно было говорить обо всем на свете, и даже лежать, провожая взглядом облака и стараясь не замечать пролетевшие один за другим три рейсовых космических корабля, эскадрилью турбореактивных самолетов и два гелитакси. Несмотря на все это, были минуты, когда, глядя на пышные тела облаков, можно было пофантазировать и увидеть сказочных чудовищ, пока транзистор где-то рядом не начал инфор-мировать их о результатах последних игр, и они поплелись, пону-рив головы, к оставленной ими машине.

— Есть ли у вас такое место, где мы с женой смогли бы отдох-нуть несколько дней совсем одни? — спросил Феликс у представи-теля туристского агентства.

— Вы мечтаете о невозможном, но наше агентство все-таки по-пробует подыскать для вас что-нибудь похожее на то, что вам нуж-но, — ответил тот и как-то странно посмотрел на Феликса, будто Феликс был психический больной, сбегавший из соответствующей клиники. Без малейшей надежды на успех Феликс вновь окунулся в уличный шум.

Неужели он обречен до конца дней своих слышать и запоминать наизусть бесконечные рекламные объявления? Когда он был ре-бенком и учителя в школе заставляли его учить таблицу умноже-ния, у него хоть были дни отдыха. Но теперь для него не осталось никакого просвета. Он то и дело ловил себя на том, что, говоря с женой, пользуется словами и интонациями героев телеэкрана. Да

и вся жизнь его, коли уж на то пошло, вовсе не была *его* жизнью: словно в теле его нашел приют не один мозг, а пятьдесят или более, и все они работают одновременно. Например, об интимной жизни соседок он знал не меньше, чем их собственные мужья, и если бы в один прекрасный день у него появилось вдруг желание обмануть какого-нибудь из них, он оказался бы в постели с женщиной, все тайны которой ему известны. То же самое произошло бы и с его женой, как если бы он и она были обречены на вечное пребывание в чужих постелях.

Отвлечься, отвлечься любой ценой! Но связанная с этим психологическая нагрузка была не по силам его организму, и это давало ему право искать уединения.

Через два дня затрезвонил видеотелефон. Нет, это не была ошибка, и это не был один из вечных телефонных шутников или радиодиктор, страшно расстроенный тем, что, не зная о передаче X, которую патронирует компания по производству моющего средства У, Феликс с женой потеряли столько сотен песет. Нет, на этот раз они услышали голос человека, обращающегося к ним лично! Представитель туристского агентства сообщал, что найдено райское местечко на одном из прибрежных островов! Агентство уже заказало гелитакси, которое перенесет их туда со всем багажом. Гарантируется абсолютное уединение, так как островок необитаем. Правда, спать придется в палатке, а готовить самим, но ведь именно об этом мечтали супруги!

Они приняли предложение не торгуясь и на следующий же день были там, одинокие, как Робинзон Крузо, перед лицом одного-единственного свидетеля, бившегося своей бирюзовой грудью об острые грани скал. И еще были чайки и несколько деревьев, крепко вцепившихся корнями в каменистую землю и вознесших высоко в небо пышные кроны.

Первое, что сделал Феликс, оказавшись на острове, было нечто такое, на что никогда не считал себя способным: он начал скакать как одержимый, стремясь дать выход мышечной энергии, подавляемой конторской работой и сидячим образом жизни. А потом они стали разыгрывать ту самую сцену, которую им никогда не удавалось довести до конца на их любимой скале с рекламой оптических товаров. Они закатывались смехом как дети, и так как был уже полдень, они сорвали с себя одежду, бросились в воды идиллической маленькой бухты, без смущения принявшей обнаженную молодую пару, и прорезвились там больше двух часов.

И это были лишь первые из многих безумств, которыми они предались в течение субботы и воскресенья. О, если бы так было всю жизнь! Но будни уже предъявляли свои права на них, и в назначенный срок за ними прибыло то же самое гелитакси, которое сорок восемь часов назад доставило их на остров. С тоской глядели они

на крохотную серую точку в кружеве пены, скрывающуюся за горизонтом.

В тот вечер они включили телевизор. Пришлось перетерпеть неизбежные кадры рекламы, вестерн и телеконкурс, но потом они увидели на экране нечто удивительно знакомое — маленький островок, на котором они провели сорок восемь часов счастья. Крупными буквами поверх изображения проплыло название передачи: «Чем бы вы занялись, если бы остались одни?» И им стало плохо, когда в двух Робинзонах, скачущих и кувыркающихся как безумные, они узнали самих себя. Кадры были засняты группой операторов-аквалангистов.

Перевел с испанского Ростислав Рыбкин

НИКОЛА
МАСТЕРОВ

КОСМОРАМА

[...]

Мне было не более пяти лет, когда, проходя однажды через тетушкину комнату, я увидел на столе род коробки, облепленной цветною бумажкою, на которой золотом были нарисованы цветы, лица и разные фигуры; весь этот блеск удивил, приковал мое детское внимание. Тетушка вошла в комнату. «Что это такое?» — спросил я с нетерпением.

— Игрушка, которую прислал тебе наш доктор Бин, но тебе ее дадут тогда, когда ты будешь умен.— С этими словами тетушка отодвинула ящик ближе к стене, так, что я мог издали видеть лишь одну его верхушку, на которой был насажен великолепный флаг самого яркого алого цвета.

(Я должен предупредить моих читателей, что у меня не было ни отца, ни матери и я воспитывался в доме моего дяди.)

Детское любопытство было раздражено и видом ящика, и словами тетушки; игрушка, и еще игрушка, для меня назначенная. Тщетно я ходил по комнате, заглядывал то с той, то с другой стороны, чтобы посмотреть на обольстительный ящик: тетушка была неумолима; скоро ударило 9 часов, и меня уложили спать; однако мне не спалось, едва я заводил глаза, как мне представлялся ящик со всеми его золотыми цветами и флагами; мне казалось, что он растворялся, что из него выходили прекрасные дети в золотых платьях и манили меня к себе — я пробуждался; наконец, я решительно не мог заснуть, несмотря на все увещания нянюшки; когда же она мне погрозилась тетушкою, я принял другое намерение: мой детский ум быстро расчел, что если я засну, то нянюшка, может быть, выйдет из комнаты, и что тетушка теперь в гостиной; я притворился спящим. Так и случилось. Нянюшка вышла из комнаты — я вскочил проворно с постели и пробрался в тетушкин кабинет; придвинуть стул к столу, взобраться на стул, ухватить руками заветный, очаровательный ящик — было делом одного мгновения. Теперь только, при тусклом свете ночной лампы, я заметил, что в ящике было круглое стекло, сквозь которое виднелся свет; оглянувшись, чтобы посмотреть, нейдет ли тетушка, я приложил глаза к стеклу и увидел ряд прекрасных, богато убранных комнат, по которым ходили незнакомые мне люди, богато одетые; везде блистали лампы, зеркала, как будто был какой-то праздник, но вообразите себе мое удивление, когда в одной из отдаленных комнат я увидел свою тетушку; возле нее стоял мужчина и горячо целовал ее руку, а тетушка обнимала его; однако ж этот мужчина был не дядюшка: дядюшка был довольно толст, черноволос и хо-

дил во фраке, а этот мужчина был прекрасный, стройный, белокурый офицер с усами и шпорами. Я не мог довольно им налюбоваться. Мое восхищение было прервано щипком за ухо, я обернулся — передо мной стояла тетушка.

— Ах, тетушка! Как, вы здесь? А я вас сейчас там видел...

— Какой вздор!..

— Как же, тетушка! И белокурый, пребравый офицер целовал у вас руку...

Тетушка вздрогнула, рассердилась, прикрикнула и за ухо отвела меня в мою спальню.

На другой день, когда я пришел поздороваться с тетушкой, она сидела за столом; перед ней стоял таинственный ящик, но только крышка с него была снята, и тетушка вынимала из него разные вырезанные картинки. Я остановился, боялся пошевелинуться, думая, что мне достанется за мою вчерашнюю проказу; но, к удивлению, тетушка не бранила меня, а, показывая вырезанные картинки, спросила: «Ну где же ты здесь меня видел? покажи». Я долго разбирал картинки: тут были пастухи, коровки, тиролыцы, турки, были и богато наряженные дамы, и офицеры; но между ними я не мог найти ни тетушки, ни белокурого офицера. Между тем этот разбор удовлетворил мое любопытство, ящик потерял для меня свое очарование, и скоро гнедая лошадка на колесах заставила меня совсем забыть о нем.

Скоро, вслед за тем, я услышал в детской, как нянюшки рассказывали друг другу, что у нас в доме приезжий, братец гусар и проч. Когда я пришел к дядюшке, у него сидели с одной стороны на креслах тетушка, а с другой — мой белокурый офицер. Едва успел он сказать мне несколько ласковых слов, как я вскричал:

— Да я знаю вас, сударь!

— Как знаешь? — спросил с удивлением дядюшка.

— Да я уже видел вас...

— Где видел? Что ты говоришь, Володя? — сказала тетушка сердитым голосом.

— В ящике, — отвечал я с простодушием.

Тетушка захохотала.

— Он видел гусара в космореаме, — сказала она.

Дядюшка также засмеялся. В это время вошел доктор Бин, ему рассказали причину общего смеха, а он, улыбаясь, повторял мне: «Да, точно, Володя, ты там его видел».

Я очень полюбил Поля (так называли дальнего брата тетушки), а особенно его гусарский костюм; я бегал к Полю беспрестанно, потому что он жил у нас в доме — в комнате за оранжереей; да сверх того он, казалось, очень любил игрушки, потому что, когда он сидел у тетушки в комнате, то беспрестанно посылал меня в детскую за то зоя, то за другою игрушкой.

Однажды, что меня очень удивило, я принес Полю чудесного паяца, которого только что мне подарили и который руками и нога-

ми выкидывал удивительные штуки; я его держал за веревочку, а Поль между тем за стулом держал руку у тетушки, тетушка же плакала. Я подумал, что тетушке стало жаль паяца, отложил его в сторону и от скуки принялся за другую работу. Я взял два кусочка воска и нитку, один ее конец прилепил к одной половине двери, а другой конец к другой. Тетушка и Поль смотрели на меня с удивлением.

— Что ты делаешь, Володя? — спросила меня тетушка. — Кто тебя этому научил?

— Дядя так делал сегодня поутру.

И тетушка и Поль вздрогнули.

— Где же это он делал? — спросила тетушка.

— У оранжерейной двери, — отвечал я.

В эту минуту тетушка и Поль взглянули друг на друга очень странным образом.

— Где твой гнедкó? — спросил меня Поль. — Приведи ко мне его, я бы хотел на нем поездить.

Второпях я побежал в детскую, но какое-то невольное чувство заставило меня остановиться за дверью, и я увидел, что тетушка с Полем пошли поспешно к оранжерейной двери, которая, не забудьте, вела к тетушкиному кабинету, тщательно ее осматривали, и что Поль перешагнул через нитку, приклеенную поутру дядюшкой, после чего Поль с тетушкой долго смеялись.

В этот день они оба ласкали меня более обыкновенного.

Вот два замечательных происшествия моего детства, которые остались в моей памяти. Все остальное не заслуживает внимания благосклонного читателя. Меня свезли к дальней родственнице, которая отдала меня в пансион. В пансионе я получал письма от дядюшки из Симбирска, от тетушки из Швейцарии, иногда с приписками Поля. Со временем письма становились реже и реже, из пансиона поступил я прямо на службу, где получил известие, что дядюшка скончался, оставив меня по себе единственным наследником. Много лет прошло с тех пор; я успел наслужиться, испытать голода, холода, сплина, несколько обманутых надежд; наконец, отпросился в отпуск, в матушку-Москву, с самым байроническим расположением духа и с твердым намерением не давать прохода ни одной женщине.

Несмотря на время, которое протекло со дня моего отъезда из Москвы, вошедши в дядюшкин дом, который сделался моим, я ощутил чувство неизъяснимое. Надобно пройти долгую, долгую жизнь, мятежную, полную страстей и мечтаний, горьких опытов и долгой думы, чтоб понять это ощущение, которое производит вид старого дома, где каждая комната, стул, зеркало напоминают нам происшествия детства.

[...]

Смотря на все меня окружающее, я невольно стал припоминать

все происшествия моей детской жизни. День за днем, как китайские тени, мелькали они предо мною; наконец, я дошел до вышеописанных случаев между тетушкой и Полем; над диваном висел ее портрет; она была прекрасная черноволосая женщина, которой смуглый румянец и выразительные глаза высказывали огненную повесть о внутренних движениях ее сердца; на другой стороне висел портрет дядюшки, дородного, толстого мужчины, у которого в простом, по-видимому, взоре была видна тонкая русская сметливость. Между выражением лиц обоих портретов была целая бездна. Сравнив их, я понял все, что мне в детстве казалось непонятным. Глаза мои невольно устремились на космораму, которая играла такую важную роль в моих воспоминаниях; я старался понять, отчего в ее образах я видел то, что действительно случилось, и прежде, нежели случилось. В этом размышлении я подошел к ней, подвинул ее к себе и с чрезвычайным удивлением в запыленном стекле увидел свет, который еще живее напомнил мне виденное мной в моем детстве.

Признаюсь, не без невольного трепета и не отдавая себе отчета в моем поступке, я приложил глаза к очарованному стеклу. Холодный пот пробежал у меня по лицу, когда в длинной галерее косморамы я снова увидел тот ряд комнат, который представлялся мне в детстве; те же украшения, те же колонны, те же картины, также был праздник, но лица были другие: я узнал многих из теперешних моих знакомых, и, наконец, в отдаленной комнате самого себя; я стоял возле прекрасной женщины и говорил ей самые нежные речи, которые глухим шепотом отдавались в моем слухе... Я отскочил с ужасом, выбежал из комнаты на другую половину дома, призвал к себе человека и расспрашивал его о разном взоре только для того, чтоб иметь при себе какое-нибудь живое существо. После долгого разговора я заметил, что мой собеседник начинает дремать, я сжалился над ним и отпустил его; между тем заря уже начинала заниматься; этот вид успокоил мою волнующуюся кровь, я бросился на диван и заснул, но сном беспокойным; в сновидениях мне беспрестанно являлось то, что я видел в космораме, которая мне представлялась в образе огромного здания, где все — колонны, стены, картины, люди, — все говорило языком, для меня непонятным, но который производил во мне ужас и содрогание.

Попутру меня разбудил человек известием, что ко мне пришел старый знакомый моего дядюшки, доктор Бин. Я велел принять его. Когда он вошел в комнату, мне показалось, что он совсем не переменился с тех пор, как я его видел лет двадцать тому назад; тот же синий фрак с бронзовыми фигурными пуговицами, тот же клок седых волос, которые торчали над его серыми, спокойными глазами, тот же всегда улыбающийся вид, с которым он заставлял меня глотать ложку ревеня, и та же трость с золотым набалдашником, на которой я, бывало, ездил верхом. После многих разговоров, после многих воспоминаний я невольно завел речь о космораме, которую он подарил мне в моем детстве.

— Неужели она цела еще? — спросил доктор, улыбаясь.— Тогда это была еще первая косморاما, привезенная в Москву, теперь она во всех игрушечных лавках. Как распространяется просвещение! — прибавил он с глупо-простодушным видом.

Между тем я повел доктора показать ему его старинный подарок; признаюсь, не без невольного трепета я переступил через порог тетушкиного кабинета, но присутствие доктора, а особенно его спокойный, пошлый вид меня ободрили.

— Вот ваша чудесная косморاما,— сказал я ему, показывая на нее... Но я не договорил: в выпуклом стекле мелькнул блеск и привлек все мое внимание.

В темной глубине косморамы я явственно различил самого себя и возле меня доктора Бина; но он был совсем не тот, хотя сохранил ту же одежду. В его глазах, которые мне казались столь простодушными, я видел выражение глубокой скорби, все смешное в комнате принимало в очаровательном стекле вид величественный; там он держал меня за руку, говорил мне что-то невнятное, и я с почтением его слушал.

— Видите, видите! — сказал я доктору, показывая ему на стекло.— Видите ль вы там себя и меня? — С этими словами я приложил руку к ящику, в сию минуту мне сделались внятными слова, произносившиеся на этой странной сцене, и, когда доктор взял меня за руку и стал шупать пульс, говоря: «Что с вами?» — его двойник улыбнулся. «Не верь ему,— говорил сей последний,— или, лучше сказать, не верь мне в твоём мире. Там я сам не знаю, что делаю, но здесь я понимаю мои поступки, которые в вашем мире представляются в виде *невольных побуждений*. Там я подарил тебе игрушку, сам не зная для чего, но здесь я имел в виду предостеречь твоего дядю и моего благодетеля от несчастия, которое грозило всему вашему семейству. Я обманулся в расчетах человеческого суемудрия; ты в своем детстве случайно прикоснулся к очарованным знакам, начертанным сильною рукою на магическом стекле. С той минуты я невольно передал тебе чудную, счастливую и вместе бедственную способность; с той минуты в твоей душе растворилась дверь, которая всегда будет открываться для тебя неожиданно, против твоей воли, по законам, мне и здесь непостижимым. Злополучный счастливец! ты — ты можешь все видеть — все, без покрывки, без звездной пелены, которая для меня самого *там* непроницаема. Мои мысли я должен передавать себе посредством сцепления мелочных обстоятельств жизни, посредством символов, тайных побуждений, темных намеков, которые я часто понимаю криво или которых вовсе не понимаю. Но не радуйся: если бы ты знал, как я скорблю над роковым моим даром, над ослепившею меня гордостью человека; я не подозревал, безрассудный, что чудная дверь в тебе раскрылась равно для благого и злого, для блаженства и гибели... и, повторяю, уже никогда не затворится. Береги себя, сын мой, береги меня... За каждое твое действие, за каждую мысль, за каждое чувство я отвечаю наравне с тобою. Посвященный!

сохрани себя от рокового закона, которому подвергается звездная мудрость! Не умертви твоего посвятителя!..» Видение зарыдало.

— Слышите, слышите? — сказал я. — Что вы там говорите? — вскричал я с ужасом.

Доктор Бин смотрел на меня с беспокойным удивлением.

— Вы сегодня нездоровы, — говорил он, — долгое путешествие, увидели старый дом, вспомнили былое, все это встревожило ваши нервы, дайте-ка я вам пропишу микстуру.

«Знаешь ли, что там у вас, я думаю? — отвечал двойник доктора. — Я думаю просто, что ты помешался. Оно так и должно быть — у нас должен казаться сумасшедшим тот, кто в вашем мире говорит языком нашего. Как я странен, как я жалок в этом образе! И мне нет сил научить, вразумить себя, — там грубы мои чувства, спеленан мой ум, в слухе звездные звуки, — я не слышу себя, я не вижу себя! Какое терзанье! И еще кто знает, может быть, в другом, в высшем мире я кажусь еще более странным и жалким. Горе! Горе!»

— Выйдете отсюда, любезный Владимир Петрович, — сказал настоящий доктор Бин, — вам нужна диета, постель, а здесь как-то холодно, меня мороз по коже подирает.

Я отнял руку от стекла: все в нем исчезло, доктор вывел меня из комнаты, я в раздумье следовал за ним как ребенок.

Микстура подействовала: на другой день я был гораздо спокойнее и приписал все виденное мною расстроенным нервам.

Доктор Бин догадался, велел уничтожить эту странную космограмму, которая так сильно потрясала мое воображение по воспоминаниям ли или по другой какой-либо неизвестной мне причине. Признаюсь, я очень был доволен этим распоряжением доктора, как будто какой камень спал с моей груди; я быстро выздоравливал, и, наконец, доктор позволил, даже приказал мне выезжать и стараться как можно больше искать перемены предметов и всякого рода рассеянности. «Это совершенно необходимо для ваших расстроенных нервов», — говорил доктор.

[...]

Погрузившись в философские размышления, я нечаянно взглянул на ворота и увидел там имя одной из моих тетушек, которую тщетно отыскивал на Моховой; поспешно вошел я в ворота, которые по древнему московскому обычаю никогда не были затворены, вошел в переднюю, которая также по московскому обычаю никогда не была заперта. В передней спали несколько слуг, потому что был полдень; мимо их я прошел преспокойно в столовую, *передгостиную*, гостиную, и, наконец, так называемую боскетную, где под тенью нарисованных деревьев сидела тетушка и раскладывала гран-пасьянс. Она ахнула, увидев меня; но когда я назвал себя, тогда ее удивление превратилось в радость.

— Насилу ты, батюшка, вспомнил обо мне, — сказала она. — Вот сегодня уж ровно две недели в Москве, а не мог заглянуть ко мне.

— Как, тетушка, вы уже знаете?

— Как не знать, батюшка! По газетам видела. Вишь, вы нынче люди, тонные, только по газетам об вас и узнаем. Вижу: приехал поручик***. Ба! — говорила я, да это мой племянник! Смотрю, когда приехал — 10-го числа, а сегодня 24-е.

— Уверю вас, тетушка, что я не мог отыскать вас.

— И, батюшка, хотел бы отыскать — отыскал бы. Да что и говорить — хоть бы когда строчку написал! А ведь я тебя маленько на руках носила, — уж не говорю часто, а хоть бы в светлое воскресенье с праздником поздравил.

Признаюсь, я не находил, что ей отвечать, как вежливее объяснить ей, что с пятилетнего возраста я мог едва упомянуть ее имя. К счастью, она переменяла разговор.

— Да как это ты вошел? Об тебе не доложили: верно, никого в передней нет. Вот, батюшка, шестьдесят лет на свете живу, а не могу порядка в доме завести. Соня, Соня! позвони в колокольчик. — При сих словах в комнату вошла девушка лет 17 в белом платье. Она не успела позвонить в колокольчик... — Ах, батюшка, да вас надобно познакомить: ведь она тебе роденька, хоть и дальняя... Как же! Дочь князя Миславского, твоего двоюродного дядюшки. Соня, вот тебе братец Владимир Петрович. Ты часто об нем слыхивала; вишь, какой молодец!

Соня покраснелась, потупила свои хорошенькие глазки и пробормотала мне что-то ласковое. [...]

...Она повела нас через ряд комнат, которые, казалось были приделаны друг к другу, без всякой цели...

Наконец, мы дошли до комнаты Сони, которая отличалась от других комнат особенною чистотой и порядком; у стенки стояли маленькие клавикорды, на столе букет цветов, возле него старая Библия, на большом комоде старинной формы с бронзою я заметил несколько томов старых книг, которых заглавия заставили меня улыбнуться.

— А вот здесь у меня Соня живет, — сказала тетушка. — Видишь, как все у ней к месту приставлено; нечего сказать, чисто-плотная девка; одна у нас с нею только беда: работы не любит, а все любит книжки читать. Ну, сам ты скажи, пожалуй, что за работа девушке книжки читать, да еще по-немецки — вишь, немкой была воспитана.

Я хотел сказать несколько слов в оправдание прекрасной девушки, которая все молчала, краснела и потупляла глаза в землю, но тетушка прервала меня:

— Полно, батюшка, фарлакурить! Мы знаем, ведь ты петербургский модный человек! У вас правды на волос нет, а девка-то подумает, что она в самом деле дело делает.

С этой минуты я смотрел на Сонию другими глазами: ничто нас столько не знакомит с человеком, как вид той комнаты, в которой он проводит большую часть своей жизни, и недаром новые романисты с таким усердием описывают мебели своих героев; теперь мож-

но и с большей справедливостью переиначить старинную поговорку: «скажи мне, где ты живешь, — я скажу кто ты». [...]

— Не смейтесь над тетушкой, — сказала мне Софья, как бы угадывая мои мысли, — она права, понимать книги очень трудно, — вот, например, мой опекун очень любил басню «Стрекоза и Муравей»; я никогда не могла понять, что в ней хорошего; опекун всегда приговаривал: ай-да молодец муравей! А мне всегда бывало жалко бедной стрекозы и досадно на жестокого муравья. Я уже многим говорила, нельзя ли попросить сочинителя, чтобы он переменял эту басню, но надо мной все смеялись.

— Немудрено, милая кузина, потому что сочинитель этой басни умер еще до французской революции.

— Что это такое?

Я невольно улыбнулся такому милому невежеству и постарался в коротких словах дать моей собеседнице понятие о сем ужасном происшествии.

Софья была, видимо, встревожена, слезы показались у нее на глазах.

— Я этого и ожидала, — сказала она после некоторого молчания.

— Чего вы ожидали?

— То, что вы называете французскою революциею, непременно должно было произойти от басни «Стрекоза и Муравей».

Я расхохотался. Тетушка вмешалась в наш разговор.

— Что у вас там такое? Вишь, она как с тобой раскудахталась, а со мной так все молчит. Что ты ей там напеваешь?

— Мы рассуждаем с кузиной о французской революции.

— Помню, помню, батюшка; это когда кофей и сахар вздорюжали...

— Почти так, тетушка...

— Тогда и пудру уж начали покидать; я жила тогда в Петербурге, приехали французы — смешно было смотреть на них, словно из бани вышли; теперь-то немножко попривыкли. Что за время было, батюшки!

Долго еще толковала тетушка об этом времени, перепутывала все эпохи, рассказывала, как нельзя было найти ни гвоздики, ни корицы; что вместо прованского масла делали салат со сливками и проч. т. п.

Наконец, я распростился с тетушкой, разумеется, после клятвенных обещаний навещать ее как можно чаще. На этот раз я не лгал: Соня мне очень приглянулась.

На другой день явились книги, за ними я сам, на третий, на четвертый день — то же.

— Как вам понравились мои книги? — спросил я однажды у Софьи.

— Извините, я позволила себе заметить то, что в них мне понравилось...

— Напротив, я очень рад. Как бы я хотел видеть ваши заметки!

Софья принесла мне книги. В Шекспире была замечена фраза: «Да, друг Горацио, много в сем мире такого, что и не снилось нашим мудрецам». В «Фаусте» Гёте была отмечена только та маленькая сцена, где Фауст с Мефистофелем скачут по пустынной равнине.

— Чем же особенно понравилась вам именно эта сцена?

— Разве вы не видите, — ответила Софья простодушно, — что Мефистофель спешит; он гонит Фауста, говорит, что там колдуют, но неужели Мефистофель боится колдовства?

— В самом деле, я никогда не понимал этой сцены?

— Как это можно? Это самая понятная, самая светлая сцена! Разве вы не видите, что Мефистофель обманывает Фауста? Он боится — здесь не колдовство, здесь совсем другое... Ах, если бы Фауст остановился!..

— Где вы все это видите? — спросил я с удивлением.

— Я... я вас уверяю, — отвечала она с особенным выражением.

Я улыбнулся, она смутилась...

[...]

В Софьином альбоме я прочел сказку, которая странным образом навсегда запечатлелась в моей памяти...

[...]

Софья посмотрела на меня внимательно.

— У меня в альбоме есть и другие выписки; посмотрите, в нем есть прекрасные мысли, очень-очень глубокие.

Я перевернул несколько листов; в альбоме были отдельные фразы, кажется, взятые из какой-то азбуки, как, например: «чистое сердце есть лучшее богатство. Делай добро сколько можешь, награды не ожидай, это до тебя не касается. Если будем внимательно примечать за собою, то увидим, что за каждым дурным поступком рано или поздно следует наказание. Человек ищет счастья снаружи, а оно в его сердце» и пр. т. п. Милая кузина с пресерьезным видом читала эти фразы и с особенным выражением останавливалась на каждом слове. Она была удивительно смешна, мила...

Таковы были наши беседы с моей кузиной; впрочем, они бывали редко, и потому что тетушка мешала нашим разговорам, так и потому что сама кузина была не всегда словоохотлива. [...]

Тетушка сначала была очень довольна моими частыми посещениями, но наконец дала мне почувствовать, что она понимает, зачем я так часто езжу; ее простодушное замечание, которое ей хотелось сделать очень тонким, заставило меня опаматоваться и заглянуть во внутренность моей души. Что чувствовал я к Софье? Мое чувство было ли любовь? Нет, любви некогда было укорениться, да и не в чем; Софья своим простодушием, своею детскою странностию, своими сентенциями, взятыми из прописей, могла забавлять меня — и только; она была слишком ребенок, младенец. [...]

Однажды на бале мне встрети­лась женщина, которая заставила меня остано­виться. Мне показалось, что я ее уже где-то видел; ее лицо было мне так знакомо, что я едва ей не поклонился.

Я спросил об ее имени. Это была графиня Элиза Б. Это имя было мне совершенно неизвестно. Вскоре я узнал, что она с самого детства жила в Одессе и, следовательно, никаким образом не могла быть в числе моих знакомых.

Я заметил, что и графиня смотрела на меня с не меньшим удивлением; когда мы больше сблизились, она призналась мне, что и мое лицо ей показалось с первого раза знакомым.

[...]

Словом, мы уже сделались необходимы друг другу, а еще один из нас едва знал, как зовут другого, какое его положение в свете.

Правда, мы были еще невинны во всех смыслах; никогда еще слово любви не произносилось между нами. Это слово было смешно гордому человеку XIX века; оно давно им было разложено, разобрано по частям, каждая часть оценена, взвешена и выброшена за окошко, как вещь, несогласная с нашим нравственным комфортом; но я заговаривался с графинею в свете; но я засиживался у ней по вечерам; но ее рука долго, слишком долго оставалась в моей при прощании; но, когда она с улыбкой и с бледнеющим лицом сказала мне однажды: «мой муж на днях должен возвратиться... вы, верно, сойдетесь с ним» — я, человек, прошедший чрез все мытарства жизни, не нашелся, что отвечать, даже не мог вспомнить ни одной пошлой фразы и, как романтический любовник, вырвал свою руку, побежал, бросился в карету...

Нам обоим до сей минуты не приходило в голову вспомнить, что у графини есть муж! [...]

В первый раз в жизни я был в нерешимости; я почти не спал целую ночь, не спал — и от страстей, волновавшихся в моем сердце, и от досады на себя за это волнение; до сей минуты я так был уверен, что я уже неспособен к подобному ребячеству; словом, я чувствовал в себе присутствие нескольких независимых существ, которые боролись сильно и не могли победить одно другое.

Рано поутру мне принесли записку от графини; она состояла из немногих слов: «Именем бога, будьте у меня сегодня, непременно сегодня; мне необходимо вас видеть».

Слова: *сегодня и необходимо* были подчеркнуты.

Мы поняли друг друга; при свидании с графинею мы быстро перешли тот промежуток, отделявший нас от прямого выражения нашей тайны, которую скрывали мы от самих себя. Первый акт житейской комедии, обыкновенно столь скучный и столь привлекательный, был уже сыгран; оставалась катастрофа — и развязка.

Мы долго не могли выговорить слова, молча смотрели друг на друга и с жестокосердием предоставляли друг другу право начать разговор.

Наконец, она, как женщина, как существо более доброе, сказала мне тихим, но твердым голосом:

— Я звала вас проститься... наше знакомство должно кончиться, разумеется для нас,— прибавила она после некоторого молчания,— но не для света; вы меня понимаете... Наше знакомство! — повторила она раздирающим голосом и с рыданием бросилась в кресла.

Я кинулся к ней, схватил ее за руку... Это движение привело ее в чувство.

— Остановитесь,— сказала она,— я уверена, что вы не захотите воспользоваться минутою слабости... Я уверена, что если бы я и забылась, то вы бы первый привели меня в память... Но я и сама не забуду, что я жена, мать.

Лицо ее просияло невыразимым благородством.

Я стоял недвижно пред нею... Скорбь, какой никогда еще не переносило мое сердце, разрывала меня; я чувствовал, что кровь горячим ключом переливалась в моих жилах,— частые удары пульса звенели в висках и оглушали меня... Я призывал на помощь все усилия разума, всю опытность, приобретенную холодными расчетами долгой жизни... Но рассудок представлял мне смутно лишь черные софизмы: преступления, мысли гнева и крови: они багровою пеленою закрывали от меня все другие чувства, мысли, надежды... В эту минуту дикарь, распаленный зверским побуждением, бушевал под наружностью образованного, утонченного, расчетливого Европейца.

Я не знаю, чем бы кончилось это состояние, как вдруг дверь растворилась, и человек подал письмо графине.

— От графа с нарочным.

Графиня с беспокойством развернула пакет, прочла несколько строк — руки ее затряслись, она побледнела.

Человек вышел. Графиня подала мне письмо. Оно было от незнакомого человека, который уведомлял графиню, что муж ее опасно занемог на дороге в Москву, принужден был остановиться на постоялом дворе, не может писать сам и хочет видеть графиню.

Я взглянул на нее; в голове моей сверкнула неясная мысль, отразилась в моих взорах... Она поняла эту мысль, закрыла глаза рукою, как бы для того, чтобы не видеть ее, и быстро бросилась к колокольчику.

— Почтовых лошадей! — сказала она с твердостью вошедшему человеку.— Просить ко мне скорее доктора Бина.

— Вы едете? — сказал я.

— Сию минуту.

— Я за вами.

— Невозможно!

— Все знают, что я уже давно собираюсь в тверскую деревню.

— По крайней мере через день после меня.

— Согласен... но случай заставит меня остановиться с вами на одной станции, а доктор Бин был мне друг с моего детства.

— Увидим,— сказала графиня,— но теперь прощайте.

Мы расстались.

Я поспешно возвратился домой, привел в порядок мои дела, рассчитал, когда мне выехать, чтобы остановиться на станции, велел своим людям говорить, что я уже дня четыре, как уехал в деревню; это было вероятно, ибо в последнее время меня мало видели в свете. Через тридцать часов я уже был на большой дороге, где и скоро моя коляска остановилась у ворот постоянного дома, где решалась моя участь.

Я не успел войти, как по общей тревоге угадал, что все уже кончилось.

— Граф умер,— отвечали на мои вопросы, и эти слова дико и радостно отдавались в моем слухе.

В такую минуту явиться к графине, предложить ей мои услуги было бы делом обыкновенным для всякого проезжающего, не только знакомого. Разумеется, я поспешил воспользоваться этою обязанностью.

Почти в дверях встретил я Бина, который бросился обнимать меня.

— Что здесь такое? — спросил я.

— Да что,— отвечал он со своею простодушною улыбкой,— нервическая горячка... Запустил, думал доехать до Москвы — да где? Она не свой брат, шутить не любит; я приехал — уже поздно было; тут что ни делай — мертвого не оживишь.

Я бросился обнимать доктора — не знаю почему, но, кажется, за его последние слова. Хорошо, что мой добрый Иван Иванович не взял на себя труда разыскивать причины такой необыкновенной нежности.

— Ее, бедную, жаль! — продолжал он.

— Кого? — сказал я, затрепетав всем телом.

— Да графиню.

— Разве она здесь? — проговорил я притворно и поспешно прибавил: — Что с ней?

— Да вот уже три дня не спала и не ела.

— Можно к ней?

— Нет, теперь она, слава богу, заснула; пусть себе успокоится до выноса... Здесь, вишь, хозяева просят, чтобы поскорее вынесли в церковь, ради проезжих.

Делать было нечего. Я скрыл свое движение, спросил себе комнату, а потом принялся помогать Ивану Ивановичу во всех нужных распоряжениях. Добрый старик не мог мною нахвалиться. «Вот добрый человек! — говорил он.— Иной бы взял да уехал; еще хорошо, что ты случился, я бы без тебя пропал; правда, нам, медикам, нечего греха таить,— прибавил он с улыбкою,— случается отправлять на тот свет, но хоронить еще мне ни разу не удавалось».

Вечеру был вынос. Графиня как бы не заметила меня, и, признаюсь, я сам не в состоянии был говорить с нею в эту минуту. Станные чувства возбуждались во мне при виде покойника: он был уже немолодых лет, но в лице его еще было много свежести,

кратковременная болезнь еще не успела обезобразить его. Я с истинным сожалением смотрел на него, потом с невольною гордостью взглянул на прекрасное наследство, которое он мне оставлял после себя, и сквозь умиленные мысли нередко мелькали в голове моей адские слова, сохраненные историею: «труп врага всегда хорошо пахнет!» Я не мог забыть этих слов, зверских до глупости, они беспрестанно звучали в моем слухе. Служба кончилась, мы вышли из церкви. Графиня, как бы угадывая мое намерение, подослала ко мне человека сказать, что она благодарит меня за участие и что завтра сама будет готова принять меня. Я повиновался.

Волнение, в котором я находился во все эти дни, не дало мне заснуть до самого восхождения солнца. Тогда беспокойный сон, полный безобразных видений, сомкнул мне глаза на несколько часов; когда я проснулся, мне сказали, что графиня уже возвратилась из церкви, я наскоро оделся и пошел к ней.

Она приняла меня. Она не хотела притворствоваться, не показывала мне мнимого отчаяния, но спокойная грусть ясно выражалась на лице ее. Я не буду вам говорить, что беспорядок ее туалета, черное платье делали ее еще прелестнее.

Долго мы не могли сказать ничего друг другу, кроме пошлых фраз, но наконец чувства переполнились, мы не могли более владеть собою и бросились друг другу в объятия. Это был наш первый поцелуй, но поцелуй дружбы, братства.

Мы скоро успокоились. Она рассказала мне о своих будущих планах; через два дня, отдав последний долг покойнику, она возвратится в Москву, а оттуда проедет с детьми в украинскую деревню. Я отвечал ей, что у меня в Украине также есть небольшая усадьба, и мы скоро увидели, что были довольно близкими соседями. Я не мог верить своему счастью; теперь передо мной исполнялась прекрасная мечта и мысль юности: уединение, теплый климат, прекрасная, умная женщина и долгий ряд счастливых дней, полных животворной любви и спокойствия.

Так протекли два дня; мы видались почти ежеминутно, и наше счастье было так полно, так невольно вырывались из души слова надежды и радости, что даже Иван Иванович начал поглядывать на нас с улыбкою, которую ему хотелось сделать насмешливою, а наедине намекал мне, что не надобно упускать вдовушки, тем более что она была очень несчастлива с покойником, который был человек капризный, плотской и мстительный. [...]

Наконец наступил третий день. Никогда еще сон мой не был спокойнее; прелестные видения носились над моим изголовьем: то были бесконечные сады, облитые жарким солнечным сиянием, везде — в куще деревьев, в цветных радугах я видел прекрасное лицо моей Элизы, везде она являлась мне, но в бесчисленных полупрозрачных образах, и все они улыбались, простирали ко мне свои руки, скользили по моему лицу душистыми локонами, и легкою вереницею взвивались на воздух... Но вдруг все исчезло, раздался ужасный треск, сады обратились в голую скалу, и на той скале яви-

лись мертвец и доктор, каким я его видел в космораме; но вид его был строг и сумрачен, а мертвец хохотал и грозил мне своим саваном. Я проснулся. Холодный пот лился с меня ручьями. В эту минуту постучались в дверь.

— Графиня вас просит к себе сию минуту, — сказал вошедший человек.

Я вскочил; раздались страшные удары грома, от туч было почти темно в комнате; она освещалась лишь блеском молнии, от порывистого ветра пыль взвивалась столбом и с шумом рассыпалась о стекла. Но мне некогда было обращать внимание на бурю: оделся наскоро и побежал к Элизе. Нет, никогда не забуду выражения лица ее в эту минуту; она была бледна как смерть, руки ее дрожали, глаза не двигались. Приличия уже были не у места; забыт светский язык, светские условия.

— Что с тобою, Элиза?

— Ничего! Вздор! Глупость! Пустой сон!..

При этих словах меня обдало холодом... «Сон?» — повторил я с изумлением...

— Да! Но сон ужасный! Слушай! — говорила она, вздрагивая при каждом ударе грома. — Я заснула спокойно, я думала о наших будущих планах, о тебе, о нашем счастье... Первые сновидения повторили веселые мечты моего воображения... Как вдруг передо мною явился покойный муж, — нет, то был не сон — я видела его самого, его юного, я узнала эти знакомые мне стиснутые, почти улыбающиеся губы, это адское движение черных бровей, которым выражался в нем порыв мщения без суда и без милости. Ужас, Владимир! Ужас!.. Я узнала этот неумолимый, свинцовый взор, в котором в минуту гнева вспыхивали кровавые искры; я услышала снова этот голос, который от ярости превращался в дикий свист и который, я думала, никогда более не слышать...

«Я все знаю, Элиза, — говорил он, — все вижу; здесь мне все ясно; ты очень рада, что я умер; ты уже готова выйти замуж за другого... Нежная, верная жена!.. Безрассудная! Ты думала найти счастье — ты не знаешь, что гибель твоя, гибель детей наших соединена с твоей преступной любовью... Но этому не бывать, нет! Жизнь звездная еще сильна во мне — земляна душа моя и не хочет расстаться с землею... Мне все здесь сказали — лишь возвратясь на землю, могу я спасти детей моих, лишь на земле я могу отместить тебе, и я возвращусь, возвращусь в твои объятия, верная супруга! Дорогою, страшную цену купил я это возвращение — ценою, которой ты и понять не можешь... За то весь ад двинется со мною на твою преступную голову — готовься принять меня. Но слушай: на земле я забуду все, что узнал здесь; скрывай от меня твои чувства, скрывай их — иначе горе тебе, горе и мне!..» Тут он прикоснулся к лицу моему холодными посиневшими пальцами, и я проснулась. Ужас! Ужас! Я еще чувствую на лице это прикосновение...

Бедная Элиза едва могла договорить; язык ее онемел, она вся

была как в лихорадке; судорожно жалась она ко мне, закрывая глаза руками, как бы искала укрыться от грозного видения. Сам невольно взволнованный, я старался утешить ее обыкновенными фразами о расстроенных нервах, о физическом на них действии бури, об игре воображения, и сам чувствовал, как тщетны перед страшною действительностью все эти слова, изобретаемые в спокойные, беззаботные минуты человеческого суемудрия. Я еще говорил, я еще перебирал в памяти все читанные в медицинских книгах подобные случаи, как вдруг распахнулось окошко, порывистый ветер с визгом ворвался в комнату, в доме раздался шум, означавший что-то необыкновенное...

— Это он... это он идет! — вскричала Элиза и в трепете, показывая на дверь, махала мне рукою...

Я выбежал за дверь, в доме все было в смятении, на конце темного коридора я увидел толпу людей; эта толпа приближалась... в оцепенении я прижался к стене, но нет ни сил спросить, ни собрать свои мысли... Да! Элиза не ошиблась. Это был он! он! Я видел, как толпа частью вела, частью несла его; я видел его бледное лицо, я видел его впалые глаза, с которых еще не сбежал сон смертный... [...] Я слышал крики радости, изумления, ужаса окружающих... Я слышал прерывистые рассказы о том, как ожил граф, как он поднялся из гроба, как встретил в дверях ключаря, как доктор помогал ему... Итак, это было не видение, но действительность! Мертвый возвращался нарушить счастье живых!.. Я стоял как окаменелый; когда граф поравнялся со мною, в тесноте его рука, судорожно вытянутая, скользнула по лицу моему, и я вздрогнул, как будто электрическая искра пробежала по моему телу, все меня окружающее сделалось прозрачным — стены, земля, люди показались мне легкими полутеньями, сквозь которые ясно различал я другой мир, другие предметы, других людей... Каждый нерв в моем теле получил способность зрения; мой магический взор обнимал в одно время и прошедшее, и настоящее, и то, что действительно было, и что могло случиться; и описать всю эту картину нет возможности, рассказать ее не достанет слов человеческих... Я видел графа Б. в различных возрастах его жизни... я видел, как над изголовьем его матери, в минуту его рождения, вились безобразные чудовища и с дикою радостью встречали новорожденного. Вот его воспитание: гнусное чудовище между им и его наставником — одному нашептывает, другому толкует мысли себялюбия, безверия, жестокосердия, гордости; вот появление в свете молодого человека: то же гнусное чудовище руководит его поступками, внушает ему тонкую сметливость, осторожность, коварство, наверное, устраивает для него успехи; граф в обществе женщин: необоримая сила влечет их к нему, он ласкает одну за другой и смеется вместе с своим чудовищем; вот он за карточным столом: чудовище подбирает масти, шепчет ему на ухо, какую ставить карту; он обыгрывает, разоряет друга, отца семейства, — и богатство упрочищает его успехи в свете; вот он на поединке: чудовище нашептывает ему на

ухо все софизмы дуэлей, крепит его сердце, поднимает его руку, он стреляет — кровь противника брызнула на него и запятнала вечными каплями; чудовище скрывает след его преступления. В одном из секундантов дуэли я узнал моего покойного дядю; вот граф в кабинете вельможи: он искусно клеветает на честного человека, чернит его, разрушает его счастье и заменяет его место; вот он в суде: под личиной прямодушия он таит в сердце жестокость неумолимую, он видит невинного, знает его невинность и осуждает его, чтобы воспользоваться его правами; все ему удается; он богатеет, он носит между людьми имя честного, прямодушного, твердого человека; вот он предлагает свою руку Элизе: на его руке капли крови и слез, она не видит их и подает ему свою руку; Элиза для него средство к различным целям: он принуждает ее принимать участие в черных тайных делах своих, он грозит ей всеми ужасами, которые только может изобрести воображение, и когда она, подвластная его адской силе, повинувается, он смеется над ней и приготовляет новые преступления... [...]

В эту минуту вся история нашего мира от начала времен была мне понятна; эта внутренность истории человечества была обнажена передо мной, и необъяснимое посредством внешнего сцепления событий казалось мне очень просто и ясно; так взор мой постепенно переходил по магической лестнице, где нравственное чувство, возбуждавшееся в добром Испанце при виде костров инквизиции, порождало в его потомке чувство корысти и жестокосердия к Мексиканцам, имевшее еще вид законности; как, наконец, это же самое чувство в последующих поколениях превратилось просто в зверство и в полное духовное обессиление.

[...]

Во все время этого странного зрелища я был в оцепенении; душа моя не знала, что делалось с телом. Когда возвратилась ко мне раздражительность внешних чувств, я увидел себя в своей комнате на постоялом дворе, возле меня стоял доктор Бин со склянкою в руках...

— Что? — спросил я, очнувшись.

— Да ничего! Здоровешенек! Пульс такой, что чудо...

— У кого?

— Да у графа! Хороших было мы дел наделали! Да и то правду сказать, я никогда не воображал, и в книгах не встречал, чтоб мог быть такой сильный обморок. Ну, точно был мертвый. Кажется, немало я на своем веку практики имел; вот уж, говорится, век живи, век учись! А вы-то, батюшка! еще были военный человек, испугались, также подумали, что мертвец идет... насилию оттер вас... Куда вам за нами, медиками! Мы народ храбрый... [...]

[...]

Доктор еще долго говорил, но я не слушал его; одно понимал я: все это было не сон, не мечта, — действительно возвратился к живым мертвый, оживленный ложною жизнью, и отнимал у меня счастье жизни... «Лошадей!» — вскричал я.

Я почти не помню, как и зачем меня привезли в Москву; кажется, я не отдавал никаких приказаний, и мною распоряжился мой камердинер. Долго я не показывался в свет и проводил дни один, в состоянии бесчувствия, которое прерывалось только невыразимыми страданиями. Я чувствовал, что гасли все мои способности, рассудок потерял силу суждения, сердце было без желаний; воображение напомнило мне лишь страшное, непонятное зрелище, о котором одна мысль смешивала все понятия и приводила меня в состояние, близкое к сумасшествию.

Нечаянно я вспомнил о моей простосердечной кухне; я вспомнил, как она одна имела искусство успокаивать мою душу. Как я радовался, что хоть какое-либо желание закралось в мое сердце!

Тетушка была больна, но велела принять меня. Бледная, измученная болезнью, она сидела в креслах; Софья ей прислуживала, поправляла подушки, подавала питье. Едва она взглянула на меня, как почти заплакала:

— Ах! Что это мне так жалко вас! — сказала она сквозь слезы.

— Кого это жаль, матушка? — спросила тетушка прерывающимся голосом.

— Да Владимира Андреевича! Не знаю отчего, но смотреть на него без слез не могу...

— Уж лучше бы, матушка, пожалела обо мне,— вишь, он и не подумает больную тетку навестить...

Не знаю, что отвечал я на упрек тетушки, который был не последний. Наконец она несколько успокоилась.

— Я ведь это, батюшка, только так говорю, от того, что тебя люблю, вот и с Софьюшкой об тебе часто толковали...

— Ах, тетушка! Зачем вы говорите неправду? У нас и помина о братце не было...

— Так! Так-таки! — вскричала тетушка с гневом; таки брякнула свое! — Не посетуй, батюшка, за нашу простоту, хотела было тебе комплимент сказать, да вишь, у меня учительша какая проявилась; лучше бы, матушка, больше о другом заботилась...— И полились упреки на бедную девушку...

[...]

Я молча смотрел на эту несчастную девушку, которая с ангельским смирением выслушивала старуху, а между тем внимательно смотрела, чем бы услужить ей. Я старался моим взором проникнуть эту невидимую связь, которая соединяла меня с Софьей, перенести мою душу в ее сердце, но тщетно: предо мною была лишь обыкновенная девушка, в белом платье, с стаканом в руках.

Когда тетушка устала говорить, я сказал Софье почти шепотом:

— Так вы очень обо мне жалеете?

— Да! Очень жалко, и не знаю — отчего.

— А мне так вас жаль,— сказал я, показывая глазами на тетушку.

— Ничего,— отвечала Софья,— на земле все недолго, и горе и радость; умрем, другое будет...

— Что ты там страхи-то говоришь,— вскричала тетушка, вслушавшись в последние слова.— Вот уж, батюшка, могу сказать, утешница. Чем бы больного человека развлечь, развеселить, а она, нет-нет да о смерти заговорит. Что ты хочешь намекнуть, чтобы я тебя в духовной-то не забыла, что ли? В гроб хочешь поскорее свести? Экая корыстолюбивая! Так нет, мать моя, еще тебя переживу...

Софья спокойно посмотрела в глаза старухи и сказала:

— Тетушка! Вы говорите неправду...

Тетушка вышла из себя:

— Как неправду? Так ты собираешься меня похоронить... Ну, скажите, батюшка, выносимо ли это? Вот какую змею я у себя прирела.

В окружающих прислужницах я заметил явное неудовольствие; доходили до меня слова «злая! недобрая! уморить хочет!».

Тщетно хотел я уверить тетушку, что она приняла Софьины слова в другом смысле: я только еще более раздражал ее. Наконец решился уйти; Софья провожала меня.

— Зачем вы вводите тетушку в досаду? — сказал я кузине.

— Ничего; немножко на меня прогневаается, а все о смерти полагает, это ей хорошо.

— Непонятное существо! — вскричал я.— Научи и меня умереть!

Софья посмотрела на меня с удивлением.

— Я сама не знаю; впрочем, кто хочет учиться, тот уж в половину выучен.

— Что ты хочешь сказать этим?

— Ничего! Так у меня в книжке записано...

В это время раздался колокольчик.

— Тетушка меня кличет,— проговорила Софья.— Видите, я угадала; теперь гнев прошел, теперь она будет плакать, а плакать хорошо, очень хорошо, особенно когда не знаешь, о чем плачешь.

С сими словами она скрылась.

Я возвратился домой в глубокой думе, бросился в кресла и старался отдать себе отчет в моем положении.

[...]

Чтоб сохранить хладнокровие и не отдать себя под власть воображения, я записывал мои наблюдения на бумаге; но скоро мне это сделалось невозможным; видение приблизилось ко мне, все делалось явственнее, а с тем вместе все другие предметы бледнели; бумага, на которой я писал, стол, мое собственное тело делалось прозрачным как стекло; куда я ни обращал глаза, видение следовало за моим взором. В нем я узнавал Софью: тот же облик, те же волосы, та же улыбка, но выражение было другое. Она смотрела на меня коварными, сладострастными глазами и с какою-то наглостью простирала ко мне свои объятия.

«Ты не знаешь,— говорила она,— как мне хочется выйти за те-

бя замуж! Ты богат — я сама у старухи вымучу себе кое-что — и мы заживем славно. От чего ты мне не даешься? Как я ни притворяюсь, как ни кокетничаю с тобою — все тщетно. Тебя пугают мои суровые слова; тебя удивляет мое невинное невежество? Не верь! Это все удочка, на которую мне хочется поймать тебя, потому что ты сам не знаешь своего счастья. Женись только на мне — ты увидишь, как я развернусь. Ты любишь рассеянность — я также; ты любишь сорить деньгами — я еще больше; наш дом будет чудо, мы будем давать балы, на балы приглашать родных, вотремся к ним в любовь, и наследства будут на нас дождем литься... Ты увидишь — я мастерица на эти дела...»

Я оцепенел, слушая эти речи; в душе моей родилось такое отвлечение к Софье, которого не могу и выразить. Я вспоминал все ее таинственные поступки, все ее двусмысленные слова — все мне теперь было понятно! Хитрый демон скрывался в ней под личиною невинности... Видение исчезло — вдали осталась лишь блестящая точка; эта точка увеличивалась постепенно, приближалась — это была моя Элиза! О, как рассказать, что случилось тогда со мною? Все нервы мои потряслись, сердце забилось, руки сами собою простерлись к обольстительному видению; казалось, она носилась в воздухе — ее кудри как легкий дым свивались и развивались, волны прозрачного покрывала тянулись по роскошным плечам, обхватывали талию и бились по стройным розовым ножкам. Руки ее были сложены, она смотрела на меня с упреком:

«Неверный! Неблагодарный! — говорила она голосом, который, как растопленный свинец, разжигал мою душу. — Ты уж забыл меня! Ребенок! Ты испугался мертвого! Ты забыл, что я страдаю, страдаю невыразимо, безутешно; ты забыл, что между нами обет вечный, неизгладимый! Ты боишься мнения света? Ты боишься встретиться с мертвым? Я — я не переменялась. Твоя Элиза ноет и плачет, она ищет тебя наяву и во сне — она ждет тебя; все ей равно — ей ничего не страшно, — все в жертву тебе...»

— Элиза! я твой! вечно твой! Ничто не разлучит нас! — вскричал я, как будто видение могло меня слышать... Элиза рыдала, манила меня к себе, простирала ко мне руку так близко, что, казалось, я мог схватить ее, — как вдруг другая рука показалась возле руки Элизы... Между ею и мною явился таинственный доктор; он был в рубище, глаза его горели, члены трепетали, он то являлся, то исчезал, казалось, он боролся с какою-то невидимою силой, старался говорить, но до меня доходили только прерывающиеся слова: «Беги... гибель... таинственное мщение... совершается... твой дядя... подвинул его... на смертное преступление... его участь решена... его... давит... дух земли... гонит... она запятнана невинно кровью... он погиб без возврата... он мстит за свою гибель... он зол ужасно... он за тем возвратился на землю... гибель... гибель...»

Но доктор исчез; осталась одна Элиза. Она по-прежнему простирала ко мне руки и манила меня, исчезая... я в отчаянии смотрел вслед за нею...

Стук в дверь прервал мое очарование. Ко мне вошел один из знакомых...

— Где ты? тебя вовсе не видно! Да что с тобою? Ты вне себя!

— Ничего, я так,— задумался...

— Обещаю тебе, что ты с ума сойдешь, и это непременно, и так уж тебе какие-то чертенята, я слышал, показывались...

— Да! Слабость нерв... Но теперь прошло...

— Если бы тебя в руки магнетизера, так из тебя бы чудо вышло...

— Отчего так?

— Ты именно такой организации, какая для этого нужна... Из тебя бы вышел *ясновидящий*...

— Ясновидящий! — вскричал я.

— Да! Только не советую испытывать: я эту часть очень хорошо знаю; это болезнь, которая доводит до сумасшествия. Человек бредил в магнетическом сне, потом начинает уже непрерывно бредить...

— Но от этой болезни можно излечиться...

— Без сомнения, рассеянность, общество, холодные ванны. Право, подумай. Что сидеть? беды наживешь... Что ты, например, сегодня делаешь?

— Хотел остаться дома.

— Вздор, поедем в театр — новая опера; у меня целая ложа к твоим услугам.

Я согласился.

«Магнетизм!» Удивительно! — думал я дорогою. — Как мне это до сих пор в голову не приходило. Слышал я о нем, да мало. Может быть, в нем и найду я объяснение странного состояния моего духа. Надобно познаться покороче с книгами о магнетизме.

Между тем мы приехали. В театре народу еще было мало; ложа возле нашей оставалась незанятою. На афишке предо мною я прочел: «Вампир, опера Маршнера»; она мне была неизвестна, и я с любопытством прислушивался к первым звукам увертюры. Вдруг невольное движение заставило меня оглянуться; дверь в соседней ложе скрипнула, смотрю — входит моя Элиза. Она взглянула на меня, приветливо поклонилась, и бледное лицо ее вспыхнуло. За нею вошел муж ее... Мне показалось, что я слышу могильный запах, — но это была мечта воображения. Я его не видал около двух месяцев после его оживления, он очень поправился; лицо его потеряло почти все признаки болезни... Он что-то шепнул Элизе на ухо, она отвечала ему также тихо, но я понял, что она произнесла мое имя. Мысли мои мешались, и прежняя любовь к Элизе, и гнев, и ревность, и мои видения, и действительность, все это вместе приводило меня в сильное волнение, которое тщетно я хотел скрыть под личиною обыкновенного светского спокойствия. И эта женщина могла быть моею, совершенно моею! Наша любовь не преступна, она была для меня вдовою; она без укоризны совести могла располагать своею рукою; и мертвый — мертвый между нами! Опера

потеряла для меня интерес; пользуясь моим местом в ложе, я будто бы смотрел на сцену, но не сводил глаз с Элизы и ее мужа. Она была томнее прежнего, но еще прекраснее; я мысленно рядил ее в то платье, в котором она мне представилась в видении; чувства мои волновались, душа вырывалась из тела; от нее взор мой переходил на ее таинственного соперника; при первом взгляде лицо его не имело никакого особенного выражения, но при большем внимании вы уверялись невольно, что на этом лице лежит печать преступления. В том месте оперы, где вампир просит прохожего повернуть его к сиянию луны, которое должно оживить его, граф судорожно вздрогнул; я устремил на него глаза с любопытством, но он холодно взял лорнетку и повел ею по театру: было ли это воспоминание о его приключении, простая ли физическая игра нерв или внутренний говор его таинственной участи,— отгадать было невозможно. Первый акт кончился; приличие требовало, чтобы я заговорил с Элизою; я приблизился к балюстраде ее ложи. Она очень равнодушно познакомила меня со своим мужем; он с развязностью опытного светского человека сказал мне несколько приветливых фраз; мы разговорились об опере, об обществе; речи графа были остроумны, замечания тонки: видно было светского человека, который под личиною равнодушия и насмешки скрывает короткое знакомство с многоразличными отраслями человеческих знаний. Находясь так близко от него, я мог рассмотреть в глазах его те странные багровые искры, о которых говорила мне Элиза; впрочем, эта игра природы не имела ничего неприятного; напротив, она оживляла пронизательный взгляд графа; была заметна также какая-то злоба в судорожном движении тонких губ, но ее можно было принять лишь за выражение обыкновенной светской насмешливости.

На другой день я получил от графа пригласительный билет на раут. [...] Словом, почти каждую неделю хоть раз, но я видел мою Элизу, шутил с ее мужем, играл с ее детьми, которые хотя были не очень любезны, но до крайности смешны. [...]

Так прошло несколько месяцев; еще ни разу мне не удалось видиться с Элизою наедине, но она обещала мне свидание, и я жил этою надеждою. [...]

Наконец наступил канун Нового года. В эту ночь я не спал решительно ни одной минуты и встал с постели измученный, с головною болью; в невыразимом волнении ходил я из угла в угол и взором следовал за медленным движением стрелки. Пробило восемь часов; в совершенном изнеможении я упал на диван... Я серьезно боялся занемочь, и в такую минуту!.. Легкая дремота начала склонять меня; я позвал камердинера: «приготовить кофю и, если я засну, в 9 часов разбудить меня, но непременно — слышишь ли? Если ты пропустишь хоть минуту, я сгоню тебя со двора, если разбудишь вовремя — сто рублей».

С этими словами я сел в кресло, приклонил голову и заснул сном свинцовым... Ужасный грохот пробудил меня. Я проснулся —

руки, лицо были у меня мокры и холодны... у ног моих лежали огромные бронзовые часы, разбитые вдребезги,— камердинер говорил, что я, сидя возле их, вероятно, задел их рукою, хотя он этого и не заметил. Я схватился за чашку кофею, когда слышался звук других часов, стоявших в ближней комнате, я стал считать: бьет один, два, три... восемь, девять... десять!.. одиннадцать!.. двенадцать!.. Чашка полетела в камердинера.

— Что ты сделал? — вскричал я вне себя.

— Я не виноват, — отвечал несчастный камердинер, обтираясь, — я исполнил ваше приказание: едва начало бить девять, я подошел будить вас, вы не просыпались, я поднимал вас с кресел, а вы только изволили мне отвечать: «Еще мне рано, рано... Бога ради... не губи меня» — и снова упали в кресла, я, наконец, решился облить вас холодною водою; но ничто не помогало: вы только повторяли: «не губи меня». Я уже хотел было послать за доктором, но не успел дойти до двери, как часы, не знаю отчего, упали, и вы изволили проснуться...

Я не обращал внимания на слова камердинера, оделся как можно поспешнее, бросился в карету и поскакал к графине.

На вопрос: «Дома ли граф?» швейцар отвечал: «Нет, но графиня дома и принимает». Я не взбежал, но влетел на лестницу! В дальней комнате меня ждала Элиза, увидев меня, она вскрикнула с отчаянием: «Так поздно! Граф должен скоро возвратиться: мы потеряли невозвратимое время!»

Я не знал, что отвечать, но минуты были дороги, упрекам не было места, мы бросились друг другу в объятия. О многом, многом нам должно было говорить; рассказать о прошедшем, условиться о настоящем, о будущем; судьба так причудливо играла нами, то соединяла тесно на одно мгновение, то разлучала надолго целою бездною; жизнь наша связывалась отрывками, как минутные вдохновения беззаботного художника. Как много в ней осталось необъясненного, непонятого, недосказанного. Едва я узнал, что жизнь Элизы ад, исполненный мучений всякого рода: что нрав ее мужа сделался еще ужаснее, что он терзал ее ежедневно, просто для удовольствия; что дети были для нее новым источником страданий; что муж ее преследовал и старался убить в них всякую чистую мысль, всякое благородное чувство, что он и словами и примерами знакомил их с понятиями и страстями, которые ужасны и в зрелом человеке, — и когда бедная Элиза старалась спасти невинные души от заразы, он приучал несчастных малюток смеяться над своею матерью... Эта картина была ужасна. Мы уже говорили о возможности прибегнуть к покровительству законов, рассчитывали все вероятные удачи и неудачи, все выгоды и невыгоды такого дела... Но наш разговор слабел и прерывался беспрестанно — слова замирали на пылающих устах — мы так давно ждали этой минуты; Элиза была так обольстительно-прекрасна, негодование еще более разжигало наши чувства, ее рука впилась в мою руку, ее голова прильнула ко мне, как бы ища защиты... Мы не помнили, где мы,

что с нами, и когда Элиза в самозабвении повисла на моей груди... дверь не отворилась, но муж ее явился подле нас. Никогда не забуду этого лица: он был бледен, как смерть, волосы шевелились на голове его как наэлектризованные, он дрожал как в лихорадке, молчал, задыхаясь, и улыбался. Я и Элиза стояли как окаменелые; он схватил нас обоих за руки... его лицо покривилось... щеки забагровели... глаза засветились... он молча устремил их на нас... Мне показалось, что огненный кровавый луч исходил из них... Магическая сила сковала все мои движения, я не мог пошевелиться, не смел отвести глаза от страшного взора... Выражение его лица с каждым мгновением становилось свирепее, с тем вместе сильнее блистали его глаза, багровее становилось лицо... Не настоящий ли огонь зарделся под его нервами?... Рука его жжет мою руку... еще мгновение, и он заблестал как раскаленное железо... Элиза вскрикнула... мебели задымились... синеватое пламя побежало по всем членам мертвеца, посреди кровавого блеска обозначились его кости белыми чертами... Платье Элизы загорелось; тщетно я хотел вырвать ее руку из мстительного пожатия... глаза мертвеца следовали за каждым ее движением и прожигали ее... лицо его сделалось пепельного цвета, волосы побелели и свернулись, лишь одни губы багровою полосой прорезывались по лицу его и улыбались коварною улыбкою... Пламя развилось с непостижимою быстротою: вспыхнули занавески, цветы, картины, запылал пол, потолок, густой дым наполнил всю комнату... «Дети! Дети!» — вскричала Элиза отчаянным голосом. «И они с нами!» — отчеканил мертвец с громким хохотом...

С этой минуты я уже не помню, что было со мною... Едкий, горячий смрад душил меня, заставлял закрывать глаза, я слышал как во сне вопли людей, треск разваливающегося дома... Не знаю, как рука моя вырвалась из рук мертвеца: я почувствовал себя свободным, и животный инстинкт заставлял меня кидаться в разные стороны, чтобы избежать обваливающихся стропил... В эту минуту только я заметил пред собою как будто белое облако... всматриваюсь... в этом облаке мелькает лицо Софьи... она грустно улыбалась, манила меня... Я невольно следовал за нею... Где пролетало видение, там пламя отгибалось, и свежий, душистый воздух оживлял мое дыхание... Я все далее, далее...

Наконец я увидел себя в своей комнате.

Долго не мог я опомниться; я не знал, спал я или нет; взглянул на себя — платье мое не тлело; лишь на руке осталось черное пятно... этот вид потряс все мои нервы; и я снова потерял память...

Когда я пришел в себя, я лежал в постели, не имея силы выговорить слово.

— Слава богу! кризис кончился! Есть надежда! — сказал кто-то возле меня. Я узнал голос доктора Бина, я силился выговорить несколько слов — язык мне не повиновался.

После долгих дней совершенного безмолвия первое мое слово было:

— Что Элиза?

— Ничего! Ничего! Слава богу, здорова, велела вам кланяться...
Силы мои истощились на произнесенный вопрос, но ответ доктора успокоил меня.

Я стал оправляться, меня начали посещать знакомые. Однажды, когда я смотрел на свою руку и старался вспомнить, что значило на ней черное пятно,— имя графа, сказанное одним из присутствующих, поразило меня, я стал прислушиваться, но разговор был для меня непонятен.

— Что с графом? — спросил я, приподнимаясь с подушки.

— Да! Ведь и ты к нему ездил! — отвечал мой знакомый. — Разве ты не знаешь, что с ним случилось? Вот судьба! Накануне Нового года он играл в карты у ***, счастье ему благоприятствовало необыкновенно; он повез домой сумму необъятную, но вообрази — ночью у него в доме сделался пожар; все сгорело: он сам, жена, дети, дом — как не бывали; полиция делала чудеса, но все тщетно: не спасено ни нитки, пожарные говорили, что отроду им еще не случилось видеть такого пожара: уверяли, что даже камни горели! В самом деле, дом весь рассыпался, даже трубы не торчат....

Я не дослушал рассказа: ужасная ночь живо возобновилась в моей памяти, и страшные судороги потрясли все мое тело.

«Что вы наделали, господа!» — вскричал доктор Бин, но уже было поздно: я снова приблизился к дверям гроба. Однако молодость ли, попечения ли доктора, таинственная ли судьба моя — только я остался в живых.

С этих пор доктор Бин сделался осторожнее, перестал впускать ко мне знакомых и сам почти не отходил от меня...

Однажды — я уже сидел в креслах — во мне не было беспокойства, но тяжкая, тяжкая грусть, как свинец, давила грудь мою. Доктор смотрел на меня с невыразимым участием...

— Послушайте,— сказал я,— теперь я чувствую себя уже довольно крепким; не скрывайте от меня ничего: неизвестность более терзает меня...

— Спрашивайте,— отвечал доктор уныло,— я готов отвечать вам....

— Что тетушка?

— Умерла.

— А Софья?

— Вскоре после нее,— проговорил почти со слезами добрый старик.

— Когда? Как?

— Она была совершенно здорова, но вдруг, накануне Нового года, с нею сделались непонятные припадки, я сроду не видал такой болезни: все тело ее было как будто обожжено...

— Обожжено?

— Да! То есть имело этот вид; я говорю вам так, потому что

вы не знаете медицины; но это, разумеется, был род острой водяной...

— И она долго страдала?..

— О нет, слава богу! Если бы вы видели, с каким терпением она сносила свои терзания, обо всех спрашивала, всем занималась... Право, настоящий ангел, хотя и была немножко простовата. Да, кстати, она и об вас не забыла: вырвала листок из своей записной книжки и просила меня отдать вам на память, вот он.

Я с трепетом схватил драгоценный листок: на нем были только следующие слова из какой-то нравоучительной книжки: «Высшая любовь страдать за другого...» С невыразимым чувством я прижал к губам этот листок. Когда я снова хотел прочесть его, то заметил, что под этими словами были другие: «Все свершилось! — говорило магическое письмо. — Жертва принесена! Не жалею обо мне — я счастлива! Твой путь еще долог, и его конец от тебя зависит. Вспомни слова мои: чистое сердце — высшее благо; ищи его».

Слезы полились из глаз моих, но то были не слезы отчаяния.

Я не буду описывать подробностей моего выздоровления, а постараюсь хотя слегка обозначить новые страдания, которым подвергся, ибо путь мой долог, как говорила Софья. [...] Чтобы рассеять себя, я стал выезжать, видаться с друзьями; но скоро по мере моего выздоровления я начинал замечать в них что-то странное; в первую минуту они узнавали меня, были рады меня видеть, но потом мало-помалу в них рождалась какая-то холодность, похожая даже на отвращение; они силились сблизиться со мною, и что-то невольно их отталкивало. Кто начинал разговор со мною, через минуту старался его окончить; в обществах люди как будто оттягивались от меня непостижимою силою, перестали посещать меня, слуги, несмотря на огромное жалованье и на обыкновенную тихость моего характера, не проживали у меня более месяца; даже улица, на которой я жил, сделалась безлюднее; никакого животного я не мог привязать к себе; наконец, как я заметил с ужасом, птицы никогда не садились на крышу моего дома. Один доктор Бин оставался мне верен; но он не мог понять меня, и в рассказах о странной пустыне, в которой я находился, он видел одну игру воображения.

Этого мало; казалось, все несчастья на меня обрушились: что я ни предпринимал, ничто мне не удавалось; в деревнях несчастья следовали за несчастьями, со всех сторон против меня открылись тяжбы, и старые, давно забытые процессы возобновились; тщетно я всею возможною деятельностью хотел воспротивиться этому нападению судьбы — я не находил в людях ни совета, ни помощи, ни привета; величайшие несправедливости совершались против меня, и всякому казались самым праведным делом. Я пришел в совершенное отчаяние...

[...]

В ужасе невыразимом, терзаемый ежеминутно, я боюсь мыслить, боюсь чувствовать, боюсь любить и ненавидеть! Но возмож-

но ли это человеку? Как приучить себя не думать, не чувствовать? Мысли невольно являются в душе моей — и мгновенно пред моими глазами обращаются в терзание человечеству. Я покинул все мои связи, мое богатство; в небольшой, уединенной деревне, в глуши непроходимого леса, не знаемый никем, я похоронил себя заживо; я боюсь встретиться с человеком, ибо всякий, на кого смотрю, за-немогает; боюсь любоваться цветком — ибо цветок мгновенно вянет пред моими глазами... Страшно! страшно... А между тем этот непонятный мир, вызванный магическою силою, кипит предо мною: там являются мне все приманки, все обольщения жизни, там женщины, там семейство, там все очарования жизни; тщетно я закрываю глаза — тщетно!..

Скоро ль, долго ль пройдет мое испытание, — кто знает! Иногда, когда слезы чистого, горячего раскаяния льются из глаз моих, когда, откинув гордость, я со смирением сознаю все безобразие моего сердца, — видение исчезает, я успокаиваюсь — но ненадолго! Роковая дверь отворена: я, жилец здешнего мира, принадлежу к другому, я поневоле там действитель, я там — ужасно сказать — я там *орудие казни!*

*Ораниенбаум.
1839 г.*

ВЛАДИМИР ГРЕКОВ

В МИРЕ «РУССКОГО ФАУСТА»

Владимир Федорович Одоевский (1804—1869) — сын князя Федора Сергеевича Одоевского, который вел свое происхождение от Рюрика и считался едва ли не более знатен, чем династия Романовых. Его мать, Екатерина Алексеевна Филиппова, до замужества была крепостной. Такое соединение в одной семье самых высших и самых низших было довольно обычно для начала XIX века. Пяти лет мальчик осиротел — умер отец, а мать вышла замуж вторично. Опекунами Одоевского стали родственники отца. С детства мальчик дружил с А. И. Одоевским, будущим декабристом.

В 1822 году Одоевский окончил Московский благородный университетский пансион «с большой медалью», ему открывалась блестящая карьера. Но вместо вступления в службу Владимир Одоевский занялся философией и литературой. В 1823 году вместе с поэтом Дм. Веневитиновым он организовал «Общество любомудрия». Членами «общества» стали видные деятели русской культуры. В 1824—1825 годах вместе с будущим декабристом Кюхельбекером издавал альманах «Мнемозина», в котором отразились радикальные настроения кружка. После разгрома восстания декабристов «Общество любомудрия» прекратило свое существование.

Литературный талант Владимира Федоровича Одоевского расцвел в 1830-е годы. Именно тогда он создает знаменитый цикл новелл «Русские ночи». Белинский высоко отозвался об этом цикле: «Их цель — пробудить в спящей душе отвращение к мертвой действительности...» В противовес пошлой жизни возникает в повестях Одоевского особый, фантастический мир, в котором отражается идеал писателя, его попытки пробудить в человеке чувство собственного достоинства. В духе «Русских ночей» написаны некоторые другие повести Одоевского — «Сильфида», «Саламандра» и публикуемая здесь «Косморама» (повесть дается с сокращениями).

Сам автор не считал повесть законченной. Он пытался продолжать ее, писал вторую часть, внес в журнальный текст ряд поправок, собираясь включить его в собрание сочинений, но так и не завершил работы над произведением. В должности сенатора Одоевский оставался до самой смерти в 1869 году.

Повесть «Косморама» опубликована в 1840 году в VIII томе «Отечественных записок». В том же номере журнала напечатана была и «Тамань» Лермонтова. Совпадение по-своему знаменательное. Два художника — разных убеждений, разной манеры — с разных сторон решили показать Героя времени. Действительно, герой Одоевского — Владимир Петрович, как и Печорин, мечется, ищет дела, любви, пытается понять мир. Но нет у него ни настоящего дела, не замечает он и истинной любви. Одно только знание, пожалуй, дается ему. Но это знание особого рода — предвидение.

В судьбе Печорина есть сходство с судьбой Владимира Петровича. В «Фаталисте», опубликованном за год до повести Одоевского, Печорин вспоминает: «В первой молодости своей я был мечтателем; я любил ласкать попеременно то мрачные, то радужные образы, которые рисовало мне... воображение... я вступил в эту жизнь, пережив уже ее мысленно». Воображение, мечтательность, демонизм натуры считаются обычно чертами романтического героя.

Романтическое начало проникает в повесть вместе с героем, создавая необычную ситуацию двоемирия, борьбу двух начал — высшего и подчиненного ему — обыденного.

В повести Одоевского, как и в жизни его героев, два плана (психологический — внутренний и бытийный — внешний). В архиве Одоевского сохранилась любопытная запись о таинственных происшествиях в его повестях: «Нет ни одного из этих видений, которое не могло быть объяснено известными физическими законами, изложенными в любом учебнике физики или физиологии».

Одоевского называли «русским Фаустом». Действительно, это имя подошло бы его героям, каждый из которых — в страдании, в мучительной борьбе с собой — познает мир. Интерес Одоевского сосредоточен на внутренних побуждениях человека и человечества, на законах истории.

Герой «Косморамы», как и Фауст, вырван из общего потока жизни. Он *знает* — и одно это уже приносит ему страдания. Не случайно и упоминание о Фаусте в самой повести.

Счастливых нет среди героев Одоевского. Ведь даже доктор Бин, двойник которого раскрыл герою тайну двоемирия, ничего не знает из того, что знает его двойник.

Вся повесть Одоевского убеждает, что в мире существуют тайны, есть много непонятого и недоступного человеческому сознанию. Но у каждой тайны не одно, а несколько объяснений, и не следует доверять самому первому и поверхностному, как это делает, скажем, доктор Бин...

Герой Одоевского пытается постичь, какие силы управляют судьбами открывшихся ему миров. Он не может смириться ни с ролью жертвы, ни с ролью слепого орудия фатума. В этом он снова оказывается сродни Печорину. «Сколько раз уже я играл роль топора в руках судьбы! Как орудие казни я упал на голову обреченных жертв... Моя любовь никому не принесла счастья...» — восклицает Печорин.

Остается добавить, что, по мысли Одоевского, чистое сердце — это высшее благо для всех миров, сколь бы различны они ни были, какими бы ценностями ни руководствовались. Чистое сердце ищет, по существу, вся литература — не только русская, но и мировая...

НЕВЕДОМОЕ:
БОРЬБА
И ПОИСК

ЧЕЛОВЕК ВО ВСЕЛЕННОЙ

В окружающем нас мире «все течет, все изменяется». Это касается и громадных, порой трудно представимых космических тел и их систем. Подчиняются общей участи и микрочастицы, большинство которых распадается за ничтожные доли секунды. Следы изменения, рождения и смерти мы видим повсюду и в обычной земной обстановке, и в самих себе. Неумолимому бегу времени, казалось бы, подчиняется все сущее. Но это не так.

ОСТРОВКИ ПОСТОЯНСТВА В ПОТОКЕ ВРЕМЕН

Физикам давно известны величины, именуемые физическими константами, или постоянными. К ним прежде всего принадлежит гравитационная постоянная — коэффициент пропорциональности в общеизвестном законе всемирного тяготения. Еще в XVIII веке английский физик Кавендиш в эксперименте определил ее численное значение. От величины этой постоянной зависит взаимодействие всех космических тел, наш вес и многое другое. Если бы гравитационная постоянная внезапно увеличилась, скажем, в 10 раз, это привело бы к самым катастрофическим последствиям. Самые крупные из нас стали бы весить около тонны, что стало бы не под силу нашим костям. Ни ходить, ни стоять мы бы тогда не смогли, а пребывали бы в лежачем положении, ожидая скорой смерти от перегрузки. А кругом нас с грохотом рушились бы деревья, ломались крылья птиц. Возросшее тяготение сожмет земной шар, что вызовет бурные вулканические извержения и землетрясения.

Но самые страшные катастрофы произойдут в космосе. Земля сойдет с нынешней орбиты и устремится к Солнцу, а Луна упадет на Землю. В Солнце изменится характер термоядерных реакций, и оно взорвется, как сверхновая звезда, что приведет к гибели всей Солнечной системы. Взрывы звезд за счет катастрофического сжатия (коллапса) начнутся повсеместно, а это приведет к резкому росту интенсивности смертоносных космических лучей. Для сложившейся ситуации «мировая катастрофа» была бы самым подходящим наименованием.

Ничего хорошего не получится и при уменьшении гравитационной постоянной в 10 раз. Конечно, приятно стать в десять раз легче, перепрыгивать четырехэтажные дома, без всякого труда подниматься на высокие горы. Но в остальном новый воображаемый мир вряд ли покажется уютным. Из-за ослабленного тяготения Земля увеличится в размерах, ее поверхность растрескается,

начнутся извержения вулканов и повсеместные землетрясения. Бурные реки перестанут быть бурными, даже слабые ветры станут редкостью, всюду образуется удушающий смог.

Но и это не самое страшное. Ослабленное тяготение Солнца заставит Землю улететь от него в холодные, безжизненные просторы межзвездного пространства. Такая же судьба постигнет и другие планеты. Впрочем, и само Солнце потеряет роль источника жизни. Его светимость уменьшится в миллионы раз, и оно погаснет, как и множество других звезд. Космос станет мрачной темной ледяной пустыней, где не найдется места ни для одного живого существа.

Итак, наш воображаемый эксперимент с гравитационной постоянной приводит к выводу, что ее реальная численная величина удивительно подходяща для человека.

Подобные мысленные эксперименты можно произвести и с другими «мировыми константами». К ним, в частности, относятся газовая постоянная, заряд электрона, постоянная Планка и многие другие. Все их можно, кстати сказать, сделать безразмерными, о чем подробно рассказано в интереснейшей книге И. Л. Розенталя «Элементарные частицы и структура Вселенной», «Наука», 1984. В ней же рассказано, что подробнейший анализ роли мировых констант в последнее время привел к поразительному выводу: структура Вселенной *весьма неустойчива* к численным значениям этих постоянных. Стоит их изменить всего в несколько раз, и Вселенная изменится настолько, что существование человека (да и вообще жизни) станет невозможно. В некоторых случаях «чувствительность» Вселенной к изменению констант просто поразительна. Так, например, достаточно изменить так называемую константу сильного взаимодействия всего на несколько процентов, чтобы Вселенная состояла только из гелия, а более тяжелых элементов в ней попросту не было бы.

Таким образом, факты говорят о том, что Вселенная устроена удивительно удобно для человека. При чуть ином наборе констант наблюдатель не мог бы и возникнуть. В этом заключается так называемый «антропный принцип», впервые сформулированный физиками в 1961 году.

Почему же Вселенная так удобна для человека?

ВСЕЛЕННАЯ ВО МНОЖЕСТВЕННОМ ЧИСЛЕ

Вероятно, у читателя возник и другой вопрос: если Вселенная так неустойчива к численным значениям мировых констант, то не могут ли эти константы вдруг (или постепенно) измениться и Вселенная станет неприемлемой для человека?

Были проведены самые тщательные исследования постоянства постоянных, и сегодня с полной определенностью можно утверждать: в пределах самой высокой точности измерений ни одна из мировых констант не обнаружила признаков каких-либо перемен.

Они действительно оказались островками неизменности и постоянства в быстротекущей реке времен.

Было бы, конечно, по меньшей мере наивным предполагать, что Природа «выбрала» мировые константы специально для нас. Гораздо естественнее думать, что возможны и иные «вселенные» с набором иных констант, причем, быть может, большинство из них не содержат «наблюдателей». Как остроумно заметил еще много лет назад один видный советский космолог, «Вселенная такова, какой мы ее видим потому, что иные Вселенные не имеют наблюдателей».

В современной науке все шире распространяется идея о множественности Вселенных. Конкретно это можно представить так.

Большинство современных астрофизиков разделяют идею Фридмана — Эйнштейна о замкнутой и расширяющейся Вселенной*. Она мыслится как некий аналог поверхности шара, аналог четырехмерный, так как замкнутая Вселенная — гиперсфера, то есть сфера в четвертом измерении. Нам, трехмерным существам, представить это себе невозможно, но понять, о чем идет речь, по аналогии с обычным шаром каждый в состоянии.

Так вот, ничто не мешает нам мыслить, что в четырехмерном пространстве существует множество не связанных между собой гиперсфер, каждая из которых (как и наша) с полным основанием может быть названа Вселенной. Иногда все эти гиперсферы называют Метагалактиками, а под Вселенной понимают вообще все существующее (так поступает, например, Н. Л. Розенталь). Терминология тут пока не установилась, и вслед за другими авторами мы все сущее будем обозначать словом «Мир».

Итак, Мир может быть набором множества гиперсфер с разными константами в бесконечном евклидовом четырехмерном пространстве. Неким подобием могло бы служить множество обычных пузырей на гладкой поверхности воды.

Вполне мыслимы и иные, более усложненные варианты множества Вселенных. Откуда они взялись?

Можно представить себе физический вакуум, то есть особую однородную среду, заполняющую пространство (не обязательно трехмерное). По нынешним представлениям вакуум — отнюдь не пустота («отсутствие всякого присутствия»), а некая среда с наименьшим энергетическим состоянием. Вакуум способен порождать частицы вещества. Классический пример — рождение пары позитрон — электрон. Иногда такое рождение происходит под воздействием внешнего энергетического источника, иногда же спонтанно, то есть самопроизвольно.

Представьте себе рябь на спокойной поверхности воды. Нечто подобное «ряби» возникает и в вакууме при спонтанном рождении частиц. Отщепляясь от вакуума, эта «рябь» может порой превратиться в нечто похожее на нашу Вселенную. Заметим, что рож-

---

* См.: Новиков И. Д. Эволюция Вселенной, «Наука», 1983.

дение замкнутых, гиперсферических Вселенных, оказывается, не требует привнесения в вакуум внешней энергии. Происходит это спонтанно, самопроизвольно, как некая флуктуация, то есть случайное отклонение от некоего среднего положения.

Если все это так, то Мир можно представить себе как некий вакуум большой (а может быть, даже бесконечно большой) размерности. Его спонтанные флуктуации рождают Вселенные различных размерностей с разными наборами мировых констант. В одной из них живем и мы и называем эту Вселенную нашей. О том, есть ли другие населенные Вселенные и связаны ли они каким-либо образом с нашей, можно лишь гадать. Одно бесспорно — на авансцену современной физики в последние два года вышла проблема возникновения нашей Вселенной. Тем самым получила признание древняя идея множественности Вселенных, и необъятный материальный мир предстал перед современным человечеством во всей своей неисчерпаемости.

ИЗДЕРЖКИ БЕСКОНЕЧНОСТИ

В тридцатых годах текущего века большой популярностью пользовался у нас в стране журнал «Хочу все знать». В ту пору многим это желание казалось вполне исполнимым.

Громадный поток всевозможной информации обрушивается на современное человечество. Чтобы от нее был толк, информацию надо осмыслить, обработать и направить в русло практического использования. А это далеко не просто.

Одно время многие ученые думали (а некоторые разделяют эту точку зрения и теперь), что основные законы природы известны, главное о Мire мы знаем, и остается уточнить детали. Грандиозная картина множественности Вселенных убеждает в обратном. Мир поистине неисчерпаем и не только на уровне явлений, но и на уровне законов. По этой причине наука никогда не «окончится» и человечеству предстоит бесконечный путь познания неисчерпаемо сложной реальности.

Общезвестно, что каждая решенная проблема рождает десяток новых. И это понятно — чем больше круг знания, тем длиннее его окружность, то есть граница соприкосновения с неизвестным. Поэтому отбор информации, подлежащей исследованию, уже сегодня стал насущной необходимостью.

За всю историю человечества от Архимеда до второй мировой войны на все научные исследования было израсходовано всего несколько миллиардов долларов. Сегодня ежегодно на науку тратят 150 миллиардов долларов.

Давно уже существует нелепая ситуация, при которой ученые и инженеры предпочитают сами решать проблемы вместо того, чтобы в океане научной информации отыскивать, может быть, уже готовые ее решения. Из-за этого только в США убытки от повторных открытий составляют миллиарды долларов в год.

Но, с другой стороны, в сегодняшнем мире ежегодно издаются миллионы статей. В Библиотеке имени В. И. Ленина есть миллионы книг, никогда не востребованных ни одним читателем. Подробно вся эта ситуация рассмотрена в прекрасной книге В. С. Барашенкова «Существуют ли границы науки?».

Ясно, что в ближайшее время, чтобы не захлебнуться в избытке знаний, надо изменить сам способ научного познания. Для этого, кроме широкого применения ЭВМ, предлагаются, как об этом пишет В. С. Барашенков, и ряд других мер. Вероятно, развитие цивилизации пойдет путем качественного самоизменения, а не череватым бедами неограниченной экспансии «вширь».

Но познание Мира никогда не прекратится. Еще 2500 лет назад древнегреческий философ Анаксагор утверждал, что целью жизни человека является теоретическое познание и происходящая отсюда свобода. Неисчерпаемости материального мира соответствует принципиальная возможность бесконечного его познания человеком. И на этом пути можно преодолеть все «издержки бесконечности».

АЛЕКСАНДР ЛЕВИН

КАМЕНЬ-ОБСЕРВАТОРИЯ

1. ЗАГАДОЧНЫЕ МЕГАЛИТЫ

«...На берегу Красивой Мечи, близ села Козьего, есть огромный гранитный камень,— по описанию А. Афанасьева — собирателя русских сказок, поверий, легенд.— Крестьяне называют его «Конь-камень» и рассказывают о нем следующее предание. В незапамятную старину явился на берегу Красивой Мечи витязь — великан в блестящей одежде, на белом коне — признаки, указывающие на бога бурных гроз. В тоскливом раздумье глядел он на реку, а потом бросился в воду, а одинокий конь его тут же окаменел. По ночам камень оживает, принимает образ коня, скачет по окрестностям и громко ржет». Была вполне понятной и реакция местных жителей на этот стоячий легендарный камень, известный еще с 1499 года — из описания путешествия русского посла Олешки Голохвастова в Кафу (Крым): «Клались в судно на Красивой Мече у Каменного коня». Эту реакцию крестьян описал тульский краевед И. П. Сахаров: «Вокруг Коня-камня до позднейшего времени совершалось опаживание, чтобы приостановить губительное действие скотского мора».

Откроем книжку тульского археолога Н. И. Троицкого «Берега реки Непрядвы», изданную в 1887 году в Туле. «Близ верховья Непрядвы на земле казенных крестьян села Никитского, на т. н. «Красном холме» есть несколько камней из серого песчаника, с

которыми соединяются предания местных жителей о Кудеяре, Мамае и т. п. ...Объем его уменьшается, потому что крестьяне начинают им пользоваться для своих хозяйственных целей, напр., отбивают большие или меньшие куски точить ножи и т. п. Об этом камне, как особенном, доселе еще сообщается немало рассказов, проникнутых чувством безотчетного страха: он будто одушевленный, близ него будто не могут пастись лошади и т. п. ...Имея в виду, что такие камни в Тульской губернии поставлены (разрядка наша.— А. Л.) на избранных местах, большей частью на высоких берегах рек или т. н. «Красных холмах», можно предполагать, что они имели в древности значение представителей чего-то высокого, верховного (как на Востоке)»,— писал этот археолог.

Итак, что же это за камень?

Обратим внимание, что на территории нашей страны имеются и другие стоячие камни. Тихоокеанское побережье Азии тоже не свободно от них! «На этом маршруте,— сообщает в книге «По Уссурийскому краю» В. К. Арсеньев,— от залива Владимира, где в 1905 году произошла трагедия с крейсером «Изумруд», следует отметить весьма интересные золотые образования в виде гладко обточенных столбов, шарообразных глыб на небольших пьедесталах в виде выпуклостей с перетяжками, овальных углублений и т. д. Одни глыбы похожи на зверей, другие на колонны, третьи на людей и т. д. Образования эти заслуживают особого внимания потому еще, что вблизи нет нигде песков, которые играли бы роль шлифовального материала».

А. Гурштейн говорит: «Диковинные, грубо обработанные камни, эпоху которых отделяет от наших дней по крайней мере 5—6 тысячелетий, раскиданы по многим уголкам атлантического побережья Европы». Молча соглашаясь с В. К. Арсеньевым, Дж. Хокинс пишет: «На этих древних камнях нет ни посвященных надписей, ни строительных пометок — ничего, что бы могло рассказать нам о них».

Дж. Вуд, автор монографии о мегалитических сооружениях Великобритании, в том числе о Стоунхендже — астрономической обсерватории, состоящей из семи вписанных одна в другую все меньшего радиуса окружностей, по контурам которых вырыт ров, сооружен вал, нарыты лунки, а затем забутованы мелом, установлены «грубо отесанные камни», заключает: «А может быть, ключ к тайне (Стоунхенджа и прочих кольцевых построек из камней.— А. Л.) хранят узоры из выемок и колец, а мы просто не научились их расшифровывать?»

И в самом деле. Чтобы установить вертикально в землю хотя бы два-три камня по прямой или по дуге окружности, нужно уметь врыть хотя бы один, поставив его строго вертикально относительно плоскости горизонта.

Какую же роль играли в древности эти расставленные на огромных территориях стоячие мегалиты?

В третьем, втором и даже в первом тысячелетии до нашей эры

были водные пути, короткие между ними волоки, но построенных сухопутных дорог еще не существовало. Древние люди охотились, ловили рыбу, собирали продовольствие (грибы, ягоды, фрукты, дикорастущие плоды, лекарственные растения), кочевали, ходили в походы. Как же они ориентировались в пространстве и во времени?

Первое, для чего мог служить врытый в землю столб на развилке дорог в лесу или в поле, — быть указателем. Вспомним картину Васнецова с витязем возле дорожного камня, наконец, зарубки в лесу на деревьях — ориентационные меты. Но это самое простое, примитивное объяснение постановки древними людьми камней.

2. ДРЕВНИЙ ТРИГОПУНКТ

Первым ответом, почти парадоксальным, с точки зрения археологов, пытающихся определить значение древнего прямостоящего камня, является отсутствие захоронений, по которым можно было бы датировать эти камни. Археолог В. В. Волков обследовал «Оленные камни Монголии». Его выводы: «Оленные камни располагаются в открытых, с хорошим обзором местах — на высоких берегах рек или посреди широких долин. Отдельные камни, как правило, среди каменных набросок («отметок». — А. Л.), окружены, в свою очередь, колечками из 7—8 камней. В общей сложности исследовано больше 10 плитовых оградок с оленными стенами. Ни одного датирующего предмета найдено не было, более того, практически не найдено даже костей человека и дело, возможно, не в обрамлении могил... Это прежде всего какие-то культовые сооружения».

Другой археолог, доктор Мак-Кай из университета Глазго в Великобритании, производит раскопку площадки возле стоячего камня близ деревни Кинтро. Дж. Вуд заключает: «Явных признаков деятельности человека, вроде черепков или рабочих орудий, найти не удалось». И только помощь почвоведов показала, что площадка из камней на склоне — искусственного происхождения.

Ныне для определения широты и долготы пунктов привязки используются точные угломерные инструменты и часы-хронометры, нулевой меридиан. Но какими же инструментами пользовались доисторические люди, устанавливая пункты ориентировки?

Джон Вуд пишет: «Столб логично было бы поставить так, чтобы во время восхода край солнечного диска на миг вспыхивал в углу, образованном столбом и поверхностью земли, установку столба можно было бы производить с высокой точностью. Собственно говоря, мы использовали Солнце в качестве оптического инструмента».

Людам, жившим 5—7 тысяч лет назад, для того, чтобы не заблудиться, ориентация в пространстве и во времени была нужнее и важнее, чем нам. Пункт «геодезической привязки» был для них

и солнечными часами, и солнечным компасом, и указателем расстояний до другого тригопункта, вплоть до границ территорий, занимаемых племенами, и даже календарем и исчислением количества лет по... солнечным эпохам. Пойдем вслед за нашей гипотезой.

3. ЛУЧЕВОЙ ЗНАК

Ключ к тайне древних тригопунктов, пожалуй, хранят узоры из выемок и колец и лучевые знаки. Полтора десятилетия назад под руководством советского археолога Д. А. Крайнова на территории Ивановской и смежных с нею областей были раскопаны десятки древних курганов. Культура была названа Фатьяновской (по с. Фатьяново). Вместе с ориентированными останками скелетов были обнаружены бесшейные сосуды (чаши) с орнаментом из лучевых знаков (от четырех лучей до десяти), высокошейные сосуды, топоры. Иногда каменные топоры находили в паре (топор с острым лезвием и топор с затупленным лезвием). Многолучевые знаки были обнаружены и на сосудах культуры шаровидных амфор ГДР. К загадкам выемок, концентрических колец на древних камнях прибавилась новая — солярные знаки. Очевидно, люди, жившие в III—II тысячелетиях до нашей эры на территории Фатьяновской культуры, не только придерживались какого-то своего летосчисления, связанного с Солнцем, но и сохраняли память о прежних «солнечных эрах», каждой из которых, по-видимому, соответствовал свой знак.

Число 25 920 пришло из древнеиндийской мифологии. Теперь известно, что оно обозначает число лет, период, в течение которого земная ось, сохраняя наклон к плоскости орбиты (эклиптики), совершает полный оборот. В результате прецессии земной оси угол между плоскостью эклиптики (земной орбиты) и плоскостью небесного экватора меняется до удвоенной величины настоящего склонения Солнца ($23^{\circ}30'$). Величина солнечного склонения отвечает на вопрос, как высоко по отношению к небесному экватору данного места с определенной широтой находится Солнце в полдень дня летнего солнцестояния или как низко в полдень дня зимнего солнцестояния, ибо в дни равноденствий Солнце проходит по небесному экватору. Полукруг небесного экватора довольно просто исчисляется: от угла в 90° следует вычесть угол широты места или угол между истинным горизонтом (полуденной линией) и направлением на полюс Мира (Полярную звезду).

Целое число 25 920 лет дробилось, по-видимому, древними солнцепоклонниками на меньшие периоды («космические эры»): древние астрономы знали начало и конец каждого периода; они отмечали на сосудах из глины эти периоды. Причем делали они метки с помощью двух способов: иногда лучевыми знаками, иногда системой концентрических колец друг в друге, а порой оба эти способа совмещали в один, как это видно на днищах бесшейных со-

судов (чаш) Фатьяновской культуры, а также культуры шаровидных амфор ГДР, где или концентрические кольца вписаны в сердцевины лучевых знаков, или лучевые знаки заключены в кольца.

Единицей времени для любой из «эпох» или «эр», по-видимому, был выбран год, и, конечно, не в современном его истолковании как количества — 365 дней (366 — в високосном). Единицей измерения у древних астрономов был период времени от дня летнего солнцестояния до дня летнего солнцестояния; либо в два раза короче: от дня летнего до дня зимнего солнцестояния; либо в четыре раза короче: от дня летнего солнцестояния до дня осеннего равноденствия, от дня осеннего равноденствия до дня зимнего солнцестояния, от дня зимнего солнцестояния до дня весеннего равноденствия, от дня весеннего равноденствия до дня летнего солнцестояния.

Если люди в третьем тысячелетии до нашей эры уже знали «свою» солнечную эпоху, обозначали ее с помощью лучевых знаков, концентрических колец, то не можем ли мы теперь узнать, каков лучевой знак нашей эпохи на вполне определенной широте?

Давайте возьмем широту города Рыбинска.

Будучи в Рыбинске, на берегу водохранилища, я установил в день летнего солнцестояния камень в вертикальном положении. Тень от него медленно продвигалась с запада на восток, укорачиваясь в полдень. Сперва я отметил длину дополууденной тени, выкопал ямку в конце ее. Дождавшись равной ей послеполууденной тени, я отметил ее конец второй ямкой. Расстояние между ямками поделил пополам. Через эту мету половинного деления и середину камня я прокопал узкую канавку. Эта биссектриса, разделившая треугольник пополам, и была полуденная линия — направление юг — север! Ясно, что, встав лицом на север, направо получим — восток, налево — запад.

Крест легко заключить канавками в квадрат, вписать в него диагонали. Эти диагональные канавки укажут нам на четыре точки восходов и заходов Солнца в дни летнего и зимнего солнцестояний. Такую ориентацию на местности можно провести в любой точке земного шара. При этом в каждой местности мы получим не квадрат, а различные прямоугольники, незначительно отличающиеся от квадрата. Граждане города Рыбинска еще около двух тысяч лет будут находиться в солнечной эпохе квадрата (косого креста).

Так, будучи в Рыбинске, я узнал, что Рыбинск данной эпохи можно обозначить символами: перекрещивающихся диагоналей («косой крест»), креста («прямой крест») и квадрата.

Но если мы заключим квадрат в окружность, станем в день летнего солнцестояния к северу, то мы увидим, что Солнце восходит в точке северо-востока (в 45° от точки севера к востоку), заходит в точке северо-запада (в 45° от точки севера к западу на горизонте), и этот угол равен 90° .

Следует сказать, что в Рыбинске Солнце в северном секторе 90° в любое время года не восходит.

У каждой местности есть такой сектор, в пределах которого Солнце никогда не появляется. Этот сектор для каждой местности имеет строго определенную длину дуги. Длину этой дуги древние астрономы легко исчисляли для любой точки земной поверхности и фиксировали ее на камнях в виде кольца, дающего начало лучевому знаку или окружающему лучевой знак. Но наравне с дугой сектора они брали еще и сторону (хорду), обращенную к северу, стягиваемую дугой. Таким образом для страховки, для верности и точности, они оставляли два символа (два кольца!); дуга длиннее, чем хорда. Это позволяло не только древним астрономам, но любому охотнику точно узнавать место, где он находится; закреплять сектор, где Солнце всегда отсутствует. Измерив хорду северной дуги, я вырыл вокруг камня канавку, равную длине этой хорды. Затем измерил длину дуги и тоже прокопал вокруг камня канавку, равную длине этой дуги. Эти два кольца и являются шифром широты данной точки, то есть тригопунктом!

Имея такой столб-тригопункт с двумя кольцами, любой охотник или другой человек древности мог отсчитывать от него расстояния в шагах, стопах, в локтях, саженьях, по створам на любые расстояния, отмечать ими места охоты, рыбной ловли, полезных ископаемых, лекарственных трав, миграции травоядных животных — все, что угодно, вплоть до границ занимаемой племенем или народом территории.

Но мы здесь пока объяснили значение лишь одного символа — квадрата, или четырехлучевого знака («косого креста»), но были и другие символы.

4. МНОГОЛУЧЕВЫЕ ЗНАКИ

В орнамент керамики сосудов Фатьяновской культуры, культуры шаровидных амфор ГДР вошла целая группа символов: ромбы, треугольники, многолучевые знаки, концентрические кольца, целые системы концентрических колец друг в друге. Все это, по моей гипотезе, является памятью о предыдущих солнечных эпохах.

Как известно, полный цикл в 25 920 лет — это период прецессии земной оси, но этот период делится на ряд меньших. Говоря популярно, полученный нами квадрат на берегу Рыбинского водохранилища относится только к текущей эпохе или же периоду. Но наступит другая эпоха, и в той же точке восходы-заходы Солнца в дни летнего солнцестояния будут давать другие знаки — прямоугольники. Считаю, что период квадрата — это холодная эпоха, которая, возможно, закончится оледенением, но затем снова все пойдет вспять: наступит эпоха квадрата, затем — пятиугольника, шестиугольника, восьмиугольника и т. д.

Фатьяновская культура уже в прошлом. В прошлом же оста-

лись «теплые», а может быть, даже и «горячие» эпохи, то есть эпохи пятиугольника, шестиугольника, восьмиугольника или эпохи пятилучевого, шестилучевого, семилучевого, восьмилучевого и других знаков.

«Геологи уже давно ломают голову,— говорит Д. Хокинс в книге «Разгадка Стоунхенджа»,— над причинами, вызывающими оледенения. Называлось множество причин: уменьшение энергии Солнца; изменение количества содержащихся в атмосфере углекислого газа, или мельчайших минеральных частиц, или водяных паров; изменение местных условий; изменение орбиты Земли; перемещение полюсов; астрономические изменения. До самого недавнего времени особенно много сторонников было у последней из возможных причин. Ось земного шара медленно описывает конус по отношению к плоскости орбиты Земли, как ось останавливающегося волчка, замыкая его за 26 000 лет. Кроме того, ось «кивает», то есть угол ее наклона к плоскости орбиты меняется с периодом в 40 000 лет. И, наконец, форма эллипса, который описывает Земля, обращаясь вокруг Солнца, также изменяется с периодом примерно 92 000 лет. Сочетание и накопление всех этих изменений, возможно, способно привести к изменению средней температуры Земли на 5—6 градусов, чего, возможно, оказывалось достаточно для оледенения. Но за последнее время астрономическая теория утратила популярность. Сейчас распространено мнение, что оледенения вызывались и будут вызываться небольшими климатическими изменениями, которые объясняются колебаниями общего количества испускаемой Солнцем лучистой энергии».

Этот же автор говорит: «Из-за того, что угол наклона земной оси к плоскости ее орбиты меняется со временем, точка на горизонте, где в дни летних солнцестояний восходит Солнце, очень медленно движется. В течение последних 9000 лет она смещалась в п р а в о (разр. наша.— А. Л.) вдоль линии горизонта (к востоку.— А. Л.) со скоростью 0,2 градуса за 100 лет».

Поскольку в астрономии существует формула связи азимута точки восхода Солнца в день летнего солнцестояния, величины солнечного склонения (те самые $23,5^\circ$) и широты места, то скорость движения точки восхода Солнца в день летнего солнцестояния вправо (на широте Рыбинска) — это расширение сектора в северной части горизонта как бы строго запрограммировано.

5. ДУГА НЕВИДИМОГО СОЛНЦА

Если ныне на широте города Рыбинска «господствует» солнечная, или космическая, эпоха «косого креста», то есть квадрата, и точка восхода Солнца в день летнего солнцестояния находится под углом в 45° вправо на горизонте от точки истинного севера (точка захода отстоит на 45° влево от точки истинного севера к западу), то, очевидно, движением существующей точки восхода

Солнца в день летнего солнцестояния вспять или влево по горизонту, к северу до ее азимута в 30° , мы найдем точку, в которой восходило Солнце в день летнего солнцестояния в начале солнечной эпохи 6-лучевого знака, прочно вошедшего в геометрический орнамент резьбы по дереву как «громовой знак»*.

Шестиугольник, или шестилучевой знак, как и квадрат и четырехлучевой знак («косой крест»), имеются не только в орнаменте керамики Фатьяновской и других культур. Эти знаки начертаны и на камнях, но в виде концентрических колец друг в друге.

Счет мы ведем по христианскому летосчислению. Если соотносить космические эпохи с нашим летосчислением, то, выходит, фатьяновцы уже заполучили все многолучевые знаки, то есть люди предшествующих, прошлых космических эпох им передали их «по наследству». Несложный расчет показывает, эпоха шестилучевого знака началась приблизительно около 5500 до н. э.

Системы парных колец, как бы вложенных друг в друга и с луночками, по-видимому, заменяющими собой «самые горячие» — эпохи, многолучевых знаков можно увидеть на Ахнабрекской плите в Великобритании, и на мецаморской плите на холме Мецамор под Ереваном в Армении, на камнях Соловецких островов, на Сабуровской плите Куликова поля, а также в городе Люберцах Московской области, на Люберецкой песчаниковой плите.

Вывод из наших гипотез может быть таков: люди на Земле живут уже десятки тысяч лет, они были великолепными астрономами и могли исчислять прошлые и будущие космические эпохи Земли. Они оставили нам свои астрономические расчеты, но объяснение значений знаков забылось по разным причинам.

6. СОЛНЕЧНО-ЗВЕЗДНАЯ ОБСЕРВАТОРИЯ В ОДНОМ КАМНЕ

Половцы давно забыты. А ведь это были самые могущественные и богатые племена скотоводов в Причерноморье. В период смут и междоусобий на Руси (X—XII веков) половцы представляли одну из богатейших федераций скотоводческих племен, оставившую в наследство свою культуру в виде «каменных баб».

Там же до половцев кочевали печенеги и не однажды осаждали древний Киев. А еще раньше пришлых половцев и печенегов приблизительно ту же территорию, по свидетельству греческого историка Геродота, занимала скифская федерация племен. За несколько тысячелетий до скифов на том же юге России находим мы остатки или очаги древнейшей в Европе земледельческой Трипольской культуры. Правда, очаги Трипольской культуры располагались чуть выше по широте, как и сама Трипольская культура, а поэтому и «антропоморфные каменные изваяния», как принято называть в археологии «каменных баб», появились позже, чем Трипольская культура.

* См.: Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981.

Самое надежное хранилище богатств в виде золота, серебра, драгоценных украшений — захоронение в земле. Каменные столбы-тригопункты не могли не быть ориентирами для маркировки мест захоронения сокровищ. В XVII—XVIII—XIX веках «любители старины», обратив внимание на каменных истуканов, расставленных древними людьми по огромным регионам юга России, Украины, начали беспорядочно собирать и свозить эти грубоватые изваяния в города, сваливая иногда их штабелями. Никому и в голову не приходило, что это древние тригопункты — хранилища множества научных сведений мудрецов и астрономов — «геодезистов» прошлого.

Скорее половцы пришли уже к готовой системе древних тригопунктов и по мере надобности добавили к ней сотни, а может быть, тысячи слепленных или изваянных ими по своему образу и подобию. И если те же половцы прикочевали из Зауралья, то, по-видимому, для них нулевым солнечным (долготным) меридианом была река Урал. Сохранилось свидетельство об установке одной из каменных баб в XIII веке. В. Рубрук *, да и то со слов его жены, очевидно, мало посвященной во все таинства, связанные с точной ориентацией каменных фигур, пишет: «Каманы (половцы. — А. Л.) насыпают большой холм над усопшим и воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку и держащую у себя перед пупком чашу».

Восток — довольно широкое понятие. Восток, в словах мало сведущего в геодезии человека, простирается на всю восточную сторону горизонта. По-видимому, это сообщение и послужило поводом отнести установку каменных баб к некоему культу предков, хотя в этом ничего противоестественного нет, и в XX веке есть этому аналоги, когда на могиле героя ставятся каменные памятники.

Но вот в Книге Большому Чертежу за 1627 год встречаем: «А от верха речки Миюса к верх речки Елкувата, а верх речки Елкувата курган высок, на нем три человека каменных»; или: «А на речке на Терновке стоит человек камен, а у него кладут из Белогороду Станичники доездные памяти, а другие памяти кладут на Самаре у двух девок каменных, а от каменного человека до Самары верст с 30 будет»; или вычитываем из дневника Эриха Ласата за 1554 год: «Далее миновали Семь Маяков (иссеченные из камня изображения людей) числом более 20, стоящие на курганах или могилах на татарском берегу». По этим сведениям едва ли можно сомневаться в том, что те же каменные бабы превратились уже в меты при началах и концах волоков — тогдашних немногочисленных дорог.

Прежняя система строгой ориентации была утрачена в связи с появлением дорог «от волока до волока» и дальше.

Но вот, когда в том же источнике находим: «А ниже Алалы

---

* Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния. М., 1974.

впала в Калауз истока на колодези Какуингир. А по правой стороне по тому же истоку люди каменные болваны, против т а е с о л и, что емлют Азовцы», — можно предположить связь «антропоморфных тригопунктов» с местами добычи полезных ископаемых. И даже, если взять, к примеру, половцев, то им нужно было железо для подков, стремян, сабель, кинжалов, удил; химикалии для выделки кож и их окраски, точильные камни. И нет ничего удивительного в том, что С. А. Плетнева составила карту помещной установки «Половецких каменных изваяний», и эта карта покрыла современные места добычи полезных ископаемых юга Украины, а наибольшее «сгущение» «каменных баб» — в современном Донбассе.

7. КАМЕНЬ-АСТРОЛЯБИЯ

Очерк о древних тригопунктах, связанных в единые системы, подчас слишком далеко удаленные друг от друга в пространстве, был бы неполон без находок... учебников по астрономии... из камня и своеобразных «каменных астрольбий».

Вот одна из этих «астрольбий» — «каменная медведица». Медведица изваяна в сидячем положении. В камне, из которого она высечена, несколько пазов, мелких скважин и сквозное отверстие в «шейной» части Медведицы. Она найдена на дне омутка ручья Курцы на Куликовом поле.

Система расположения скважин, пазов, отверстия в камне выявляет его как учебник по изучению горизонтальных и экваториальных (небесных) координат; инструмент по определению полуденной линии (солнечный компас); полярные всеширотные солнечные часы с циферблатом из теневых образов; определитель уровня истинного горизонта в закрытой местности (в лесу); широты — по углу от полуденной линии до направления на полюс Мира; прибор по определению непараллельности полуденных линий (долготы). Ясно, что перед нами каменная астрольбия, которая без тригопунктов или без пунктов «геодезической привязки» превращается в бытовой прибор: светильник жировой, с помещением в жир шарика из пакли; светильник лучинный, с четко временным (равномерным) прогоранием лучин определенной длины; наконец, единица мер весов (около 3 фунтов) и единица меры жидкости. Кроме этих достоинств «каменной астрольбии», ее владелец на любой из пяти избранных широт: экваторе, 27°, 47°, 57°, 67° (Северный полярный круг) знал солнечное склонение и считал за начало года местонахождение Солнца в полдень дней зимнего солнцестояния, а также местонахождение нулевого меридиана.

8. «КАМЕННАЯ БАБА» — ОБСЕРВАТОРИЯ

На балконе в вестибюле Государственного Исторического музея у входа в залы неолита стоит древняя «каменная баба». В ее левой щеке — отверстие. При тщательном осмотре обнаружены

другие скважины и пазы — на темени и затылке каменной головы... Группа исследователей задалась вопросом: а не служила ли эта фигура неким знаком — указателем? Приготовили несколько деревянных палочек, вставили эти палочки в цилиндрические отверстия каменной головы. И получили... Получили своеобразный вариант звездной карты с зенитом, надиром, направлением на полюс Мира, плоскостью небесного экватора и истинного горизонта! По-видимому, каменная фигура во время ее первоначальной установки была обращена лицом к югу, спиной к северу, левым отгранинным боком — к востоку, правым — к западу.

Выходит, что это был каменный инструментарий, своего рода «пункт геодезической привязки» с конкретной географической широтой — $47,5^\circ$. И это подтвердилось.

Научный сотрудник отдела археологии Государственного Исторического музея Б. Фаломеев выявил по архивным документам, откуда доставлен экспонат 3653 — «каменная баба»: из Екатеринбургской губернии (г. Днепропетровск), Бахмутского уезда (г. Артемовск), с. Сергиевка, бывшая Гулевая. Широта — $47,5^\circ$ — это параллель, пересекающая степи от Днепропетровска до Волгограда и дальше до Урала. Скорее всего эту фигуру установили древние скотоводы, чтобы иметь ориентир в степи. Но откуда они знали астрономию и штурманское дело? Как сумели превратить каменную голову в подобие компаса и секстанта?

Ну а как обстоит дело с прочими «каменными бабами», тысячи, быть может, десятки тысяч которых были установлены на юге России?

Многие из них, а к ним относятся, очевидно, более древние, чем, скажем, половецкие каменные изваяния, несут на себе «посвятительные надписи и строительные пометки» астрономического профиля, а если говорить точнее — не только древнейших пунктов геодезической привязки, но и, как экспонат 3653, — звездно-солнечных обсерваторий в одном камне. К их числу можно отнести и «каменную бабу» из музея «Коломенское», врытую в парке, две «каменные бабы», ныне находящиеся в музее «Абрамцево» на реставрации; две в Ставропольском хранилище «каменных баб»... Сам факт пробивки скважин говорит о том, что половцы или печенегі меняли западный, более древний нулевой меридиан на свой, восточный, и, как показали расчеты, проходивший по реке Уралу. От реки Урала проводился отсчет долготы...

9. КАМЕНЬ-ОБСЕРВАТОРИЯ

Многотонный камень с неведомых времен лежит на склоне лощины Курцы на Куликовом поле, народ прозвал его Цыганским.

Для случайных путников, которые останавливаются у Камня-гиганта, он интересен тем, что в нем — ниши. Вбросят туда охапку чурок, подложат бересту, и три пламени тянутся вверх узкими, почти прямыми языками; а дым выходит в одно длинное от-

верстие, которое имеется в камне. Нагревается камень. Тепло от него. Хочешь спать — спи; песни петь под гитару — пой. Нагретый камень отдает тепло широкими волнами. Возвышаются кругом шатра с каменной печкой в середине пламенеющие угли кучками. Туристы золу выгребают, выбрасывают.

В огромном камне имеется как бы улыбающийся рот, даже заметны остатки кем-то помеченных губ. А камень очень крепок, сунешь в «рот» палку, легко сломать ее о «зубы». Легко дров наготовить.

Но кто же мог вытесать в огромном и крепком камне печку, сушилку и обогреватель? Кто и чем сверлил отверстие?

Если влезть внутрь, в нишу камня, «вставиться» головой в «окуляр» камня, то увидишь, как часа в три с лишним ночи проплывет мимо «объектива» созвездие Малого Льва, что находится под нижним концом Большой Медведицы. Но никогда не увидишь Сириус, звезду египтян, самую яркую звезду на небе — из созвездия Большого Пса.

Возникает вопрос: «Кто, когда, зачем и на что нацелил сквозное конусообразное отверстие?»

Оригиналов палеоастрономии по Земле поразбросано немало. Стоунхендж в Англии, к примеру. И если Стоунхендж и Епифанский стоячий камень нацелены на точку восхода Солнца в день летнего солнцестояния, Красивомеченский Конь-камень — на точку захода Солнца в день зимнего солнцестояния, а стоячий камень близ села Монастырщина, в овраге Рыбьем — треугольный — на точку восхода Солнца в дни осенне-весенних равноденствий, естественно спросить: на что же нацелено отверстие Конь-камня? На Полюс мира!

Обратим внимание на следующее сообщение в газете «Правда»: «В глубь тысячелетий заглянули ученые Государственного Исторического музея и Института географии Академии наук СССР. Они завершили совместное исследование древнерусского кургана на берегу речки Смолки, протекающей по Куликову полю.

Курган уже давно привлекал интерес специалистов. Дело в том, что в далеком прошлом почти везде надмогильные насыпи возводились на равнинных или возвышенных местах, а эта, на Куликовом поле, — на дне речной балки. Да и с виду она не похожа, к примеру, на известные среднерусские курганы. Ее размеры непривычны, длина — тридцать шесть, ширина — двадцать четыре, высота — около двух метров. Невысокий холм, заросший травой, одни археологи считали естественным образованием, другие — искусственным. Высказывались предположения, что курган относится ко времени Куликовской битвы.

Затянувшийся спор наконец разрешен. Три летних сезона работала экспедиция. Ученые встретились с удивительными находками, которые позволили им установить: к Куликовской битве курган отношения не имеет. Рукотворный холм, оказывается, *был насыпан задолго до нашей эры*. В основании кургана иссле-

дователи обнаружили остатки погребения бронзового века. Из плотной суглинистой породы извлечены десятки кремневых предметов — скребков, ножевидных пластин, которые служили человеку для изготовления орудий труда. Обнаружена и кремневая стрела той далекой эпохи. Теперь ясно, что земли, на которых раскинулось Куликово поле и раздольные просторы вокруг него, были обитаемы еще в древние времена» (Ма х а р и н е ц Н. М. Открыл курган тайну).

Какое совпадение! На западе Европы, в Англии, в конце каменного — начале бронзового веков (2000 — 1500 до н. э.) люди, трудясь в поте лица, вкапывали в землю каменные монолиты весом в два-три десятка тонн! Закольцовывали их системой перекадин, чтобы с помощью этой астрономической обсерватории как можно точнее определить точки восходов (заходов) Солнца в дни летнего солнцестояния. В то же самое время в центре Восточной Европы, на Куликовом поле, в двух тысячах шагов к западу от кургана, открывшего тайну, другие древние астрономы ставят в овраге Рыбьем плоские треугольные плиты в 3,2 метра, ориентируют их с такой же точностью на точку восхода Солнца в дни весенне-осеннего равноденствия. В трех тысячах шагов к востоку от кургана в русле речки Смолки, в долине Курцы, другие астрономы сквозь отверстие в своем уникальном сооружении — каменном телескопе — с удивительной настойчивостью искали и находили Полюс мира и, конечно, верили, что земная или небесная ось проходит через их поле. Кроме каменного телескопа они соорудили еще и каменный астрономический прибор, на котором зафиксировали эпохи Солнца: шестиугольника, как знака Солнца или «солярного» знака эпохи «благоденствия и сытости», восьмиугольника, десятиугольника.

Получить ответ, на что нацелена труба каменного телескопа лощины Курцы, теперь может каждый желающий. Достаточно приехать на Куликово поле летом в дни летнего солнцестояния с 10 июня до 28 июня. Ставьте палатку возле родника с прозвищем «Громовой» — источника с чистой питьевой водой, возможно, и лечебной. За полчаса до восхода Солнца прогуляйтесь к Цыганскому камню. За несколько минут до восхода вставьте голову в отверстие. Зафиксируйте подбородок в специальном углублении так, чтобы в конце «трубы» увидеть язычок холодного голубого пламени свечи, как бы сдуваемой вправо. В момент восхода Солнца блеск как бы расплавленного золота заполнит снизу вверх голубое отверстие, ударит в глаза, будет продолжаться минуту-полторы и одарит необыкновенной радостью, которая останется в вас на всю вашу последующую жизнь.

Но есть на камне еще одна загадка! На северном его фасе выгравирован Большой Пес. Это крылатый Пес — Симаргл. Его хорошо знают археологи, историки, считая его божеством славян.

Если камень повернуть на 180 градусов вокруг его вертикальной оси, то конусообразная труба камня нацелится на звезду

египтян — Сириус, или в точку на горизонте — в южной части неба, через которую проходит полуденный меридиан. И тогда станет ясно, что два углубления — одно на фасе «объектива», другое на фасе с «окуляр» — вовсе не каменные котлы для разжигания костров и варки пищи, а специальные ниши в камне для регистрации плоскости истинного горизонта. Находится «труба» в плоскости горизонта — совпадают уровни. Если выше поднять «трубу», то и уровень воды в нише на фасе «объектива» станет выше уровня на окулярном фасе. Чем выше поднята «труба» в небо, тем больше разность уровней воды.

Но далеко ли камень зарыт в землю? Какова его форма вообще? Не является ли он продолжением каменной скалы? Вращался ли камень в горизонтальной плоскости или по вертикальной? Иными словами, каков его «поворотный-подъемный» механизм? Почему камень «плавает» в земляном блюде едва ли не до дней летнего солнцестояния, когда даже из огромных луж на склонах давно испарились талые воды? Вопросы очень и очень много.

Берега ложины речки Курцы очищены от тальника. Поля пшеницы, ржи подступили вплотную к голым берегам ложины. По склонам пролегли коровьи тропы. Сама речка стала высыхающим ручьем.

Конь-камень подрыт с северного фаса. Он оказался гигантским, весом тонн в тридцать! А под ним находится родник...

Кто же проделал в камне «трубу» и нацелил ее на точку восхода в день летнего солнцестояния? Кто мог ворочать эту 30-тонную глыбу?

Реставрация, произведенная по фотографиям северного «окулярного» фаса каменного черепа одноглазой лошади-циклопа, дала неожиданные факты для определения древности Цыганского камня. На фасе «запечатлена» лежащая мамонтиха с мамонтенком! Мамонтенок чем-то напоминает собой и поросенка и дельфина. Сходство и с тем и с другим получается благодаря равным по длине хоботку и бивню. Ясно, что это новорожденный мамонтенок. Но если мы развернем камень с «трубой» на угол, близкий к 180 градусам, мамонтиха с новорожденным мамонтенком окажутся вместе с «окуляр» на северном фасе. Мамонтиха с мамонтенком, как и наследующая ей лосиха или олениха с олененком, относятся к культу милосердия? Так когда же был сооружен камень?

Можно было бы написать целую повесть о древних жрецах-астрономах, которые жили возле Камня-обсерватории, занимаясь изучением звездного неба, создавая календари, давая советы населению или вождям каких-либо племен. Но лучше пока все-таки идти по пути собирания фактов, исследования, искать в окрестностях этой обсерватории следы астрономических работ.

Тот, кто промерял глубину реки Дона до места, где в него вливается река Непрядва, и от места впадения Непрядвы до впадения Большой Таболы и ниже, замечал одну странную особен-

ность: глубоководный «нормальный» Дон неожиданно «мелеет», хотя, казалось бы, воды Непрядвы должны еще больше «прорыть» русло Дона. Но этого почему-то не случается: дно русла Дона на всем его протяжении от устья Непрядвы до теперешнего села Грибоедова за Таболой буквально «засеяно» мелкими, острыми осколками песчаника и известняка, которых еще «не успела» обкатать вода. Кто-то намеренно сыпал осколки в Дон, чтобы река на протяжении 10—12 километров обмелела так, что для проезда по ней в стругах не было бы возможности, была нужна разгрузка судов.

Искусственно сооруженный волок вполне ясен и понятен: защититься от непредвиденных нападений с воды, когда река была единственным средством сообщения. Но откуда столько сотен тысяч тонн «каменной крошки», с помощью которой поднято русло Дона, а местами и реки Непрядвы? Ее нужно было нарубить! Меж тем только напротив деревни Татинки как будто бы имеются странные «терриконы». Некоторые из них — пирамиды. Больше ни по правому, ни по левому берегу Дона подобных «терриконов» нет.

По-видимому, ответы на поставленные вопросы могут дать археологические раскопки. Впрочем, они же поставят и другие вопросы...

По нашему мнению, Цыганский камень поставлен для увековечивания плодов интеллектуального дерзания, это потрясающий воображение древний каменный астрономический инструментарий. Он не единственный в Европе и, быть может, имеет какую-то связь с другими обсерваториями, а также и с «каменными бабами», расставленными когда-то на просторах Восточной Европы.

АЛЕКСАНДР ГОРБОВСКИЙ

АЛГОРИТМ ВСЕЛЕННОЙ?

«Научная гипотеза, — писал В. И. Вернадский, — всегда выходит за пределы фактов, послуживших основой для ее построения». Если слова эти приложимы к любой гипотезе, то тем в большей степени к той, о которой вы прочтете ниже. Делая эту оговорку, я имею в виду не столько сами приводимые факты и наблюдения, сколько выводы, которые будучи сделаны на их основании, неизбежно выходят за пределы исходных фактов.

Как известно, в строительстве термитника участвуют многие тысячи насекомых. В итоге вырастает сложнейшее сооружение со строгой системой ходов и вентиляционных каналов, со складами для продовольствия, отдельными помещениями для королевы, для личинок и т. д.

Был поставлен опыт: строившийся термитник перегородили так,

чтобы насекомые, находившиеся в одних его частях, были изолированы от находящихся в других. Несмотря на это, строительство продолжалось по той же, чрезвычайно сложной схеме, а каждый ход, вентиляционный канал или помещение, которые оказались разделенными перегородкой, приходились точно на стыке одно против другого.

Ясно, что ни один отдельно взятый термит не способен вместить всю полноту информации о сооружении в целом. Можно ли предположить, что носителем такой информации является не отдельный термит, а как бы вся совокупность, вся популяция?

Вот наблюдение французского исследователя Луи Тома, много лет занимавшегося термитами: «Возьмите двух или трех — ничего не изменится, но если вы увеличите их число до некой «критической массы», произойдет чудо. Будто получив важный приказ, термиты начнут создавать рабочие бригады. Они примутся складывать один на другой маленькие кусочки всего, что им попадается, и возведут колонны, которые затем соединят сводами, пока не получится помещение, напоминающее собор».

Иными словами, знание о сооружении в целом возникает только тогда, когда налицо некое сообщество особей.

Подобное явление не единично.

Стая саранчи следует обычно строго определенным маршрутом — через пустыни, через пески — к зеленым долинам, туда, где есть корм. Если из общего потока изъять отдельную особь, она тут же теряет направление и будет беспорядочно бросаться то в одну, то в другую сторону. Отдельная особь не имеет ни направления движения, ни цели. Стая — знает.

О птицах, совершающих свои ежегодные перелеты стаями, долгое время полагали, что их движением руководят старые и более опытные. Японский орнитолог профессор Ямамото Хироуке установил, что у перелетных стай фактически нет ведущего. Случается, во время перелета во главе стаи оказывается чуть ли не птенец. По данным Ямамото Хироуке, из 10 случаев в 6 во главе стаи бывает молодая птица, появившаяся из яйца только этим летом. Ясно, что она не может «знать» традиционные пути перелета, а тем более вести за собой остальных.

Несмотря на то что молодые птицы летят впервые, они безошибочно находят путь, простирающийся иногда на тысячи километров. Однако, как и у других, знание это существует, только пока птицы находятся вместе, пока они образуют некую совокупность.

Отбившись от стаи, оказавшись одна, птица обычно не может уже найти нужного направления. «Вне области перелета, — пишет советский исследователь А. Я. Тугаринов, — мигранты попадают только случайно. Подобные залеты кончаются для птиц печально. Оказавшись в одиночку среди чужого населения, нередко в непривычных биотипах птица блуждает и... в конце концов погибает».

Итак «птица блуждает», теряет направление, едва оказывается одна. Но стоит множеству таких же, не имеющих направления осо-

бей собраться в стаю, как возникает знание, которого до этого не было.

Подобная же закономерность, возможно, существует и у рыб. Были поставлены опыты, в ходе которых рыбам в поисках выхода приходилось плыть по лабиринту. Оказалось, что группы рыб выбирают верное направление быстрее, чем плывущие поодиночке.

Помимо знания, стае /или популяции/ присуще еще одно свойство — некий повелительный импульс, как бы «единая воля», подчиняющая себе отдельных особей.

Особенно проявляется это во время миграций. «Стаи саранчи, — пишет исследователь, — огромные тучи красноватого цвета, опускаются и взлетают словно по команде».

Чьей команде, откуда исходит она?

Некий мощный, неодолимый импульс движет всей этой плотной, многотонной массой. И в этом импульсе, подчиняющем себе все, растворяется, исчезает без следа воля и выбор действий каждой отдельной особи. Когда движется эта живая стена, невозможно ни остановить, ни изменить движение какой-то отдельной особи — пока она находится в общей массе. Тщетны любые попытки «преградить путь словно загипнотизированных насекомых, — пишет Реми Шовен. — Они обходили препятствия, переползали через стены, проходили и сквозь кустарники, даже бросались в воду и огонь и неудержимо продолжали двигаться в том же направлении».

Мыши-полевки во время внезапных своих миграций, встретив на пути ров, не огибают его, не ищут другого пути. Живая волна захлестывает его, заполняя до краев копошащимися телами, по которым сотни тысяч других безостановочно продолжают свое движение.

Затоптанные, задавленные, задохнувшиеся в глубоком рву, перед тем, как погибнуть, не делают ни малейших усилий вырваться. Они — живой мост, чтобы могли пройти остальные. Сильнейший инстинкт, инстинкт выживания, оказывается подавлен и заглушен полностью.

Так же подавлено может быть и чувство голода. Бабочки не едят во время перелета, хотя расходуют при этом огромное количество энергии. Не едят во время миграций стрекозы, образующие при этом стаи длиной в несколько километров. Так же ведут себя и некоторые виды рыб.

И другой, не менее важный инстинкт оказывается подавлен, когда перед нами не отдельные особи, а стая, гигантская живая масса. Это инстинкт нападения и инстинкт страха перед хищником.

Исследователи наблюдали, как во время миграции южноафриканских газелей лев оказывался захлестнут их потоком и оказывался бессилем выбраться из него. Не испытывая ни малейшего страха, газели двигались прямо на льва, обтекая его, как некий неодушевленный предмет.

Точно так же во время перелета нередко случается видеть, как стая хищных птиц, следуя рядом со стаяй своих традиционных

жертв, не делает никаких попыток напасть на них. И стая их жертв тоже летит совершенно спокойно, не испытывая ни малейшего страха от столь опасного соседства. Сильный хищнический инстинкт одних и не менее сильный инстинкт самосохранения других оказываются совершенно заторможенными. Но это случается, только когда встреча происходит не на уровне отдельных особей, а на уровне двух стай, двух «сверхорганизмов». При одиночной встрече и те и другие ведут себя совершенно иначе.

«Воля популяции» проявляется и в другом. Обычно едва количество особей начинает превышать некое критическое число, животные, словно подчиняясь неизвестно откуда исходящему приказу, перестают воспроизводить потомство. Наступает блокировка или, говоря словами французского исследователя Реми Шовена, «групповая стерилизация». Доктор Р. Лоус из Кембриджского университета, в течение многих лет изучая жизнь слонов, пришел к подобному же выводу. Когда поголовье слонов слишком возрастает, стадо как бы само начинает регулировать свою численность. Либо самки становятся гораздо реже способны к воспроизводству, либо период зрелости у самцов наступает значительно позднее.

Были поставлены эксперименты с кроликами и крысами. Едва среди них создавалась повышенная плотность, как, вопреки обилию кормов и прочим благоприятным условиям, начиналось самое непонятное — фаза повышенной смертности. Приказ, исходящий из некоего незримого источника, неумолимо обрекал животных на смерть. Без всяких причин наступали ослабление организма, снижение сопротивляемости, болезни. Продолжается это только до тех пор, пока популяция не сократится до оптимальных размеров.

Если бы удалось найти «канал», по которому идет этот приказ, человек мог бы управлять численностью различных популяций. Над этой проблемой работают сейчас в Уральском институте экологии растений и животных. Получив сигнал типа «нас очень много», личинки, скажем, комара или гнуса сразу же замедляют свое развитие, законсервируются на промежуточных стадиях, и лишь немногие из них разовьются до взрослого состояния. Этот способ обещает быть во много раз эффективнее химических или биологических средств борьбы.

Известно, что биологически зарождение мужской или женской особи равновероятно. Однако если в популяции почему-либо оказывается мало самок, то среди новорожденных вдруг начинают преобладать самки; если мало самцов, то количество самцов среди вновь родившихся начинает заметно превышать среднюю цифру. Процесс этот продолжается до тех пор, пока соотношение полов не выравнивается.

Ясно, что отдельная особь не может по собственному желанию влиять на пол своего потомства. В то же время речь идет о явлении, повторяющемся с правильностью закона. Иными словами, мы снова сталкиваемся с неким целенаправленным воздействием, источник которого находится вне каждой отдельной особи.

Явление, о котором идет речь, хорошо известно и в человеческом сообществе. Среди демографов оно получило название «феномена военных лет». Во время войн и после них в воюющих странах, потерпевших урон среди мужского населения, наблюдается внезапный рост новорожденных мужского пола.

Известно несколько подходов к объяснению физиологического механизма этого явления. Нас интересует, однако, не сам механизм, а то главное, что стоит за всем этим — регулирующее начало популяции, приводящее механизм в действие.

Некоторые исследователи отмечают, что, наблюдая за стаей саранчи, которая движется плотной, компактной массой, достигающей иногда веса в 10 000 тонн, трудно бывает отделаться от ощущения, что это некое единое гигантское существо, некий «сверхорганизм». Такое же впечатление производят порой и перелетные стаи птиц, летящих сплошной живой массой длиной в 6—8 километров и шириной в 100 метров. Отдельные особи кажутся как бы частицами некоего единого «сверхорганизма», а их нервная система и мозг — компонентами общего сверхкода.

По словам биолога Луи Тома, термиты, обитающие в своей гигантской постройке, «не составляют, как может показаться, сплоченную массу индивидуумов, но являются единым организмом с уравновешенным и вдумчивым умом, подающим команды миллионам лапок». /К слову, живая масса термитов на Земле столь велика, что на каждого человека приходится около 750 килограммов термитов!/

Исследователи все больше приходят к мысли, что совокупность живых существ — это нечто качественно иное, чем принято было считать до сих пор. В специальной литературе появились термины, выражающие это иное понимание: «сверхорганизм», «диффузный организм». В работах советских исследователей В. И. Василевича и В. С. Ипатова мы встречаем термины «надорганизменные биосистемы», «надорганизменные уровни развития живого».

Для такого «сверхорганизма» гибель одних особей и рождение новых подобны отмиранию и регенерации клеток, непрерывно происходящим в живом существе. Возможно, здесь уместна следующая аналогия. «Летающие брызги бушующего водопада,— писал А. Шопенгауэр,— сменяют друг друга с быстротой молнии, между тем как радуга, основой которой они служат, стоит над ними в невозмутимом покое». Не так ли и «сверхорганизм» пребывает в «невозмутимом покое», в то время, как отдельные особи, составляющие его, поколение за поколением сменяют друг друга?

Можно ли допустить, что «сверхорганизмы», населяющие Землю, образуют некую совокупность следующего, более высокого порядка?

В свое время В. И. Вернадский ввел понятие «биосферы» — совокупности всего живого, что есть на планете. Изучая эту совокупность живого, Вернадский пришел к парадоксальному выводу — в геохимическом отношении биосфера пребывает неизменной,

в течение всего своего существования она имела ту же массу, что и сейчас, — 10^{20} грамма. Появляются и исчезают отдельные существа и виды, а биосфера пребывает все в том же «невозмутимом покое».

Итак, биосфера. Совокупная масса всех живых тварей, заполняющих собой Землю. Совокупность эта, считает академик АМН СССР В. П. Казначеев, должна рассматриваться «как единый целостный планетарный организм». Так же видел биосферу известный французский палеонтолог и философ Тейяр де Шарден. Это, по его словам, «живое существо, расплзшееся по Земле, с первых же стадий своей эволюции оно вырисовывает контуры единого гигантского организма».

Возможно ли предположить, чтобы биосфера, этот совокупный планетарный организм, был наделен неким подобием единого кода? Многие известные философы и ученые допускали это. Земля, на которой мы живем, — утверждал, например, известный немецкий физик Г. Т. Фехнер, — должна иметь некое единое коллективное сознание. Подобно тому, как человеческий мозг состоит из множества отдельных клеток, сознание планеты, считал он, складывается из сознаний отдельных живых существ, обитающих на ней. Такая программа должна настолько же разниться с программой отдельного индивида, насколько мозг как целое качественно отличается от отдельных клеток, его составляющих.

Если допустить, что биосфера действительно существует как носитель некоего алгоритма, то, очевидно, между различными биосферами должны быть постоянные контакты. Об этом, в частности, писал В. И. Вернадский. Он писал, что биосферы различных небесных тел находятся в постоянном взаимодействии друг с другом.

Это единое целое планетарных алгоритмов, рассеянных во Вселенной, возможно, образует то, что может быть обозначено как «космический алгоритм», «алгоритм Вселенной».

Говоря о таком совокупном алгоритме, мы имеем в виду прежде всего его материальную основу — взаимосвязанную сумму всего живого, населяющего космос.

Несколько лет назад сотрудники западногерманского Института имени Макса Планка обнаружили на расстоянии свыше двух миллионов световых лет гигантское облако водяных паров. Открытие это вызвало сенсацию. Но это было только начало. Спектральные анализы обнаружили в открытом космосе муравьиную кислоту, а позднее — молекулы винного спирта. Сейчас известно несколько десятков органических молекул, существующих в космосе. Они заполняют газовые облака протяженностью в световые годы. Это миллиарды и миллиарды тонн органического вещества. Членкор АН СССР В. И. Гольданский допускает образование в космосе «даже самых сложных молекул, вплоть до белков».

Астрофизики Ч. Викрамасингх и Ф. Хойл, изучая обнаруженные в звездной пыли органические молекулы с органическим основанием, высказали мысль о присутствии в космосе микроорганизмов

на клеточном уровне. Их масса огромна — только в нашей Галактике, считают они, имеется около 10^{52} таких клеток. По их мысли, это живое космическое вещество постоянно взаимодействует с живым веществом на планетах, в том числе на нашей Земле.

Если воля популяции способна воздействовать и подчинить себе особей, в нее входящих, то что можно сказать о воле и алгоритме космоса? Что можем мы знать вообще об этом воздействии? О его мощи, направленности и целях?

До сих пор принято было считать, что космическое вещество — звезды, галактики располагаются в пространстве неупорядоченным образом. Эстонские астрономы из Института астрофизики и физики атмосферы пришли к выводу, что это не так. Вот что заявил корреспонденту ТАСС доктор физико-математических наук Я. Эйнасто:

«Галактики и их скопления расположены в порядке, напоминающем пчелиные соты огромных размеров. И чем ближе к стыкам таких ячеек, тем сильнее сконцентрировано вещество».

К этим выводам пришли исследователи, тщательно изучив распределение массы галактик, охватывающих сверхскопления в Персее, Андромеде и Пегасе. На границе такой «ячейки» поверхностная плотность галактик и скоплений галактик оказалась раза в четыре выше, чем в ее центральной части. Картина, полученная американскими астрофизиками после обработки на ЭВМ данных о миллионах галактик, так же как будто подтвердила ячеистую структуру Вселенной. По словам Б. В. Комберга, научного сотрудника Института космических исследований АН СССР, «если такая точка зрения на крупномасштабную структуру Вселенной подтвердится, мы придем к картине причудливой ячеистой Вселенной...».

Какими силами, какими факторами обусловлена такая симметричная, упорядоченная структура? На этот вопрос сегодня у нас нет ответа. Как считают сами авторы этого открытия, советские астрономы М. Йыеваэр и Я. Эйнасто, «численные эксперименты показывают, что ячеистая структура не может возникнуть путем случайного сгущивания. Мы думаем, что структура имеет первичное происхождение и образовалась до того, как сформировались галактики и скопления галактик...» /из сообщения на симпозиуме Международного астрономического союза, Таллин, 1977/.

Как известно, условием существования жизни на Земле является воссоздание ею подобных себе форм. Можно предположить, что этот закон действует и в масштабах Вселенной. Развивая эту мысль далее, логично допустить, что программа космоса стремится к созданию новых и новых очагов жизни.

«Твари земные, — писал В. И. Вернадский, — являются созданием сложного космического процесса, необходимой и закономерной частью стройного космического механизма, в котором, как мы знаем, нет случайностей».

Действительно, на уровне современных научных знаний случайность синтеза молекул РНК и ДНК, определяющих жизнь, пред-

ставляется маловероятной. По словам академика А. И. Опарина, концепция случайного зарождения живой молекулы совершенно бесплодна.

Более того — самого времени существования Вселенной было бы недостаточно для возникновения жизни на базе случайности.

Если бы, гласит один из подсчетов, в любой ячейке пространства объемом в электрон каждую микросекунду испытывалось бы по одному варианту, то за 100 миллиардов лет /Вселенная существует лишь 15—22 миллиарда лет/ было бы испытано 10^{150} вариантов. Это число ничтожно по сравнению с необходимым $4^{1\,000\,000}$ — столько комбинаций из 4 «букв» генетического кода нужно было бы перебрать, чтобы составить ту, которая определяет жизнь. По расчетам известного американского астронома Дж. Холдена, такой шанс составлял бы 1 из $1,3 \cdot 10^{30}$.

Если методом случайных комбинаций пытаться составить хотя бы самую простую, самую примитивную белковую молекулу, за все время существования Вселенной была бы «проиграна» ничтожно малая часть таких вариантов. К такому выводу пришли немецкие ученые М. Эйген и Р. Винклер.

Итак, согласно последним данным науки, жизнь во Вселенной не возникла и не могла возникнуть в результате случайности.

В. И. Вернадский писал о существовании «определенного направления в эволюционном процессе, неизменного на всем его протяжении, в течение всего геологического времени. Взятая в целом, палеонтологическая летопись имеет характер не хаотического изменения, идущего то в ту, то в другую сторону, а явления, определенно развивающегося все время в одну и ту же сторону — в направлении усиления сознания, мысли и создания форм, все больше усиливающих влияния жизни на окружающую среду».

По каким каналам приходит это направленное воздействие, приходящее из космоса?

В последние годы жизни доктор психологических наук В. Н. Пушкин выдвинул гипотезу о форме-голограмме, содержащей информацию о живом. Согласно его концепции, такие формы-голограммы взаимодействуют между собой, образуя информационное поле Вселенной. В. Н. Пушкин выдвигал в этой связи мысль, что жизнь, в частности, на нашу Землю была занесена в виде именно таких форм-голограмм, действовавших в определенном направлении на эволюцию живого вещества.

Конечные цели и направленность этого воздействия выходят за пределы понятий, которыми человеческий разум привык оперировать сегодня.

ОТЗЫВЫ НА СТАТЬЮ «АЛГОРИТМ ВСЕЛЕННОЙ»

В. И. Сифоров, член-корреспондент АН СССР

Чем шире раздвигается горизонт знаний, тем больше ощущаем мы ограниченность познавательных и интеллектуальных возможностей отдельного человека... Я уверен, в космосе мы встретимся с

многими неожиданностями, в том числе, весьма «диковинными» формами материи. Более глубокое изучение пространства-времени, приложение к пространству-времени принципа дискретности откроют перед нами такие горизонты понимания Вселенной, о которых сегодня мы не можем даже и думать, которые с позиций сегодняшнего дня могут представляться «безумными» и «дикими». Так же, как когда-то мысль о передаче энергии квантами казалась физикам дикой. Мера неожиданности, парадоксальность идеи может впоследствии оказаться мерой ее истинности. Этот парадокс формулировал в свое время Нильс Бор: «Перед нами безумная теория. Вопрос в том, достаточно ли она безумна, чтобы быть правильной».

Л. А. Пирузян, член-корреспондент АН СССР

Многие секреты удивительного коллективного поведения животных, например, пчел, в результате труда ученых перестали быть тайной. Их объяснение не потребовало привлечения новых физических законов, хватило современной биологии, физики, химии...

Наиболее простой пример такой самоорганизации — возникновение кристаллов и кристаллических систем. Подобные процессы носят целенаправленный, но в то же время естественный, спонтанный характер. Самоорганизация материи на высшем из известных нам уровней — это возникновение живых систем. Мы не можем сказать сегодня, в какой мере эти процессы самоорганизации материи на любом уровне обусловлены связями, существующими между ними, и вообще имеются ли такие связи. Но это не значит, что об этом не следует думать.

В. С. Троицкий, член-корреспондент АН СССР

Память истории — это одно из тех кардинальных качеств, которые отличают человека от животного. Она связана с социальной организацией и возникновением небιологических форм передачи информации. В животном мире, казалось, этого нет. Но, может быть, примеры с перелетом птиц подтверждают, что обучение и передача по наследству есть и у птиц?

Дальнейший синтез разума от планетарного к космическому разуму мне представляется не обоснованным достаточно. Так образование «Космического разума» обосновывается тем, что «биосферы различных небесных тел находятся в постоянном взаимодействии». С этим трудно согласиться с позиции науки XX века. Из четырех видов взаимодействия, известных физике, на уровне взаимодействия небесных тел действуют только два — электромагнитное и гравитационное, да и то на очень ограниченных расстояниях. Под тезисом связанности всех биосфер Вселенной невольно предполагается некоторое другое физическое взаимодействие, которое, однако, науке неизвестно. Последнее, может быть, просто потому, что это взаимодействие еще не открыто. Может быть, это то, что обычно называют биополем?

Г. И. Наан, академик АН Эстонской ССР

Данных о различных проявлениях групповых инстинктов, группового и общественного сознания, коллективного безумия (массового психоза) и т. п. в науке накоплено немало, сомневаться в реальности этих явлений, видимо, не приходится. Вопрос о возможных масштабах, скажем, вселенского безумия (или ума), по-видимому, решается вполне однозначно — возможным взаимодействием между подсистемами и элементами. Исходя из этого, я считаю, что пока не существует даже коллективного разума человечества, но в чем-то мы приближаемся к такому феномену; возможность межпланетарного разума очень сомнительна (для его осуществления нужно все сложности связей с внеземными цивилизациями, возвести в квадрат или даже в значительно более высокую степень); возможность разума более высокого порядка практически равна нулю.

Гипотеза о панпсихизме в лучшем случае эквивалентна предположению о существовании каких-то совершенно неизвестных форм взаимодействия наряду с четырьмя хорошо известными, причем скорость распространения взаимодействия, видимо, должна существенно превосходить фундаментальную скорость *c*.

Тем не менее обсуждать проблему указанного типа можно, возможно, даже нужно. Но, на мой взгляд, надо при этом как можно более четко различать три области: известное (наука), научные гипотезы; прочее — предположения, научно-фантастические гипотезы и т. д.

ВАЛЕРИЙ СКУРЛАТОВ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ КАРТОТЕКА

(Обзор читательской почты)

В редакцию, а также и авторам научно-фантастических книг издательства «Молодая гвардия» приходит немало писем, в которых читатели излагают свои «бешеные идеи», гипотезы и проекты. Обыкновенно все это оседает в архивах, впрочем, иногда и в «архивах памяти писателей». Но, пожалуй, некоторые идеи и размышления заслуживают внимания читателей.

Концепции — необходимые якоря науки. Научно-технический прогресс будоражит воображение каждого из нас. Хочется охватить одним взглядом картину драматического познавательного наступления, самому участвовать в нем.

Вот еще одна гипотеза. Ее прислала из Петропавловска-Камчатского Вета Никитко. Речь о местонахождении легендарной Атлантиды. Видимо, это связано с сенсационным открытием советскими океанографами на стометровой глубине в Атлантическом океане (широта 35° 03' — север, долгота 12° 53' — запад) несколько

к западу от Гибралтара остатков «стен» и развалин «зданий». Вершина горы Ампер, где проводились подводные съемки, лежит примерно там, где помещал Атлантиду древнегреческий философ Платон в своих знаменитых диалогах «Тимей» и «Критий». Атлантологи сейчас явно взбодрились.

По мнению Веты Никитко, во времена Великого оледенения вода сконцентрировалась в огромных ледяных шапках, уровень Мирового океана был ниже современного на 100—200 метров. Резкое таяние Великого Ледника привело к сравнительно быстрому затоплению огромных массивов суши, превратившихся в мелководья. Это дало мощный толчок миграционным процессам, расселению человека по новым местам обитания. Перераспределение нагрузки на земную кору вызывало многочисленные землетрясения и вулканические извержения, вода и огонь губили людей, ведь жизнь наиболее активно бурлила у кромки ледника и в окрестностях вулканов.

Где же на Земле произошли наиболее масштабные затопления и извержения? Они вполне могли случиться в Атлантическом бассейне, прежде всего там, где сейчас плещутся мелководные Балтийское и Северное моря. Бурение дна Северного моря, по мнению автора письма, может дать археологам доказательства в пользу гипотезы. Гора Ампер и ряд других гор к западу от Гибралтара наверняка возвышались над водой до таяния Великого Ледника в XI тысячелетии до нашей эры, почти за 10 000 лет до Платона. Погружение противогибралтарской Атлантиды, происшедшее из-за быстрого повышения уровня океана на 100—200 метров («Всемирный Потоп»), вполне могло сопровождаться интенсивными вулканическими явлениями. Но вряд ли североморская, балтийская или «противогибралтарская» Атлантиды служили тем местом, откуда шло расселение потомков мифического Ноя — Сима, Хама и Яфета.

В древних мифах различных народов, в той же Библии, указывается, что «допотопный» Эдем находился на Востоке. Затоплению там подверглись, в сущности, два достаточно крупных региона, способные прокормить значительное количество охотников и собирателей — материк Сунда в тропической зоне юго-западной Пасифики от Сахалина до Новой Гвиней и суша Берингия северо-западной Пасифики от Камчатки до Аляски. Эти две дальневосточные Атлантиды требуют самого серьезного к себе отношения с точки зрения древнейших судеб человечества.

В. Никитко приводит аргументы в пользу Сунды и Берингии, как прародин человечества Старого и Нового Света. Антропогенез свершался не только в Африке, но и на той же Сунде. И вот на Дальнем Востоке всего двенадцать тысяч лет назад оказалась затоплена в десятки и даже сотни раз превосходящая по площади территория, чем погрузившаяся под воду в Западной Европе суша. Соответственно с Сунды и Берингии ушло в сотни раз больше лю-

дей, чем с европейских Атлантид. Миграционный импульс на Дальнем Востоке был мощнее, чем на западе Евразии.

Дальний Восток по своим природным условиям даже в палеолитическую эпоху охоты и собирательства кормил значительно больше людей, чем Западная Европа. И в настоящее время Дальний Восток, включая Китай, Японию и Юго-Восточную Азию, кормит в несколько раз больше людей, чем Европа. А ведь двенадцать тысяч лет назад под морские волны погрузились площади суши, обильные и растительностью для собирания, и животными для охоты. Огонь впервые изобрели синантропы более трехсот тысячелетий тому назад, как о том свидетельствуют раскопки в пещере Чжоукоудянь под Пекином. Собака для дома, индивидуальная охота, переход к парному браку тоже впервые свершились, вероятно, на Дальнем Востоке около 14 тысяч лет назад, как о том свидетельствуют раскопки на Камчатке. В эпоху Великого оледенения наиболее благоприятные условия для охоты, формирования людей создались не в южных, а в северных широтах.

Мамонты, бизоны, олени, лошади и другие крупные млекопитающие безмятежно паслись по огромным сибирско-берингийско-канадским просторам на роскошном травостое, слегка прикрытом снежным покровом. Вот почему основная масса человечества «до потопа» проживала там, где вдоволь хватало пищи, — в северных, почти приполярных широтах.

«Не Сунда, а Берингия — главная Атлантида», — предполагает Вета Никитко. Она приводит данные советских и американских исследователей о том, что Берингия была покрыта не льдом, не тундрой, не тайгой, а цветущей степью. Возможно, часть населения Берингии спасалась на Американском континенте, а другая часть отступала через Чукотку, Камчатку, Курилы, Сахалин в степные районы Сибири и далее по евразийским степным коридорам в Китай, Центральную, Среднюю и Переднюю Азию и в Европу. Беженцы с Берингии и Сунды, возможно, столкнулись и застряли на Японских островах, другие ушли на южные земли — вплоть до Египта...

Вспомните хотя бы известные предания о Ное и его трех сыновьях — Симе, Хаме и Яфете...

Некоторые из потомков Ноя обосновались в Египте, где и сохранились до исторических времен сказания об утонувшей Атлантиде. Мифы смутно помнили о далекой своей восточной прародине, в общем-то правильно указывая ее к западу за Атлантическим океаном, помещая ее, впрочем, всего-навсего за Геркулесовыми столбами (Гибралтаром). Египетские жрецы сообщили предания о катастрофе, случившейся 10 тысяч лет назад, афинянину Солону, а тот — своему родственнику Платону.

Обратим внимание на еще одно читательское письмо. Анатолий Чемохоненко (из Москвы) высказывает предположение о связи мифологических представлений древних египтян и американских

индейцев через общее происхождение тех и других из некой покинутой приполярной прародины.

И у египтян, и у гватемальских индейцев киче сохранились воспоминания о северном сиянии. В священной книге киче «Пополь-Вух» рассказывается о некоем перистом существе Вукуп-Какише, который вознамерился заменить и Солнце, и свет, и Луну и осветить лик Земли. Два молодых охотника подстерегли его у большого дерева «Таполь», куда он прилетал кормиться. Это напоминает русскую сказку о Жар-птице, у которой Иван вырвал перо в саду, куда она прилетала по ночам.

«Вукуп» на языке киче обозначает «семь», а «какиш» — большой попугай ара с пышным красно-зелено-голубым оперением. По мнению А. Чемохоненко, эта гамма — основные цвета северного сияния, в котором обычно преобладает зеленый цвет. Вукуп-Какиш — олицетворение небесных сполохов, которые видели на небе предки киче на своей сибирско-берингийской прародине.

Мексиканские ацтеки почитали бога Кецаль-Коатля (коатль — змей, кецаль — птица с зелеными перьями) и в подражание ему украшали головные уборы зелеными перьями. Одна из форм полярного сияния — «лучистая полоса» — напоминает длинную извивающуюся ленту («змею»), испещренную вертикальными лучами — перьями, чаще всего зелеными.

Древние греки помнили о страшной Медузе Горгоне со змеями вместо волос, под взглядом которой вода превращалась в камень (лед) и живые люди тоже окоченевали. А. Чемохоненко приводит описания других мифических персонажей типа китайско-японских драконов, которые можно сопоставить с полярными сияниями. Например, древнеегипетский гимн зеленоперистому Осирису гласит:

Воссиявший на престоле отца своего подобно Солнцу,
Когда восходит оно на небосклоне,
Чтобы осветить лик находящегося во тьме,
Он осветил затемненное перьями своими
И наводнил Обе Земли светом,
Подобно солнечному диску на рассвете.
Его белый венец пронзил небеса и окружен звездами...

Отталкиваясь от единства мифологических образов, А. Чемохоненко прослеживает на археологическом материале путь древних мигрантов из приарктических областей на запад, юг и восток. Он подчеркивает важную роль Забайкалья как перевалочного пункта миграции, приводит массу удивительных фактов о глубоких палеолитических связях между весьма далеко разошедшимися народами. Например, Е. Окладникова продемонстрировала распространение очень похожих «череповидных личин» и на верхнем Енисее, где ныне живет автор нашей первой гипотезы Т. Еленова, и в Приамурье, и в Северной Америке, и на юге вплоть до островов Новой Зеландии.

Алина Межуева из Бердянска высказала очень любопытную

мысль о «коде красоты», ее фантазию хочется не только пересказать, но даже дополнить.

Станислав Лем в романе «Голос неба» исследовал возможность существования космического «кода», подталкивающего через модулированное космическое излучение земную эволюцию. В конце концов оказывается, что обнаруженный «сигнал является программой, а не сообщением», он адресован всему космосу, а не каким-либо существам, он — последний нейтринный аккорд погибающего в мировом пожаре прошлого космоса, завещание уже не существующей космической цивилизации. Однако польский фантаст не предусмотрел, что автором «Письма» со старого Неба на новую Землю могли быть мы сами...

Взгляните на звездный полог неба, предлагает А. Межуева. Сколько красоты наверху и по сторонам! Как разнообразна и притягательна игра природных форм. И человек впитывает все это...

А все разнообразие сложено из элементарных частиц. Из десятка-другого «кирпичиков» составлены сотни устойчивых и мириады неустойчивых «кирпичиков» следующего уровня: из кварков, лептонов и глюонов сложены элементарные частицы, из элементарных частиц — атомы, из атомов — простые молекулы, из простых молекул — сложные, в том числе нуклеотиды нуклеиновых кислот ДНК и РНК в составе дезоксирибозы (сахар) и четырех азотистых оснований (аденин, гуанин, тимин, цитозин) в различной последовательности. В ДНК и РНК сосредоточена вся информация об организме, и благодаря самоудваению молекулы ДНК генетическая информация передается рождающейся клетке, по командам генетического кода происходит постоянное самообновление и развитие белковых тел. А все без исключения белки организма формируются из двадцати аминокислот, каждой из которых соответствует вполне определенная последовательность трех нуклеотидов в полинуклеотидной цепи.

Как видим, алгоритм возведения многоэтажного здания жизни вроде бы несложен. Все дело в организации укладки «кирпичиков», причем планировка каждого надстраивающегося этажа достаточно жестко определяется свойствами «стройматериалов» нижележащего уровня.

Но вот загадка! Если на самом нижнем этаже просуммировать объемы, массы и энергии строительных деталей, то получим полный нуль.

Спрашивается: как из нуля могла расцвести впечатляющая красота мироздания?

В огненном начале Вселенной согласно современным физическим представлениям не было ни пространства, ни вещества, ни энергии, но была какая-то исходная «эксцентричность» типа спонтанной флуктуации. Идею подобной «первофлуктуации» или первоначального отклонения от некоего «равновесного состояния» разрабатывал почти сто лет назад австрийский физик Людвиг Больцман на основе знаний своего времени, преодолевая вывод из вто-

рого начала термодинамики о неотвратимом росте беспорядка (энтропии) в мире и неизбежности оцепенения, «тепловой смерти». Современная физика, перейдя от пространственной бесконечности «вширь» к временной бездонности «вглубь», решает, в сущности, ту же проблему — как вечная неисчерпаемость жизни попирает оцепенелый нуль смерти.

Мы можем представить себе мир без нас и вообще без вещества. Но мы не можем представить себе ни Ничто, ни Вечность. Это предельные понятия для возможностей самосознания, любой формы разума. Но мы все же можем представить себе первичный «эксцентриситет», дисбаланс. Неравновесие служит источником самодвижения, «спонтанейного развития».

Над этим вопросом сейчас и бьется современная космологическая теория «раздувающейся Вселенной». Согласно этой теории первофлуктуация могла привести к самым разнообразным «вселенным» с различными наборами измерений пространства и времени, с различной конструкцией исходных «кирпичиков» и т. д. Может ли человеческий разум вычислить «эксцентрические» миры?

В современной науке ныне возобладали антропологический принцип: мироздание построено словно специально для того, чтобы человеку в нем жилось уютно, со всеми удобствами. Человек — смысл существования космоса, его дитя, носитель мирового кода жизни. Космос как бы машина для выныкивания, рождения и жизнеобеспечения человека.

Предположим, человеку будущего удалось подтолкнуть первофлуктуацию в нужную для себя сторону и тем самым задать антропологический «мотив» всему процессу эволюции. Тогда материя самоорганизуется, самопрограммируется по заданному коду. За супертриллионную долю секунды огненный вихрь Единого «раздувает» пространство Вселенной из точечного объема почти до нынешних размеров, образуются элементарные частицы, затем атомы, звезды, галактики, разнообразные молекулы. Саморазвитие идет «эксцентрично» с первоначальной заданности через непрерывную и преемственную эстафету усложняющихся на каждом этапе и все более самозапечатлевающихся целостностей.

Идущая против энтропии жизнь «эксцентрична», асимметрична — белки живого содержат лишь «левые» аминокислоты, вращают плоскость поляризации проходящего через них света в левую сторону, а нуклеиновые кислоты содержат сахара только «правые». «Эксцентричностью» отличаются и высшие формы организации живого вплоть до асимметрии левого и правого полушарий человеческого мозга. В неживой же природе, характеризуемой ростом энтропии, существуют и синтезируются равные количества и левых и правых изомеров. Жизнь не возникла бы в зеркально-симметричной среде, где «левое» и «правое» равноценно.

Первооткрыватель зеркальной изомерии органических молекул Луи Пастер полагал, что «эксцентричность» будущей живой мате-

рии возникла на стадии химической, предбиологической эволюции под действием некоего космического фактора. Современная наука пока не может сказать, каким способом в зеркально-симметричной энтропийной неживой природе могла возникнуть абсолютно несимметричная по отношению к «правому» и «левому» антиэнтропийная жизнь. В свете антропологического принципа «эксцентричность» живого вещества восприняла несимметричность живого Единого, являющуюся одним из устоев всемирного кода.

Жизнь испытывала влияние среды и сама преобразовывала среду, но жизнь прежде всего организовывала и программировала саму себя. Человеческое общество, человеческий разум тоже возникли, вероятно, не без влияния космических факторов. Например, убавь Солнце десять миллионов лет назад свой пыл, вряд ли выжили бы наши предки.

«Железная необходимость» появления людей на Земле была закодирована в самом первораздвоении единого, в мировом коде. Если бы в мире действовали только стихийные природные силы, высказывает мысль А. Межуева, то такой хрупкий феномен, как человеческое общество, вообще не имел бы никаких шансов возникнуть. Пожалуй, что вся Вселенная нацелена на создание нас, землян, и вся запрограммированная мощь космоса направлена на то, чтобы в этом со всех сторон взрывающемся бытии человек вынырнул в уютной земной колыбели.

Потребности людей возвышаются в беге технического прогресса, но претерпят качественный скачок при переходе к космической фазе существования. На этой фазе, весьма вероятно, человечество захочет «омолодиться» и заново испытать первозданную свежесть жизни, наслаждение красотой. И тогда, быть может, оно запрограммирует «стирание» с информационной ленты бытия миллиардолетней поднадоевшей памяти о прошлой жизни в ставшем тесном мире, закодирует себя на новый жизненный цикл действительности и страдательности под новым Небом на новой Земле.

Впрочем, наши догадки зашли слишком далеко. Перед человечеством стоят проблемы «не ошибаться» в научно-техническом процессе, быть осммотрительным...

Человек-микрокосмос как бы ваяет космос, делая его своим родным, наилучшим из возможных миров. Но вряд ли справедливо предположить, что «железная необходимость» безошибочно усовершенствует жизнь общества, что один из вариантов не может быть тяжелым для человечества...

Мир прекрасен, пока ты в экстазе своего вселенского творческого могущества вкладываешь в него свой идеал, свой «код красоты»!

Люди не боги; лишь стремлением к совершенству, к красоте человечество помогает космосу самосуществовать в совершенной, идеальной красоте.

Письма читателей молодогвардейского сборника «Фантастика» далеко не всегда претендуют на то, чтобы называться очерками

или статьями, но это своеобразный показатель не только интереса к глобальным проблемам науки, они дают представление и о высоком уровне (выразимся осторожно!) прогностического фантазирования. Тут мы встречаем и интересные наблюдения, факты, и абстрактное осмысление их, и поиск новых, небрединарных идей и гипотез.

ВАЛЕРИЙ РОДИКОВ

ДАЛЕКО ЛИ ВИДИТ ГЛАЗ

НТР определенным образом влияет на человека. «Пришло время, когда силы, выходящие за пределы человеческого восприятия, ультразвук, который нельзя услышать, ультраскорость, которую нельзя себе представить, пришли на службу человеку. Новые научные открытия надвигаются на нас, на нашу психику, на систему наших чувств и мышление с огромной силой воздействия, и они, эти открытия, влияют не только на материальный мир, они перевоспитывают самого человека, меняют его характер, образ мышления, привычку, способ жизни», — писала Мариэтта Шагинян.

В своем повседневном бытии, работе мы все более и более используем разного рода приборы, всемогущие ЭВМ и все менее и менее доверяем себе, своим органам чувств. И потому, наверное, то с недоверием, а то, наоборот, с излишней восторженностью встречаем известия о людях, которые в быстроте счета могут состязаться с ЭВМ, о физических полях биологических объектов, о кожном зрении, о биологической связи, о необыкновенных познаниях древних астрономов...

А может быть, сверхспособности, которые сегодня воспринимаются как диковина, давным-давно были явлением довольно распространенным, во всяком случае, в некоторых районах.

Обратимся к историческим загадкам астрономии. Известно, что четыре наиболее ярких спутника Юпитера — Ио, Европу, Ганимед и Каллисто — открыл знаменитый Галилей в 1610 году с помощью построенного им же телескопа. А между тем недавняя находка, сделанная китайскими учеными, свидетельствует, что людям было известно об одном из спутников Юпитера почти две тысячи лет назад. Специалисты случайно обнаружили записи одного из древнейших астрономов, датированные 364 годом до нашей эры, в которых указано, что за двадцать лет наблюдений ему удалось невооруженным глазом увидеть по соседству с Юпитером небольшую звезду. По всей видимости, это был Ганимед, самый яркий спутник Юпитера.

Сведения о четырех спутниках Юпитера, кольцах Сатурна и других астрономических объектах есть и в древних мифах африканского народа догонов, живущих на плато Бандиагар в Республике Мали.

Или другой пример. Древние египтяне еще четыре тысячи лет назад связывали звездное скопление Плеяды со словом «тысяча», хотя человек с нормальным зрением видит в Плеядах всего 6—8 звезд. Тысячу же звезд в Плеядах обнаружили лишь в XVIII веке — разумеется, с помощью телескопа.

Не исключено, что в некоторых местах древние астрономы использовали телескопы. Ведь линзы были известны еще за 2500 лет до нашей эры. Но прямых доказательств этого нет, а потому официальным открывателем телескопа считается все тот же Галилей.

Ну а если действительно не было в древности телескопа и единственным оптическим прибором оставался человеческий глаз, так ли тогда удивительны столь древние знания о лунах Юпитера, кольцах Сатурна, фазах Венеры?..

Нет, эти знания не так уж удивительны, и получены они могли быть необязательно извне, от «космических пришельцев», как это предполагают некоторые, а вполне реально, что они добыты только благодаря одной из самых совершеннейших биологических структур — человеческому глазу. В совершенстве его конструкции вы можете убедиться сами: в столь малом объеме природа сумела разместить прибор необычайной сложности. Сетчатка и зрительный нерв — это же вещество мозга! Сеть кровеносных сосудов почти что в два раза гуще, нежели в любом другом органе. И наконец, уникальный хрусталик.

Цивилизация подпортила нам зрение. Сегодня едва ли не каждый четвертый носит очки. И это естественно: за информацию надо платить, а через глаза в наш мозг, как установили ученые, поступает до 80 процентов всей информации. Прав был М. Горький, говоря, что потеря зрения отнимает у человека девять десятых мира.

Чтение, письмо, кино, телевидение — это зрительная информация и в то же время дополнительная нагрузка на глаза. А ведь они в основном создавались для высматривания удаленных предметов. Чем дальше направлен взгляд, тем спокойнее мышцы глаз.

Предки наши были зорче. Добывая свой «хлеб насущный» охотой, рыбной ловлей, скотоводством, им не надо было напрягать глаза. В подтверждение можно привести пример. В джунглях Африки нашли небольшое племя, которого не коснулась цивилизация. И вот что интересно: никто из племени, этих оторванных от современного мира людей, не страдал близорукостью.

Необыкновенна чувствительность нашего глаза к свету. Он способен воспринимать единичные кванты света. Это значит, что ясной ночью человек может увидеть пламя зажженной свечи на расстоянии 25 километров. Глаз способен различать разницу в цвете и освещенности всего 1—2 процента, в то время как самые совершенные аппараты «видят» в десять раз хуже, а телекамеры еще более уступают по чувствительности человеческому глазу.

Одной из интересных особенностей глаза является его способность к адаптации: в зависимости от внешней освещенности он

меняет свою чувствительность, и потому мы можем видеть и днем и ночью.

Вот каков наш собственный оптический прибор. Но не все знают, что у некоторых людей глаза могут соперничать и с телескопом и с микроскопом.

В литературе описан случай остроты зрения в тридцать единиц. Этот человек невооруженным глазом видел спутник Юпитера, который астроном наблюдал только в телескоп. Если разрешающая способность обычного глаза — одна угловая минута, то в данном случае глаз различал объекты, разнесенные всего на несколько угловых секунд.

А вот другой пример, о котором сообщалось в газетах, — о женщине, прозванной «живым микроскопом». Разрешающая способность ее глаза столь высока, что ей даже трудно читать — мешают отлично видимые переплетения волокон бумаги. Цветной телевизор она вообще не может смотреть, потому что изображение распадается на множество точек. У этой женщины необычное хобби, под стать ее способности. С помощью карандаша с особо прочным грифелем она наносит тексты литературных произведений на странички крошечных тетрадок. Последний ее «шедевр» — почтовая открытка, на которой уместилось 327 тысяч слов, что примерно равняется восьмистам страницам машинописного текста.

Помочь древним астрономам в их наблюдениях могло и такое природное явление, как атмосферные линзы. Атмосфера Земли подобна огромной воздушной линзе с малым показателем преломления. Его величина равна отношению скоростей распространения света в вакууме и воздухе. Однако этот показатель непостоянен, зависит от атмосферного давления, температуры, влажности. При определенных метеорологических условиях создается как бы целая цепочка атмосферных линз, которая так искривляет траекторию луча, что он распространяется почти параллельно земной поверхности. Причем световые лучи постоянно «перефокусируются» к центру невидимой оси этих линз. Теоретически, если бы такие метеоусловия смогли возникнуть на всей планете, можно было бы окинуть взглядом весь земной шар и увидеть... собственный затылок. Вероятность такого события, конечно, ничтожно мала. Однако, когда такая ситуация создается на очень больших расстояниях, возникают миражи-рекордсмены. Известны факты, когда с Восточного побережья Северной Америки видели африканский берег. Один из самых дальнобойных миражей наблюдали в 1898 году в южной части Тихого океана. Моряки немецкого корабля «Матадор» смогли отчетливо рассмотреть взрыв лампы в капитанской каюте датского судна на расстоянии 1700 километров.

Но, оказывается, возможна сверхвидимость не только горизонтальная, то есть вдоль поверхности Земли, но и вертикальная. На эту мысль наводит явление сверхзоркости, которое не раз наблюдалось у космонавтов на орбите.

«Это случилось, когда станция «Салют» пролетала над Брази-

лией,— вспоминает космонавт Юрий Глазков.— Мне нравилось рассматривать через иллюминатор поверхность планеты. Я быстро научился различать реки, озера, горные хребты. Мог с закрытыми глазами рассказать о ландшафте местности, над которым проплывала станция.

Так вот, летим над Бразилией. И вот вижу тоненькую ленточку. Через секунду сообразил — это шоссе, и по нему мчится автобус. Самый настоящий. Вроде даже голубого цвета. Я понимал, что с такого расстояния невооруженным глазом видеть это невозможно, но тем не менее я видел!»

Подобную сверхзоркость испытал и космонавт Виталий Севастьянов. Иногда он замечал суда в океане, однажды обнаружил поезд, подходивший к мосту. Пролетая над своим родным городом Сочи, он даже увидел телевизионную вышку, а подле нее свой дом. Наблюдал мелкие детали рельефа и космонавт Владимир Коваленок. В течение небольшого отрезка времени у него несколько раз создавалось впечатление, что он видит объекты и образования на поверхности Земли через увеличительное стекло.

Обострение зрения в космосе отметили и американские астрономы. Гордон Купер при полете на «Меркурии» с высоты нескольких сот километров ясно видел трубы на домах в Тибете и грузовик на границе США с Мексикой. Позже с подобным же фактом столкнулся и астронавт Эдвард Уайт. С космического корабля «Джемини» он различал дороги, волны, создаваемые моторными лодками, вереницы огней уличного освещения.

С увеличением длительности полетов о таких случаях аномальной видимости космонавты докладывают все чаще.

Специалисты сделали расчеты и показали, что даже при обычных условиях слой атмосферы дает увеличение от 4 до 15 процентов. Этого, конечно, мало, чтобы объяснить космическую сверхзоркость. Видимо, бывают и особые условия, например, такие, как вблизи горных хребтов, когда подветренные волны уже на высоте 100 метров образуют области с резким изменением коэффициента преломления, которые ведут себя как линзы с большим увеличением. Именно такие образования позволяют космонавтам видеть мелкие предметы, угловые размеры которых значительно меньше пределов разрешения зрительной системы человека. А раз так, то в определенных районах возможны условия, когда наблюдаемость с земли небесных тел повышается во много крат по сравнению со стандартной атмосферой.

Не исключено, что древние астрономы знали еще и секрет зелья, значительно улучшающего зрение. И такое возможно... Один из подобных препаратов был получен французскими учеными... Чудодейственным лекарством были пилюли из экстракта... обыкновенной черники, обитательницы наших лесов. На эту мысль — использовать чернику для улучшения зрения — натолкнула исследователей привычка английских летчиков во время второй мировой войны. Перед полетом они интенсивно поглощали черничное варе-

ные. Исследования, которые длились несколько лет, показали, что черника ускоряет обновление вещества сетчатой оболочки глаза, чувствительного к свету.

В заключение приведу хорошо известный рассказ о Лапласе. Когда ученый преподнес Наполеону свою книгу «Изложение системы мира», тот будто бы сказал ему: «Ньютон в своей книге говорил о боге, в вашей же книге, которую я уже просмотрел, я не встретил имени бога ни разу». Лаплас ответил: «Гражданин Первый консул, в этой гипотезе я не нуждался».

ПЕРЕФРАЗИРУЯ слова знаменитого ученого, в данном случае можно сказать, что для объяснения достижений древних астрономов в гипотезе о палеоконтактах нет нужды.

ВАЛЕРИЯ ДРУЖИНИНА

ЭФФЕКТ РОЗЫ КУЛЕШОВОЙ

Лет двадцать назад стал широко известен и журналистам, и ученым, и читателям популярных журналов эффект кожного зрения. Глаз человека давно уже перестал быть вещью в себе. Свет в зрительной клетке — колбочке или палочке — выполняет роль своеобразного спускового крючка. Он служит началом цепочки событий, которые завершаются хорошо известным воздействием на нервные клетки сетчатки. Но как быть, когда в лабораторию приходит человек и говорит, что он может видеть... пальцами? А затем успешно демонстрирует эту необыкновенную способность в целом ряде опытов?

Игнорировать подобные факты оказалось невозможным: в экспериментах принимали участие ученые. Оставалось искать объяснения, не противоречащие современным знаниям.

Человеком, наделенным необыкновенными способностями, была Роза Кулешова. Вслед за ней обнаружили такие же способности другие. Но именно Роза Кулешова была первой. Она даже не слышала о возможности читать и видеть кожей пальцев, когда открыла эффект, который может быть назван ее именем. В редакции одного из московских журналов Роза Кулешова охотно рассказала о себе:

«В 1960 году я поступила на курсы художественной самодеятельности, окончив которые пошла работать руководителем драмкружка в общество слепых. Меня поразило, что слепые умеют читать, пользуясь специальной азбукой и буквами, выколотыми на бумаге. Что они ощущают при этом? Как говорится, лучше раз испытать самому, чем сто раз услышать. Для начала я стала тренироваться на вырезной азбуке для первоклассников. За день мне удавалось запомнить очертания двух букв, а саму азбуку я освоила за две недели. Потом на собственный страх и риск попробовала

читать вслепую обычные буквы. Сперва ощущала только шероховатость. Но через полтора года научилась читать печатный текст.

Весной 1962 года я заболела ангиной. Меня положили в больницу, где вырезали миндалины. Однажды я предложила женщинам из своей палаты закрыть мне глаза и дать книгу. Водя пальцами по странице, я прочла строки три. Женщин это изумило, они перепугались и побежали к врачу. Разумеется, врач не поверил, вызвал меня в кабинет и дал книгу, положенную в наволочку. Рука моя вместе с книгой была прикрыта наволочкой. Я закрыла глаза ладонью другой руки и прочла целую страницу медицинской книги, совершенно мне незнакомой. В результате в местной газете появилась статья обо мне.

Летом того же года в Нижнем Тагиле открылся цирк для детей, куда меня пригласили работать. В то время в городе нередко можно было видеть афиши: «Цирк с участием Розы Кулешовой». Я читала с закрытыми глазами, распознавала цвета предметов и их очертания, не прикасаясь к ним.

В 1965 году я переехала в Свердловск, поступила работать в школу для слепых детей. Я обучала их своему методу, однако не говорила, что я зрячая. Это делалось в педагогических целях, чтобы внушить детям уверенность в себе. Особенных успехов добился Саша Никифоров, который научился узнавать предметы на расстоянии и ходить без палки и проводника».

Кто-то из журналистов спросил Розу Алексеевну Кулешову напрямик:

— Как читать пальцами?

Роза Кулешова ответила:

— Читать пальцами нетрудно: нужно закрыть глаза, прикоснуться к тексту, найти нужную строку — вот и все. Могу показать...

И она тут же прочла несколько строк, набранных довольно мелким шрифтом. Один раз она ошиблась: вместо «моделист-конструктор» прочла «молодец-конструктор». Ошибка, согласитесь, незначительная, если учесть необычность опыта и сложность задачи.

Эксперимент есть эксперимент, даже если его проводят журналисты. Были предприняты все меры предосторожности: постановка опытов не должна ни у кого вызывать сомнений. Конечно, недостаточно просто закрыть глаза ладонью: в самую маленькую щелку можно многое увидеть.

Кто-то из участников припас повязки из плотной темной ткани и ватные тампоны. Роза Кулешова сказала, что так, с повязкой, даже лучше: внимание сосредоточено только на кончиках пальцев. Кожно-оптическая чувствительность проявилась и в этих, усложненных условиях эксперимента. Затем в дополнение к темной повязке и ватным тампонам предложили «экран» в виде журнала с плотной обложкой — журнал этот перегораживал луч зрения так, что никаких надежд на работу обычного зрительного канала не оставалось не только у Розы Кулешовой, но и у скептиков.

Скептики неумолимы, и опыты решили усложнить. Роза Кулешова попробовала читать пальцами ног, локтем — и успешно.

Крупный шрифт Кулешова читала даже тогда, когда печатную страницу «упаковывали» в конверт. Правда, чтение при этом было медленным, особенно мешал клей, нанесенный на конверт. Все же и в таких условиях «эффект Розы Кулешовой» заявлял о себе.

Потом над чистым листом бумаги по просьбе самой Кулешовой написали двузначное число (бесконтактно, не касаясь пальцем бумаги). Это число, как бы написанное в воздухе, оставило на бумаге тепловой след. Роза безошибочно назвала его.

Интересно, что Роза Кулешова могла угадывать задуманные карты Зенера — есть такие карты, предназначенные специально для подобных опытов. Один из участников задумал сначала круг, но тут же изменил решение и стал думать о звезде. Роза Кулешова угадала и то и другое изображение в том порядке, в каком они были задуманы. Как передается информация на расстоянии, никто, собственно, не знает. Ссылка на телепатию сама по себе еще ничего не проясняет.

После опытов состоялась беседа, в которой участвовали писатели, журналисты, ученые... Вот к каким выводам пришли на этой встрече:

«Когда я читаю, то от черного цвета ощущаю тепло, а от белого — холодок на пальцах», — сказала Роза Кулешова.

Оказывается, кожное «зрение» зависит от цветовой гаммы, даже от освещенности. При естественном освещении кожа наиболее чувствительна к красному и оранжевому цветам. Желтый, зеленый и голубой оттенки наименее «уловимы», а синий и фиолетовый обнаруживаются хорошо. Кожно-оптическая чувствительность особенно проявляется на краях спектра. У испытуемых со слабым возбудительным процессом способность к кожному «зрению» выше, чувствительность ладони к признакам цвета больше.

Кожа человека реагирует даже на предварительное облучение инфракрасными или ультрафиолетовыми лучами. Если ладонь облучить ультрафиолетом, то вероятность того, что текст будет прочитан пальцами, повышается. Короткие волны дают добавочный импульс, улучшают характеристики своеобразного приемника. Наоборот, предварительное тепловое облучение снижает остроту кожного «зрения».

Кожа читающих пальцами более чувствительна к раздражению электрическим током.

Свидетельство самой Розы Кулешовой в пользу тепловой гипотезы требует тщательной проверки. Ничего странного, конечно, нет в том, что человек воспринимает тепловой рельеф, реагирует на тепло, но от одной этой способности до чтения пальцами еще далеко.

Вот как прокомментировал опыты известный советский ученый академик Ю. Б. Кобзарев:

«Феноменальная способность Р. А. Кулешовой была подтверж-

дена многочисленными исследованиями, в том числе проводившимися и в научных учреждениях. В 1964 году по материалам исследований, проводившихся в НИИ биофизики АН СССР М. М. Бонгардом и М. С. Смирновым, была опубликована статья в журнале «Биофизика». В этой работе подробно описываются разнообразные опыты по определению характеристик кожного «зрения» и отмечается: «Из опытов в лаборатории биофизики зрения, описанных выше, вытекает, что испытываемая действительно обладает способностью к кожному «зрению». Эти опыты были закончены к апрелю 1964 года. С тех пор Р. Кулешова неоднократно подвергалась нападкам скептиков, но не переставала совершенствовать свои способности. Она обучилась диагностике ряда заболеваний, сопровождающихся местным повышением температуры кожных покровов (воспалительные процессы в почках, печени, желудке, заболевания зубов и т. п.). Но самое удивительное, что она научилась читать с помощью пальцев ног и локтя. Проверка ее способности читать пальцами ног проведена лично мной при участии коллег, в том числе академика А. С. Боровика-Романова. Осуществлялась двойная страховка: А. С. Боровик-Романов закрывал Р. Кулешовой глаза руками (и повязкой), сидя слева от нее на диване, а я крупноформатным журналом надежно перерезал линию зрения, сидя справа. Третий участник опыта подкладывал ей под босую ногу газету так, чтобы под пальцами ноги на расстоянии 3—5 сантиметров оказывался крупный шрифт, например, заголовок статьи. Газета бралась наугад из стопки, лежавшей поблизости. Так же легко Кулешова читала заголовки книг, одновременно безошибочно называя цвет обложки.

Протянув вперед руки, Кулешова на расстоянии 2—3 метров надежно опознавала предметы, испытывая затруднения лишь при распознавании мелких деталей. Я был свидетелем этого и могу подтвердить, что зрение обычное надежно исключалось».

Самое интересное в комментарии ученого то, что специалист, известный своими основополагающими работами в области радиофизики и радиолокации, допускает проявление и других эффектов, связанных с необыкновенными возможностями человека. Впрочем, слушаем самого ученого:

«Не следует чрезмерно удивляться кожному «зрению» или думать даже, что если эффект действительно имеет место, то наука гибнет. Наука не гибла даже от того, что столетиями не могла объяснить, откуда берется энергия Солнца, почему светят звезды. Потребовалось открыть радиоактивность, разобраться в явлениях, происходящих внутри ядер атомов, чтобы более или менее понять существо вопроса. А пока не возникла общая теория относительности и не сказала, что вещество может превращаться в излучение, свет и тепло Солнца, излучение звезд оставалось необъяснимым чудом.

Теперь, когда мы проникли в сокровенные глубины атомов и в бесконечные дали космоса, некоторые ученые сочли, что они знают

уже все. Такие ученые не понимают, что на пути исследования живой природы мы делаем лишь первые шаги и непрерывно наталкиваемся на загадки. Кожное «зрение» Р. Кулешовой — одна из них. Но при всей его уникальности это далеко не единственное не объясненное еще явление. Я убедился, что существуют и некоторые другие, не менее удивительные явления, например, телекинез. Многие ученые отмахиваются от таких явлений или заявляют, что их вовсе нет, что это лишь фокусы, которые пока не удастся разоблачить.

На мой взгляд, человек, заявляющий, что он не может распознать, фокус это или явление природы, когда ему предоставляется полная возможность наблюдать и ставить любые эксперименты, не может считаться ученым-экспериментатором. К счастью, таких людей не так уж много; большинство просто отмахивается, ссылается на занятость и т. п. Но, увы, есть деятели науки, которые активно борются против признания существования не объясненных еще явлений, выступая под флагом борьбы с «лженаукой» в печати и по телевидению.

Уместно вспомнить случай, похожий на анекдот, когда Парижская академия наук отвергла все факты, связанные с «небесными камнями» — метеоритами, а многие ученые объявили их подделками, питавшими суеверия невежественных людей.

Всегда полезно заглянуть в прошлое, вспомнить долгий и трудный путь развития науки. На этом пути возникали трудности и препятствия. В их преодолении — главная задача науки».

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВ

РУССКИЙ ИКАР

Первым, у кого возникла мысль совершить полет по воздуху в Сибири, был некий Федор Мелес «...рождением малороссийский... местечка Золотоноши». В 1749 году он был пострижен и стал иноком Софийского монастыря, затем благодаря пытливому уму был определен для обучения «школьной латинской науке» в Московскую академию. Получив чин иеромонаха, был послан в Гольштинию, «во дворец государев и был в оном года с три». Вскоре, однако, Федор Мелес снял с себя монашескую рясу, и это не прошло для него безнаказанно. По указу императрицы святейший Синод приказал: «...послать сковано под караулом в успенский Далматов монастырь, в коем и содержать его, Мелеса, под крепчайшим присмотром и караулом, чтобы он утечки и никаких непристойностей и дерзостей не чинил».

Восемь лет Мелес провел в ссылке, пытался бежать, но вновь плети, сырые подвалы.

В 1762 году у Мелеса возникает мысль о полете с помощью кры-

льев. Разбив ножные кандалы, он бежал, захватив с собой нож, шесть хлебных мешков вместо холста, веревку. Двое суток на одном из островов Тобола с помощью таловых прутьев «делал себе для летания из унесенных мешков крылья». Вскоре они были готовы, но Федор обморозил себе руки и пришел рассказать обо всем губернатору.

Началось следствие, допросы. Выяснилось, что на сделанных крыльях при помощи попутного ветра он навестил бы не только родные места, но и «царствующий город Москву и прочие великорусские города». Судьи пытались выяснить: где бы он ночевал и питался во время полетов, кто научил его такому способу летания?

Мелес отвечал: «Зделанный им к летанию способ кому будет он показывать, и за то видящие имеют его Мелеса охотно принимать и как ночлегом, так и пищею во всем не оставлять. Ко оному летанию такую практику знающих и летающих других никого нигде не видел и не знает и ни от кого не слыхал, а оный к летанию способ употребить вознамерился он Мелес со своего рассуждения по науке философической».

Наказание за попытку летать с помощью крыльев было тяжелым: «...в пяток всякия недели по сорок ударов плетью или лозами отсчитывать ему, вместо поклонений земных, которых он нести не охотник».

СОДЕРЖАНИЕ

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

<i>Тихон Непомнящий</i>	Завтрашняя погода	8
<i>Сергей Криворотов</i>	Девочка и стрекоза	48
<i>Сергей Сухинов</i>	Дворник	51
<i>Дмитрий Жуков</i>	Случай на вулкане	74
<i>Наталья Дарьялова</i>	Великая и загадочная	89
<i>Игорь Яковлев</i>	Веланская история	106
<i>Иван Дорба</i>	Дар медузы	118
<i>Юрий Шигарев</i>	Записки незнакомца	128
<i>Артем Гай</i>	Незавершенный эксперимент	158
<i>Адлер Тимергалин</i>	Начать сначала	191
	Кибернетический детектив	198
<i>Юрий Леднев, Генрих Окуневич</i>	День радости на планете Олл	200

ГОЛОСА МОЛОДЫХ

<i>Владимир Малов</i>	Статуи Ленжевена	212
<i>Николай Орехов, Георгий Шишко</i>	Каждый день в тринадцать ноль-ноль	224
<i>Алексей Минеев</i>	Автопортрет	233
<i>Виталий Пищенко</i>	Равные возможности	239
<i>Александр Скрыгин</i>	Тот, кто оказался прав	241
<i>Андрей Сульдин</i>	Знаменитость	245
<i>Валерий Губин</i>	Десять минут в подарок	247

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

<i>Георгий Шахназаров</i>	Футурология и фантастика	254
<i>Альфонсо Альварес Вильяр</i>	Супруги, любившие уединение	268

ШКОЛА МАСТЕРОВ

<i>Владимир Одоевский</i>	Косморама	276
<i>Владимир Греков</i>	В мире «Русского Фауста»	301

НЕВЕДОМОЕ: БОРЬБА И ПОИСК

<i>Феликс Зигель</i>	Человек во Вселенной	306
<i>Александр Левин</i>	Камень-обсерватория	310
<i>Александр Горбовский</i>	Алгоритм Вселенной?	324
<i>Валерий Скурлатов</i>	Фантастическая картотека	333
<i>Валерий Родиков</i>	Далеко ли видит глаз	340
<i>Валерия Дружинина</i>	Эффект Розы Кулешовой	344
<i>Владимир Васильев</i>	Русский Икар	348

Фантастика-86: Сб. науч.-фантаст. повестей,
Ф 22 рассказов и очерков / Сост. И. Черных; Худож.
Р. Авотин.— М.: Мол. гвардия, 1986.— 352 (2) с., ил.

В пер.: 1 р. 70 к. 155 000 экз.

В обл.: 1 р. 60 к. 45 000 экз.

Традиционный сборник научно-фантастических произведений советских и зарубежных писателей. В сборник включены, кроме повестей и рассказов, очерки и статьи о достижениях науки, новых гипотезах ученых, загадочных явлениях природы.

Ф 4702000000—246 143—86
078(02)—86

ББК 84(0)6

ИБ № 4620

ФАНТАСТИКА-86

Редактор **В. Фалеев**

Художник **Р. Авотин**

Художественный редактор **Б. Федотов**

Технический редактор **Е. Михалева**

Корректор **В. Назарова**

Сдано в набор 09.04.86. Подписано в печать 22.10.86. А08287.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная № 2. Гарнитура «Литературная».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 22. Усл. кр.-отт. 44,5. Уч.-изд. л. 23,8.
Тираж 200 000 экз. (45 001—120 000 экз.). Цена в обложке 1 р. 60 к.
(45 000 экз.), в переплете 1 р. 70 к. (155 000 экз.). Заказ 934.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии:
103030, Москва, К-30, Сущевская 21.

1 р. 70 к.

ФАНТАСТИКА
86

ФАНТАСТИКА 86